
**ГИШТОРИИ
РОССИЙСКИЕ,**

ИЛИ

Опыты и разыскания

— К —

ю б и л е ю

Александра Борисовича

КАМЕНСКОГО

МОСКВА — 2014

ББК 63.3(2)

Г 51

Составители

Е.В. Акельев, В.Е. Борисов

Ответственный редактор

доктор исторических наук Е.Б. Смилянская

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор Е.В. Анисимов

доктор исторических наук О.Е. Кошелева

Г 51 Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского. [Сб. статей] / Сост. Е.В. Акельев, В.Е. Борисов; отв. ред. Е.Б. Смилянская. — М.: «Древлехранилище», 2014. — 482 с.

ISBN 978-5-93646-239-9

В сборник включены статьи, посвященные проблемам изучения России XVII — XIX вв.: истории социальных практик, истории представлений о власти и властителях, персональной истории, истории идей, истории повседневности горожан и духовенства. Отдельный раздел составляет публикация богатого сведениями о жизни преступного мира Москвы комплекса документов, возникшего благодаря доносительской деятельности Ваньки Каина. Издание предназначено для специалистов и читателей, интересующихся отечественной историей.

© Коллектив авторов, 2014

© О. С. Воскобойников, фото, 2014

ISBN 978-5-93646-239-9

© «Древлехранилище», оформление, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предуведомление читателю</i>	5
<i>Здравная песнь (вместо введения)</i>	7

От Михаила I до Анны I

В.Е. Борисов.

Имущественная дифференциация и социальная мобильность крестьянства Зауралья (Ирбитская слобода, XVII в.)	18
--	----

Г.В. Шебалдина.

«Северная война» резидента Хилкова	42
--	----

Е.М. Болтунова.

«Читать... главнейшие случаи прежних времен»: история и идея преемственности в воспитании наследников престола в России XVIII в. (по материалам РГАДА)	67
--	----

И.И. Федюкин.

«Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг.	83
---	----

Под сению Екатерины...

Е.Н. Трефилов.

Еще раз о «бабах» на русском престоле, или Несколько слов о том, как пугачевцы относились к Екатерине II	144
--	-----

<i>Г.О. Бабкова.</i>	
Понятия <i>криминальный</i> и <i>уголовный</i> в проектах по обновлению уголовного права и процесса Екатерины II	161
<i>С.Г. Калинина.</i>	
Дело о взятках во Владимирской губернии. 1780-е гг.	207

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РУССКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ

<i>М.Б. Лавринович.</i>	
«Благочиние» в действии: кто и как попадал в смиренный и работный дома Москвы в конце XVIII в.	238
<i>А.В. Матисон.</i>	
Материалы для истории повседневности православного духовенства России XVIII в. в фондах духовных консисторий	276
<i>М.В. Фадеева.</i>	
Брак в жизни студентов Московского университета конца XIX — начала XX вв.	288

ЖИЗНЬ И СУДЬБА МОСКОВСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ

<i>Е.В. Акельев.</i>	
Архивные материалы следственного дела о Ваньке Каине	298
<i>Список сокращений</i>	472
<i>Summary</i>	473
<i>Сведения об авторах</i>	479

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ

Имя *Александра Борисовича Каменского* — российского историка, специалиста по истории России XVIII в. хорошо известно как в России, так и за рубежом. Учитывая его научную репутацию и личное обаяние, к которым в последние годы добавился ощутимый «административный вес» — руководство факультетом истории НИУ ВШЭ — от сборника в честь его 60-летия естественно было бы ожидать пространности и представительности. Но составители решили не пытаться объять необъятное, ограничив круг авторов сборника лишь теми, кого можно назвать учениками А.Б. Каменского (аспиранты, дипломники, участники спецсеминара). Избранный критерий, безусловно, лишил книгу многих славных имен и первоклассных статей, но, надеемся, добавил ей человеческого тепла, которое иногда теряется в суете юбилейных торжеств.

Мы не ставили задачи подводить какие-либо итоги, потому читатель не увидит здесь ни биографического очерка, ни полной библиографии трудов юбиляра. Впрочем, само появление этого сборника статей «учеников» — это определенный итог, итог кропотливой работы со студентами-историками, которую вот уже более четверти века ведет Александр Борисович. Осознавая это, мы решили составить введение к этой книге из воспоминаний ее авторов о том, какую роль сыграл Учитель в их профессиональном становлении.

Юбилейный характер предопределил не только тематику сборника, но и его структуру: названия разделов отсылают к заглавиям книг А.Б. Каменского: От Петра I до Павла I. Реформы в России

XVIII века. Опыт целостного анализа (М., 1999, 2000); «Под сению Екатерины...» Вторая половина XVIII века (СПб., 1992); Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века (М., 2006); Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой (М., 1997).

ЗАЗДРАВНАЯ ПЕСНЬ

(вместо введения)

1990-е годы

Андрей Матисон:

Он очень мало изменился. Тот доцент и кандидат, с которым мне довелось познакомиться в свое время, в общении не отличался от нынешнего профессора, доктора и декана.

Мне не пришлось учиться у Александра Борисовича во время пребывания в институте. К сожалению, он не вел занятий у нашего курса (а я отношусь к выпуску Историко-архивного института РГГУ 1994 г.). Но при определении научных руководителей для предстоящих дипломных работ заведующий кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Виктор Александрович Муравьев предложил, чтобы руководителем дипломов у меня и моего друга Антона Антонова был именно А.Б. Каменский. Это объяснялось тем, что наши работы были связаны с родословной тематикой (у меня с московским купечеством XIX в., у Антона — с родословными росписями XVII в.), а Александр Борисович уже тогда являлся признанным специалистом в области генеалогии.

Впоследствии А.Б. Каменский согласился быть научным руководителем и при подготовке диссертации, чем вызвал у меня чувство радости, смешанное с удивлением, поскольку я не очень-то рассчитывал на такую честь. Безусловно, без помощи и руководства Александра Борисовича не состоялись бы ни мой диплом, ни диссертация. Именно его наставления помогли понять, как от частных историко-генеалогических сюжетов, по-своему

любопытных, но представляющих лишь локальный интерес, можно перейти к более общему исследованию, связанному с проблемами социальной истории. При этом с самого начала общения с Александром Борисовичем сложилось впечатление о его неизменной готовности помочь и бесконечном терпении к не все и не всегда понимающему ученику. А недавно мне с удивлением довелось узнать, что мне выпала честь быть первым аспирантом, защитившимся у Александра Борисовича.

Галина Бабкова:

Все началось с курса «Вспомогательные исторические дисциплины», который мы, первый набор историков историко-филологического факультета РГГУ, слушали осенью-зимой 1992 г. Вел его Александр Борисович Каменский. Название предмета было не совсем понятным, но первокурсников истфила это не смущало.

Александр Борисович читал лекции свободно и непринужденно, легко отвечая на каверзные вопросы, которые иногда задавали студенты. Главное — нам было очень интересно, хотя поначалу казалось, что такие предметы, как палеография, хронология, метрология или сфрагистика, могут вызывать только священный трепет и никогда не поддадутся студенту первого курса. Особняком стояли семинары. Они проходили в тусклых аудиториях переданного РГГУ здания бывшей Высшей партийной школы, где еще встречались соответствующие портеты и литература. Мы приходили и учились читать. Учились — в прямом смысле этого слова, получая картонные карточки, на которых были наклеены скорописные тексты XVI или XVII в., и буква за буквой пробиваясь к смыслу написанного. Александр Борисович объяснял очень терпеливо (позднее я поняла, что терпение и толерантность относятся к числу его бесспорных человеческих качеств), иногда по несколько раз повторяя одно и то же и всегда показывая, что можно «вычитать», увидеть в тексте дар-

ственной или закладной. По сути, очень методично он прививал нам навыки источниковедческого анализа, без которых «ремесло историка» просто невозможно. Так мы постепенно приобщались к традициям школы источниковедения Историко-архивного института РГГУ.

В 1994 г. в ИАИ на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Александр Борисович начал вести спецсеминар по истории России XVIII в. Для меня он стал решающим в выборе того, что и как я хочу делать. Семинар был необычный. Мы собирались раз в несколько недель, предварительно получив задание прочитать парочку увесистых томов, рассаживались за большим столом кафедры и за чаем обсуждали прочитанное. Как правило, тут же разгоралась острая многочасовая дискуссия, которой, как я сейчас понимаю, Александр Борисович в свойственной ему демократичной манере умело руководил. Мы все были с характерами, каждый хотел высказаться и почитал свое мнение единственно верным. Каменский терпеливо выслушивал наши умозаключения, исподволь гася словесные перепалки и подводя нас к необходимости критической оценки и переосмысления любого текста, будь то мемуары или монография по истории России XVIII–XIX вв.¹

Майя Лавринович:

Поступая на историко-филологический факультет РГГУ, в его первый набор, я не планировала заниматься XVIII в. Более того, даже не собиралась заниматься историей России... Однако обстоятельства складывались так, что заниматься наукой историей очень хотелось, хотя ничего серьезного не получалось и не предвиделось. Написав пару историографических курсовых по западноевропейской истории, я поняла, что еще одну такую же я

¹ В более полном виде текст публиковался ранее в сборнике: Поколения ВШЭ. Ученики об учителях [Текст] / М.М. Юдкевич, Ю.В. Иванова и др. М., 2013 С. 100–102.

больше писать не хочу. Вследствие каких-то административных препонов ничего древнее XVIII в. на историко-филологическом факультете не предлагалось. В нагрузку к русскому XVIII в. предлагался А.Б. Каменский, преподаватель кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, отношения с которыми у меня не сложились сразу же, еще на первом курсе: как я тогда думала, из-за отсутствия воображения, позволяющего читать почерки XVII или XVIII в. Получив уже на пересдаче «тройку» — так и оставшуюся единственной «тройкой» в дипломе, — я, признаюсь, обиделась и на эти дисциплины, и на всю кафедру.

К середине четвертого курса в семинаре Каменского по истории России XVIII в. уже занимались почти все мои подруги-однокурсницы. Как известно, чего только не сделаешь за компанию. И весной 1996 г., когда написание очередной курсовой уже серьезно назрело, я решительным для себя образом поговорила с Александром Борисовичем. Я помню этот разговор, помню, где он происходил (на лестничной площадке четвертого этажа на Миусской), и даже помню, какое платье было на мне в тот день. Наверное, я должна написать здесь, что этот разговор круто перевернул мою жизнь. Нет, он не перевернул жизнь, а привел к тому, что в ней появились совершенно определенные цели, определенное количество книг, которое надо успеть прочесть в ограниченный срок, определенное количество страниц, которое надо написать, чтобы оправдать — нет, не доверие, — этот шаг в своих собственных глазах. И ни разу за все почти двадцать лет я об этом шаге не пожалела. Александр Борисович умело направлял меня, когда я только делала первые шаги в русском XVIII веке, не давал сбиться с пути, когда писала диплом, поддерживал меня, когда дошла очередь до диссертации. Никогда эта поддержка не была просто формальной, на уровне отношений «научный руководитель — ученик», но всегда — с живым человеческим участием и любопытством к тому, чем я занимаюсь, что думаю и что планирую. Эта особая черта Александр-

ра Борисовича — строить человеческие отношения поверх всех — бюрократических, формальных и неформальных (т.е. существующих больше в головах людей, чем в действительности) — барьеров никуда не пропала. И я по-хорошему завидую его нынешним ученикам...

Екатерина Болтунова:

Я очень смутно помню моего первого школьного учителя истории. Думаю, что тогда ему было не более 30, мне кажется, он был красив. Но я точно помню, какой именно отрывок он читал нам из «Спартака» Рафаэло Джованьоли: диктатор Сулла следит за боем гладиаторов, замечает среди зрителей красавицу Валерию; она в это время смотрит на храброго Спартака. А потом:

— *Свободу, свободу!* — продолжала неистовствовать толпа.

— *Он ее достоин!* — сказал на ухо Сулле Катилина.

— *И он удостоится ее!* — воскликнула Валерия, которой в эту минуту восхищенно любовался Сулла.

— *Вы этого хотите?* — произнес Сулла, вопросительно глядя в глаза Валерии, светившиеся любовью, нежностью, состраданием: казалось, она умоляла о милости к гладиатору.

— *Хорошо. Да будет так!*

Поразительно, мне было лет 9, не больше, а я до сих пор помню интонацию, с которой он прочел «Вы этого хотите?» Мне жаль, что я не запомнила имени этого человека, ведь именно благодаря ему я стала историком.

Через год он ушел из школы: у него было двое маленьких детей, зарплаты школьного учителя не хватало. Пришедший ему на смену историк тоже продержался лишь год: не выдержал обструкции, которую ему изо дня в день устраивали 5-е классы.

Я знала, что буду поступать на исторический. Поступив, знала, что заниматься буду историей России. Не

знала, какой эпохой и, главное, с кем. На третьем курсе наступил перелом. Спецкурс по XVIII в., который вел Александр Борисович Каменский, был замечателен: книги, книги, книги, разговоры, обсуждения, новые люди. Все было ярко — и мы, и наш учитель, и столетие, о котором мы думали. XVIII в. казался мне тогда абсолютным во всех смыслах — нечеловечески жестоким, невыразимо глубоким, невозможно прекрасным. Здесь я нашла своего Суллу, свою Валерию, своего Спартака. И это было главное, потому что теперь можно было идти дальше.

Я смотрю на своих студентов, на то, как они ищут, находят, теряют, как чуть не плачут, когда на их первое выступление не приходит тот самый важный для них человек. Вижу, как они радуются, что обрели того, с кем можно идти по одной дороге, как говорят о своих учителях с восторгом, с придыханием или раздражением, непониманием. Иногда это этапы, иногда — всё сразу. Но так уж устроено, таков процесс создания. Если повезет, вы будете помнить имена друг друга.

2000-е годы

Евгений Трефилов:

Об Александре Борисовиче я узнал еще в «прошлой жизни». В то время я учился в музыкальном училище и не думал, что когда-нибудь буду заниматься историей. Правда, историей я все же увлекался, однако моими авторитетами в этой области были (каюсь!) Валентин Саввич Пикуль и прочие ему подобные романисты. Каменского я впервые услышал по радио «Эхо Москвы» в исторической программе «Не так». Было бы неправдой сказать, что эта передача перевернула мое сознание (помоему, она мне даже не понравилась: видимо, давали о себе знать уроки Валентина Саввича), но постепенные выступления Александра Борисовича и других историков, а также прочие обстоятельства заставили меня переменить

профессию. И вот я оказался в РГГУ на историко-филологическом факультете.

На втором курсе А.Б. Каменский читал у нас историю России XVIII в. Поскольку его лекции и семинары мне очень понравились, я решил писать у Александра Борисовичу курсовую работу о Петре III. К счастью, она не сохранилась, но я прекрасно помню, что мои суждения об этом государе весьма отличались от мыслей о нем Александра Борисовича. Я даже с некоторым задором писал: «Не могу согласиться с А. Б. Каменским, который пишет...». Однако мне все сошло с рук, и я попал в число учеников Каменского. Впоследствии я понял, что либерализм, не наносной, а настоящий, и такой редкий для людей, родившихся в нашей стране, — неотъемлемая черта его характера. Но это не означает, что А.Б. Каменский не пытался влиять на меня. Зачастую я мыслился слишком широко, а порой, чего греха таить, высказывал полуфантастические идеи. Александр Борисович своими конкретными и меткими замечаниями возвращал меня с небес на землю поближе к источникам.

Если в моих работах есть что-то хорошее, то это главным образом благодаря профессору Каменскому.

Евгений Акельев:

Это было осенью 2000 г. Я только поступил в Российско-французский центр исторической антропологии им. Марка Блока РГГУ. В рамках курса антропологической истории России несколько вступительных лекций к нам пришел прочитать известный историк А.Б. Каменский...

Он рассказывал об особенностях историко-антропологического изучения российского XVIII в. И говорил настолько ярко и завораживающе, что хотелось заниматься только XVIII в. и не чем иным. Помнится, тогда Александр Борисович, который только начинал работать над книгой «Повседневность русских городских обыва-

телей», поделился с нами своими свежими впечатлениями от очередной встречи в архиве с давно умершими людьми, жившими в эпоху Елизаветы Петровны в маленьком провинциальном городке Бежецке. Его слова произвели на меня сильное впечатление: реальные невыдуманные люди XVIII в., которые, пока царицы сменялись на престоле, а полководцы добывали славу Российской империи, жили себе в своем маленьком городке — торговали, по вечерам ходили в кабак, где обсуждали насущные новости, заводили семьи, рожали детей, умирали; и вот, благодаря кропотливому труду историка эти «маленькие» люди восстают из мглы забвенья, вступают с нами в диалог, отвечают на наши вопросы. Да, для меня это были необычные, свежие и очень яркие впечатления...

Позже, уже будучи студентом 3-го курса, когда я под руководством Елены Борисовны Смилянковой начал заниматься изучением архивных судебно-следственных дел, я присоединился к легендарному спецсеминару А.Б. Каменского по истории России XVIII в. Мы собирались по вечерам на кафедре в Историко-архивном институте на Никольской ул., где за чашкой чая обсуждали вновь вышедшие книжки по истории XVIII в., выступали с докладами, представляя результаты собственных изысканий, учились отвечать на каверзные вопросы, слушать и обдумывать мнение несогласных... Думаю, эти вечера останутся в памяти у всех его участников: на них мы чувствовали себя настоящими взрослыми исследователями, причастными к интересному и очень важному делу — обновлению и развитию исторического знания.

Виктор Борисов:

Когда я оказался на истфиле РГГУ (это было в 2002-м, на 10-м году существования факультета), Александр Борисович уже был одним из самых известных профессоров университета, заведовал кафедрой с немного странным названием «Кафедра истории России древ-

него мира и средневековья». Его монографии «Под сению Екатерины...», «От Петра I до Павла I» входили в списки литературы практически любого курса по истории, читавшегося в университете. Александр Борисович вел «свой» раздел истории России — XVIII в. И на втором семестре второго курса мы с интересом ждали возможности лично послушать столь известного человека.

Первая лекция действительно запомнилась. Хотя знакомство с «ремеслом историка» уже произошло, было еще непросто понять, почему на современном уровне развития науки не может быть соответствующей этому уровню обобщающей истории России, а для изучения русского XVIII в. не просто желательно, но необходимо читать литературу на английском. Впоследствии удивление, желание поспорить (отнюдь не пресекавшееся) возникали еще не раз. И этот эффект, заставлявший думать самостоятельно, был, наверное, не менее ценен, чем те знания, которые мы тогда получили.

После того, как я пришел на кафедру писать диплом, у меня было немало возможностей оценить и умение выстроить дискуссию, и готовность помочь, производящие глубокое впечатление на всякого, кто встречается с Александром Борисовичем. Но не менее значимым оказался фактор «школы Каменского», круга уже «оперившихся» учеников, общение с которыми также оказалось очень важным и в научном, и в человеческом отношениях.

2010-е годы

Марина Фадеева:

Летом 2010 г. я поступила на факультет истории НИУ ВШЭ. Это был первый набор студентов-историков «Вышки».

Наш декан, Александр Борисович Каменский, прочитал вводную лекцию из цикла «Введение в профессию», в которой речь шла о «научности» истории. Я прекрасно

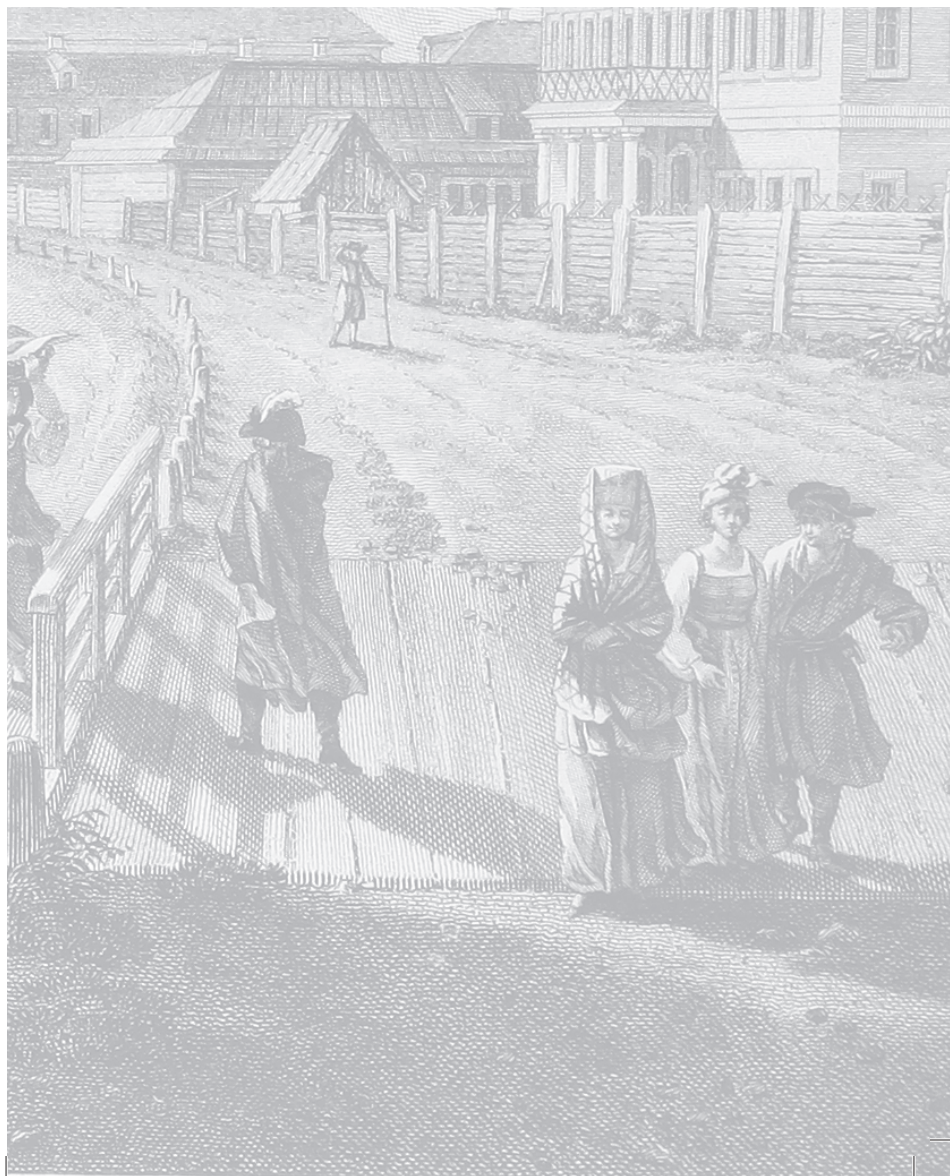
помню, как в течение этих полутора часов наши сомнения в научности будущей профессии исчезли и сменились твердой и спокойной уверенностью.

Потом был научно-исследовательский семинар А.Б. Каменского по истории повседневности. Не решусь говорить обо всех его участниках, но меня это историческое направление (о существовании которого до поступления в «Вышку» я и не подозревала) увлекло чрезвычайно. И теперь я дописываю свою дипломную работу, посвященную повседневности российских студентов XIX в.

Но Александру Борисовичу я обязана не только выбором научного исследовательского направления. В течение четырех лет, когда я работала над своими курсовыми работами и дипломом, я постоянно пользовалась бесценной помощью и поддержкой нашего декана. Это были и советы по насущным вопросам, связанным с теми или иными сложностями в процессе обработки источников, и редакторская работа над уже написанными моими текстами. Пожалуй, из всех моих личных встреч с Александром Борисовичем наиболее запоминающимися стали наши долгие посиделки над моими бессвязными текстами, которые на глазах преображались, становились логичными и хорошо структурированными...

ОТ МИХАИЛА I ДО АННЫ I

Имущественная дифференциация и социальная
мобильность крестьянства Зауралья
(Ирбитская слобода, XVII в.)*

Проблемы организации дореволюционного российского общества в целом¹ и крестьянства в частности² по-прежнему вызывают большой интерес исследователей. Однако при обилии собранных данных об имущественной и социальной стратификации (дифференциации) эмпирические исследования социальной мобильности все еще сравнительно немногочисленны. Особенно мало изучены изменения в имущественном положении крестьян на протяжении их жизни. Эту проблему рассматривали земские статистики при подготовке и обработке материалов «динамических переписей» в конце XIX — начале XX в.³ Единственная историческая работа, содержащая эмпирические данные о мобильности среди крестьян, принадлежит И.Д. Ковальченко, который на материале подворных описей проанализировал эволюцию экономического положения 1686 дворов в 11 имениях Европейской Рос-

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.

¹ Среди сравнительно недавних обобщающих монографий см: *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в): В 2 т. М., 2000; *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). М., 2009.

² Зажиточное крестьянство в России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. Статьи по данной тематике продолжают появляться среди материалов симпозиума, а также материалов конференций «Писцовые книги и другие массовые источники XVI — XX веков».

³ Напр., см.: *Черненко Н.Н.* К характеристике крестьянского хозяйства. Изд. 2-е. М., 1918; *Хрящева А.И.* Группы и классы в крестьянстве. Изд. 2-е. М., 1926; *Куценко Г.А.* Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской губернии по двум переписям — 1882 и 1911 гг. Чернигов, 1916; *Прокопович С.Н.* Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924.

сии в первой половине XIX в.⁴ Обобщенные выводы относительно социальной мобильности в XIX в. нашли отражения и в работах Б.Н. Миронова⁵. Между тем вопрос об изменении имущественного положения крестьянских хозяйств XVII—XVIII вв. все еще почти не исследован. Цель данной работы — отчасти восполнить существующий пробел на основе документов Ирбитской слободы Верхотурского уезда за XVII в. Наиболее ранним источником, позволяющим судить о величине крестьянских пашен, является перепись 1642 г. К этому времени Ирбитской слободе было всего 10 лет. В слободе (это не только укрепленное центральное поселение, но и «тянувшие» к нему деревни) имелось 95 тяглых жеребьев⁶, держатели которых в сумме пахали 1036,5 дес. В Табл. 1 произведена группировка размеров «собинных» (т.е. личных) крестьянских роспашей в зависимости от давности верстания. Информация о времени верстания того или иного крестьянина, значившегося в переписи, почерпнута из именной книги 1641 г. В тех случаях, когда речь идет о крестьянах, пашущих опустевший жеребей другого крестьянина и не имеющих других земельных владений в слободе, в качестве времени верстания берется дата, относящаяся к первоначальному хозяину. Площадь жеребьев, принадлежащих одним и тем же людям, суммировалась, что привело к уменьшению общего числа жеребьев.

Сопоставим данные переписи Ирбитской слободы 1642 г. со сведениями дозора Михаила Тюхина (1624 г.) по Верхотурскому уезду, относящимися к подгородным,

⁴ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967. С. 356–366.

⁵ Напр., см.: Миронов Б.Н. Социальная мобильность и социальное расслоение в русской деревне XIX – начала XX века // Проблемы развития феодализма в странах Балтики. Тарту, 1972. С. 156–183.

⁶ Формально даже 96, поскольку «Савка Кокшар с товарищи» был записан в качестве человека, занявшего жеребьи отдельно Федора Федотова, отдельно Федора Калинина (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 75. Л. 294). Однако из именной книги следует, что оба Федора верстались совместно (Из крестьянской именной книги Верхотурского уезда 1640/41 года. С. 40). Поэтому фактически состоялось «воссоединение» жеребья.

Таблица 1

**Размеры роспашей с учетом времени верстания
в ирбитские крестьяне их владельцев**

Пашня, десятины	Время верстания, год							Итого	%
	Первые поселенцы	1635/36	1636/37	1637/38	1638/39	1639/40	1640/41		
		Количество хозяйств							
Не более 9		1		1	17	24	6	49	54,4
От 9 до 18	8	2	2	3	4	1		20	22,2
От 18 до 27	7	3		1	4			15	16,7
От 27 до 53,3	5	1						6	6,7
Всего	20	7	2	5	25	25	6	90	100

Источники: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 75. Л. 281–298; Из крестьянской именной книги Верхотурского уезда 1640/41 года // Ирбит и Ирбитский край: Очерки истории и культуры. Екатеринбург, 2006. С. 37–41.

тагильским и невьянским крестьянам. В нем пашня записана по схеме: «в поле, а в дву по тому ж». Однако в данном случае эта формула, скорее всего, носит стереотипный характер⁷, и фактически документ, так же как и перепись Ирбитской слободы 1642 г., фиксирует этап переложного земледелия. Об этом свидетельствуют большие размеры пашен, их разбросанность в пространстве у отдельных владельцев. В среднем на двор приходилось 6,3 дес. при максимальном показателе 15 дес. в одном поле⁸. Наличие в ирбитской переписи группы хозяйств, заметно превышаю-

⁷ Примеры, когда формула использовалась механически, см.: Шунков В.И. Очерки по истории колонизации // Вопросы аграрной истории. М., 1974. С. 109–110.

⁸ Подсчет средней площади запашки осуществлен по фрагменту дозора: РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 202–237.

щих по своим размерам даже самые крупные из владений подгородных крестьян в 1624 г., и в то же время отсутствие в ирбитском документе формулы «в поле, а в дву по тому ж» позволяют предположить, что в данном случае площадь крестьянских пашен фиксировалась целиком, а не из расчета на одно поле. Тогда запашка ирбитских «рекордсменов» — Семена Алексеева Подкорытова с братьями (53 дес. с третью), Григория Петрова Новгородова (39,13 дес.) и Ивана Шипицына (37,88 дес.) — сопоставима с наиболее крепкими хозяйствами по дозору Тюхина (Рычко Иванов — 46,5 дес., Оксен Загайнов — 45 дес., Василий Жерноков — 37,5 дес. в сумме по трем полям)⁹. В то же время, можно видеть, что у большинства ирбитских крестьян запашка была гораздо меньше, чем «под городом» в 1624 г. Расчет средней площади пашни на Ирбите дает 11,3 дес., т.е. примерно 3,8 дес. в одном поле, в то время как средняя запашка по дозору 1624 г., как указывалось выше, — 6,3 дес. в поле.

Такое положение не удивительно, если иметь в виду, что подавляющее большинство крестьян, пахавших менее 9 дес., были поверстаны не ранее сентября 1638 г., т.е. на обзаведение у них было немногим более трех лет. По-видимому, именно трехлетний срок на Ирбите требовался для первоначального обзаведения. Среди тех, кто осел на Ирбите раньше (всего 35 хозяйств), средний размер надела составлял 19,6 дес., т.е. около 6,5 дес. в одном поле, что очень близко к среднему показателю 1624 г. Представляется, что это совпадение не случайно и связано с типологической близостью землепользования в старых поселениях в 1620-е гг. и в Ирбитской слободе в 1640-е гг. Оптимум первоначального освоения, который был достигнут в наиболее старых крестьянских поселениях к 1624 г., на Ирбите в 1642 г. оказался достигнут лишь крестьянами-старожилами, основная же масса, по-видимому, вышла на него к середине 1640-х гг.

⁹ РГАДА. Ф. 214.. Кн. 75. Л. 282–283; Кн. 5. Л. 226 об., 232 об., 228–228 об.

Следующим по времени источником сведений о размерах крестьянских владений является дозор 1659 г. Он производился по инициативе тобольского воеводы И.А. Хилкова¹⁰. В отличие от переписи 1642 г., площадь указывалась по формуле «в поле, а в дву по тому ж», причем писалось, сколько и какого хлеба тот или иной хозяин посеял в качестве озими и яри. Кроме того, указывался размер покосов в десятинах.

Количество дворов с 1642 по 1659 г. выросло с 90 до 123¹¹. Общая величина пашни составила 387 дес. в одном поле.

На Табл. 2 представлено распределение земельных наделов среди крестьянских дворов Ирбитской слободы (в графе «Посев» указана площадь двух фактически засевавшихся полей, т.е. яри и озими).

Таблица 2

**Распределение земельных владений
среди крестьянских дворов Ирбитской слободы
(1659 г.), десятины**

Посев	Всего дворов	%	Посев всего	%	Посев на двор	Покосов всего	%	Покосов на двор
1–2	23	18,5	44,0	5,7	1,9	94,8	7,3	4,1
2,5–3	11	8,9	30,6	4,0	2,8	53,5	4,1	4,9
4–5	31	25,0	131,0	17,0	4,2	231,0	17,8	7,5
6–8	33	26,6	230,1	29,9	7,0	401,6	30,9	12,2
9–12	18	14,5	207,0	26,9	11,5	290,0	22,3	16,1
14–20	8	6,5	128,0	16,6	16,0	230,0	17,7	28,8
Всего	124	100,0	770,7	100,0	6,2	1300,8	100,0	10,5

Источник: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 40. Л. 185–215.

¹⁰ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации... С. 183; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 387. Л. 1.

¹¹ Коновалов Ю.В. Население Ирбитской слободы в первые годы ее существования (1632–1682) // Ирбит и Ирбитский край. Екатеринбург, 2006. С. 17–18. Кроме того, два крестьянина, несшие одно тягло, не имели своего двора. Поэтому число крестьянских хозяйств считается равным 124.

Из Табл. 2 следует, что в Ирбитской слободе в середине XVII в. преобладают пашни, площадью до 8 дес. в двух полях. Обращение к первичному материалу показывает, что чаще всего крестьяне пахали 2, 4 или 6 дес. Несколько меньшие «пики» приходятся на наделы 8, 10 и 12 десятин. В среднем на один двор приходилось 10,5 дес. покосов, т.е. большинство хозяйств было хорошо обеспечено угодьями. Лишь в семи хозяйствах оно было ниже, чем 1: 1, что считается минимумом для нормального обеспечения скота кормом¹². Впрочем, нельзя забывать о том, что для получения высоких урожаев травы необходимо было менять места покосов. Согласно докладу Сибирского приказа, составленному в начале 1640-х гг., «на которых лугах сено летом косят, и на тех местах на другое лето трава бывает худа или не растет, и они косят на иных лугах или в дубравах»¹³.

Судя по дозору 1659 г., некоторые наделы оставались весьма крупными, однако большинство крестьян имело скромную запашку. Если сгруппировать данные, представленные в Табл. 2, так, чтобы они были сопоставимы с группировкой, принятой для переписи 1642 г. (Табл. 1), получатся следующие результаты: 65,9% против 53,8 в группе не более 3 дес. в поле; 27,8% против 22 среди владений более 3 дес. и не больше 6 дес. в одном поле. Наиболее резкие отличия в двух высших категориях: 4,8% против 16,5 и 1,6% против 7,7. Средний размер запашки составил 3,09 дес. в одном поле.

В переписи 1680 г. впервые учитывалось как мужское население двора (с указанием возраста неженатых), так и пашня с покосами. В слободе показаны 219 крестьянских дворов (в 1659 г. их было 123). Общая крестьянская запашка составила 644 дес. в одном поле

¹² Миллов Л.В. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига, 1963. С. 288.

¹³ Цит. по: Александров В.А. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 52–53.

(в 1659 г. — 387 дес.). «Заложные, непаханные и выпаханые земли» были расписаны по деревням. На поселение могло приходиться от 7 до 105 дес. Общая площадь таких земель составила 646,5 дес.

Согласно данным источника, средний надел остался с 1659 г. практически неизменным — 3 дес. в поле; прежним был и наиболее распространенный надел — 2 дес. в поле. Доля хозяйств с маленькими наделами (до 1 дес. в поле), согласно переписи, даже уменьшилась. В Табл. 3 представлена группировка хозяйств Ирбитской слободы на 1680 г.

Обрывок переписи 1698/99 г., содержащий информацию о 26 дворах¹⁴, дает примерно те же основные характеристики, которые мы знаем по переписям 1659 и 1680 г.: средний размер надела — 2,94 дес. в поле и примерно то же соотношение крестьян с разными размерами пашен (см. Табл. 4). Количество покосов даже увеличивается — 223 копны на двор. К сожалению, этот фрагмент недостаточно велик для того, чтобы быть использованным для расчетов о мобильности крестьянских хозяйств.

Изучение величины крестьянских наделов в течение почти шести десятилетий позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на значительный рост плотности населения (сужавший выбор свободных земель) и выпашивание почвы (с одной стороны, также сокращавшей количество пригодных к пашне земель, а с другой — подталкивавшей компенсировать понижение плодородия повышением обрабатываемой площади), размеры крестьянских пашен сохраняли значительную стабильность. В это время уменьшается доля владельцев очень крупных наделов — наиболее резко в период 1642–1659 гг.; их удельный вес также уменьшился в 1680–1699 гг. А вот в 1659–1680 гг. общая доля крупных землевладельцев даже немного увеличивается, хотя практически исчезают владельцы особо крупных пашен — более 9 дес. в поле.

¹⁴ РГАДА Ф. 1111. Оп. 3. Д. 38. Л. 1–8.

Таблица 3

Распределение пашни и покосов среди крестьян Ирбитской слободы, 1680 г.

Посев, десятины	Всего дворов	%	Всего душ обоего пола	%	Всего посева, десятины	%	Посев на душу мужского пола, десятины	%	Покосов, копен	%	Семья, душ обоего пола	Посев на двор, десятины	Покосов, копен
1-2	19	8,8	86	5,4	30,8	2,4	0,36	4,4	1625	4,4	4,5	1,6	85,5
2,12-3	25	11,6	124	7,7	69,0	5,4	0,56	7,3	2675	7,3	5,0	2,8	107,0
3,06-5,5	78	36,1	498	31,1	334,5	26,0	0,67	28,7	10575	28,7	6,4	4,3	135,6
5,62-8	42	19,4	328	20,5	279,2	21,7	0,85	21,8	8015	21,8	7,8	6,6	190,8
8,25-12	37	17,1	390	24,3	366,6	28,5	0,94	25,9	9545	25,9	10,5	9,9	258,0
12,06-20	15	6,9	176	11,0	208,0	16,1	1,18	11,9	4395	11,9	11,7	13,9	293,0
Всего	216	100	1602	100,0	1288,0	100	0,8	100,0	36830	100,0	7,7	6,5	178,3

Источник: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 574 об.-657 об.

Таблица 4

**Соотношение между различными по размерам
запаски группами крестьянам**

Пашня в одном поле, десятины	1642 г., % от общего числа дворов (90)	1659 г., % от общего числа дворов (124)	1680 г., % от общего числа дворов (219)	1699 г., % от общего числа дворов (26)
0–1	27,6	17,4	8,8	11,5
1–3	32,7	48,5	47,7	53,8
3–4	6,1	11,4	19,4	19,2
4–6	12,2	16,7	17,1	11,5
6–9	15,3	4,5	6,5	3,8
более 9	6,1	1,5	0,5	0,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источники: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 75. Л. 281–298; Ф. 1111. Оп. 3. Д. 40. Л. 185–215; Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 574 об.–657 об.; Ф. 1111. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–8.

При этом доля средних наделов неуклонно росла, а доля нижней страты оставалась более или менее стабильной, демонстрируя заметное повышение лишь от 1642 к 1659 г., но затем практически возвращаясь на прежний уровень. Средний размер пашни в расчете на душу мужского пола также уменьшался весьма медленно: 0,9 дес. в одном поле в 1659 г., 0,79 дес. в 1680 г. и 0,78 в 1699 г.¹⁵ В то же время следует иметь в виду, что указанная динамика относится лишь к окладной пашне. Представляется вероятным, что размеры дополнительных припашей, с которых взимался выделный хлеб, сокращались.

Таким образом, картину земледельческого освоения изучаемой территории можно представить следующим образом. В течение первых 20 лет условия жизни были особенно благоприятны: крестьяне свободно распахивали нужное им количество земли, забрасывая в перелог выпа-

¹⁵ Показатель 1659 г. рассчитан по наложению дозора 1659 г. и переписи 1666 г. (Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Книга поступлений. 12692. Л. 213–245 об.).

хавшиеся участки. По крайней мере, к началу 1650-х гг. оптимум первоначального освоения был пройден. Понижение урожайности заметно ухудшило положение крестьян. Однако после перехода на трехполье с сохранением элементов перелога им все же удавалось избежать дальнейшего ухудшения условий хозяйствования: размеры окладной пашни, распределение наделов с середины до конца века изменялись незначительно, хотя крестьянам надо полагать приходилось прилагать все больше усилий для изыскания подходящих для обработки участков.

Итог рассмотрения обобщен на Табл. 4. Из него следует, что подобно большинству изученных историками аграрных поселений XVI–XIX вв.¹⁶, на протяжении XVII в. в Ирбите преобладала группа средних хозяйств. Спецификой слободы, по сравнению с волостями Центральной России и Поморья, была сравнительно большая доля крупных и очень крупных хозяйств. В рассматриваемый период она сокращалась, однако довольно медленно.

Для изучения социальной мобильности потребовалось проанализировать изменения имущественного положения крестьян между двумя или более переписями. При этом представляется оправданным различать изменения, которые происходили на протяжении жизни одного дворовладельца (внутрипоколенная социальная мобильность), и то, насколько достигнутый крестьянином имущественный уровень удастся сохранить и преумножить его наследникам (межпоколенная социальная

¹⁶ Ср., напр.: *Шapiro A.Л.* Русское крестьянство перед закрепощением. Л., 1987. С. 51 (группировка однодворных деревень Тверского уезда по размеру пашни, 1539–1540 гг.); *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. М., 1976. С. 51 (Распределение земельных наделов у крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря, 1675, 1684, 1693 гг.); *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977. С. 74 (величина крестьянских тяглых наделов в с. Григорьевской Солотчинского монастыря, 1654 г.); *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство... М., 1967. С. 349 (сводные данные о соотношении имущественных прослоек в крепостной деревне первой половины XIX в.).

мобильность). Разграничить указанные явления важно с историко-антропологических позиций. Это позволяет не только определять тенденции социально-экономического развития, но видеть, как они проявлялись в жизни разных поколений поселенцев на Ирбите.

Переписная книга 1642 г., как было показано выше, зафиксировала крестьянское хозяйство на этапе переложного земледелия. Поэтому размеры пашен этого и более позднего периодов трудно сопоставимы. К тому же многие крестьяне лишь недавно поселились на данной территории, и их хозяйственное положение ко времени переписи еще не определилось. Как свидетельствуют данные Табл. 1, большинство хозяйств с относительно небольшой запашкой (1–9 дес.) приходилось на долю дворов, чьи владельцы поверстались в крестьяне не ранее, чем за три года до переписи. При этом некоторые из таких «новобранцев» уже в дозорной книге 1659 г. значатся среди наиболее зажиточных.

Исходя из этих соображений, на основании дозорной книги 1659 г. нами был проведен поиск тех хозяйств, которые в 1642 г. относились к числу наиболее крупных и, следовательно, уже в значительной степени сложившихся. К таким отнесены 24 двора, на которых было записано более чем 16 дес. земли. Хозяева 11 из этих дворов появляются и в дозорной книге 1659 г. В девяти случаях удалось установить преемников (детей, подрядчиков) тех хозяев, которые к 1659 г. ушли из слободы или умерли. Иногда у одного крестьянина было более одного преемника. Например, его тягло делилось между двумя сыновьями. В таких случаях анализировалось положение каждого из преемников.

Поскольку данные двух источников напрямую несопоставимы, изменение хозяйственного положения дворов определялось по их относительной состоятельности. Те из них, кто имел не менее 5 дес. в одном поле, считались сохранившими свое положение. Степень же ухудшения экономического состояния определялась не по класси-

фикации «бедный» / «средний», как это будет делаться в дальнейшем, а с выделением промежуточной группы «выше среднего» — с пашней более 3,5 дес., но менее 5 дес. в поле.

Таблица 5

**Изменения запашки крупных хозяйств
от 1642 к 1659 г., десятины в одном поле**

Крестьяне	Не более 1,5	Более 1,5, но менее 3,5	От 3,5 до 5	5 и более	Итого
Дворовладельцы		2	2	7	11
Преемники	2	2	1	6	11
Итого	2	4	3	13	22

Источники: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 75. Л. 281–298; РГАДА. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 40. Л. 185–215.

Из Табл. 5 следует, что как большинству крупных хозяйств в 1642 г., так и преемникам первых хозяев удалось удержаться в числе крупных. Сокращение же размеров хозяйства в основном было умеренным.

Таким же образом, как это описано выше, но без выделения группы «выше среднего», были исследованы изменения в крупных хозяйствах (имевших более 3,5 дес. в одном поле), зафиксированных переписью 1659 г.

Из 28 семей, которые вели эти хозяйства, девять семей покинули слободу, и перепись 1680 г. не фиксирует их потомков; один дворовладелец перешел в ямщики и не учтен в 1680 г. по этой причине. Таким образом, доля неучтенных переписью 1680 г. составляет 35,7%. В 17 хозяйствах (чьи преемники записаны в 1680 г.) за прошедший период происходили разделы, поэтому общее число хозяйств-преемников увеличилось до 25.

Всего четыре дворовладельца, зафиксированных в 1659 г., продолжали вести хозяйство и в 1680 г. Все они сократили размер запашки, но лишь половина настолько, чтобы перейти в среднюю группу. Большинство дворовладельцев в 1680 г. — это сыновья прежних хозяев. Размер их хозяйства уже заметно чаще, чем в 1659 г., был меньше отцовского: в среднюю и низшую группы перешло больше, чем осталось в зажиточной (см. Табл. 6).

Таблица 6

**Изменения запашки крупных хозяйств
от 1659 к 1680 гг., десятин в одном поле**

Крестьяне	Не более 1,5	Более 1,5, но не более 3,5	Более 3,5	Итого
Дворовладельцы	-	2	2	4
Преемники	4	10	11	25
Итого	4	12	13	29

Источники: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 40. Л. 185–215; Ф. 214. Оп. 1. Д. 697. Л. 570–657 об.

Из 57 дворов, входивших в среднюю группу в 1659 г., к 1680 г. с теми же хозяевами значатся 11 дворов. Еще у 22 дворовладельцев удалось выявить преемников (30 дворохозяев). Преемников жителей 24 средних дворов (1659 г.) по переписи 1680 г. надежно идентифицировать не удалось. Таким образом, доля выбывших или не идентифицированных средних хозяйств составляет 42,1%.

В отношении тех, кто остался, Табл. 7 демонстрирует картину очень близкую к той, что наблюдается в отношении крупных хозяйств. При жизни средний дворовладелец либо сохранял свое положение, либо (примерно с той же вероятностью) переходил к более крупному хозяйству.

Таблица 7

**Изменения запашки средних хозяйств
от 1659 к 1680 гг.**

	Не более 1,5 дес. в поле	Более 1,5 но не более 3,5	Более 3,5 дес. в поле	Итого
Дворовладельцы		5	6	11
Преимники	7	9	14	30
Итого	7	14	20	41

Источники: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 40. Л. 185–215; Ф. 214. Оп. 1. Д. 697. Л. 570–657 об.

Сокращение хозяйства до размеров мелкого было редкостью. Для его преемников такой сценарий уже был возможен, но все же преобладало сохранение достигнутого уровня или переход в число крупных хозяйств.

Согласно дозору 1659 г., пашню имели только хозяйства, вышедшие из льготы (новоприборные крестьяне ей еще не обзавелись и жили по чужим дворам). Это обстоятельство позволяет утверждать, что мелкие хозяйства были у действительно бедных крестьян, а не у тех, кто просто еще не успел развернуться на новом месте. Поэтому, проследив судьбу хозяйств с пашней не более 1,5 дес. в поле (34 дворовладельца), можно получить данные о социальной мобильности беднейших крестьян. Из них 20 покинули слободу вместе с потомством. Еще пять хозяев покинули слободу предположительно: выявить их в переписи 1680 г. не удалось, но отсутствие у них прозвищ не позволяет исключить возможности того, что их дети, продолжавшие жить в слободе, остались неузнанными. Имена многих из покинувших слободу обнаруживаются в росписи пострадавших от набега 1662 г.¹⁷

¹⁷ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 909. Л. 18–33

однако потери от него были не единственной и, вероятно, не главной причиной ухода. Еще до набега дополнительный оклад, произведенный в связи с переписью 1659 г., вызвал резкое усиление масштабов бегства. Так, некоторых ушедших (Андрей Суфрин, Наум Васильев, Клим Пшенишников и др.) удается обнаружить в списке беглых от «новонакладного» оброка (список был отправлен ирбитским приказчиком Моисеем Литвиновым в июне 1661 г.¹⁸). Представляется, что если для зажиточных крестьян уход из слободы не обязательно был связан с ухудшением материального положения¹⁹, то для бедных крестьян бегство, как правило, было связано именно с разорением²⁰. Поэтому уже сам факт большей доли беглых крестьян среди крестьян с малым наделом (20 (25%) из 34 — 58,8 / 73,5%, в то время как у зажиточных 10 из 28 — 35,7%, у средних не более 24 из 47 — 42,1%) говорит о том, что беднейшим хозяйствам было сложно улучшить свое положение. В то же время, среди тех немногих, кто остался²¹, почти всем это удалось (см. Табл. 8).

Сопоставим приведенные данные со схожими по характеру (и значительно большими по хронологическому и территориальному охвату) подсчетами, проведенными И.Д. Ковальченко в отношении восьми крупных имений

¹⁸ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 16. Л. 78.

¹⁹ Напр., о богатстве старших сыновей Степана Шипицына, перебравшихся в 1670-е гг. в Камышевскую (Камышловскую) слободу, свидетельствует тот факт, что в 1680 г. у них на три двора было семь купленных калмыков (Шунков В.И. Очерки по истории колонизации... С. 49; Коновалов Ю.В. Население Ирбитской слободы в первые годы существования... С. 15–16). Можно указать также на жалобы крестьян и администрации 1630-х гг. на то, что зажиточные крестьяне уходят в новые слободы (Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVII века. М., 1972. С. 93..

²⁰ Свидетельства бедности беглых см.: Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... С. 304–305.

²¹ К их числу отнесены также Роман и Герасим Фотеевы, бывшие в 1659 г. наемными работниками (ярыжками) у мельничного засыпки Матвея Пурегова. В 1666 г. значились среди новоприборных крестьян (а значит, не являлись чьими-либо подрядчиками) и жили на подворье у крестьянина Афанасия Буланова. Детей у них не было. Факт их бедности на момент начала хозяйствования не вызывает сомнений.

**Изменения запашки мелких хозяйств
от 1659 к 1680 г., десятин в одном поле**

Крестьяне	Не более 1,5	Более 1,5 но не более 3,5	Более 3,5 дес.	Итого
Дворовладельцы	1	4	2	7
Преемники		2	2	4
Итого	1	6	4	11

Источники: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 40. Л. 185–215; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 697. Л. 570–657об.

земледельческого профиля в Центральной России²². Для каждого из имений от описи к описи отслеживалось изменение хозяйственного положения каждого отдельного двора. Наличие трех и более переписей за менее чем полувековой период позволило исследователю анализировать встречаемость дворов в разных имущественных группах²³ в сумме по всем переписям, что более полно

²² Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... С. 356–366. В этой работе приводятся также аналогичные данные по трем промыслово-земледельческим имениям.

²³ Выделение имущественных групп производилось по степени обеспеченности скотом, при этом в зависимости от степени развития промыслов и наличия данных границы групп варьировались. Напр., в барщинных имениях (Никольское и др.) к бедным относились дворы, имевшие не более одной лошади, к средним – имевшие две – четыре лошади, к богатым – более пяти. А в Отрадинском имении Орловых-Давыдовых, где были развиты промыслы и имелись данные о коровах, к середнякам относились крестьяне с одной лошадей, если у них было более двух коров, а к зажиточным – двух – трех-лошадные дворы при наличии в них не менее четырех коров (Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... С. 165). Таким образом, неодинаковые критерии выделения групп в разных местностях не являются основанием для отказа изучать в них социальную динамику.

характеризует процесс социальной дифференциации²⁴. Тем не менее И.Д. Ковальченко приводит данные из начальной описи и о количестве дворов, зафиксированных в конечной описи, с указанием, как они распределены по имущественным группам. Для примера приведем данные по имению Гагариных в с. Никольском Рузского уезда (см. Табл. 9).

В качестве критерия отождествления дворов в разных описях при их анализе на ЭВМ (этот метод использовался для пяти имений) принималось наличие двух любых жителей (вне зависимости от пола) с одинаковыми именами и отчествами. В тех случаях, когда описи обрабатывались вручную, достаточным считалось наличие одного человека с одинаковым именем и отчеством при согласованности других показателей, например, возраста²⁵. Судя по этим критериям, различия между дворами, сохранявшими одного хозяина, и дворами преемников не проводилось. Иными словами, если в начальной описи значился крестьянин, у которого числились три сына, старший из которых был женат, а в конечной описи — двор старшего сына с женой и малолетними детьми и двор двух младших неразделенных братьев, то оба двора считались идентичными отцовскому, поскольку в обоих случаях имелось два человека из прежнего состава двора (старший брат с женой; два младших брата). Поэтому при сопоставлении данных И.Д. Ковальченко с данными настоящего исследования целесообразно использовать суммарные, а не разделенные на категории «дворовладельцы» — «преемники» данные Табл. 3–6.

Из Табл. 9 следует, что устойчивость беднейших дворов была заметно ниже, чем средних и зажиточных.

²⁴ В 1990-е гг. это было подтверждено и математическими методами: *Бородин Л.И.* Стохастические модели в изучении социальных перемещений русского крестьянства в XIX в. // Источник. Метод. Компьютер. Барнаул, 1996. С. 107–112. Электронная версия: URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/imk/borod.shtml> (дата обращения 21.04.2009).

²⁵ *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство... С. 357.

Этот вывод подтверждается и данными других имений, но только тех, где первостепенную роль в хозяйстве играло земледелие²⁶. Аналогичное явление было описано выше для Ирбитской слободы с той оговоркой, что степень устойчивости населения здесь была в целом заметно ниже, что объяснялось более широкими возможностями для миграции и освоения новых земель.

Таблица 9

**Движение дворов с. Никольского Рузского уезда
(1818, 1830, 1841 гг.)**

Группы крестьян	В перво-начальной описи	Все время оставалось в первоначальной группе	Остались в последней описи				
	Всего		Всего	в % первой описи	в I группе	во II группе	в III группе
I беднейшая	39	4	21	53,8	6	15	-
II средняя	71	27	59	83,1	12	43	4
III зажиточная	9	2	8	88,8	2	4	2
Всего	119	33	88	73,9	20	62	6

Источник: Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... С. 358.

Применимым на материале Ирбитской слободы оказывается и вывод И.Д. Ковальченко о том, что в земледельческой деревне среди тех бедных дворов, которые все же продолжали существовать к моменту последней переписи, большинство повышало свой имущественный уровень. Вероятно, следует принять и предложенное исследователем объяснение этого феномена: поскольку длительное существование мелкого земледельческого хо-

²⁶ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... С. 357, 361, 363.

зяйства было затруднено в силу его неустойчивости, выжидали преимущественно те, кому удавалось увеличить свою производительную базу²⁷.

Существенным отличием социальной мобильности в Ирбитской слободе было преобладание тенденции к повышению размеров не только у мелких, но и у средних хозяйств, а также сохранение своего положения большей долей крупных хозяйств, чем в земледельческих имениях Центральной России. Изучение истории отдельных хозяйств (см. Приложение, где, насколько позволяют источники, приводятся данные об изменениях в хозяйстве нескольких первопоселенцев на протяжении всего XVII в.) подтверждает, что члены мелких хозяйств нередко ранее входили в состав более крупных, т.е. появление таких хозяйств связано с разделом сложной семьи. В то же время часть крупных хозяйств с расширенными семьями вырастала из нуклеарных семей за счет расширения простых: сыновья вырастали, но не отделялись.

Таким образом, гипотеза Б.Н. Миронова, высказанная в первую очередь в связи с социальной мобильностью внутри крестьянства XIX в., находит свое подтверждение и на материале Ирбитской слободы в XVII в.: попадание двора в определенную имущественную страту в значительной степени зависит от того, на каком этапе развития находится живущая в нем семья²⁸. Доля крестьянских хозяйств, не изменивших свой размер между 1659 г. и 1680 г. составляет 34,5% от сохранившихся в слободе (28 из 81). Это косвенно подтверждает другую гипотезу Б.Н. Миронова — о том, что мобильность крестьянских хозяйств до XIX в. была еще выше, чем по данным И.Д. Ковальченко. Подсчитанная Мироновым доля хозяйств, не менявших статус за 20 лет, дает практически ту же величину (34%). Однако в данном слу-

²⁷ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... С. 363.

²⁸ Миронов Б.Н. Социальная мобильность и социальное расслоение... С. 161, 169–175; Он же. Социальная история России периода империи... Т. I. С. 128.

чае исследователь имел в своем распоряжении данные, по крайней мере, одной промежуточной переписи и в качестве стабильных учел только те хозяйства, которые сохраняли свой статус во всех переписях. По Ирбитской слободе промежуточные данные за 1659–1680 гг., отсутствуют. Если бы они имелись, из числа стабильных была бы исключена какая-то часть хозяйств, которые в указанный отрезок времени разрослись или обмельчали, но к 1680 г. «вернулись» в исходную страту.

Таким образом, данные о социальной мобильности внутри крестьянства в Ирбитской слободе в 1642–1680 гг. подтверждают мнение различных исследователей о том, что в дореформенной деревне расслоение не было обусловлено воздействием рынка и не носило устойчивого характера. Однако по сравнению с помещичьими имениями Европейской России XIX в.²⁹ на Ирбите в XVII столетии наблюдались более высокий уровень вертикальной мобильности (в сторону повышения размера хозяйства) и менее интенсивный переход к мелким хозяйствам. А это уместно связать с тем, что территория Ирбита была колонизована недавно и в рассматриваемый период крестьяне имели больше свободной земли и других возможностей для развития хозяйства, чем они не преминули воспользоваться.

* * *

²⁹ Сопоставимые данные по другим территориям в XVII в., к сожалению, отсутствуют. Поэтому вопрос о том, насколько социальная динамика Ирбитской слободы была специфична по сравнению с другими регионами в XVII в., остается открытым.

Приложение

1642 г.	Л.	1652 г.	1659 г.
Семейка Подкоры- тов с братею ¹ 53,33 дес. пашни	282	Семейка (6, 2, 2) ² ; Демка (2; 1; 0)	Семейка Алексеев сын Подкорытов [5; 3; 1] ³ ; [1; 0; 0] 7 дес. пашни, 50 дес. по- косов
Ивашко Шипицын 37,875 дес. пашни	282 об.– 283	(1; 1; 0)	Демка Иванов сын Шипицын [3; 1; 0] 6 дес. пашни, 40 дес. покосов
Степанко Шипицын 17,833 дес. пашни	292	(?; 4; 0)	Стенка Павлов сын Шипицын [4; 4; 0], [1; 0; 0] 6 дес. паш- ни, 15 дес. покосов
Игнашка Петров с братею 9 дес. пашни	283	два брата (4; ?; ?)	Петрушка Кондра- тьев сын Шмаков [3; 3; 0]; [7; 1; 2] 7 дес. пашни, 25 дес. покосов

¹ Имена крестьян приводятся в той форме, в какой они записаны в источнике.

² В скобках указывается общее количество сыновей, взрослые сыновья, подростки (в порядке перечисления). В именной книге 1652 г. это соответствует формулам «пашет» и «бороноволок». Для более поздних источников подростками считаются сыновья 12 – 14 лет, взрослыми – старше

Изменения хозяйственного положения в хозяйствах представителей некоторых крестьянских родов

1666 г.	1680 г.	Л.	1699 г.
(5; 5; 5); (1; 1; 0)	Пашка Семенов сын Подкорытов (2; 1; 0) 2,87 дес. пашни, 40 копен	597 об.	
	Васка Семенов сын Подкорытов (1; 0; 0) 1,25 дес. пашни, 95 копен	598	
(3+2; 2; 1)	Микишка (2; 0; 0), Тараско (3; 0; 0), Ивашко (3; 0; 0) Дементьевы Шипи- цыны 5 дес. пашни, 500 копен	577 об.	Микишка Демен- тьев Шипицын (2;2;0) 2 дес. пашни, 300 копен покосов
			Тараска Дементьев Шипицын (3; 3; 3) 2,5 дес. пашни, 300 копен покосов
			Ивашка Дементьев Шипицын (5; 4; 0) 2 дес. пашни, 300 ко- пен покосов
Юрка, Левка (1+1; 1; 0), Митка (1; 0; 0), Лаврушка	Левка Степанов сын Шипицын (2+2; 2; 0), (2; 0; 0) 5,5 дес. пашни, 300 копен	606	
Игнашко Петров (3; 3; 0), Ивашка Петров (2; 1; 0), Петрушка Петров (2; 1; 1)	Игнашко Пет- ров сын Шмаков (4; 4; 0), (6; 1; 0) 5 дес. пашни, 500 копен	650 – 651 об.	Якунка Ульянов Шмаков (2; 0; 1), Михейко Ульянов Шмаков (1; 0; 0) 6 дес. пашни, 400 копен покосов

15 и женатые. При наличии наемных работников их число записывается со знаком + после числа взрослых сыновей. При наличии взрослых внуков они указываются отдельно таким же образом.

³ В квадратных скобках приведены ретроспективные данные, полученные вычитанием 8-ми из возраста сыновей в переписи 1666 г.

1642 г.	Л.	1652 г.	1659 г.
Ивашка Дробинин 3,5 дес. пашни	296 об.	Филка, Тимошка, Ивашка, Трошка Дробинины	Трошка Иванов сын Дробинин [0; 0; 0] 1 дес. пашни, 15 дес. покосов
Офонка Речкалов 16,5 дес. пашни	292	нет дополнитель- ных данных	Афонка Трофи- мов сын Речкалов [3; 0; 1] 5 дес. пашни, 7,5 дес. покосов
Мишка Лиханов 16,458 дес. пашни	283	(6; 3)	Мишка Зенове- ев сын Лиханов [6; 2; 1] 3 дес. пашни, 15 дес. покосов

Источники:

Дозорная книга Ирбитской слободы 1642 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 75. Л. 281–298

Именная крестьянская книга Ирбитской слободы 1652 г. // РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 119. Л. 114 об.–130 об.

Дозорная книга Ирбитской слободы 1659 г. // РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 119. Л. 114 об.–130 об.

1666 г.	1680 г.	Л.	1699 г.
(1; 0; 0)	Трошка Иванов сын Дробинин (3; 2; 0) 2 дес. пашни, 200 копен		
(3; 2; 0)	Трошка, Мишка, Не- стерко Афонасьевы Речкаловы (1; 0; 0) 7,25 дес. пашни, 100 копен		
(6; 6; 0)	Гришка Михайлов Лиханов (2; 0; 0) 1,5 дес. пашни, 20 копен покосов		
	Ерофейко Ми- хайлов Лиханов (1; 0; 0) 2,25 дес. пашни, 100 копен покосов		
	Офонка Михай- лов сын Лиханов (4; 1; 0) 2,12 дес. пашни, 145 копен покосов		
	Стенка (1; 0; 0) и Петрушка Михайло- вы Лихановы 2,75 дес. пашни, 200 копен покосов		

Переписная книга Ирбитской слободы 1666 г. // Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Книга поступлений. 12692. Л. 213–24 5об.

Переписная книга Ирбитской слободы 1680 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 697. Л. 570–657 об.

Переписная книга Ирбитской слободы 1699 г. (фрагмент) // РГАДА Ф. 1111. Оп. 3. Д. 38. Л. 1–8

«Северная война» резидента Хилкова

О судьбе одного из соратников царя Петра Алексеевича князя Андрея Яковлевича Хилкова написано незаслуженно мало. К сожалению, даже те немногие сведения, которые доступны исследователям, содержат неточности. С XIX в. словари и энциклопедии дают неверные дату и место смерти Хилкова, которая, как известно, произошла во время его пребывания в Швеции в качестве интернированного русского резидента. Чаще всего называют 1718 г. и г. Вестерос¹. Вместе с тем есть немало документальных данных о том, что это трагическое событие произошло в Висингсборгском замке на острове Висингсё 7 ноября² 1716 г. и стало результатом обострения водянки. А в 1718 г., на который ошибочно ссылаются авторы, его тело доставили в Санкт-Петербург и по приказу царя захоронили в Александро-Невской лавре. Такое невнимание и «легкомыслие» потомков хотелось бы исправить, так как князь Хилков много сделал и для своих товарищей по плену, и для Отечества.

Андрей Яковлевич Хилков родился в 1676 г. и принадлежал к старинному княжескому роду, который вел свое начало от удельных князей Стародубских. Сверстник царя Петра, рано оставшийся без отца, он был приближен ко двору и впоследствии стал участником сначала забав, а потом и первых преобразований молодого правителя. Вместе с братьями Юрием и Михаилом и еще с несколькими князьями и боярами его в 1697 г. отправили в Венецию для изучения морского дела под руководством

¹ См., напр.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXVII. Розавен – Репа. СПб., 1899. С. 199; С. 321; Русский биографический словарь. Т. XVIII. Фабер – Цявловский. СПб., 1901. С. 321.

² 8 ноября по шведскому стилю, который опережал русский календарь на один день.

знакомого царя Петра капитана Марко Мартиновича из г. Пераста (Черногория)³. Но уже в октябре следующего 1698 г. новоявленные студенты понадобились царю для умирения стрелецкого мятежа и вынуждены были вернуться в Россию. Князь Андрей привез с собой не только «венецкое» платье и парики, но и определенные знания, светскость манер и, что важно, свободу и раскованность в общении, чему в немалой степени способствовало то, что он понимал и немного говорил на латыни и по-итальянски (шведы, кстати, считали, что и по-немецки). Эти качества, а также личная преданность царю стали основанием при выборе его в качестве резидента. Стоит отметить, что и раньше князь Хилков привлекался к участию в дипломатических церемониях и общался с иностранцами, в том числе со шведами. Например, он встречал и провожал последнее перед войной шведское посольство барона Ю. Бергенгельма, а ранее сблизился с Ю. Г. Спарвенфельдом, несколько лет находившимся в России.

25 апреля 1700 г. князю Хилкову во время обучения солдат-новобранцев на Старом Денежном дворе вручили царский приказ о срочном отъезде в Швецию. Сборы были стремительными; он простился с женой Марией Васильевной, урожденной Еропкиной⁴, недавно родившей дочерью Ириной, получил в приказе государеву и свою «верущую» грамоту «к свейскому королю», проездные документы, из Ратуши ему выдали жалованье на полгода — 666 руб. 23 алтына 2 деньги, кормовые и прогонные деньги, а также меха для раздачи в качестве подарков «кому положено». В штат русского резидента вошли подьячий Малороссийского приказа Василий Богданов, подьячий Владимирского приказа Иван Чередыев⁵, в Новгороде к ним присоединился переводчик Вилим

³ Памятная доска о пребывании там русских студентов, в том числе Хилкова, до сих пор существует в Перасте.

⁴ Как оказалось, навсегда, поскольку она умерла в 1711 или 1712 г.

⁵ Иногда писали Меньшой, так как его отец — полный тезка — был в той же должности у главного турецкого переговорщика Емельяна Украинцева.

Абрамов⁶. И уже 9 мая 1700 г. князь Хилков со свитой, в которой были также «духовная особа» Алексей Федоров и домашние слуги, на 30 подводях покинули Москву и отправились «на резиденцию» в шведскую столицу Стокгольм.

Спустя несколько недель русская делегация, миновав Клин, Тверь, Новгород вышла к российско-шведской границе, где ее встретил шведский отряд сопровождения. Недалеко от Нарвы был разбит лагерь, и 26 июня состоялись торжественный вход в город и прием у коменданта Генинга Рудольфа Горна. Через три дня, в день святых равноапостольных Петра и Павла, князь Хилков устроил роскошный обед по случаю тезоименитства государя, за которого обе стороны «пили многожды». Хилков произвел на шведов очень приятное впечатление: воспитанный и светский молодой человек, умеющий поддержать беседу. В то же время от военного человека Горна не укрылось и то, с каким интересом русский князь осматривал городские укрепления и подступы к городу.

Переплыв Балтийское море, корабль с русским посольством 15 июля 1700 г. встал на рейде Стокгольма. После трехдневного ожидания состоялась официальная встреча. Резидента Хилкова со служителями и всем имуществом перевезли на роскошные королевские яхты, которые под ружейные и пушечные залпы пристали к пристани. Делегацию разместили в специально подготовленном доме на Йотегата, принадлежавшем вдове графине Маргарете Суп, урожденной Оксеншерне⁷. С первых же часов на шведской земле князя сопровождали несколько человек, которые, как показало время, будут рядом с ним еще долгие годы. Добрым приятелем Хилкова станет ко-

⁶ Иногда встречается другое прочтение – Ибрагимов.

⁷ Дом существует до сих пор, и в нем размещается посольство королевства Нидерландов. Любопытно его местоположение за Русским двором (Русгорден) и Южной Ратушей (ныне там находится Городской музей Стокгольма) напротив банка, который, судя по дате на стене, существовал и в начале XVIII в.

ролевский церемониймейстер и ученый-лингвист Юхан Габриэль Спарвенфельд, а недругом — переводчик, а впоследствии один из главных цензоров русской корреспонденции Петер Линдман.

Между тем шведский король в это время находился в военном лагере вдалеке от столицы, и 31 июля русская делегация отправилась в Мальмё, где должна была состояться аудиенция. И вновь зоркий глаз резидента тщательно высматривал все, что могло бы заинтересовать Москву: качество дорог, медные рудники, королевские крепости, укрепления и пр. Уже в дороге пришло известие, что король со штабом переехал в Данию, и Хилкова на адмиральском корабле переправили в королевский лагерь на полуострове Шеланд. 19 августа в 2 часа пополудни состоялась долгожданная аудиенция у Карла XII, во время которой русский резидент вручил царскую и верительную грамоты. Вечером в присутствии высшего генералитета и королевских чиновников был дан торжественный обед. В ожидании ответа короля Хилков несколько дней провел в шведском лагере. Любопытно, что шведы нарочито демонстрировали русским гостям стоящие в Зундском проливе английские и голландские корабли, справедливо полагая, что князь сообщит об этом в Москву. 30 августа состоялась еще одна аудиенция, на которой было объявлено королевское решение о дозволении Хилкову остаться в Швеции «на резиденцию». Это решение было дано в уже изменившихся обстоятельствах: Россия объявила Швеции войну.

В Швеции о начале военных действий узнали 20—21 сентября. Эта неприятная новость стала полной неожиданностью не только для властей, но и для русского резидента Хилкова, вернувшегося в Стокгольм после встречи с королем. Чуть ранее, судя по всему, он уже заподозрил что-то неладное, так как из России перестали приходить письма. Да и в Москве, как выяснилось позднее, получили только одно его письмо, которое он отправил из Копенгагена 4 сентября «кружным» путем через русского посла в Гааге Андрея Артамоновича Матвеева.

Судьба русского резидента и его свиты решалась на заседаниях Королевского Совета 24 и 25 сентября, но определенного решения так и не было принято — все ждали королевских указаний. Хилков посетил опытного и влиятельного графа Б. Оксеншерну, которому рассказал о своих симпатиях к Швеции и, отрицая очевидное, уверял, что происходит какое-то трагическое недоразумение, мир будет сохранен и что речь идет только об отправке вспомогательного войска, которое царь ранее обещал королю Августу. Хилков рассказал Оксеншерну, что попросил разрешения послать своего курьера к Петру, чтобы предостеречь того от начала войны, но получил отказ. Трудно сказать, поверил ли умудренный политик русскому резиденту, но вполне вероятно, сам князь верил в то, о чем говорил.

Утром 9 октября в Стокгольм пришли распоряжения Карла XII о том, что резидент со своими сотрудниками, как и все прочие русские, которых война застала на территории шведского государства, должны быть арестованы, а их имущество конфисковано. Копии приказа разослали губернаторам приморских провинций и комендантам приграничных крепостей. Аресту подверглись три русских корабля с командами, которые стояли в столичной гавани, и те семь, что уже успели выйти в море. Задержанных в Стокгольме и ближайших окрестностях русских подданных: матросов, купцов, служителей и всех прочих, свозили на Русский двор⁸ и в полуподвальные помещения городской Ратуши. Всего, по подсчетам Хилкова, таким образом было интернировано 111 человек. Общее количество задержанных на территории шведского королевства установить трудно, но речь может идти еще примерно о 50—60 русских.

Князь Хилков узнал о королевском решении от бургомистра Нильса Хансона, губернаторского фискала Хала и

⁸ Русский двор в Стокгольме возник как место стационарной торговли и размещения русских купцов. Само название появляется в середине XVII в. К этому времени это был целый комплекс строений, насчитывающий 33 дома, в центре шведской столицы — на острове Сёдермальм.

от своего московского знакомого, королевского церемоний-мейстера Ю.Г. Спарвенфельда. Ему разрешили остаться в прежнем доме, но запретили выходить на улицу. Кроме того, в каждой комнате днем должна была находиться охрана. Только благодаря заступничеству Спарвенфельда через несколько дней караул вывели из комнат. Из свиты при Хилкове оставили переводчика, священника, «камалера»⁹, повара и несколько слуг. Все имущество посольства, в том числе личные вещи князя, было конфисковано властями. «Я считаю, что именно так и надо с ним поступать», — написал молодой король Совету 20 октября. В этом нет ничего удивительного; точно такая же участь постигла шведского резидента в Москве Томаса Книперкрону. Впоследствии власти обоих государств, особенно шведские, будут тщательно придерживаться принципа взаимности в режиме содержания резидентов. Дополнительным фактором, усугубившим положение Хилкова, стало то, что король объявил его ответственным за решения царя, как, впрочем, и за все проблемы, которые возникали у пленных каролинов в России.

С началом войны объем работы русского резидента стал очень большим, от его активности зависела судьба более сотни гражданских лиц, оказавшихся интернированными. «Великая теснота, нужда и печаль» требовали принятия незамедлительных мер. Во-первых, следовало получить официальное разрешение от шведских властей на переписку с Москвой. Практически все, что Хилков пробовал отправлять на родину до этого, изымалось и оседало в архивах Кансли-коллегии. Во-вторых, предстояло наладить процесс перевода и получения денежных средств из России. В-третьих, следовало добиться возможности для себя и прочих пленников, среди которых было несколько состоятельных купцов, самостоятельно совершать покупки.

В середине февраля 1701 г., после получения соответствующих указаний от короля, шведские власти разре-

⁹ Возможно, дворецкий.

шили переписку посольства с Россией. Благодаря этому до нас дошло довольно много писем Андрея Яковлевича, после прочтения которых возникает образ удивительно деятельного человека. Очевиден и тот факт, что не все письма приходили в Россию легальным путем; со временем Хилков нашел тайные каналы и способы передачи информации, в том числе разведывательного характера, в Москву. Кроме того, начиная с 1701 г. он широко использовал шифр — «секретную цыфирь» — и симпатические чернила (эти навыки он приобрел еще в Посольской канцелярии накануне отъезда из России). Уже в ноябре 1701 г. в его письмах Ф.А. Головину появляется приписка с указанием, что его письма надо «поджаря смотреть», особенно между строчками и пустую часть листа¹⁰.

В первые месяцы после ареста одним из официально разрешенных шведами каналов отправки писем из Швеции в Россию было посольство Бранденбурга в Стокгольме. Именно туда Кансли-коллегия передавала русские письма после внимательного прочтения. Но наиболее интересная информация о русских пленных, о делах в Швеции и о планах противника приходила в Москву по тайным каналам через Данию. В 1700–1707 гг. Россию там представлял Андрей Петрович Измайлов. На его имя стекалась информация из всех источников: от армянских и русских купцов, от шведского королевского церемониймейстера Спарвенфельда и от всех остальных, кто не остался равнодушным к тяжелой участи пленных. Нередко письма писали практически «на деревню дедушке», как это было в феврале 1701 г., когда Измайлову из датской канцелярии переслали письмо с припиской по-русски: «отдать московскому послу». Автор его — купец из Устюжны Железнопольской Митрофан Антипин сын Орлов — написал из Стокгольма о том, «какая Хилкову теснота и какие делают триумфы, и как нас ругают»¹¹.

¹⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1701 г. № 2. Л. 17–17 об.

¹¹ Там же. Ф. 53. Оп. 1. 1701 г. № 2. Л. 21–21 об.

То, что купцы играли важную роль в передаче писем и организации поступления денег для пленных, скорее всего, и было причиной того, что Хилков неоднократно обращался в Королевский Совет с просьбой не высылать «купеческих» людей из Стокгольма. В письме Головину он высказывается совершенно определенным образом: если их «вышлют ... то невозможно будет тебе писать и так пишем в великом страхе»¹².

С самого первого дня в плену материальное положение резидента и его штата было очень непростым: конфискация денег, серебра и мехов больно ударила по финансовой состоятельности. Несмотря на все попытки, Хилков так и не смог вернуть ценности в полном объеме. В 1705 г. он написал в Москву, что все «деньги и серебро переделано в их деньги», а чуть ранее он заметил, что часть «соболей и парчей венецких взяла на себя королева старая» (бабушка Карла XII Гедвига Элеонора Шлезвиг-Гольштейн-Готторпская)¹³. В конечном итоге настойчивость российского посла и помощь Спарвенфельда привели к тому, что в мае 1707 г. Штатс-контора выплатила Хилкову компенсацию за утраченное имущество в сумме 2967 далеров.

Сообщая о своем бедственном положении, Хилков писал на родину, что уже много месяцев ест только «хлеб и кислый напиток», и жалобы его раз от раза становились все более горькими и пространными. Со временем это привело к ответному ужесточению положения в России шведского резидента Книперкроны, который в первые годы плена не испытывал особых трудностей. Он по-прежнему жил в палатах между Тверской и Малой Никитской улицами, ему оставили все имущество, позволили выезжать на церковные службы и навещать соотечественников. Но уже в конце 1703 г. Книперкроне объявили «в приказе», что если к ноябрю Хилкову не вернут вещи в Стокгольме, в Москве «шведский двор продадут»¹⁴.

¹² РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1701 г. № 2. Л. 6–6 об.

¹³ Там же. 1702 г. № 2. Л. 10–10 об.

¹⁴ Там же. 1703 г. № 3. Л. 6–6 об.

Материальное содержание резидентов и их штатов было обязанностью государств, интересы которых они представляли и защищали, даже находясь в плену. Россия и Швеция по-разному справлялись с этой задачей: шведы — довольно успешно, а у русских властей было немало проблем. А между тем помощь соотечественникам и содержание большого количества людей в доме резидента требовали постоянного притока средств. При Хилкове постоянно жили переводчик, два писца, священник, семь — восемь слуг, повар, управитель, а также соотечественники: военные и купцы. Состав мог меняться, но численность (от 12 до 25 человек) неизменно оставалась высокой. «А при мне 25 душ есть и пить хотят», — писал князь в Москву 18 ноября 1702 г.¹⁵ Напряженность ситуации в связи с нехваткой средств была решена только после того, как Хилкову выдали жалованье, аналогичное жалованью шведского резидента в Москве. И все же для того, чтобы выжить самому и прокормить всех, живущих у него, князю Хилкову приходилось постоянно занимать деньги. К началу 1703 г. его долг составлял более 6000 ефимков и продолжал расти с каждым месяцем. Круг его заемщиков был очень широк: и генералы-пленники, и соотечественники, и иностранцы.

Князья Хилковы были хотя и древним, но не богатым дворянским родом и не принадлежали к российской аристократии, как Долгорукие или Трубецкие. Собственные возможности резидента были очень ограничены. Родственники князя — братья Юрий и Михаил Яковлевичи — после того, как из Швеции стали приходиться письма с просьбой заложить «последние деревни», чтобы оплатить векселя, забили тревогу. Они обратились к царю с просьбой о предоставлении князю Андрею прибавки к жалованью в 200 руб. Но и это не помогло резиденту выйти из бедственного положения. Обращаясь к Ф.А. Головину, он писал, что близок к полному ра-

¹⁵ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1702 г. № 2. Л. 37–37 об.

зорению, а нищета «в самой гроб меня гонит»¹⁶. Деньги необходимы были не только на поддержание определенного образа жизни, но и на оплату услуг шпионов и «нужных» людей, на почтовые расходы, в общем, на все, в чем нуждался дипломат в чужой стране, даже находившийся там на положении пленного. Хилков считал, что у Книперкроны гораздо больше возможностей для тайной работы: в 1705 г. он с горечью писал, что с трудом находит деньги, чтобы платить «проведывальщикам», в то время как «Книперу платят 5000 ефимков ежегодно»¹⁷. Для того, чтобы передавать новости в Стокгольм «мимо русской канцелярии» и остаться в Москве «для шпионства», Книперкрона, по мнению Хилкова, даже просил свое правительство не разменивать его¹⁸.

Столь же нерегулярно получали свое жалованье и сотрудники российского резидента, которые вместе с ним испытали все трудности плена, а кое-кто так и не вернулся на родину. В 1708 г. умер подьячий Малороссийского приказа Василий Богданов, а в 1709 г. — переводчик «со швейского языка» Вилим Абрамов. После их смерти резиденту пришлось не только срочно искать им замену, но и первое время (до 1713 г.) выплачивать жалованье новым сотрудникам из собственного кармана. Новым подьячим-секретарем стал пленник Федор Герасимов, а функции переводчика полностью перешли к Алексею Манкиеву. Второй канцелярист Иван Чередыев, потомственный подьячий и особенно доверенный сотрудник Хилкова, вернулся в Россию с телом своего начальника князя Хилкова в 1718 г.

Несмотря на трудности и лишения, князь Хилков всегда помнил о царском наказе: «проведывать, что у свеян происходит», и его разведывательная активность держала шведские власти в постоянном напряжении. Практически, все его письма содержали информацию, кото-

¹⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1703 г. № 1. Л. 52–52 об.

¹⁷ Там же. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. Кн. 4. 1705 г. Л. 651–655 об.

¹⁸ Там же. Ф. 96. Оп. 1. 1706 г. № 1. Л. 8.

рую можно смело назвать шпионской. Спектр сведений, поступавших от него, был чрезвычайно разнообразен: от того, какую одежду «нынче» носят при шведском дворе, до передвижения войск и прочих военных приготовлений. Хилков высылал в Москву всю печатную продукцию, попадавшуюся ему в руки, в том числе переводы «ис печатных авизов» шведских и прочих европейских, передавал даже слухи, делая при необходимости оговорку по поводу их возможной недостоверности. Едва переступив границы шведского королевства, Хилков внимательно осматривал все вокруг, тщательно фиксируя, что в преддверии военного конфликта могло быть интересно Петру. В частности, он заметил оборонительные сооружения острова Ваксхольм, прикрывавшие Стокгольм, а находясь в ставке короля в ожидании аудиенции, услышал, что «Каролус» планирует начать выступление из Голштинии через две недели и что к нему присоединятся 15 000 лифляндцев¹⁹.

С началом Северной войны информация, пересылаемая Хилковым, стала еще более разнообразной; ее внимательно изучали в Посольском приказе и передавали царю. Из посланий своего резидента Москва узнала, например, что во время сражения шведов с отрядом Отинского 16 декабря 1700 г. был ранен генерал Реншельд, а в битве со шведами 19 июля 1701 г. «короля польского ранили из пушки»²⁰. Кроме сообщений из газет Хилков передавал сведения, поступавшие к нему от рядовых русских пленных, которые были заняты на коронных работах. Так, от посадских людей, работавших весной 1701 г. в стокгольмской гавани, он узнал, что шведы через «курляндские земли» отправляют «24 корабля с 10 000 войска» в Польшу²¹.

В первые годы плена письма русского резидента были перегружены информацией, часть которой, как теперь кажется, носила маловероятный характер. Напри-

¹⁹ RAS (Riksarkivet Sverige) M. (Moscovitica) 1522 Handlingar rörande ryska fångar. № 3. Письмо Хилкова царю от 1700 г.

²⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1701 г. № 2. Л. 13.

²¹ Там же. Л. 3–3 об.

мер, 26 апреля 1701 г. он отправил в Москву следующую пространную реляцию: «отправились... 30 000 пеших и конных из Стокгольма к королю. Одни говорят, что их 15 000, другие 27 000, набраны солдаты в уездах даточные только 3000 старых, 6.04 (6 апреля. — Г.Ш.) уплыл из Стокгольма на кораблях упландский полк 1000 человек, полковник Левен, а 22.04 на кораблях генерал Стюарт да с ним 2 полка солдат, говорят, 3000 человек, ветер был противный и стояли из-за погоды в устье морском..., а 11.04 получили королевский указ о высылке войск..., говорят, что салтановы войска идут к Азову и будто на него бунтовали янычары. Еще говорят, что в Швеции новый король Яков королевич». Впрочем, здесь же князь сделал приписку, в которой выразил сомнение в правдивости части приведенных сведений и дал весьма красноречивую и резкую оценку шведской политике: «ныне многие враки и лжи, о которых писать — лишь бумагу терять, где в Европе, государь Федор Алексеевич (Головин. — Г.Ш.), я был, нигде такова лживого государства не видел, все лгут и о себе манят, и все леств»²².

Тем не менее среди обилия поступавшей информации можно было отыскать ценные сведения, а иногда на их основании, сам Хилков делал очень интересные предложения. В письме от 9 декабря 1702 г., он пересказал свой разговор с русскими купцами. По их словам, «в 27 верстах от Канец» есть Котлин остров, который «кроме лодок ни одно судно обойти не может ради песков и мелкости», и только вдоль берега есть узкий канал. «А если на том острове кто учинит крепость, — писал резидент, — тот силен будет в пропуске того места»²³.

Последний сюжет приобретает особый интерес в связи с тем, что, как известно, в октябре 1703 г. Петр I отдал приказ о строительстве небольшого форта на острове Котлин, и в последующие два — три года он оказался

²² РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1701 г. № 2. Л. 6–6 об.

²³ Там же. 1702 г. № 2. Л. 41–41 об.

очень востребован и все время достраивался. Возможно, и письмо пленного резидента Хилкова повлияло на принятие такого решения.

Шведские власти довольно быстро поняли, что в Россию нелегально уходит информация, в том числе и разведывательного характера, и передает ее не кто иной, как пленный русский резидент. Стоит отметить, что в самом этом факте не было ничего удивительного: во все времена посольские работники были «глазами и ушами» своих правительств. Тот же Хилков, анализируя сведения, которые получали шведы из России, предупреждал канцлера Головина, чтобы он проверял переписку голландского посланника в Москве, так как «говорят, что это он написал суды о Книпере»²⁴. Указывал резидент, что письма шведского резидента помогают пересылать жители Немецкой слободы и даже переводчик Посольского приказа П. Койет²⁵.

Неугасающая активность Хилкова со временем вызывала все большее раздражение властей, особенно после того, как секретарь Энох Лильмарк, занимавшийся анализом корреспонденции русских пленных, обнаружил, что резидент использует симпатические чернила и тайнопись для передачи секретных сведений в Россию. Впрочем, ему так и не удалось тогда полностью установить шифр, не помогли даже неоднократные внезапные обыски в квартире подозреваемых — резидента и генералов. Тем не менее факт нелегальной переписки был установлен, что привело, среди прочего, к обострению взаимоотношений Лильмарка с «московитами». Он платил им тем же. В 1730 г. Лильмарк опубликовал книгу о своей работе в качестве переводчика и дешифратора в годы Северной войны, в которой выказал негативное отношение к русским, обвинив их в природной хитрости и коварстве.

Не уменьшилась активность русского резидента и после того, как осенью 1705 г. его, как и большинство

²⁴ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1701 г. № 2. Л. 3–3 об.

²⁵ Там же. 1706 г. № 1. Л. 26 об.–28.

пленных, в том числе и генералов (кроме Я.Ф. Долгорукого), выслали из Стокгольма. В качестве формальной причины ссылки шведские власти объявили приказ царя, раздраженного несостоявшимся обменом пленными, об отправке резидента Книперкроны и офицеров из Москвы в Казань и другие города. Получив от командира охраны майора Рилкена распоряжение о скором отъезде, Хилков написал 25 сентября 1705 г. мемориал в Королевский Совет, в котором попросил отложить отъезд на два месяца, чтобы получить сведения из Москвы, «верно ли, что ваших выслали»²⁶. Кроме того, он хотел взять с собой тех, кто у него жил (посольских служителей, прислугу, военных и купцов), иначе «они могут помереть голодом». Но ни одна из его просьб не была удовлетворена: 3 октября Хилков с четырьмя служителями «на 5 подводах по 2 лошади» отправился в Йончёпинг. В тот же день царевич Александр выехал в Линчёпинг, а чуть ранее, 1 октября 1705 г., генерал Трубецкой — в Эребру, генерал Головин — в Арбогу, генерал Бутурлин — в Вестерос, 2 октября генерал Вейде — в Евле.

По прибытии 10 октября 1705 г. в Йончёпинг Хилков несколько месяцев не имел никакой связи с Россией. Информационная блокада вынудила его искать новые каналы сообщения с Москвой, и спустя некоторое время он нашел и нанял «человека нароком», которого отправил с письмами к послу Измайлову в Копенгаген. Письмо от 8 июля 1706 г. и тетрадь «Во уведомление», исписанная мелким аккуратным почерком с элементами написания некоторых букв по-латыни, оказалась основным источником сведений о положении русских пленников, планах шведского короля и ситуации в самой Швеции в 1706 г.²⁷. Благодаря этой тетради, стало известно, что князь Хилков первые четыре месяца после приезда в Йончёпинг не имел права выходить из своей «избы с решетками» (той

²⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1706 г. № 1. Л. 13.

²⁷ Там же. Л. 3–9.

самой, в которой ранее содержался саксонский генерал барон фон Алларт). Кроме того, местный губернатор получил приказ из Стокгольма никуда не выпускать людей резидента и держать внутри дома караул, а на ночь закрывать двери на замок. В прошении Карлу от 15 декабря 1705 г. Хилков сообщил о своем горестном состоянии: «в юнчепингском замке заперт день и ночь в моих избах за решетками, сквозь которые дождь и снег, не токмо ветер проходит, и что больше того от духоты и вони того места, которое тут же в хоромах есть, где я купно с моими послуживцами нужду природы исправлять принужден... Воеводу просил, но он отговаривается указом, ...я здоровья лишился, дыханья нет и лишился пищи, кровь загустела и оцынжал»²⁸. В ответ ему было обещано, как только придут положительные сведения из Москвы, всех сразу же вернуть в Стокгольм.

Как показало дальнейшее, шведские власти не торопились выполнить свое обещание даже после того, как в феврале и марте 1706 г. пришли письма от Федора Головина, Луки Долгорукого, а также некоторых шведских пленных о том, что каролинов вернули в Москву и содержание их улучшилось.

Причин подобной сдержанности со стороны Совета и короля имелось несколько, но основной была та, что тайно поступавшие из Москвы сведения опровергали некоторые официально доставляемые слова и уверения. Хилков печально резюмировал: «худо один нам может делать, а добра и все не могут делать, да не хотят»²⁹.

Петр I, желая помочь пленным, предпринял пропагандистский ход. По его приказу «в гамбургских авизиях» была напечатана статья о том, как «правильно» держат шведских пленнх. Она возымела определенное действие: резиденту позволили гулять внутри крепости, а слуг стали пускать за продуктами. Но послабления оказались недол-

²⁸ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1706 г. № 1. Л. 13 об.

²⁹ Там же. Л. 2.

гими. Переводчик В. Абрамов, который был отправлен резидентом в Стокгольм для помощи князю Долгорукому, вернувшись, сообщил Хилкову новость, которая не прибавила ему оптимизма. Шведские власти получили сообщение о том, что пленник по фамилии Бреннер³⁰ «в железах скован, сослан с Москвы в Нижний Новгород», а «простые невольники работают в колодах и корм по 1 грошу, и умирают многие»³¹. Эта информация вновь задержала возвращение русских пленных в Стокгольм. В ответ Хилков написал тайное письмо канцлеру Головину, в котором просил сделать содержание каролинов в России более жестким. Его предложения были настолько немилостивыми, что он специально попросил Головина держать их в тайне, так как если шведы о них узнают, то «ево и иных русских шведы конечно умертвят»³².

Новый 1707 г. резидент и генералы встретили в шведской столице, и это время было довольно благополучным для них. В шведских отчетах говорится о том, что русские с октября имели возможность ходить на ужин друг к другу, отправляться за покупками, совершать прогулки. Они встречались в церкви и в бане. Приводится пример, что в один из дней февраля 1707 г. два генерала (один из которых Бутурлин) со служителем на запятках и женщиной поехали гулять на санях и чуть было не заблудились.

Лето того же года для Хилкова было отмечено надеждами на долгожданный обмен, так как Петр выразил готовность отпустить на родину Книперкرونу. Резидент Хилков 9 августа обратился с мемориалом к Королевскому Совету, в котором сообщил, что по указу Петра

³⁰ Хенрик Бреннер был участником персидской экспедиции Л. Фабрициуса. В 1700 г. он возвращался на родину через Россию и был интернирован русскими властями. Некоторое время спустя власти обнаружили при нем большое количество бумаг на латинском языке и обвинили его в шпионаже, после чего посадили в тюрьму. Его положение там было очень тяжёлым и на долгие годы стало темой обсуждения и основанием для ужесточения положения русских в Швеции.

³¹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1706 г. № 2. Л. 34 об.

³² Там же. № 1. Л. 5.

из Москвы отпущены на размен «чин на чин резидент Книпер, полковник Эншельдт» и еще несколько человек «разных чинов», и по сообщению графа Ф.М. Апраксина они уже прибыли в Копорье³³. Со своей стороны он выразил надежду, что «каникулы не помешают» «высокородным думным превосходительным графам» отправить на границу его самого, подполковника Г. Гордона, майора Воронежского, капитана Рамзе, поручика Евстафьева и прочих, чьи имена были написаны «в прожекте». Хилков был настолько уверен в скором отъезде домой, что не забыл напомнить шведским властям о возвращении оружия и серебряной посуды, отнятой у него при аресте.

Время шло, а отъезд Хилкова из Стокгольма задерживался. Спустя некоторое время стало ясно, что его обмен не состоится, несмотря на то что в начале января 1708 г. Книперкрона был уже в Выборге. Более того, в полученном в Москве официальном мемориале Королевского Совета от 10 марта говорилось, что если с Хенрика Бреннера не снимут оковы, то и Хилкова будут содержать в оковах. Указывая, что русские власти обвиняют Бреннера в передаче тайных сведений, советники писали, что они точно знают: Хилков занимается тем же. А посетивший резидента секретарь Лильемарк сообщил ему, что если через три месяца не придет положительная информация от самого пленного шведа, то Хилкова и вовсе «изничтожат». Столь жесткое обращение было вызвано тем, что вернувшиеся из плена Книперкрона, Эншельд и секретарь Тепати поведали много сведений о тяжелом положении каролинов в России.

Шведские власти сдержали обещание и вскоре приняли решение о новой высылке части русских офицеров и резидента из столицы. В письме в Москву от 18 мая 1708 г. Хилков писал, что ему и Адаму Вейде велено в два — три дня собраться и выехать из города³⁴. Пред-

³³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1707 г. № 1. Л. 3–3 об.

³⁴ Там же. 1708 г. № 1. Л. 3–3 об.

полагалось, что он поедет в Йерпесканс, но там не имелось условий для охраны, да и граница с Норвегией была близко. В конечном итоге резидент с тремя служителями 14 июня был доставлен в г. Эребру. Хилков жаловался, что живет он там «в тесноте и обиде», а продукты дороже, чем в Стокгольме. Тем не менее Манкиев, а спустя некоторое время и он сам получили возможность гулять по территории крепости. Там же продолжилась их совместная работа над историческими записками, в чем смогли убедиться местные власти после проведения внезапного обыска помещений.

Результаты обысков, проводившихся у Хилкова, демонстрируют разнообразие его занятий в плену. В начале сентября 1705 г. в поисках шифра охрана обнаружила множество листов в разных папках, среди которых были «музыкальные произведения и схоластические вещи», записки на русском о шведском государстве и завоевании балтийского побережья. Во время обыска комнаты и бани в Эребру в июле 1709 г. было обнаружено несколько чертежей и записок. Манкиев объяснил тогда, что это нужно его господину для работы и что они вместе копируют и пишут ночами³⁵.

В Эребру 11 сентября 1709 г. князь Хилков получил известие о победе русских войск под Полтавой. Многие из того, что он тогда же узнал, стало для него полной неожиданностью. Например, тот факт, что приехавший в конце августа в Стокгольм королевский секретарь Й. Цедергельм был отпущен из плена «на пароль» для организации переговоров и привез с собой царские мирные кондиции. Как известно, король не пошел на переговоры, но пока шла переписка между Советом и Карлом, произошло несколько весьма важных событий, свидетельствующих о том, что советники, по крайней мере большая часть из них, были готовы идти на уступки. Первые измене-

³⁵ *Almqvist H. Ryska fångar i Sverige och svenska i Ryssland 1700–1709. I. Rysarna i Sverige Karolinska förbundets årsbok. Lund, 1942. S. 130.*

ния почувствовал на себе сам Хилков. Губернатор Эребру 15 сентября получил указ, позволяющий русскому резиденту выходить из «шлота» (крепость) и гулять на посад под охраной, а также найти лучшее жилье³⁶.

Между тем русский резидент продолжал жаловаться в Москву, что о его освобождении шведы «молчат», а предложенный вариант секретаря Гермелина и вовсе неуместен. Хилков предложил шведским властям отпустить его в Россию для поиска приемлемых вариантов «по моему честному и дворянскому паролю» с гарантией возврата через условленный срок, но получил отказ. Новая надежда блеснула после того, как в Швеции узнали об аресте гарнизона и жителей Выборга в июне 1710 г. Во время встречи в Стокгольме 24 августа граф Вреде сообщил ему, что советники решили отпустить его с тремя слугами «просить об освобождении жителей Выборга и семьи Книпера»³⁷. Но радость оказалась преждевременной: шведская сторона запланировала участие Хилкова в переговорах, которые должны были быть проведены на находящихся в море кораблях. Князю оставалось только выразить сожаление, что если бы его отпустили в Россию, это «было надежнее и быстрее, то и выборгскому гарнизону освобождение быстрее было».

Запланированные переговоры так и не состоялись, а мытарства Хилкова продолжились. По сообщению Алексея Манкиева, после кратковременного пребывания на шведских кораблях резидента отвезли «в финскую землю», поскольку флот вернулся «на зимовье в Свею». Этот рассказ стал частью письма к «сияющей милости» князю Меншикову, в котором Манкиев просил выдать подводы для имущества, которое резидент, вновь опередив события, отправил с ним через Выборг в Санкт-Петербург³⁸. Кстати, эта поездка секретаря создала много проблем для

³⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1709 г. № 1. Л. 6–6 об.

³⁷ RAS. M. 1522. Handlingar rörande ryska fångar. № 23. Хилков – Совету. Стокгольм 26.08.1710 г.

³⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 11. 1710 г. Л. 348–349.

них обоих в будущем, так как была не санкционирована шведскими властями.

Князя Хилкова вывезли в Финляндию и держали в Сарви Лаксе, но 11 февраля перевели в имение графа Флеминга Велиес недалеко от Абова, поскольку губернатор граф Нирот решил, что его надо держать подальше от войск и под надзором, чтобы он не смог «выведывать»³⁹. Изоляция получилась успешной: поместье находилось в глухом и малонаселенном месте, поэтому резидент со своей свитой очень скоро почувствовал недостаток не только в общении, но и в пропитании. Туда же 17 февраля привезли генералов Трубецкого и Головина. Вместе с ними было доставлено тело скончавшегося 3 февраля 1711 г. в г. Питео царевича Александра Имеретинского. Спустя несколько недель поведение шведов еще более ужесточилось: 9 марта явился командующий охраной майор Юленстрем и велел отдать шпаги, но, по словам Хилкова, «мы отказались». Через пять дней предприняли повторную попытку, в результате которой были отобраны ружья, но оставлены три шпаги. Русских особенно потрясло то, что шведы забрали даже ружье царевича, которое «было при гробе его»⁴⁰.

Чуть ранее в мемориале к королевским советникам от 18 февраля Хилков, жалуясь на то, что уже многое время его «волочат... по дорогам», попросил сказать, что с ним собираются делать, «а то со мной будет то, что с царевичем Александром»⁴¹. Этот мемориал вызвал бурную негативную реакцию у членов Совета, которые были возмущены тем, что русский резидент, несмотря на помощь, которую ему оказывали, написал «много лжи и неправды», и, по их мнению, «хорошо было бы князю Хилкову одуматься и познать себя». Резиденту посоветовали воздержаться впредь «от всяких тайных и неудобных переписываний»⁴². Уже 29 марта ему и генералам Головину и Трубецкому объ-

³⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1711 г. № 1. Л. 1–2 об.

⁴⁰ Там же. Л. 1 об.

⁴¹ Там же. Л. 4–4 об.

⁴² Там же. Л. 8–14 об.

явили об отъезде в Умео, и 1 мая, как писал Хилков Головкину, «повезли нас через силу», а 29 мая переправили «через море в Умо на 7 малых ботах без крышки».

2 июня 1711 г. они прибыли в Умео, где их приняли «срамно и бесчестно»: поселили в разные дома, провели обыск, отобрали у всех шпаги и прислали для охраны роту солдат с заряженными ружьями. Губернатор граф Лёвен пригрозил суровым наказанием горожанам, если они будут передавать корреспонденцию русских, а сам уехал с семьёй из города, чтобы оградить себя от жалоб пленных. После этого Хилков написал в Москву, что теперь он понимает, почему царевич называл этого человека «злой и лихорадный»⁴³. Наконец, 28 октября 1711 г. Хилков вернулся в Стокгольм.

Вообще, 1711 г. был очень напряженным для резидента Хилкова. Бегство князя Долгорукого с большой группой пленных, эпопея с отпуском гроба с телом царевича Александра на родину, карательные меры шведских властей в ответ на массовую высылку каролинов в Сибирь — вот только несколько наиболее серьезных событий того года. Между тем, в семье Андрея Яковлевича произошла трагедия: умерла его жена Мария Васильевна, и единственная дочь осталась «в сиротстве». Сам же он после очередной неудачной попытки его обмена на семью Книперкроны и секретаря Дюбена впал в «глубокую печаль и расстройство». В конце 1712 г. обострилась болезнь Хилкова, да так, что он в письме Головкину от 1 февраля 1713 г. написал, что уже девять недель находится в постели и «от несносных болезней и печалей без всякой кому из того пользы» умрет⁴⁴.

Тем не менее он продолжил выполнять свои функции, которые оставались самыми разнообразными. Например, он обратил внимание королевских советников на нарушения, которые происходили в «городе Гевельской

⁴³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1711 г. № 1. Л. 21.

⁴⁴ Там же. 1713 г. № 1. Л. 3–4 об.

провинции», когда бургомистр русским работным людям «делал обиды: держал тесно, на работу неволю гонял и бил, и корм королевский алтын в день... удерживал и не давал год с лишним, и пособие отнимал». Благодаря его вмешательству из Стокгольма прибыл специальный фискал и нарушения прекратились. В феврале 1713 г. вместе с телом генеральши Головиной Хилков отправил в Россию составленные местными властями списки русских пленных, находящихся в Швеции. Но разведывательная деятельность по-прежнему была приоритетной для Хилкова и его ближайшего окружения.

В связи с усилением внимания Петра к гражданскому строительству кроме политических и военных сводок из Швеции стали поступать сведения об устройстве государственных органов. Например, по заданию резидента Манкиев составил и выслал в Москву список недавно назначенных шведских губернаторов, омбудсменов в коллегиях, военных чинов и священников. Он же информировал о причинах расширения Канцелярии Совета.

Причиной очередной высылки части русских пленных из Стокгольма стали пришедшие сведения о том, что каролинов отправили в Сибирь. Хилкова отослали в мае 1713 г. в г. Вестерос, а вернувшийся в ноябре 1714 г. «из нехристианских стран» Карл XII категорически потребовал, чтобы к русским пленным продолжали относиться с максимальной строгостью. «Побежденные над победителями прокужатся», — так отреагировал Хилков на ужесточение режима содержания⁴⁵. Больше всего его угнетало то обстоятельство, что он мало чем может помочь своему государю, так как находится «от Стокгольма в отсутствии». «Но должности не щадю», — писал резидент и каждую новость сопровождал комментарием, что не может быть уверен в достоверности того или иного сообщения. Так, например, он поступил, отправив Головкину в мае 1714 г. новость о том, что шведы забирают в

⁴⁵ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1714 г. № 1. Л. 13–13 об.

армию «земляное воинство», в котором мужики вооружены топорами и косами⁴⁶. И все же мимо его внимания не прошли такие интересные факты, как ожидание возвращения в Швецию короля Карла, помолвка принцессы и будущей королевы Ульрики-Элеоноры с Фридрихом Гессен-Кассельским, проезд посланника прусского короля Бассевича для переговоров. Не без удовлетворения отметил он страх, который испытали шведы, когда «вашего величества армада» внезапно показалась на рейде Стокгольма, а также трудности, которые возникли в стране с продовольствием⁴⁷.

В конце 1715 г. Андрей Яковлевич Хилков отправил последнее письмо братьям Юрию и Михаилу в Санкт-Петербург. Как обычно, главной темой письма была просьба о присылке денег по векселю. Кроме того, он назвал имена нескольких пленных каролинов, которым следовало оказать поддержку, в частности, «поручику Феодору Аставсону», отец которого неоднократно ему помогал⁴⁸.

Затянувшаяся ссылка в Вестерос неожиданно превратилась в начале 1716 г., но совсем не так, как хотелось бы русскому резиденту. Был получен приказ о еще более дальней ссылке: город Йончёпинг, а далее на остров Висингё и крепость Висингсборг. К этому времени, судя по всему, здоровье русского резидента уже было сильно расстроено. По дороге к новому месту ссылки он подал прошение местному губернатору об отпуске его на время «на менеральный колодезь для лечения», и тот даже согласился, но решил дожидаться решения короля⁴⁹. Последний, как всегда, когда дело касалось Хилкова, категорически возражал, и это сыграло впоследствии свою трагическую роль.

Остров Висингё расположен в центре озера Веттерн, в 30 км от центра провинции города Йончёпинга. Главной

⁴⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1714 г. № 1. Л. 6–6 об.

⁴⁷ Там же. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 21. 1714 г. Л. 542–543 об.

⁴⁸ RAS. M. 1522. Handlingar rörände ryska fångar. № 2 от 11.12 1715 г.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1713 г. № 1. Л. 9–14.

достопримечательностью этого большого острова был замок графов Браге — место проживания для пленных разных национальностей. Хилков прибыл туда в конце февраля 1716 г. вслед за генералами Головиным и Трубецким с семьей. Свите князя предоставили несколько комнат в западной части замка, а сам он разместился в губернаторских покоях на верхнем третьем этаже. Но летом всем пришлось потесниться, так как стали привозить большие группы рядовых пленных.

Постоянное пребывание в сырых и плохо вентилируемых помещениях, ограниченность передвижения, скудное питание и многолетнее душевное напряжение в конечном итоге привели к трагедии: 7 ноября 1716 г. русский дипломат князь Андрей Яковлевич Хилков скончался в возрасте 40 лет. Одно из его последних писем с острова датируется 3 сентября и написано племяннику Василию Михайловичу. Кстати, именно на это письмо ссылается домоправитель Хилковых в прошении о выдаче жалованья за 1716 г., направленном в Правительствующий сенат. Прошение было написано 19 февраля 1717 г., когда домашние еще не знали о смерти князя. Не знали об этом и руководители Посольской канцелярии Головкин и Шафиров, когда отдавали на следующий день приказ о переводе резиденту жалованья на 1717 г.⁵⁰

18 октября 1718 г. к острову Аланд причалили две шведские галеры. На них находились два «нарвских сидельца» — генералы А.М. Головин и И.Ю. Трубецкой с семьей и сослуживцами. Кроме того, на одном из кораблей находилось тело покойного резидента князя Андрея Хилкова, которое сопровождали «государственной посольской канцелярии служивые»: переводчик Алексей Манкиев, канцелярист Иван Чередьев, писарь Яков Ефимов и слуга Сергей Стрелков. 19 октября гроб с телом был передан русским властям и поставлен в русской церкви, а 23 октября отправлен в Абов. По прибытии в

⁵⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1717 г. № 7. Л. 1.

Санкт-Петербург были устроены торжественная церемония встречи с участием царя и последующее захоронение в Александро-Невском монастыре. Так закончилась история русского резидента в Швеции, верного соратника Петра I князя А.Я. Хилкова. Но еще некоторое время его имя было предметом переписки между Россией и Швецией: предстояло оплатить его долги и вернуть из Швеции вещи, которые, по словам его служителя купца Анисима Исакова, «были разбросаны по шести городам»⁵¹.

Князь Андрей Яковлевич Хилков волею обстоятельств стал заложником и жертвой большой политики, но в самых сложных обстоятельствах не сложил руки и вел свою «Северную войну», тем самым заслужив память и уважение потомков.

⁵¹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1718 г. № 2. Л. 20.

**«Читать... главнейшие случаи прежних времен»:
история и идея преемственности в воспитании
наследников престола в России XVIII в.
(по материалам РГАДА)**

В историографии русского XVIII в. утвердилось мнение, что мужские правления в этом столетии (за вычетом, конечно, Петра Великого и, возможно, Павла I) не оказали серьезного влияния на дискурсивные практики власти. Напротив, устойчивым является представление, что краткие царствования Петра II, Иоанна Антоновича, Петра III и даже Павла I, по сути, мало что изменили в репрезентации власти и социальных представлениях о ней. В этом отношении каждый из подобных этапов воспринимается как малозначительный и в большинстве своем проходной. Вопрос взаимного влияния и/или соположения семантических структур, с одной стороны, апеллирующих к категории власти, а, с другой, выработанных в период мужских правлений XVIII столетия в историографии никогда не поднимался.

Вместе с тем ряд архивных материалов, хранящихся в РГАДА, позволяет по-иному взглянуть на проблему. Так, в Ф. 156 «Исторические и церемониальные дела» содержится дело, озаглавленное «Расписание учебных занятий императора Петра II» (Оп. 1. Д. 198)¹. Дело датировано 21 июля 1727 г., т.е. первыми месяцами пребывания на престоле юного императора. По мнению ряда историков, этот план обучения был составлен А.И. Остерманом². Судя по пометкам в конце текста, документ был представлен к обсуждению и требовал одобрения членов Верховного тайного совета³.

¹ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 1–4 об.

² Павленко Н.И. Петр II. М., 2006. С. 35–36.

³ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 4 об.

Однако перед нами отнюдь не только история конца 1720-х гг. Первая фраза документа позволяет раздвинуть хронологические рамки использования сохранившегося текста, поскольку указывает на то, что спустя более чем 30 лет документ был затребован из Московского архива в Петербург, куда и был доставлен 2 марта 1760 г.⁴

Следует указать, что этот материал был введен в научный оборот еще в середине XIX в. Сокращенный вариант текста был издан в 1840-х гг. в «Пояснениях и дополнениях» к «Истории Петра II». Практически в том же виде он появился в «Истории России» С.М. Соловьева. «Расписание» было также опубликовано в приложении к монографии Н.И. Павленко⁵.

Обратимся теперь собственно к материалам дела. Перед нами план занятий императора Петра II, рассчитанный на полгода, т.е., по сути, проект начального этапа обучения 12-летнего императора.

В деле содержится не только окончательный вариант текста, но и черновики к нему. Пометки корректирующего и дополняющего характера на полях отражают своего рода дискуссию относительно того, что должен знать и уметь российский монарх. В частности, это касается духовной литературы, которую предписывалось читать Петру II. В основном варианте сказано, что сразу после утренней молитвы императору надлежало читать «божественные книги». Далее следовало более подробное описание таких книг: «в один день евангелисты, в другой — апостольское деяние, а в третьей иная какая божественная книга, например житие святых отцов или сему подобные чтены быть могут». Однако это предложение в тексте выделено, а на полях напротив него написано: «Сей очерченной пункт в белом предложении выпущен, а вместо него написано в оригинальном следующее: “Что надлежит до церкви и молитвы, о том Его Императорскому Величеству донесено

⁴ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 1.

⁵ История Петра II // Труды Императорской Российской Академии. СПб., 1840. Т. 2. С. 192–195; Павленко Н.И. Указ. соч. С. 174–177.

будет впредь»⁶. Кроме того, указано также, что копия документа послана членам Святейшего Синода, при активном участии которых, очевидно, и принимались решения относительно духовной литературы для монарха.

Обучение Петра II предполагалось устроить таким образом, что утром император должен был заниматься в основном тем, что требовало интеллектуального усилия. Во второй половине дня, напротив, на первый план выходила физическая активность (спорт, танцы, прогулки). Два раза в неделю Петр II должен был присутствовать на заседании Верховного тайного совета: таким образом, теоретическая подготовка к управлению страной должна была сочетаться с практическим участием в ее управлении.

Однако самым интересным, как кажется, здесь представляется набор дисциплин, предлагаемый для изучения императором, а также их, своего рода, ротация. Судя по объему часов, отводимых на изучение того или иного предмета, главная роль на начальном этапе обучения монарха принадлежала истории и географии.

Первенство при этом оставалось за историей. Несмотря на указание о том, что каждой из предписанных к изучению наук «надлежит собственное краткое описание сочинить», в целом именно история в тексте описана достаточно детально. Так, изучение императором этой науки было с самого начала оформлено с точки зрения прямого указания на материалы, обязательные к прочтению. Например, для древней истории предполагалось использовать работы Иоганна Гибнера (Хюбнера) (Johann Hübner), названного в тексте Яганом Гибнером⁷. Этот немецкий педагог был автором признанных, в том числе и в России, сочинений по истории и географии. При этом, по мнению современных исследователей, его самый знаменитый и во многом капитальный труд по географии, переведенный на русский в начале XVIII в., аккумулировал значительный объем сведений, собранных к тому

⁶ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 1 об.

⁷ Там же. Л. 2.

времени в науке⁸. Но, вероятно, в данном случае речь шла все-таки о его исторических работах, таких как «*Bibliotheca historica*» или «*Fragen aus der politischen Historie*»⁹.

Новую историю следовало «трактовать... по поводу господина Пуффендорфа», немецкого историка и философа второй половины XVII в., опубликовавшего несколько томов по истории Европы. К началу царствования Петра II в России уже существовал перевод его «Введения в историю европейскую», осуществленный Гавриилом Бужинским.

История — как древняя, так и новая — фигурирует в плане занятий с понедельника по четверг, география — в понедельник, вторник и четверг, с повторением пройденного материала в субботу. Но на историю в целом был отведен более значительный объем часов, при этом здесь заметна и установка на большую концентрацию внимания. Так, во вторник император, как предполагалось, должен был изучать историю с 9 до 10 час. утра, а потом, после короткого отдыха, с 11 до 12¹⁰. На прочие науки (к которым отнесены «математические части и искусства из механики, оптики и прочее») отведен лишь час в пятницу¹¹.

Из текста документа следует, что изменения были заложены в саму основу системы («Вышереченным образом

⁸ Лебедев Д.М. География в России петровского времени. М.; Л., 1950. С. 342–344.

⁹ О Гибнере см.: Страленберг Ф.И. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северо-восточная часть Европы и Азии. М.; Л., 1985. С. 24, 101.

¹⁰ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 1 об.–2.

¹¹ Обращает на себя внимание и включение в программу обучения охоты («ловля на острову»). Конечно, в традиции Московского царства охота была неотъемлемой частью церемониала, выполняя сакральные функции: на символическом уровне она воспроизводила важный для властной репрезентации сюжет о победоносном сражении с врагом. Вместе с тем, как известно, для властного дискурса начала XVIII в. коннотации такого рода не просто отошли на второй план, а на какое-то время исчезли. Потребность в символической «войне» — по крайней мере, в тех формах, которые предлагало XVII столетие — перестала быть актуальной. Включение охоты в список обязательных занятий, очевидно, было данью известному увлечению самого императора (РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 3).

можно первую половину года поступать. В другую половину года отмену учинить и другие дела начать»¹²). Вместе с тем стремление начать обучение императора-ребенка с географии и главным образом с истории представляется исключительно интересным. Это особенно бросается в глаза, учитывая, что принятие решения такого рода происходит всего через несколько лет после смерти Петра I.

Основатель империи, как известно, возводил в культ совершенно иные науки. Это видно уже из плана по обучению царевича Алексея Петровича, предложенного его воспитателем бароном фон Гюйсенем. Старшего сына Петра I намеревались учить богословию, арифметике, геометрии, географии, иностранным языкам, фехтованию, танцам и верховой езде. Эта довольно обширная программа так и не была воплощена в жизнь¹³. Главное же заключается в том, что как и в случае с обучением царевича, в большинстве образовательных программ для дворянских недорослей петровского времени гуманитарные дисциплины существенно уступали по значению арифметике, геометрии, фортификации и черчению. История в списке обязательных предметов зачастую вообще не появлялась. По мнению Петра I, дворянину надлежало обладать прежде всего знаниями в области технических наук и рядом практических навыков.

Со смертью Петра Великого изменилась сама система приоритетов. В определенном смысле произошло «открытие» истории. При этом смерть преобразователя стала своего рода точкой отсчета для формирования линии новой истории России.

¹² РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 4.

¹³ С середины 1700-х гг. воспитатель царевича Г. фон Гюйсен начал выполнять дипломатические поручения, требующие продолжительного пребывания за границей, а наследник, вынужденный часто прерывать обучение, часто находился в селе Преображенском без какого бы то ни было присмотра. Вероятно, именно поэтому уровень знаний царевича не был достаточно высок. Он свободно говорил по-немецки, мог изъясняться на французском, однако очень плохо знал математику, не умел составлять чертежи, а столь любимой его отцом фортификацией начал заниматься лишь по достижении 18 лет.

Это предположение подтверждается текстом приведенного документа. Дело в том, что в «Расписании учебных занятий императора Петра II» древняя и новая история не просто показаны по-разному, каждый из хронологических этапов особым образом акцентирован. Как следует из материалов дела, в древней истории для императорского обучения значимость представляют основные исторические события («главнейшие случаи прежних времен»), изменения мировой карты («перемены, приращения и умаления розных государств»), а также — и этот аспект выделен как приоритетный — деятельность выдающихся государственных деятелей («добродетели правителей древних с воследованною потом ползую и славою») ¹⁴. По этому предмету в течение полугода надлежало пройти «ассирийскую, персиккую, греческую и римскую монархию» ¹⁵ (здесь и далее курсив мой. — Е.Б.).

Новая история, как предполагалось, должна быть исследована венценосным воспитанником иначе. Помимо собственно исторических событий («новое деяние» каждого государства) Петру II надлежало комплексно изучать историю государств («форма правительства», династический план, (гео)политические интересы). Приоритет отдавался истории сопредельных держав, при этом важным оказывалось изучение «силы и слабости... пограничных государств» ¹⁶.

Разное по своей сути содержание того, что в тексте названо «древней» и «новой» историей, представляется чрезвычайно важным. Так, для древности особое значение имеет, помимо изменения карты мира, деятельность «великих мужей», которая, согласно предложенной формулировке, протекала в рамках монархических государственных структур. Напротив, описывая принципы преподавания новой истории, автор документа призывает обращать внимание прежде всего на соседние государства, но

¹⁴ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 1 об.

¹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 2 об.

совершенно игнорирует актуальный для древней истории рассказ о добродетелях государей, которые в этом случае оказываются еще и соседями. В целом такая установка вполне объяснима. Все многообразие исторических персонажей древней истории неизбежно отходило на второй план, уступая место одной единственной фигуре из новой истории России — монарху, который должен был стать высоким образцом для юного императора, его внука.

Несомненно, для русского XVIII в. выстраивание образа правящего монарха с учетом многочисленных отсылок к фигуре основателя империи Петра I — это четко выстроенный и многократно востребованный образец. Ведь после смерти первого императора культ, сложившийся вокруг его фигуры, всецело доминировал как в широком властном, так в более локальном династическом дискурсах¹⁷. В историографии справедливо утвердилось мнение, что контаминации такого рода имели значение для императрицы Елизаветы Петровны и, по крайней мере, в первой половине царствования, для Екатерины II¹⁸. Однако анализ материалов второй половины 1720-х гг. позволяет говорить и о том, что такие дискурсивные практики появились значительно раньше. Показателен, следующий документ:

«Божей Милостию мы Петр Второй Император и Самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Нашей Коллегии иностранных дел.

Сего мая 17 дня указали мы впредь сего нашего указа Васильевской остров в письмах писать и словесно называть остров Преображенской, и нашей коллегии ино-

¹⁷ Об этом подробнее см.: Болтунова Е.М. Пространство власти: царский/императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт-Петербурга конца XVII — XVIII вв. // Изобретение империи: языки и практики. М., 2011. С. 49–91; Она же. Петр Великий в топографии града Петрова: идея преемственности власти в символике императорских мест Санкт-Петербурга XVIII в. // Труды Государственного Эрмитажа. Петровское время в лицах — 2006. Вып. XXXII. СПб., 2006. С. 52–60.

¹⁸ Проскурина В. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 105–146.

странных дел о том ведать, а в Сенат, в оные обе военные коллегии о вышеписанном наши указы посланы...

По указу Его Императорского Величества советник Василий Степанов, обер-секретарь Анисим Маслов»¹⁹.

Очевидно, переименование Васильевского острова северной столицы в Преображенский не имело практического смысла, а, напротив, носило исключительно символический характер: перед нами попытка выстроить монарший образ юного Петра II, активно используя существующий (и абсолютный по значению, по крайней мере, для последующего столетия) образец.

Можно не без основания утверждать, что такая традиция символической легитимации власти была изобретена при активном участии А.Д. Меншикова. Это была одна из первых попыток подобного рода. Обращает на себя внимание и то, что указ был объявлен всего через несколько дней после смерти Екатерины I, скончавшейся 6 мая 1727 г., т.е. фактически стал одним из первых актов нового царствования вместе с указами о пожаловании А.Д. Меншикова в генералиссимусы (12 мая) и о погребении усопшей императрицы в крепости (16 мая)²⁰. Указ этот вполне четко исполнялся: отсылки к «Петербургскому Преображенскому острову» несколько лет фигурировали и в официальном делопроизводстве²¹. Идея создания в Петербурге своего рода Нового Преображенского получила дальнейшее развитие, поскольку именно здесь, всего в нескольких метрах от Меншиковского дворца, был заложен новый императорский дворец.

Поразительно, но после падения А.Д. Меншикова такая установка не была отвергнута пришедшим к власти кланом Долгоруких. Последние по сути продолжили развивать прежнюю линию: в символическом отношении император-ребенок Петр II не просто позиционировался

¹⁹ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 47. Л. 30–34 об.

²⁰ Там же. Л. 35.

²¹ См., напр.: РГАДА Ф. 248. Кн. 739 (1729 г.). Л. 244; Кн. 909. Л. 74.

как наследник своего великого деда, он был новым воплощением Петра-основателя, Петра-демиурга.

Примечательны в этой связи материалы подготовки к коронации Петра II в Москве. В сложный период серьезных перестановок при дворе, вызванных неожиданным для многих падением князя А.Д. Меншикова и последующим переездом двора в Москву, далеко не все сановники смогли четко сориентироваться и тем более предсказать поразительную во многих отношениях преемственность ряда оценок и положений при переходе власти от Меншикова к Долгоруким. Интересен, например, процесс выбора места проживания императора в Москве. В материалах РГАДА сохранились письма Гаврилы Головкина, который, находясь в Москве, участвовал в подготовке коронации. Он непосредственно занимался выбором подходящего случая помещения, что, с одной стороны, вызвало немало проблем, а с другой, давало простор для разного рода трактовок и предположений. Головкин, в частности, сообщал в Петербург Ивану Мусину-Пушкину: «В пришетствие Его Императарского Величества надеемся, что *изволит жить в Москве, в Кремле*. И про Его Величество полаты лутче... средние и верхние и в которых *преж сего живала царица Марфа Матвеевна*»²².

Идея поселить Петра II в Кремле не встретила поддержки, и палаты царицы Марфы Матвеевны продолжали пустовать. Зато в Петербурге быстро поняли, что следует обратить внимание на район старой московской Немецкой слободы, и из северной столицы уже летели приказы о спешной починке сохранившихся здесь дворцов²³.

Действительно, петровские места Москвы не потеряли своего значения к концу 1720-х гг. Более того, эта, по сути, московская периферия, как и при Петре I, осталась центром власти. Ведь двор Петра II разместился в Лефортовском (Петровском) дворце на Яузе, построенном для

²² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 34746. Л. 26 об.

²³ Там же. Л. 17–17 об.

одного из фаворитов Петра Великого Франца Лефорта, но активно использовавшемся первым императором в начале царствования. Долгорукие с принцессой-невестой разместились в соседнем Головинском дворце. Следует отметить, что документы того времени не называют этот район Лефортово. Напротив, часто эта местность оказывается топографически связанной с известным петровским селом Преображенским или Немецкой слободой²⁴. Так Петр II, покинув петербургский *Преображенский остров*, переместился чуть ли не в московское село *Преображенское*.

Это далеко не единственное свидетельство. Показательны проекты триумфальных арок в честь коронации Петра II, символическое оформление которых почти всегда предполагало морские и военно-морские коннотации²⁵. И хотя юный император не любил ни кораблей, ни моря²⁶, это не имело никакого отношения к символическим структурам, в соответствии с которыми выстраивался официальный образ юного монарха.

Возможно, Долгорукие были готовы пойти в этом вопросе еще дальше. Так, в невесты Петру была выбрана 17-летняя Екатерина, а не 14-летняя Елена, хотя иностранные дипломаты в депешах сообщали: вопрос о том, какая именно из дочерей А.Г. Долгорукого станет невестой императора,

²⁴ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 34746. Л. 1–26.

²⁵ Там же. Л. 105–110 об.

²⁶ Наиболее четко это выразил испанский посол в России, сообщивший своему правительству в 1728 г., что «царь (Петр II. – Е.Б.) не терпит ни моря, ни кораблей и страстно любит псовую охоту. Здесь, в Петербурге, негде охотиться, но в Москве очень можно, почему никто не сомневается, что, переехав туда один раз, он едва ли возвратится... и причины, для сего приводимые, кажутся мне не неосновательными» (*Герцог Лирийский*. Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 197). В формулировке подобного рода Петр II оказывается полной противоположностью своему деду Петру I – он равнодушен к деятельности, которой следует заниматься монарху, т.е. военному и военно-морскому делу, зато увлечен совсем не имперской охотой. Между прочим историк Н.И. Павленко упоминает, что интерес Петра II к охоте был не столь уж продолжительным. Ссылаясь на слова саксонского посланника Лефорта, он отмечает, что император охладел к охоте в ноябре 1729 г. (*Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 124).

какое-то время оставался открытым²⁷. Был ли выбор старшей из дочерей решением самого императора или Долгоруких, сказать сложно. Но в таком случае последние получали возможность определенным образом обыграть совпадение имен покойной императрицы и жены Петра I Екатерины Алексеевны и невесты императора Петра II княжны Долгорукой. Ведь в случае женитьбы юного императора на Екатерине Долгорукой на Российском престоле появилась бы очевидная для всех «реплика» имен — рядом со вторым Петром стояла бы и вторая Екатерина Алексеевна. Такая ситуация могла быть на руку Долгоруким, поскольку предоставляла возможность дополнительной символической легитимации целого ряда действий, а, значит, фамильная гордость древнего рода, вероятнее всего, могла на время отойти в сторону. Впрочем, и оценки происхождения Екатерины I больше не имели принципиального значения. Решающим становился образ сподвижницы и преемницы великого монарха.

В конце 1720-х гг. образ св. Екатерины и связанные с ним государственно-символические структуры ненадолго вновь стали актуальными²⁸. Так, обручению Петра II и Екатерины Долгорукой предшествовала большая «поздравительная аудиенция» в Головинском дворце, устроенная для «чужестранных министров» в день св. Екатерины 24 ноября 1729 г. При этом принцесса-невеста принимала поздравления «как с настоящим супружеством, так и с тезоименитством»²⁹. При обручении ей был пожалован орден Св. Екатерины.

Возвращаясь к материалам архива, отметим, что, как уже указывалось выше, спустя три десятилетия после описанных событий план учебы Петра II вновь был затребован двором, на сей раз — императрицей Елизаветой

²⁷ СИРИО. Т. 5. С. 318; 1891. Т. 75. С. 153; Оснадцатый век. Кн. 2. М., 1869. С. 114.

²⁸ Показательно, что во время правления Анны день св. Екатерины исчез из списка государственных праздников (*Marker G. Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. Northern Illinois University Press, 2011. P. 139*).

²⁹ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 16. Л. 3 об.

Петровной. Возможно, его «примеривали» на будущего Павла I или, по крайней мере, хотели частично использовать при разработке программы обучения великого князя. Ведь именно в это время воспитанием Павла Петровича начал заниматься Н.И. Панин, а годом позже Елизавета подписала небезызвестную инструкцию о принципах воспитания будущего наследника³⁰.

Интересно, что перечень предметов к изучению в елизаветинском наставлении был опущен. Вместе с тем императрица особо остановилась на том, что в документе названо, с одной стороны, «долгом», а с другой, «жребием» наследника — его обязанностью воспринять российский престол. Говоря о необходимости подготовить великого князя к этой роли, Елизавета указала Панину на важность воспитания в наследнике любви к Отечеству. Более того, она предложила путь к достижению такого результата: «как человек любит вещь, когда он знает ея достоинство и дорожит оною, когда видит, что польза его состоит в сохранении оной: то надлежит предпочтительно пред другими науками подать его высочеству совершенное знание об России, показать ему, с одной стороны, из дел прошедших и нынешних, особливо родителя нашего времен, изящныя качества Российскаго народа, неустрашимое его мужество в войне, непоколебимую его верность и усердие к отечеству, а, с другой стороны, плодородие и почти во всем изобилие пространных Российских земель, и, наконец, надежные отечества нашего достатки и сокровища, кои оно в недрах своих сохраняет»³¹. Фактически, несмотря на содержащуюся в тексте формулировку: «что касается до наук и знаний вообще, то признаваем мы излишно распространиться здесь подробным оных оглавлением»³²,

³⁰ *Елизавета I*. Инструкция обергофмейстеру при его императорском высочестве государе великом князе Павле Петровиче, господину генералу поручику, камергеру и кавалеру Никите Ивановичу Панину (1761 г.) // Русский архив. 1881. Кн. 1. Вып. 1. С. 19–20.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 20.

перед нами четкое указание на конкретные дисциплины, способствующие усвоению знания о России, а именно на историю и географию. При этом в истории («изучение... дел прошедших») особое внимание, по рассуждению императрицы, должно было уделяться царствованию Петра Великого («родителя нашего времени»), а также истории войн («неустршимое его (российского народа. — Е.Б.) мужество в войне, непоколебимую его верность и усердие к отечеству»). Преподавание же наследнику географии («дела нынешние») предполагало в первую очередь рассмотрение обширности государства и богатства его недр.

Очевидно, что отдельные принципы обучения, установленные для Петра II еще в конце 1720-х гг., оставались актуальными, по крайней мере, на протяжении нескольких последующих десятилетий. Особенно это касается восприятия истории как фундамента обучения, а также значимости фигуры основателя империи Петра I для формирования образа нового монарха. Более того, в данном случае можно указать на то, что в XVIII в. план обучения одного из императоров оказался через какое-то время востребованным при подготовке проекта воспитания другого монарха. Указание подобного рода вступает в противоречие с некоторыми устойчивыми историографическими трактовками русского XVIII в. Ведь «эпоха дворцовых переворотов» зачастую представляется временем, когда образ престолонаследника воспринимался независимо от образа его предшественников-мужчин, остававшихся у власти совсем недолго. Думается, что такая позиция не вполне корректна.

Приложение

1727 г. июня 21. — Расписание учебных занятий императора Петра II.

Помета: (Л. 1) В присланном из Московского архива 2 марта сего 1760 года в запечатанном пакете под здешним номером № 35 по распечатанию явилось следующее.

Предложение о разделении часов, которое Его Императорское Величество к своим указам и забавам употребить изволит.

Понеже часы к наукам и забавам всегда переменяются имеют, того ради о раздроблении оных надлежит наипаче смотреть предполудня и такое, ежели Его Императорское Величество обыкнет порядочно в 9 или 10 часу почивать ложитца, то может паки в 7 или в 8 часов встать.

И понеже ни что благословенно быть не может, что не с Богом начато, произведено и совершено бывает, то б первое и наиважное было, чтоб Его Императорское Величество, коль скоро встанет, прежде всего (Л. 1 об.) чинить имел, чтоб к Богу обратился и умиленною молитвою себя ему наиприлежнейше препоручил.

По совершении молитвы может Его Императорское Величество или евангелистов, или иную какую божественную книгу к своему обучению читать, или читать повелеть, а имянно — таким образом, что в один день евангелисты, в другой — апостольское деяние, а в третьей иная какая божественная книга, например, житие святых отцов или сему подобные чтены быть могут.

Потом отдохнув немного, можно науки предвосприять, а имянно сим порядком.

В понедельник: От 9-го до 10-го часа читать историю и вкратце главнейшие случаи прежних времен, перемены, приращения и умаления розных государств, причины тому, а особливо добродетели правителей древних с воспоследованною потом ползою и славою представлять. (Л. 2) И таким образом можно во время полугода пройти ассирийскую, персидскую, греческую и римскую монархию до самых новых времен, и можно к тому ползоваться яко автором первой части исторических дел Яганом Гибнером, а для приискивания Билдесалом. От 10 до 11 может Его Императорское Величество отдохнуть или по соизволению в своих покоях забавляться. От 11 до 12 часа продолжать древнюю историю. От 12 до 2 часа оставляется на кушание и покой Его Императорского Величества.

По полудни: От 2-го до 3-го часа на танцование и на соизволяемой при том концерт употребить. (Л. 2 об.) От 3-го до 4-го часа географию от части по глобусу по ландкартам показывать и к тому употребить краткое описание Гибнерово. От 4-го до 5-го часа паки на забаву Его Императорского Величества определяетца, и можно гуляним забавляться. От 5-го до 6-го часа инде, где покоитца, от 6 до 7 прежние забавы продолжать.

Во вторник: От 9 до 10 часа для отмены против прежняго дня новую историю трактовать, и в онои по приводу господина Пуффендорфа, новое деяние каждого, а особливо пограничных государств представлять и в прочем известии о правительствующей фамилии, каждого государства интересе и форме правительства, силе и слабости помалу подать, от 10 до 11 часа останется на покой, от 11 до 12 часа продолжать новую историю. (Л. 3) По полудни: От 2 до 3 часа забавляютца игрой, названною волянтеншпиль. От 3 до 4 часа математические операции, арифметику и географию учить. От 4 до 5 часа можно забавляться стрельбою в мишен, от 5 до 6 немного отдыхать. От 6 до 7 часа одну забаву из прежних продолжать.

В среду: До полудни будет Его Императорское Величество присутствовать в Тайном совете и болше того ничего иного чинить не будет. По полудни: От 2 до 3 часа обучатца бильярдом. От 3 до 4 часа продолжать древнюю историю. От 4 до 5 часа забавлятца ловлею на острове. От 5 до 6 часа можно покоитца, а от 6 до 7 часа продолжать прежнюю забаву.

(Л. 3 об.) В четверток: От 9 до 10 часа география. От 10 до 11 часа отдыхать. От 11 до 12 часа паки география. По полудни: От 2 до 3 часа танцовать. От 3 до 4 часа новую историю. От 4 до 5 концерт музыкаской. От 5 до 6 продолжать музыку или отдыхать. От 6 до 6 то же или гулять ездить.

В пятницу: Пред полуднем присутствует Его Императорское Величество в Тайном совете. По полудни:

От 2 до 3 часа волянтеншпиль или бильярдом. От 3 до 4 часа протчия математическая части и искусства из механики, оптики и прочее. От 4 до 5 часа на лошадях гулять ездить. От 5 до 6 часа отдыхать. (Л. 4) От 6 до 7 часа продолжать одну из протчих забав сегодни.

В субботу: По полудни можно по изволению то, что в георгафии, математике во всю неделю учено, твердить. По полудни от всех разделенных часов свобода.

Вышереченным образом можно первую половину года поступать. В другую половину года отмену учинить и другие дела начать. X каждой науке надлежит собственное краткое описание сочинить, которое к обучению Его Императорского Величества особливо учреждено быть имеет.

Ежели Его Величество в вечеру о 7 или о 8 часа кушать изволит, то может после ужина, пока час к почиванию придет, паки из божетственной книги что ни будь читать повелеть и потом (Л. 4 об.) по совершении молитвы во имя Божие на покой идти.

На оном предложении подписано пако: Вышеписанное предложение написано набело вдвое и подписаны обои от особ переходного Верховного тайного совета, а имянно: генералиссимуса и рейхсмаршала светлейшего князя Меншикова, генерала адмирала графа Апраксина, канцлера графа Головкина, действительного тайного советника князя Голицына. И одно из оных предложений поднесено от оных Его Императорскому Величеству, а другое в тож время отдано вице канцлеру и действительному тайному советнику барону Остерману. Июля 21 дня 1727 году.

Помета на полях: Сей очерченной пункт в белом предложении выпущен, а вместо него написано в оригинальном следующее: «Что надлежит до церкви и молитвы, о том Его Императорскому Величеству донесено будет впредь». Сего очерченного пункта сообщена копия членам Святейшего Синода, июля 17 1727 года, а имянно отослана она к архиерею Ростовскому.

РГАДА Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л.1—4 об.

«Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг.*

«Этого воззвание вызвало чрезвычайную радость у всего российского дворянства»¹, — описывал маркиз де Шетарди в своем донесении реакцию российского шляхетства на манифест от 31 декабря 1736 г., устанавливавший для дворянства 25-летний срок службы, дававший право одному из сыновей в дворянской семье оставаться дома «для содержания экономии» и вводивший некоторые другие послабления в сравнении с петровскими нормами. Манифест этот, ставший центральным — но не единственным — элементом комплекса правительственных мероприятий, известных в историографии как реформа системы дворянской службы конца 1730-х гг., играет важнейшую роль для понимания ключевых сюжетов отечественной политической истории XVIII в. С одной стороны, он позволяет судить о характере аннинского правления, о взаимоотношениях между разными группировками внутри правящей элиты, даже о причинах провала ограничительной попытки 1730 г. С другой стороны, манифест помогает точнее понять и природу самодержавия XVIII в. в целом, и статус дворянства как «правлящего класса» в частности. Наконец, без специального изучения манифеста 1736 г. трудно осмыслить социальные, политические и интеллектуальные основания для эмансипации дворянства в 1762 г. и последующих реформ Екатерины.

Традиционно реформа конца 1730-х гг. рассматривалась как следствие политического кризиса начала ан-

* Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

¹ «Ce placard à cause une joie extrême à tout le noblesse de Russie...». Archives Diplomatiques (Париж), Correspondance Politique, Russie. Vol. 30. F. 94 verso-95.

нинского царствования, как еще один шаг правительства навстречу требованиям, сформулированным дворянством в 1730 г.² В некоторых работах способность дворянства добиться этой и других уступок предстает даже как проявление некоторой «ограниченности» самодержавия и показывает, что дворянство являлось «правлящим классом»³. Известная нелогичность такой интерпретации была отмечена достаточно давно: в самом деле, если правительство было вынуждено пойти на эту меру под давлением дворянства, то непонятно, почему манифест был принят не вскоре после кризиса, а лишь в 1736 г., когда позиции режима вроде бы уже укрепились — при том что ряд более ранних предложений о смягчении условий службы дворянства был отвергнут по итогам дискуссий внутри самого же аннинского правительства⁴. Впрочем, поскольку вплоть до последнего времени реформа дворянской службы конца 1730-х гг. не подвергалась специальному изучению в исторической литературе, любые суждения на сей счет носили скорее характер общих умозаключений, а связь манифеста 31 декабря с событиями 1730 г. устанавливалась по принципу *post hoc, ergo propter hoc*⁵.

Ситуация кардинально изменилась в последние годы с появлением фундаментальных работ Н.Н. Петрухинцева и М.В. Бабич. Монография и докторская диссертация Н.Н. Петрухинцева создали основу для серьезного

² См., напр.: *Meehan-Waters B. Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, 1982. P. 147; Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740. Л., 1994. С. 290–293; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 235–237.*

³ *Kivelson V.A. Kinship Politics / Autocratic Politics: A Reconsideration of Early-Eighteenth-Century Political Culture // Imperial Russia. New Histories for the Empire / Eds. J. Burbank, D.L. Ransel. Bloomington, 1998. P. 25–26.*

⁴ Это противоречие отмечалось и ранее, опять-таки без специального изучения. См.: *Raef M. Origins of the Russian intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility. N.Y., 1966. P. 69; Jones R.E. The Emancipation of the Russian Nobility 1762–1785. Princeton, 1973. P. 25–26.*

⁵ Показательно в этом смысле, что реформы 1730-х гг. вовсе не разбираются как отдельный этап в становлении дворянского сословия в ключевых обобщающих работах последнего времени. См., напр., *Марасинова Е.Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М., 2008.*

анализа реформ 1730-х гг. Этот исследователь впервые представил комплексную, проработанную на современном уровне картину правительственной политики аннинской эпохи, выдвинув и обосновав тезис о наличии у правительства Анны определенной внутривластной программы, сформулированной в первые годы десятилетия⁶. Манифест 1736 г. Н.Н. Петрухинцев прямо не связывает с событиями начала царствования; он скорее вписывает его принятие в контекст общих мер по мобилизации страны для ведения затяжной турецкой войны (в 1736 г. начался «разбор» служилых социальных групп). Интересным является и высказанное исследователем предположение, что манифест мог быть попыткой задобрить дворянство на фоне предположительного падения авторитета «немецкого» правительства в целом и фельдмаршала Миниха в частности, в результате не слишком успешной кампании 1736 г., и расправы над князем Д.М. Голицыным (отданным под суд 29 ноября 1736 г. и казненным 7 января 1737 г.)⁷. Таким образом, хотя в работах Петрухинцева принятие манифеста напрямую и не связывается с политическим кризисом 1730 г., а необходимость его принятия оправдывается нуждами русско-турецкой войны, данный шаг правительства все-таки предстает как уступка «правлящему сословию».

Н.Н. Петрухинцев также детально анализирует кабинетный доклад о дворянской службе 1731 г. и «Представление об утеснениях народа от подушного сбора» и выявляет взаимосвязь этих документов с двумя другими: с предложениями Воинской комиссии 1731 г. и с манифестом 1736 г., включая неопубликованную преамбулу к нему⁸. Сама подготовка кабинетного доклада в 1731 г. также может свидетельствовать о неуверенности «немецкого» правительства в период проведения таких потенциально непопулярных шагов,

⁶ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: проблемы формирования внутривластного курса (1730–1740). Дис. ... докт. ист. наук. М., 2001.

⁷ Там же. С. 597–598.

⁸ Там же. С. 592–597.

как возвращение двора в Петербург, присяга немецкому наследнику, смерть (возможно, несчастная) фельдмаршала князя М.М. Голицына и арест фельдмаршала князя В.В. Голицына с последующей передачей руководства Военной коллегией и гвардией Миниху⁹. В итоге историк, с одной стороны, говорит о «внутриполитических акциях продворянской направленности» в политике аннинского правительства, явившихся к тому же «прямым ответом на требования дворянских проектов 1730 г.», но с другой, оговаривается, что акции эти «не носили вынужденного характера»¹⁰.

Между тем подробное изучение деятельности Военной комиссии не может не наводить на мысль о некоторой неполноте данной концепции¹¹. Действительно, комиссией был поставлен вопрос о возможности ограничения срока дворянской службы урочными годами, но этот вопрос рассматривался ее вторым «миниховским» составом¹². Принятие данного определения трактуется Н.Н. Петрухинцевым так, что летом 1731 г. дворяне нашли «канал для выражения своих насущных интересов»¹³, однако Миних едва ли может считаться для этого подходящим «каналом». Еще более странно, что предложения эти были отвергнуты Сенатом, при том что именно Сенат, как логично замечает и сам Н.Н. Петрухинцев, был после 1730 г. наиболее очевидным претендентом на роль выразителя гипотетических дворянских чаяний. Однако в данном случае Сенат не только не сформулировал «внутриполитической программы, отвечающей интересам дворянства»¹⁴, но и прямо заблокировал продворянское, казалось бы, предложение.

⁹ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: проблемы формирования... С. 595.

¹⁰ Он же. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001. С. 66, 100.

¹¹ Там же. С. 141–166.

¹² Там же. С. 151–157; РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 1250. Л. 127 об.–132 об. Интересующий нас фрагмент опубликован: ПСЗРИ 1. Т. 43. Ч. 1. № 5803. С. 80–83.

¹³ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: проблемы формирования внутриполитического курса. С. 57.

¹⁴ Там же. С. 66.

Попытка снять возникшие противоречия в понимании действительного развития событий предпринимается в посвященных реформе дворянской службы 1730-х гг. новаторских работах М.В. Бабич¹⁵. В статьях по данному вопросу исследовательница вводит в научный оборот важный источник — так называемый «Наряд об отставках из шляхетства офицеров», ранее использовавшийся лишь частично, и подвергает его комплексному анализу. Это позволяет ей не только уточнить корни реформы, но и впервые проследить ход ее реализации и корректировки в 1737–1740 гг. С точки зрения Бабич, манифест 1736 г. представляет собой лишь один, хотя и важный, этап в долгосрочной политике правительства по регулированию служебной повинности дворян и, в частности, по обновлению офицерского корпуса путем выгеснения части старослужащих дворян в отставку. Так, в работе показывается, как принятие манифеста повлияло на рост числа выходящих в отставку дворян, и как целый ряд его положений был оспорен и фактически отменен уже в последние годы аннинского царствования.

Как считает Бабич, манифест «ни по мысли, ни по факту не внес ничего нового в состояние и жизнедеятельность власти и дворянства в освященной именем Петра I системе отношений». Она отмечает центральную роль Миниха как адвоката идей «дворянской свободы» в 1730-х гг. и разногласия, возникавшие у него в связи с этим с Сенатом, в том числе и после 1737 г., когда сенаторы (в 1740 г.) обратились к императрице фактически с доносом на руководство Военной коллегии, указывая на многочисленные «худые следствия» манифеста.

¹⁵ Бабич М.В. Попытки реформирования политики и практики офицерских отставок в конце 1730-х годов // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Матер. Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 250-летию Достопамятного зала, 13–17 сентября 2006 г. СПб., 2006. Ч. 2. С. 13–17; Она же. Манифест об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. в системе политики, административной практики и социальных ценностей в России XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / Сост. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М., 2013. С. 81–102.

Это, однако, не отменяет формулируемого исследовательницей тезиса об общем единстве проводимой в описываемые десятилетия политики в отношении дворянства: она вычленяет «достаточно продуманную стратегию и тактику перераспределения людских ресурсов между руководящим персоналом военной и гражданской сферы», отмечает «завидное упорство законодателей в использовании однотипных приемов регулирования служебной повинности дворян»¹⁶. Разногласия же Миниха с другими членами правительства объясняются тем, что в начале 1730-х гг. он просто-напросто «быстрее других осознал недостатки экстенсивного формирования» офицерского корпуса и необходимость его омоложения (здесь к заслугам М.В. Бабич следует отнести и увязку данной дискуссии с предложением Военной коллегии от 18 августа 1732 г. о регулярном отчислении со службы «безнадежных» к повышению), а в конце 1730-х — с необходимостью технической корректировки положений манифеста, действительно вызвавшего слишком резкий рост числа отставок¹⁷. В итоге М.В. Бабич уже прямо формулирует вывод о несостоятельности «бездоказательно декларируемого в литературе противостояния монархии и господствующего класса по поводу его службы»¹⁸.

Несмотря на огромный вклад М.В. Бабич и Н.Н. Петрухинцева в изучение реформы дворянской службы 1730-х гг., вопрос о ее причинах и в особенности о причинах острых разногласий между руководством Военной коллегии и Сенатом по этому поводу нельзя считать окончательно проясненным. Едва ли можно полагать достаточным предположение, что Миних просто «быстрее других осознал» необходимость омоложения офицерского корпуса, тем более что споры на этот счет шли внутри правительства на протяжении всего царствования. Не вполне проясняет ситуацию и предположение

¹⁶ Бабич М. В. Манифест об ограничении сроков дворянской службы... С. 91, 94.

¹⁷ Там же. С. 95–96, 86–87.

¹⁸ Там же. С. 91.

Н.Н. Петрухинцева о взаимосвязи «освободительных» документов (проекта 1731 г. и манифеста 31 декабря 1736 г.) с текущей политической конъюнктурой: если данные инициативы должны были задобрить российское дворянство и примирить его с тиранией «немецкого режима», то совершенно непонятно, почему эти меры разрабатывались втайне от Сената и наталкивались на его последовательное сопротивление.

Здесь следует сказать, что хотя Н.Н. Петрухинцев отмечал недостаточную исследованность «теоретических основ» сословной политики аннинского времени и «специфики политического мышления бюрократической верхушки России»¹⁹, исследователи, рассуждая о реформе 1730-х гг., до сих пор не пытались системно реконструировать взгляды самих участников событий по обсуждаемой тематике. Как представляется, подобная ситуация отражает и отсутствие в нашем распоряжении теоретических, концептуальных рассуждений или трактатов, вышедших из-под пера ключевых деятелей аннинской поры, и общее отношение к этим деятелям как к циничным временщикам, у которых, по определению, не могло быть «теоретических воззрений». Между тем и Миних, и Остерман, сыгравшие, как показывают работы М.В. Бабич и Н.Н. Петрухинцева, ключевую роль в выработке правительственной политики аннинского царствования, не просто получили образование в Западной Европе и интеллектуально сформировались в европейской социальной, культурной и политической среде, но и относились к числу наиболее образованных иностранцев на российской службе. Известно, что Остерман обладал одной из самых крупных библиотек в Петербурге, активно интересовался вопросами образования²⁰. Миних, что также хорошо известно, был поклонником Фенелона, хорошо знал современную литературу по теории и практи-

¹⁹ *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: проблемы формирования внутривластного курса. С. 47.

²⁰ *Лутов С.П.* Книга в России в послепетровское время: 1725–1740. Л., 1976. С. 180–194.

ке военного дела, включая работы Сен-Реми, Блонделя и особенно Вобана — не только инженера, но и теоретика государственного управления²¹. Миних, Остерман и подобные им сановники не были политическими теоретиками, но они не могли не вынести из известных им теоретических работ, образовательных и административных практик некоторого комплекса представлений о природе человека и о принципах устройства государственной службы, концептуального инструментария, с помощью которого они осмысливали те или иные ситуации, возникавшие в ходе их административной деятельности.

Можно ли реконструировать этот концептуальный инструментарий? Насколько он совпадал с представлениями, господствовавшими среди представителей петровского поколения российской элиты, продолжавшего играть ключевую роль в управлении страной? В данной статье предпринимается попытка воссоздать в самых общих чертах этот концептуальный аппарат, выявить «специфику политического мышления бюрократической верхушки России», причастной к разработке реформы дворянской службы, и показать, насколько эта специфика мышления влияла на меры реальной государственной политики. Как представляется, анализ документов, раскрывающих спектр мнений по вопросам дворянской службы, позволяет ответить на эти вопросы.

Прежде чем приступить к решению поставленной задачи, имеет смысл свести воедино то, что нам извест-

²¹ *Ley F. Le maréchal de Münnich et la Russie au XVIIIe siècle. P., 1959. P. 9–14; Миних Э. Записки // Перевороты и войны. М., 1997. С. 321; Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. С. 197–199. Миних, среди прочего, активно участвовал в жизни столичной лютеранской общины и был связан с pietistскими кругами в Галле. См.: Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953. P. 87–91. О вкладе Вобана в теорию государственного управления в начале XVIII в. см.: Smith J.M. The Culture of Merit: Nobility, Royal Service, and the Making of Absolute Monarchy in France, 1600–1789. Michigan, 1996. P. 134–135, 188–190; Scafe R.B. The Measure of Greatness: Population and the Census Under Louis XIV. Ph.D. diss. Stanford University, 2005. P. 153–242.*

но о самом ходе дискуссии вокруг дворянской службы в 1730-х гг. из литературы и источников²².

I

Известно, что вопрос об ограничении срока дворянской службы некоторыми урочными летами был впервые поставлен Военской сухопутной комиссией в 1731 г., хотя предложение «для произвождения в службу шляхетству искат[ь] лутчего способу, далее 20 лет неволю в службе не держать»²³ было сформулировано еще в ходе кризиса 1730 г.²⁴ Примечательно, что на первом этапе работы комиссии, когда ее возглавляли ключевые участники ограничительной попытки 1730 г. М.М. Голицын (9 июня 1730—4 января 1731 г.) и В.В. Долгорукий (4 января—7 марта 1731 г.), вопрос об облегчении положения дворян вообще не поднимался. Затем, однако, комиссию возглавил Миних (с 8 марта 1731 г.), который сразу же значительно обновил ее состав, а чуть позже, 25 апреля 1731 г., получил полномочия рассматривать весь спектр поставленных перед комиссией вопросов, в том числе и уже разрешенных ее предыдущим составом (как «опробованных, так и не опробованных пунктов»)²⁵. Спустя всего лишь немногим более месяца после начала своей работы, 5 июня 1731 г., этот новый, «миниховский» состав комиссии и принимает «определение», в котором предлагается предоставить некоторым дворянам право служить не пожизненно, а лишь установленное число лет или даже

²² Разумеется, привести полный обзор всех предпринимавшихся правительством мер, хоть как-то затрагивавших вопросы организации службы, здесь невозможно. Так, мы не касаемся специально актов и предложений относительно порядка повышения в чинах при отставке, отставки по состоянию здоровья и др., в том числе, и потому что сами эти практики не были принципиально новыми по сравнению с предшествующим периодом (в отличие, напр., от введения урочных лет).

²³ Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: События, люди, документы. М., 2010. С. 211, 222.

²⁴ Обзор см.: Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. С. 141–165.

²⁵ Там же. С. 151–152.

не служить вовсе. Сохранился «Регистр заседаний Воинской комиссии», однако с декабря 1730 г. по 1 июня 1731 г. в нем имеется перерыв, не позволяющий восстановить ход выработки «Определения» 5 июня. Видно лишь, что 3–4 июня члены комиссии «слушали о драгунских и подъемных лошадях», затем сразу же приняли «Определение» (в некотором смысле связанное с этими вопросами тематически), и далее эта проблематика в регистре не возникает²⁶.

Создание по образцу западноевропейских армий корпуса тяжелой кавалерии было «единственным серьезным изменением в структуре русской армии», предложенным «миниховским» составом комиссии (причем известно, что сам Миних говорил о необходимости такого рода войск еще в 1723 г.)²⁷, однако его создание упиралось в том числе в нехватку и дороговизну в России тяжелых кирасирских лошадей. На этом фоне «для лутчаго ко укомплектованию кирасирских полков способа» и в развитие «прежняго о полковом стате и вышеписанного о лошадях рассуждения», ссылаясь на известные проблемы, связанные с невозможностью служащим дворянам управлять своими поместьями (при том что управление через приказчиков и старост якобы вело к разорению и невозможности дворянам содержать себя на службе, а крестьянам платить подати), комиссия сформулировала ряд предложений «к обলেখчению в службе онаго шляхетства и ради сочинения кирасирских полков». Дворянам следовало позволить фактически откупаться от службы, предоставляя в кирасирские полки лошадей (или эквивалентную сумму наличными) и рекрутов из числа крепостных. Один из сыновей в каждой дворянской семье получал право выйти в отставку для управления имениями, отслужив всего 6 лет, но должен был при этом поставить в кирасирские полки «одного человека из собственных своих дворовых

²⁶ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 507. Л. 82–82 об.

²⁷ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. С. 155.

людей и одну лошадь с седлом и с убором» или заплатить 150 руб. Остальные же братья должны были служить, но не пожизненно, а 25 лет, при выходе в отставку опять-таки поставляя вместо себя одного рекрута. Дворянам, за которыми числилось более 1000 душ, следовало при выходе в отставку вносить на содержание кирасирских полков вдвое больше.

Из третьего пункта «Определения», однако, выясняется, что дворянин по своему желанию мог купить право сокращенной 6-летней службы не только для одного из сыновей, но почти для *всех сыновей* (правда, один сын все же должен был прослужить четверть века). Более того, дворянские дети могли и вовсе освободиться от службы, поставив в кирасирские полки трех рекрутов с конями и сбруей. Наконец, в пятом пункте «Определения» выяснилось, что данный порядок следовало распространить на служащих не только в кирасирах, но также и в драгунах, и в инфантерии²⁸.

Примечательно, что столь новаторская мера, призванная якобы умиротворить дворянство, была предложена в контексте решения абсолютно технического вопроса о комплектовании тяжелой кавалерии лошадьми. Обращают на себя внимание развернутый характер аргументации, предложенной комиссией («Определение» занимает 11 страниц!), и одновременно поспешность принятия этого документа без продолжительной проработки в комиссии. Налицо и некоторая непоследовательность рассуждения: предложенное для кирасир в конце документа вдруг распространяется на всю армию.

Определение от 5 июня 1731 г. было оперативно представлено императрице — и столь же оперативно ею рассмотрено. Однако, согласившись с комиссией по целому ряду других вопросов, в отношении данных предложений Анна Иоанновна проявила осторожность, ответив, что «они оставляются до предбудущего нашего

²⁸ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 1250. Л. 127–131.

определения»²⁹. В итоге предложение было передано на рассмотрение Сената, который отверг его как противоречащее установленным от Петра Великого порядкам³⁰.

Предложение ограничить срок дворянской службы содержится также и в «Докладе от Кабинета касательно службы дворян», который Н.Н. Петрухинцев относит к 1731 г. Учитывая небольшой объем документа, имеет смысл привести его здесь целиком:

«2. Касательно службы дворян.

Что если ли у кого будут два или три сына, то одного оставляет он дома для смотрения над хозяйством, а другие бы по окончании наук (так как им назначено от 7 до 20 лет учиться) по двадцатом же году вступали в военную службу, чтоб, выслужив 25 лет, были отставлены с награждением чина, не воспрещая им долее продолжать службу, ежели они сами того пожелают. Если же кто за болезнями или ранами не в состоянии будет служить, таковых и прежде положенного срока отставлять.

Чтобы вместо остающихся по вышеписанным причинам в домах дворян брать рекрут со ста по одному, смотря по числу имеющихся за ними душ; что разумеется и о находящихся в статской службе дворянах.

Что, ежели братья лишатся отца и захотят одному из них препоручить надзирание над деревнями, то сие позволять, нужно токмо, чтобы он умел считать и писать и мог быть потреблен в статскую службу»³¹.

Как мы видим, излагаемая схема очень похожа на предложение Воинской комиссии. Общий срок обязательной службы устанавливается в 25 лет; один из сыновей в дворянской семье получает право вовсе освободиться от службы для управления фамильным поместьем;

²⁹ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 1250. Л. 116 об. Резолюция императрицы была получена в Сенате уже 14 июля 1731 г.

³⁰ ПСЗРИ 1. Т. 43. Ч. 1. № 5803. С. 81.

³¹ РГАДА. Ф. 177. Д. 3. Л. 1–2. «Доклады от Кабинета 1. Касательно отставных солдат. 2. Службы дворян и 3. Ямщиков». На первой странице в правом верхнем углу наискось написано карандашом 1733.

в обмен на освобождение от службы на этого дворянина накладывалось обязательство сдать одного рекрута с каждых 100 записанных за ним крестьянских душ. При этом подчеркивалась обязанность дворян — и остающихся дома, и отправляющихся на службу — учиться. Как уже отмечалось исследователями, находящийся в этом же деле черновик со следами редакторской правки указывает, что документ первоначально писался по-немецки³².

О какой-то реакции на этот документ нам ничего не известно, однако 7 января 1732 г. состоялся именной указ, в котором предпринималась попытка установить порядок поступления молодых дворян на службу. Сетуюя, что многие недоросли «живут в домах своих праздно», указ предписывал всем дворянам старше 15 лет, а также тем, кто вышел в отставку в период с 1725 г. по 1730 г., но при отставке не был отослан для определения к делам в Герольдию, явиться к июлю в Сенат³³. 8 марта 1732 г. это распоряжение было уточнено манифестом, последовавшим по сенатскому доношению: неимущим дворянам разрешалось записываться в полки на местах у губернаторов без поездки в столицы; недорослей младше 12 лет велено было до урочных лет отпускать по домам³⁴. 13 июля по сенатскому же докладу появился приказ прибывавших недорослей и дворян представлять на смотр именно в Кабинете³⁵. С одной стороны, эти меры логично продолжали начатую практически с момента создания Кабинета работу по разбору недорослей и отставных дворян³⁶. С другой стороны, мы видим здесь типичную схему взаимодействия Сената и Кабинета по вопросу о службе дворянства, которая будет повторяться и в дальнейшем: сначала принимается некая норма, разработанная в Кабинете без обсуждения с Сенатом и коллегиями, а затем

³² РГАДА. Ф. 177. Д. 3. Л. 3–12 об.

³³ ПСЗРИ 1. Т. 8. № 5927.

³⁴ Там же. № 5976.

³⁵ Там же. № 6127.

³⁶ СИРИО. Юрьев, 1898. Вып. 104. С. 128, 132.

сенаторы выступают с предложениями о корректировке положений этой нормы (нечетких или создающих практические сложности при реализации).

В последующем правительство обращается к вопросу о дворянской службе в 1736–1737 гг. Исходя из упоминаемых в тексте событий (башкирское возмущение и вывод из Персии Низового корпуса), Н.Н. Петрухинцев относит именно к началу 1736 г. (или самому концу 1735 г.) составление поданного в Кабинет «Представления об утеснениях народа от подушного сбора», известного в немецком и русском вариантах³⁷. Констатируя разорение и самих помещиков, и их деревень от невозможности пожизненно служащим дворянам присматривать за своими поместьями, составители документа предлагали установить двойной комплект обер-офицеров в полках с тем, чтобы половина из них могла поочередно находиться в трехгодичном отпуске для управления имениями, а также «некоторое определенное время положить, сколько в военной и штатской службе быть, а потом оставлять»³⁸ (в немецком варианте это последнее предложение конкретизируется — «например, 30 лет»)³⁹.

Отправной точкой для практических действий правительства становится требование Кабинета от 3 мая 1736 г. подать «немедленно» справку из Военной коллегии и Герольдии о том, сколько недорослей начиная с 1732 г. явилось для записи в полки⁴⁰. Судя по всему, результаты были неудовлетворительными, поскольку три дня спустя (6 мая) последовал именной указ, констатировавший массовую неявку молодых дворян на службу

³⁷ Представление об утеснениях народа от подушного сбора // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1907. Кн. 2. С. 29–38; Строев В.Н. Бироновщина и Кабинет министров: Очерк внутренней политики императрицы Анны: Историческое исследование. В 2-х ч. СПб., 1910. Ч. 2. Приложения. С. 66–76.

³⁸ Представление об утеснениях народа. С. 34.

³⁹ Строев В.Н. Бироновщина и Кабинет министров. Ч. 2. Приложения. С. 69–70.

⁴⁰ Журнал от 3 мая 1736 года // СИРИО. Юрьев, 1902. Вып. 114. С. 187.

(несмотря на «высокоматернее милосердие» государыни, учредившей для них школы и определившей жалованье). Указом предписывалось всем дворянским детям в возрасте от 7 лет и старше прибыть для регистрации не позднее 1 января 1737 г.: из них годных следовало определять в полки, а малолетних записывать в школы, выдавая неимущим при школах жалованье⁴¹. Вполне традиционно, что со стороны других органов государственной власти обнаруживается лишь реагирование на этот инспирированный Кабинетом указ. Так, в материалах Военной коллегии в течение 1736 г. не находится следов какого-то обсуждения данной проблематики⁴². Однако ближе к концу года в коллегию начинают поступать запросы с мест, связанные с реализацией майского указа. В частности, дворяне просили прояснить, могут ли они обучать своих малолетних

⁴¹ ПСЗРИ 1. Т. 9. № 6949 (подтвержден в августе); № 7039.

⁴² Следует сказать, что Г.В. Калашников в диссертационном исследовании, а впоследствии и в публикациях утверждает, что авторство манифеста 31 декабря и других актов «принадлежит Военной коллегии и, главным образом, ее президенту – Миниху». См.: *Калашников Г.В.* Офицерский корпус русской армии в 1725–1745 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 168. Ссылаясь на документы Военной коллегии (РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Ч. 8. Д. 117–119), автор указывает, что «принципы этой системы разрабатывались долго и тщательно – нам известно 16 последовательно составленных и тщательно обсужденных проектов, 7 мнений генералов и офицеров по проектам, 11 протокольных записей заседаний Военной коллегии, посвященных только обсуждению готовящегося преобразования». К сожалению, Калашников не цитирует эти документы и никак не раскрывает их содержания, а обнаружить их по указанным автором ссылкам не удается. Дел с названными реквизитами в РГВИА нет: в ф. 2 (Военная коллегия) есть оп. 10/1 ч. 10 (Журнальная часть Военной коллегии) и оп. 8 ч. 8 (Именные указы), а оп. 10 ч. 8 не существует. Если предположить, что исследователь имел в виду оп. 10/1 ч. 10, то все равно получается нестыковка: дела за номерами 117–119 относятся в этой описи к 1732 г., а не к 1736 г.: в них содержатся определения Коллегии за июнь–август 1732 г., в которых нет следов обсуждения интересующей нас темы. Сплошной просмотр дел Военной коллегии за 1736 – начало 1737 г. не позволяет выявить следов обсуждения этой проблематики и выработки соответствующих решений. В частности, не отражено обсуждение этой проблематики в делах за № 163, 174, 177, 178, 182 и 186 (журналы и определения Военной коллегии начиная с апреля 1736 г. и по февраль 1737 г., а также протоколы дневных заседаний Коллегии за первые месяцы 1737 г.). Вместе с тем обширные материалы Миниха в фондах различных архивов изучены недостаточно и требуют дальнейшего систематического анализа.

детей грамоте самостоятельно или же предполагается организовать обязательное всеобщее обучение на казенном коште. В своем определении от 4 ноября коллегия запрашивает разъяснения на этот счет: «По доношению инженер-прапорщика Боборыкина, как ево, Боборыкина, так и другим, ежели кто просить будет, малолетних детей их словесному и писать повелено ль будет обучать на своем коште, подать в Сенат доношение и требовать указу»⁴³. Две недели спустя, обобщив накопившиеся неясности, касающиеся предполагаемого порядка обучения недорослей, коллегия поставила вопрос комплексно: «дворянских и протчих служилого чина людей малолетних детей их, которые по высокому Ея Императорского Величества указу в той и в других провинциях явились и впредь являться будут, для обучения куда в школы определять, и не имеющих своего пропитания из каких доходов содержать, и потребные ко обучению их книги и протчие инструменты покупать — требовать указу от Правительствующего Сената, понеже учрежденныя для салдатских детей школы не во многих провинциях имеются, в которых всех таких недорослей вместить невозможно, и для того некоторые из офицеров просят, чтоб малолетних детей их для обучения грамоте и писать отдать им на несколько лет, чего военная коллегия собою учинить не может, и о том подать доношение»⁴⁴.

Сенаторы сочли поставленную проблему заслуживающей внимания и направили в Кабинет собственные предложения по организации обучения недорослей. В сенатском решении от 10 декабря указывалось, что среди регистрируемых по указам юношей «некоторые весьма малолетны, за которыми надлежит быть смотрение, а за протчими, которые из скудных и призрения иметь некому, и в таком малолетстве могут претерпеть крайнюю нужду». Но поскольку «обыкновенно, что всякой о детях и

⁴³ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 163. Л. 763.

⁴⁴ Там же. Д. 174. Л. 262.

родственников своих должен старание и попечение иметь, дабы были обучены», то имело бы смысл разрешать дворянам «малолетних детей и родственников своих до пятнадцати лет обучать в домах своих или где кому способно для науки, отдавать в школы и содержать на своем кош-те», а неимущих зачислять в гарнизонные школы, открыв для этого дополнительные школы и определив недорослям жалованье наравне с солдатскими детьми. Если это предложение будет принято, то дворянам следует привозить недорослей для записи в службу «в Москву и в другие города» лишь по достижения ими 15 лет, а до того «объявлять письменно» «каждому о детях и о родственниках своих, кто в доме имеет обучатца, или где по желанию их в какие науки отданы и впред отдаваны будут, с показанием лет» в столицах и губернских городах, откуда уже ведомости будут пересылаться в Герольдию⁴⁵.

Направив этот запрос, Сенат стал ожидать высочайшего указа, однако уже 12 декабря сенатское доношение было «возвращено» из Кабинета без решения⁴⁶, а 31 декабря состоялся известный манифест. Манифестом признавалось, что существующее положение вещей с отставками порождает проблемы: государство отпускает со службы лишь старых и дряхлых дворян, не способных уже порядочно управлять своими поместьями. Соответственно, одному из сыновей (или братьев, если отец уже умер) в дворянской семье разрешалось оставаться дома для экономии, но с обязательством обучиться грамоте и арифметике. Всем остальным дворянам предписывалось в возрасте от 7 до 20 быть в науках, а начиная с 20 лет вступать в действительную службу с правом на отставку с повышением ранга по выслуге 25 лет. Болезненные или изувеченные дворяне получали право на досрочную отставку, а остающиеся дома сыновья должны были сдать одного рекрута с каждых 100 душ (это же относилось и к

⁴⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 33. Кн. 2099. Л. 72–75 об. Журналы и протоколы Сената за декабрь 1736 г. 10 декабря 1736 г., протокол № 1782.

⁴⁶ СИРИО. Вып. 114. С. 600.

выходящим в отставку)⁴⁷. Происхождение этого манифеста остается до сих пор не вполне выясненным. Из документов, содержащихся в выявленном М.В. Бабич «Наряде об отставках», видно, что указ был подписан Анной 27 декабря⁴⁸, т.е. сразу же после возвращения из армии Миниха, прибывшего в Санкт-Петербург как раз 24 декабря 1736 г.⁴⁹. Это, как представляется, согласуется и с сообщением Манштейна, приписывавшего авторство идеи введения урочного срока именно Миниху⁵⁰. Правда, из тех же документов следует, что издание манифеста стало результатом кабинетного представления⁵¹, и предлагаемая в нем схема, кажется, действительно ближе к кабинетному докладу 1731 г.⁵² Вместе с тем в том же «Наряде» обнаружена и преамбула к кабинетному представлению, легшему в основу манифеста⁵³. Преамбула эта не вошла в обнародованный текст, и при ближайшем рассмотрении видно, что она представляет собой не что иное, как дословное, с мельчайшими разночтениями, заимствование из «Представления об утеснении» (от слов «указами Императорского Величества» до слов «от своевольтва удержаны были»⁵⁴). Авторство этого меморандума пока не выяснено, но в принципе такое текстуальное совпадение не противоречит возможной роли Миниха в подготовке манифеста, так как практика направлять перед подачей императрице копии важных проектов или даже официальных бумаг Бирону была широко распространена в тот период.

⁴⁷ ПСЗРИ 1. Т. 9. № 7142.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1171. Л. 663 об.

⁴⁹ Там же. Ф. 177. Д. 2. Л. 6; СИРИО. Вып. 80. СПб, 1892. С. 88.

⁵⁰ Манштейн Х. Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны. М., 1997. С. 160

⁵¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1171. Л. 661.

⁵² Савельева Е.Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 171–172.

⁵³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1171. Л. 661 об.–662.

⁵⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. X. Т. 20. С. 456. Полный текст на немецком см.: Строев В.Н. Бироновщина и Кабинет министров. Ч. 2. С. 16. Приложения. С. 68–69.

Так или иначе, публикация манифеста от 31 декабря 1736 г., конечно, никак не прояснила имевшиеся затруднения с реализацией более ранних норм о регистрации недорослей, и уже 3 января сенаторы специально «разсуждали о малолетних, которые из них до состояния нынешняго указа записаны в школы», и вновь заключили, что «тех бы отцы, кто пожелают, брали в дома до урочных лет, токмо положили ожидать о том на поданном из Сената докладе указа»⁵⁵. Тем временем недоросли, которым указом от 6 мая было велено явиться на регистрацию не позднее конца года и которые, конечно же, дожидались до самого конца отпущенного им срока, массово прибывали в Санкт-Петербург, но что с ними делать, из указа было неясно. Уже 10 января 1737 г. сенаторы обращают внимание на эту проблему и решают, во-первых, послать в Кабинет секретаря Алексея Протасова, чтобы доложить министрам «о недорослях, которых находится многое число, что с ними чинить», а во-вторых, «о недорослях же, которые будут жить, по силе последняго указа, до урочных лет в домех, таких каким наукам их обучать и о прочем, обер-секретарю Дмитрию Невежину по прежнему приказу учинить расписание и предложить к слушанию»⁵⁶. Расписание Невежина, если оно было в самом деле составлено, явилось бы ценным источником, проливающим свет на представления Сената о приличествующем дворянину образованию, но обнаружить его пока не удалось.

В конце же января сенаторы слушали и представление графа М.Г. Головкина о привлечении дворянства на гражданскую службу: «1) о определении герольдмейстеру во вся годы в школу по несколько человек из шляхетства; 2) о определении ж во все коллегии и канцелярии из шляхетства в подьячие и о повышении их в приказных чинах со свидетельством; 3) о выибрании и о определении ныне

⁵⁵ Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. Ч. 1. М., 1910. С. 7.

⁵⁶ Там же. С. 15.

дворян из служащих унтер-офицеров и солдат в приказные чины». Первые два пункта сенаторы поддержали, указав, чтобы «из высланных ныне в С.-Петербург недорослей в Сенат и в коллегии, и канцелярии, сколько куда надлежит, писать умеющих определить сперва копиистами и, сколько те места выбрано будет, оным велеть для обучения грамматике, арифметике ходить в Академию Наук на каждой неделе по 3 дня, а по обучении того, по освидетельствованию оных производить», третий пункт сенаторы сочли избыточным⁵⁷.

Недоросли, тем временем, продолжали прибывать, и 18 января сенаторы «разсудили: экзекутору Баскакову сходить в Кабинет и доложить ... о недорослях, что со оными чинить, понеже оных весьма умножается»⁵⁸. Через неделю экзекутор доложил, что ходил-таки в Кабинет «просить резолюции о недорослях, ... который, возвратясь, объявил, что... кн. Алексей Михайлович Черкасской изволил ему объявить, что резолюция учинена будет»⁵⁹. 31 января Баскакова опять послали в Кабинет с напоминанием; возвратившись, экзекутор объявил, что он «тайного действительного советника и кавалера князя Алексея Михайловича Черкасского о учинении на поданные из Сената доклад и сообщение о недорослях резолюции просил, на что изволил объявить, что резолюция о том учинена будет, и притом оному ж экзекутору приказано ити о том же просить графа Андрея Ивановича Остермана, который и ходил и, возвратясь, объявил, что его сиятельство Прав[ительствующему] Сенату приказал донести, что о том резолюция учинена будет же»⁶⁰.

Действительно, 9 февраля состоялся именной указ о порядке обучения и записи на службу недорослей. В документе имеется прямая ссылка на манифест 31 декабря

⁵⁷ Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. С. 19. См. также кабинетную резолюцию от 6 марта 1737 г. на сенатский доклад (ПСЗРИ 1. Т. 10. № 7201).

⁵⁸ Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. С. 40.

⁵⁹ Там же. С. 55.

⁶⁰ Там же. С. 65–66.

1736 г., предписавший шляхтичам учиться, но не разъяснивший, «где быть в науках». Дворянам указывалось записывать сыновей по достижении ими 7 лет в Москве, Санкт-Петербурге или у губернаторов на местах, причем последние должны были отсылать записные книги в Герольдию. Второй раз недоросли должны были представляться властям в 12 лет и быть к тому времени уже обучены грамоте. После этого отцы, имевшие больше 100 душ крепостных, могли оставить сыновей и дальше дома — но с обязательством обучить их арифметике, геометрии и основам веры, прочих же следовало записывать в академии и школы. Следующий экзамен оставленным для обучения дома недорослям предстояло пройти в 16 лет, обязательно являясь для этого уже в Москву или Санкт-Петербург; те, кто выучил в предшествующий период предписанные им предметы, могли и дальше оставаться дома с обязательством выучить географию, фортификацию и историю. На этом же экзамене следовало определить, кто из недорослей будет направлен на гражданскую, а кто — на военную службу, а отцам объявлять, кто из сыновей будет оставлен дома для ведения хозяйства; провалившие экзамен должны были немедленно зачисляться в матросы⁶¹.

Мы видим, что данный указ является прямым откликом на обращение Сената: в бумагах Кабинета упоминается сенатское доношение — и что оно было решено как раз указом от 9 февраля⁶². Указ в самом общем виде вроде бы повторяет предложенную сенаторами логику в том смысле, что дворянам было разрешено оставлять сыновей для обучения дома. Однако авторы указа ужесточили схему: эта норма распространялась только на обеспеченных дворян, действительно имевших возможность такое обучение обеспечить, а также дополнялась системой контроля — если сенаторы предлагали отцам просто «объявлять письменно» о ходе обучения, то указом

⁶¹ ПСЗРИ 1. Т. 10. № 7171.

⁶² СИРИО. Юрьев, 1904. Вып. 117. С. 25.

предусматривались экзамены и санкции за неуспешное обучение. Наконец, вместо единого возраста окончания обучения (15 лет) было предусмотрено несколько этапов. Однако, как и в случае с манифестом, следов подготовки указа или хотя бы обсуждения этой тематики в документах Кабинета не обнаруживается: мы не видим их не только в протоколах, но и среди входящих документов, полученных Кабинетом в январе—феврале 1737 г. от Миниха, из Сената и из коллегий, среди исходящих документов, направленных Кабинетом в Сенат и в коллегии, среди состоявшихся в Кабинете указаний и среди указов за подписанием собственной Ее Величества рукой⁶³.

Следующий этап дискуссии, насколько мы знаем, пришелся на 1740 г., когда по случаю окончания войны с Турцией действие манифеста 31 декабря было подтверждено указом от 14 февраля 1740 г.⁶⁴ Полтора месяца спустя состоялся указ по доношению из Сената: в рамках уже устоявшейся схемы сенаторы попросили устранить технические неясности, заложенные в принятую без обсуждения с ними норму (в данном случае речь шла об уточнении категорий дворян, с которых при отставке не следовало требовать рекрутов)⁶⁵. Однако несколько месяцев спустя (не ранее мая и не позднее июля 1740 г.) Сенат представил всеподданнейшее донесение (подробно разбираемое М.В. Бабич, отложившееся в исследованном ею «Наряде об отставках»), где уже прямо заявлялось, что манифест «вместо чаемого добра впредь худья следствии принести может». По сведениям сенаторов, даже и малоимущие дворяне, не выслужив урочных лет, ради выхода в отставку залезали в долги, чтобы поставить вместо себя рекрута или выплатить указные деньги. Сенаторы ожидали, что, оказавшись вне службы, такие

⁶³ РГАДА. Ф. 177. Д. 1. Л. 45–48; Д. 2. Л. 1–1 об., 48–49; Д. 3, 4.

⁶⁴ ПСЗРИ 1. Т. 11. № 8021.

⁶⁵ Там же. № 8081. Об изменениях в составе Сената по сравнению с 1731 г. см. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762. Рязань, 2003. С. 226.

малопоместные дворяне или займутся сутяжничеством («ябедами», в том числе, и подкупая при этом приказных служителей), или же вовсе могут, «будучи в праздном и самовольном житъе и не имея над собою учрежденной команды, с пьянства наглыя обиды и в самыя богомерзкие татьбы и разбои впасть, или таковыя воровския пристани содержать и тех злодеев укрывать могут»⁶⁶.

Сенаторами был даже составлен проект указа, корректирующего систему зачисления на службу и увольнения дворян. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что предложения эти почти полностью повторяли существующую модель. Сохранялось право оставлять одного из сыновей или братьев дома для содержания экономики с оговоркой об обязательности обучения грамоте для возможного употребления в гражданскую службу и об обязательстве представления по одному рекруту со 100 душ (или пропорциональной денежной выплаты для тех, у кого менее 70 душ). Для остальных служба объявлялась обязательной (как это, собственно, и было по манифесту 31 декабря 1736 г.), сохранялся урочный срок в 25 лет (и, насколько можно понять, 35 лет в гражданской службе) — но отсчитываться он должен был, начиная с 20-летнего возраста, до которого все недоросли обязаны были «быть в науках». Отдельно оговаривалось требование к командирам «смотреть того накрепко, чтоб люди бодрые и здоровые вовсе отставлены не были», и для этого стараться удерживать «бодрых и здоровых» на службе повышением в чине⁶⁷.

Таким образом, по сути сенатский проект сохранял существующую модель — ведь в действительности даже и отсчет урочного срока службы именно с 20-летнего возраста был предусмотрен уже в самом манифесте. Ранний вариант того же документа предлагал более жесткую меру — вернуть на службу всех тех, кто уже успел уйти

⁶⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1171. Л. 668–668 об.; *Бабич М.В.* Манифест об ограничении сроков дворянской службы. С. 85–86.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1171. Л. 674–676 об.

в отставку, не выслужив новоустановленного урочного срока (т.е. 25 лет, считая от 20-летия), однако пойти на это сенаторы не решились⁶⁸. Позицию сенаторов поддержал и автор анонимного «Мнения», также содержащегося в «Наряде об отставках». Ссылаясь на довольно общие наблюдения («присматривается что многие...», «сколь слышно...»), его автор перечислял происходящие при оформлении отставок непорядки, а именно, применение указа к тем категориям дворян, к которым этого не следовало бы делать. В частности, по мнению автора, манифест не должен был относиться к тем, кто хотя не имеет никого дома для содержания экономии, но еще не выслужил урочных лет; к дворянам, служащим рядовыми; к дворянам, которые хотя и выслужили урочные лета, однако никогда не участвовали в боевых действиях. Кроме того, урочные лета следовало отсчитывать с момента начала действительной службы в войсках, а не с момента регистрации недоросля или начала учебы, даже если она формально и считалась несением службы⁶⁹.

Видно, что, несмотря на громкие слова о «худых следствиях» манифеста, предложение Сената повторяло, по сути, существующую систему. В итоге разработанный сенаторами текст оказался не востребован, и состоявшийся 7 августа 1740 г. именной указ ограничился фиксацией двух норм — отставки только по освидетельствованию в Сенате и отсчета урочных лет службы с 20-летнего возраста⁷⁰. Одновременно, однако, императрица подписала конфиденциальные «Пункты, по которым генералу прокурору при отставке шляхетства поступать надлежит», фиксировавшие основные уточнения, предложенные автором «Мнения»: кроме уже предписанного указом отсчета действительной службы с 20-летнего возраста «пункты» требовали отставать только тех, кто «во все время тех урочных двадцати пяти лет служили верно и

⁶⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1171. Л. 673.

⁶⁹ Там же. Л. 680–682 об.

⁷⁰ ПСЗРИ 1. Т. 11. № 8195.

порядочно, ...а не таких, которые всякими способами от прямой службы изывали и без действительной службы время втуне проводить искали». Для этого надлежало брать с желающих выйти в отставку аттестаты о том, что они «действительно и порядочно при армии служили», и не отставлять тех, которые «при армии действительную службу не отправляли и в прошедших войнах ни при каких потребах не бывали». Выслуживших урочные лета, но здоровых и признанных «служившими порядочно» и «людьми достойными», следовало удерживать на службе внеочередным производством («невзирая на их к произведению линию, переменять одним чином»), чтобы они «к продолжению *ревностной* (здесь и далее курсив мой. — *И.Ф.*) своей службы толь наипаче *приохочиваны* и *поощрены* были». Наконец, объявлялось, что манифест относится только к офицерам⁷¹.

Две недели спустя (22 августа) был издан также указ Военной коллегии, предписывавший полковым командирам не отпускать желающих в отставку офицеров в столицу, но рассматривать их службу, выдавать аттестат и отправлять его по команде. Только после того, как бумаги последовательно дойдут до командующего генерал-аншефа, который их рассмотрит и сочтет просителя достойным, прошение последнего могло быть направлено в Сенат (опять-таки пока без самого просителя)⁷².

Примечательно, что Миних воспринял этот эпизод как целенаправленную атаку против Военной коллегии и против него самого, что подтверждает сообщение Манштейна о конфликте между Минихом и Сенатом (и лично генерал-прокурором Трубецким)⁷³. Как жаловалась коллегия, Сенат «якобы в непорядочной офицеров отставке [Военной коллегией] высокому Кабинету представлял напрасно, не имея к тому никакого резону, ис чего кол-

⁷¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1171. Л. 736–738.

⁷² Там же. Л. 742–743.

⁷³ Бабич М.В. Манифест об ограничении сроков дворянской службы. С. 81; Манштейн Х. Записки о России генерала Манштейна. С. 160.

легии не без немалой обиды»⁷⁴. По версии военных, коллегия сама выявила сомнительные прошения об отставках и доложила о них в Сенат, однако сенаторы три недели продержали доклад у себя, потом вернули его без ответа — а сами тем временем нажаловались императрице⁷⁵. В итоге уже после принятия августовского указа Миних писал лично Остерману (22 августа), прося исходатайствовать у государыни ни много ни мало «сатисфакции таковой немалой обиде и нареканию»⁷⁶. Этот эпизод особенно примечателен, поскольку из него видно, что Миних не был уверен в полной поддержке по данному вопросу со стороны императрицы — он опасается, что Анну Иоанновну могут убедить в ошибочности заложенной в манифест 31 декабря схемы.

Из приведенного нами краткого обзора дискуссий 1730-х гг. относительно дворянской службы видно, что законодательные акты готовились в условиях стойких разногласий между Сенатом, с одной стороны, и Минихом и Кабинетом, с другой. При этом Сенат занимал в дискуссиях реагирующую позицию: он только отзывался на инициативы, поступавшие извне, или на практические затруднения, возникавшие при реализации уже принятых документов. Кабинет, кроме того, являлся той инстанцией, где так или иначе сходились основные инициативы в данной области. Заметим, что Кабинет и в целом уделял большое внимание проблеме дворянских кадров: по одной из оценок, он в среднем тратил на смотры и сортировку шляхетства до 10% своего рабочего времени⁷⁷. Тема интересовала персонально Остермана: например, летом 1736 г. он вызывал директора Кадетского корпуса и руководство Морской академии к себе на дом с подробными докладами о выпускниках, при этом требуя не только показать ему бумаги, но и «представить школьников на смотр с ат-

⁷⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1171. Л. 700.

⁷⁵ Там же. Л. 699 об.

⁷⁶ Там же. Л. 751.

⁷⁷ Савельева Е. Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны. С. 170.

тестатами, кто в какой науке и впредь во обучении его надежда имеется ль»; вмешивался Остерман и в вопросы производства в инженерной службе («надлежит им производить [в кондукторы и офицеры] из имеющихся при артиллерии достойных, понеже оныя ранги офицерские, в которые мужиков производить невозможно») ⁷⁸. Примечательно также, что принятие ключевых инициатив в 1736–1737 гг. приходится именно на тот этап в деятельности Кабинета, когда Остерман пользовался там почти неограниченным влиянием (в период между смертью Ягужинского и назначением Вольнского).

Вместе с тем, хотя точно установить авторство большинства документов, в которых предлагались меры по облегчению условий службы, не удастся (за исключением «Определения» Военской комиссии, которое можно с достаточной долей уверенности считать инициативой Миниха), все они появляются как бы «извне», не из правительственных органов, помимо стандартных бюрократических каналов. Мы не видим следов их обсуждения не только в Сенате или коллегиях, но и в Кабинете. Напротив, они восходят к анонимным проектам, подготовленным вовсе за пределами Кабинета. Похоже что предложения эти не пользовались безусловной поддержкой императрицы, которая в ряде эпизодов притормаживала или ограничивала эти инициативы (так, именно Анна добавила оговорку о введении манифеста 31 декабря 1736 г. в действие только после окончания войны с турками): непохоже, чтобы эти инициативы обязательно были ей понятны и «идеологически» близки.

И наконец, любопытно, что даже в ситуации обострения в 1740 г., когда принятие манифеста прямо ставилось в вину Миниху, в ходе внутривластных дискуссий нигде не поднималась тема положительной реакции элиты на эти меры, их популярности среди дворянства, удовлетворенности дворян введением урочных лет.

⁷⁸ СИРИО. Вып. 114. С. 346, 402, 408, 100.

Как кажется, предложения об изменении условий службы дворян в 1730-х гг. можно охарактеризовать не как общеправительственную программу, но как инициативы, восходящие ко вполне конкретным сановникам.

II

Можно ли найти какой-то смысл в спорах о дворянской службе, растянувшихся на целое десятилетие, и понять, чего именно пытались добиться Миних и Кабинет (в лице прежде всего Остермана) и что вызывало такое острое неприятие у их оппонентов в Сенате? Как представляется, для этого надо обратиться к более широкому кругу источников, касающихся организации службы и обучения дворянства. Анализ официальных документов и образовательных проектов, вышедших из-под пера ключевых иностранных сановников на русской службе, позволяет выявить целый ряд повторяющихся, взаимоувязанных в смысловом отношении конструкций, которые вместе взятые отражают наличие у авторов некоторого устойчивого набора представлений о дворянстве и приемах управления служащими дворянами. Представления эти восходят в общем виде к утверждавшемуся в это время в Европе новому этосу дворянской службы⁷⁹. И хотя рассматриваемые нами сановники и офицеры по происхождению являются немцами, интересующие нас концепции без исключения оказываются кальками или прямыми заимствованиями с французского.

Одна из ключевых категорий в этой системе представлений — «*природная склонность*». Наиболее известно употребление этого выражения в анонимном проекте кадетского корпуса из бумаг Верховного тайного совета, где утверждалось, что для обучения военному делу следует отбирать «*младых людей, которые б имели жени, т.е. натуральное склонение*», а поскольку в корпусе предполагалось обучать также и гражданским наукам,

⁷⁹ *Smith J.M. The Culture of Merit: Nobility.*

то расписание следовало составлять «по изобретению (т.е. после выявления. — *И.Ф.*) склонности учеников»⁸⁰. Идеи учитывать «природную склонность» при определении на службу отразились и в документах Кадетского корпуса после его создания: в корпусе предполагалось преподавать в том числе и гражданские науки, «понеже не каждого человека *природа* к одному воинскому *склонна*»⁸¹. Устав предписывал разделять кадетов на классы «по учениям, и по *диспозиции*, и понятию всякого», принимая в класс высших наук тех, «кто чрез прежние классы больше *склонности*, прилежания и понятия показывал». «Молодому человеку пристойные экзерциции» также предлагалось преподавать в зависимости от того, «кто к чему *диспозицию*, *склонность* и *охоту* имеет», иностранные языки — тем, «которые к тому *охоту* показывают»⁸².

«Жени» (*génie*, фр.), или природная склонность, в западноевропейской литературе и административной практике того времени трактовалась как сочетание особой способности к какому-то виду деятельности — и одновременно предрасположенность к нему, желание им заниматься. Понятие это было напрямую связано с представлением о том, что характер человека и его поведение определяются физиологическими особенностями организма, различным сочетанием протекающих в нем жидкостей-«гуморов», свойствами несущих эти гуморы сосудов и т.д., обусловленных, в свою очередь, климатом, режимом питания и так далее, и даже настроением родителей в момент зачатия. Соответственно, склонность эта приобретала некоторый предзаданный, объективный характер,

⁸⁰ РГАДА. Ф. 16. Д. 76. Л. 1–1 об.; Федюкин И.И., Лавринович М.Б. Сухопутный Кадетский корпус в Санкт-Петербурге и его берлинский прообраз (1730-е гг.) // Новые модели образования и прожекторство в России в первой половине XVIII в. (в печати); Петрухинцев Н.Н. Становление кадетского корпуса при Анне Иоанновне. 1731–1740 // Первый Кадетский корпус во дворце Меншикова. Материалы конференции. СПб., 2007.

⁸¹ ПСЗРИ 1. Т. 8. № 5811.

⁸² Там же. № 5881.

не зависела от воли самого человека⁸³. С точки зрения государственного управления, это означало, что принуждать человека к деятельности против его «склонности» не имеет смысла. Например, когда в 1718 г. А.Д. Меншиков требовал, чтобы его молодой шурин Иван Арсеньев, представленный к посольству в Гааге, направлялся — против его желания — с дипломатическими поручениями, посол, князь Б.И. Куракин, расхваливал своего подопечного, но убеждал не неволить его: «а чтоб мне его еще здесь употреблять в посылки к министрам чужестранным, и он к тому весьма несроден и *противу природы невозможно склонить*»⁸⁴. Искусство администратора заключалось, таким образом, в умении правильно определить склонность каждого и распределить дворян на службу в соответствии с этими склонностями.

Отзвуки подобных представлений достаточно часто можно встретить в текстах западноевропейских экспертов на русской службе того времени. Ранний пример употребления понятия «склонность» встречается в «Проекте для сочинения Морской академии» барона Ж. де Сент-Илера 1715 г.⁸⁵ (учителю гидрографии предписывается разделить своих учеников «на ровные классы... смотря по склонности и по[н]ятности оных кадет»⁸⁶). Этот пассаж (как и весь проект) является переводом французского морского устава *Ordonnance de Louis XIV pour les armées navales et arsenaux de marine* от 15 апреля 1689 г. (в данном случае ст. 3 разд. 1 гл. 19)⁸⁷. Несколько лет спустя

⁸³ Fedyukin I. An Infinite Variety of Inclinations and Appetites: *Génie* and Governance in Post-Petrine Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2010. № 4. P. 741–762.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 198. Д. 684. Л. 35–35 об.

⁸⁵ О Сент-Илере см.: Федюкин И.И. Барон де Сент-Илер и основание Морской академии в Санкт-Петербурге // Новые модели образования и прожектёрство в России в первой половине XVIII века (в печати).

⁸⁶ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 4 об.

⁸⁷ [Louis XIV.] *Ordonnance de Louis XIV. Pour les Armées navales et Arcenaux de Marine*. P., 1689. В переводе Конона Зотова конца 1714 г. — «смотря по их расположению и по[н]ятности». РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 49. Л. 196 об. В дальнейшем именно этот ордонанс широко использовался Петром и его

Генрих Фик в своей «Реляции, каким образом молодья графы, бароны, и шляхтичи в Швеции к государственным службам воспитаны и потом употреблены бывают» указывал, что определение к наукам и родам служб в этой стране производится исходя из природной склонности: «когда при таких науках ученики до 12го или 13го году дойдут, тогда начинают отцы *натуру и склонность их в разсуждение принимать*, и решить, какие науки они предвозприятъ и к каким службам и управлениям они употреблены быть имеют»⁸⁸. В конце 1720-х, в те же годы, когда был составлен и проект кадетского корпуса из бумаг Верховного совета, Миних в своих «Пунктах к сочинению инструкции к обер-директору от Фортификации яко Главы инженерного корпуса» предписывал «попечение иметь, чтоб наипаче российские молодые люди во всех науках благообучены были, и особливо к тем от вышеогоглавленных наук каждого приводить, к чему он наиболее *охоту и натуральную склонность имеет*»⁸⁹. Посол Вестфален, описывая известный эпизод с насильственной выдачей юной Салтыковой замуж за преображенского офицера, сообщает, что, экзаменуя кандидата в мужья, Анна Иоанновна справилась о его происхождении, возрасте и «*ses inclinations pour le service militaire*»⁹⁰.

В 1730-е гг. необходимость учета «природных склонностей» становится обязательным элементом образовательных проектов, разрабатываемых иностранными экспертами в России. Проект регламента Академической

сотрудниками при подготовке «Устава Морского». См.: Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 158.

⁸⁸ Ларина (Прокопенко) Я.И. Осмысление роли образования в государственном строительстве: проекты Генриха Фика первой четверти XVIII века // Новые модели образования и проектирование в России в первой половине XVIII века (в печати).

⁸⁹ Савельев А.И. Исторический очерк инженерного управления в России. Ч.1. СПб., 1879. С.72.

⁹⁰ Danska Rigsarkivet (Копенгаген). Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling, Rusland: Gesandskabsrelationer. Hans Georg von Westphal 1730–1732. Донесение от 3 декабря/23 ноября 1731 г.

гимназии Георга Вольфганга Крафта (1701–1754) предполагал допускать к определенным предметам только тех учеников, «в которых усмотрится *особливая склонность* к сим наукам, или которые своим прилежанием и добрыми поступками того достойными учинятся». Говоря шире, в документе постулируется, что, «понеже не все ученики равную способность к наукам имеют, то от них и требовать не можно, чтоб они всякую науку в равном совершенстве выучили. Чего ради учителя должны прилежно примечать *склонность* каждого ученика, и сколько без ущерба самых нужных вещей быть может, их от того не удерживать»⁹¹. Равным образом разработанный примерно в то же время или самим Остерманом, или по его поручению проект преобразования Морской академии предписывал ректору «присланных новых учеников свидетельствовать, к наукам оныя *по природной остроте и склонности* удобны ли, а потом директору представить, и по его апробации в класс определить»⁹². Для сравнения, в инструкции командиру берлинского корпуса кадетов Фридрих II в 1740 г. также требовал уделять внимание «*склонностям (Genies)* кадетов, к чему те особенно расположены, и есть ли у кого среди них хорошие головы, или же примечать тех, у кого особые таланты к той или иной науке»⁹³.

Пример Кадетского корпуса показывает, что подобные установки предполагали разработку сложных для своего времени комплексных практик мониторинга, оценки и классификации учеников. В течение 1730-х гг. в корпусе формируется развитая система регулярных экзаменов, учета успеваемости и мониторинга поведения кадетов в период между

⁹¹ Костин А.А., Костина Т.В. «Регламент Гимназии при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге» Г.В. Крафта 1739 г. и его подготовка // Новые модели образования и проектерство в России в первой половине XVIII века (в печати). Разд. XXIII, LII.

⁹² РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 45. Л. 8; Федюкин И.И. Проект реформы Морской академии А.И. Остермана (1730-е гг.) // Новые модели образования и проектерство в России в первой половине XVIII века (в печати).

⁹³ Федюкин И.И., Лавринович М.Б. Сухопутный Кадетский корпус в Санкт-Петербурге.

экзаменами; аналогичная система мониторинга предполагалась и проектом реформы Морской академии, подготовленным Остерманом⁹⁴. При этом директор Корпуса фон Теттау прямо сообщал в 1738 г. в Кабинет, что экзамен учрежден как «для награждения показанной от шляхетного юношества прилежности, так и для наказания нерачительных и ленивых, а особливо для разсмотрения каждого человека к будущей военной или гражданской службе *склонности*»⁹⁵. И действительно, в выпускных аттестатах кадетов можно обнаружить в том числе и указания на особую склонность (или несклонность) молодого человека «к инженерству», полевой службе, гражданской службе и пр.⁹⁶

Другая ключевая категория реконструируемой нами системы представлений — это «*тщание/рвение*», или «*охота*» к службе. Функционально данные термины представляли собой кальку с французского «*application*», превращавшегося в конце XVII—начале XVIII в. в один из ключевых элементов нового этоса дворянской службы. Во французских реалиях *application*, обозначавшее особое рвение и повышенное внимание к деталям служебных обязанностей, — по сути, прилежание, как оно буквально и переводится — противостояло традиционному аристократическому «любительскому» отношению, где служба понималась прежде всего как приобретение индивидуальной «славы» (*gloire*, фр.); отход от этой концепции отражал зарождение протомодерных представлений о профессионализме. Теперь, чтобы заслужить благосклонность

⁹⁴ Fedyukin I. An Infinite Variety of Inclinations and Appetites. P. 756–759; Федюкин И.И. Проект реформы Морской академии.

⁹⁵ РГВИА. Ф. 24. Оп. 1/119. Д. 225. Л. 53.

⁹⁶ Fedyukin I. An Infinite Variety of Inclinations and Appetites. P. 758–759. В следующие десятилетия подобные представления усваиваются и сановниками русского происхождения: мы встречаем их в том числе в текстах П.И. Шувалова. См.: Андриянен С.В. Империя проектов: государственная деятельность П.И. Шувалова. СПб., 2001. С. 100–105. В 1773 г. граф Захар Чернышев как о само собой разумеющемся пишет в докладе Екатерине II о распределении «учеников [Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса] и выпуске по природным их склонностям и способностям». См.: РГАДА. Ф. 20. Д. 198. Л. 117–117 об.

монарха, недостаточно было быть просто аристократом и отчаянным воином: требовались особая точность и тщательность в исполнении всех деталей службы, включая рутинную сторону службы, многочисленные регламенты, правила и распоряжки. По сути, речь шла о том, что офицер должен был не просто их исполнять (и уж тем более не манкировать ими), но находить удовольствие в *тщательности* исполнения, делать это с энтузиазмом⁹⁷.

В российском употреблении понятий «тщание/рвение» мы не находим ярко выраженных антиаристократических оттенков — ключевым становится именно запрос на энтузиазм со стороны подданных: хороший служащий должен не только исполнять свой долг, но и служить с охотой. Уже в 1726 г. в указе о порядке производства офицеров было велено отказывать в повышении чинами не только «недостойным», но и «к службе *неохотным*»⁹⁸. Соответствующие эпитеты становятся формульными и при описании как собственных качеств, так и качеств рекомендуемых офицеров. Представляя одного из своих клиентов, Миних характеризует его как «d'honnête homme» и «*zélé serviteur*»⁹⁹. Поздравляя в ноябре 1731 г. Миниха с монаршей милостью, директор Кадетского корпуса фон Люберас отмечал, что императрица награждает именно «*les plus zelés, le plus habilis, et les plus appliqués*» среди ее подданных. Со своей стороны Люберас также обещал приложить «*toutte l'application*», на которое только способен¹⁰⁰. Такое словоупотребление смыкается и с устанавливающейся эпистолярной формулой «Вашего Превосходительства (Вашего Сиятельства, Вашей Милости и др.) *охотный* слуга»: именно так, например, подписывает Миних официальное распоряжение своему подчиненному, тому же самому Люберасу¹⁰¹.

⁹⁷ Smith J.M. The Culture of Merit.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 2201. Д. 50. Л. 144–147 об.

⁹⁹ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 413. Л. 1.

¹⁰⁰ Там же. Д. 419. Л. 6–7.

¹⁰¹ Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 32. Ч. 1. Л. 340–340 об.

Подобные представления хорошо видны и в проекте реформы Морской академии Остермана в 1730-е гг., где постоянно подчеркивается, что учиться необходимо с «охотой» и «ревностью» — и педагогические практики подчинены стремлению эту охоту не подорвать, а, наоборот, поддержать (характерно, что «охоту» к занятиям, по мнению автора проекта, следовало поддерживать и у учащихся, и у педагогов). Занятия предполагается чередовать с благопристойными развлечениями, «дабы как учащие, так и учащиеся непрестанным одним трудом не отягощены, но наипаче к учению охотою побуждены были». На занятиях иностранными языками рекомендуется читать газеты, так как «ученики, любопытствуя новыя дела ведать, толь охотнее учится будут». Занятия по разным предметам необходимо чередовать, дабы ученикам «переменною охотнее было учится», а на занятиях латынью составлять из выученных слов диалоги, «дабы им охотнее вокабулы наизусть вытвердить». Также следует избегать чрезмерной нагрузки на учителей, из-за которой «охота отнимется и с меншею ревностью поступать будут»¹⁰².

Из такого подхода к делу логически вытекает следующий элемент реконструируемой нами системы — представление о необходимости «анкуражировать» (encourager, фр.) служащих, «придавать куража/ревния», т.е. возбуждать в дворянине ту самую охоту к службе. Основной способ анкуражировать офицера и вообще служащего человека — это своевременно и адекватно награждать его за особенные заслуги (прежде всего, повышением в чинах) и соблюдать некоторый легитимный порядок (например, старшинство) при рутинном производстве. Известно «Представление» Анне Иоанновне, написанное Остерманом вскоре после завершения кризиса 1731 г., где предлагается наградить особо отличившихся сторонников императрицы чинами без учета

¹⁰² РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 45. Л. 23, 43, 47 об.; Федюкин И.И. Проект реформы Морской академии.

старшинства: «ежели кто какую особливую службу показал, и того несмотря на старшинство и ни на что пожаловать пристойно для *анкуражирования* другим». Но здесь же подчеркивается, что общий порядок производства не должен нарушаться без действительно веской причины, ибо если младший будет произведен в обход старшего без «показания какой чрезвычайной службы», то старший «в печали останется, и *охота* к службе пропадает»¹⁰³. Та же мысль высказывается Остерманом и в «Записке для памяти», где он напоминает «не упускать награждать чинами и должностями людей достойных и заслуги оказавших»¹⁰⁴. Сам Миних писал, что Анна Иоанновна пожаловала его фельдмаршалом «чтобы ободрить»¹⁰⁵ (*pour m'animer* во французском оригинале).

Вместе с тем, анкуражирование предполагает не только повышение в чинах как таковое, но и соблюдение некоторой более широкой служебной справедливости. Так, еще при жизни Петра I иностранные инженеры на русской службе, обращаясь к монарху, отстаивали необходимость предоставления инженерным офицерам преимущества в чинах по сравнению с армией, поскольку «инженерство» требует и больших знаний, приобретаемых долговременной учебой, и одновременно частых посылок и разъездов по строящимся объектам. Если такое преимущество будет установлено, писал будущий директор Кадетского корпуса фон Люберас в своем «Проекте об учреждении фортификации дел», то не только инженеры будут поощрены, но и «другие чрез то *возбуждены* [будут] в такой честной науке»¹⁰⁶. Его начальник, генерал де Кулон, в своей челобитной Петру также доказывал, что «будет... каждый к обучению сей честной науки [инженерства] более охо-

¹⁰³ Цит. по: Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке (формирование бюрократии). М., 1974. С. 125.

¹⁰⁴ Остерман А.И. Записка для памяти об управлении Россиею // Архив князя Воронцова. Кн. 24. М., 1880. С. 1.

¹⁰⁵ Миних Б.-Х. Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны. М., 1997. С. 294.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 20. Д. 32. Ч. 1. Л. 67.

ты и ревности показ[ыв]ать, когда им из оной перед другими отменная честь произойдет»¹⁰⁷. Позднее, уже в 1740-х гг., Адмиралтейств-коллегия аналогичным образом жаловалась на недостаточность средств, выделяемых на содержание учеников Морской академии (особенно по сравнению с кадетами): «понеже служба морская есть несравненно против сухопутной тягостнее, то наипаче к такой службе, будучи в бедности, *кураж* их распространятся не может»¹⁰⁸. Остерман в «Записке для памяти» также пишет о необходимости «*ободрить* дворян, поелику никто *неохотно* служить во флоте»¹⁰⁹.

Наконец, для анкуражирования необходима была и ясная перспектива производства в чины — не имея перспектив карьерного продвижения, дворяне не могли служить с охотой. Приведем здесь фрагмент из уже упоминавшегося введения в проект Морской академии Остермана, где подробно описывается мотивирующая роль всех элементов, образующих, так сказать, условия прохождения службы (в данном случае в учебной ее составлющей). Итак, в обновленной Академии,

«3. Не токмо академическим членам, но и прочим учащим и учащимся пристойное честное поведение и почтение оказывать, и дабы каждый свой ранг ведал, например, ректор против полковника, профессеры против капитанов и адъютанты противу поруччиков. Их же довлеет, когда из профессоров кто умрет или иным случаем отойдет, в профессоры жаловать, також генерально всех учащих, как жалованием, так и в прочем, достаточно удовольствовать, дабы токмо о своих должностях, а не вседневной пици попечение имели.

4. Тож разумеется о учащихя, дабы, ведая себе впрядь всеконечнаго произведения и видя настоящее во всем удовольствие, *всегда с радостию и охотою*

¹⁰⁷ Савельев А.И. Исторический очерк инженерного управления. С. 197.

¹⁰⁸ Журнал Адмиралтейств Коллегии. 1747. № 2330 (заседание 8 июля, протокол закреплен 21 июля) // РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 319. Л. 316.

¹⁰⁹ Остерман А.И. Записка для памяти об управлении Россиею. С. 4.

учится причину имели. Например: дабы произведены были в 5 лет в фендрихи, а из того чина чрез 3 года в ундер лейтенанты, чрез 4 года в лейтенанты, а чрез 6 лет в капитаны флота, ибо честь к делу ум и охоту раждает. А когда кто чрез долгое время ни вящей чести, ниже иного награждения себе не видит, тогда не токмо охоту потеряет, но и во всем опустится.

5. В прочем же потребно, чтоб как учащие, так и учащиеся умеренными и сносными трудами обложены были, ибо, хотя учеников принуждать можно непрестанно над книгами сидеть, то однако ж от того не токмо больше пользы не будет, но они еще *прежднюю охоту потеряют и окоснеют*, також и желанное в том намерение ниже исполнено быть может. Еще ж и учащимся, ежели более 3 часов на день учить обязаны, *охота отнимется и с меншею ревностию поступать будут*, не имея довольно свободных часов, дабы от лучших ко споспешному наставлению способа думать и порядочно к вящей учеников пользе в действо производить могли, умалчивая, что искусныя и достойныя учителя таких трудных чинов не примут, но наипаче от того удаляются»¹¹⁰.

Сходным образом генерал-фельдмаршалы князь В.В. Долгоруков и граф Ласси в 1743 г. прямо подчеркивали необходимость оперативного производства достойных и показавших особые заслуги офицеров, «чтоб чрез то тем оказавшим заслуги против протчей своей братьи офицеров *наивящая ревность и охота к службе Вашего Императорского Величества придана быть могла*», причем в случае отмены уже обещанного производства такие офицеры «могут притти во *отчаяние* преждеоказанных своих в кампании заслуг»¹¹¹.

Как можно заметить, рассматриваемые нами концепции оказываются взаимоувязанными. *Тщание и рев-*

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 45. Л. 3 об.–4об; Федюкин И.И. Проект реформы Морской академии.

¹¹¹ Там же. Ф. 248. Кн. 2201. Л. 142–143 об. Та же мысль повторяется месяц спустя и в отдельном докладе Ласси. См.: Там же. Л. 148–149 об.

ность к службе невозможны без склонности к ней, а *анкураживать* кого-то — это значит *придать* ему *тщания*. Способы *придать* *тщания* дворянину — определить его на службу в соответствии с его *натурой*, его *склонностями*, а затем награждать и производить его в чины соразмерно проявленной *ревности*.

Отсюда, однако, вытекают два последствия. Во-первых, обратим внимание на определенную взаимность обязательств дворянина и государства, которая заложена в такой конструкции. Поскольку *склонность* носит объективный характер, *предопределена натурой*, то и принуждение дворянина к службе вопреки его натуре оказывается бессмысленным произволом. Более того, *анкураживание*, повышение достойных служащих в чинах, оказывается едва ли не обязанностью хорошего правителя и администратора: правитель теперь должен не просто повелевать, но и прилагать целенаправленные усилия, чтобы *придать* *тщания* служащим. Вместо конструкции, где ревностная служба — безусловный долг, а повышение чинами — произвольная милость, снисходящая по усмотрению монарха, мы видим конструкцию, где *тщание* может ожидаться только в ответ (а по сути, в обмен) на определенные действия монарха и назначенных им сановников. Как кажется, в этом смысле рассматриваемые нами дискуссии можно расценивать как переломную точку, ключевой момент перехода к договорным отношениям от «вручения себя», в терминах Ю.М. Лотмана¹¹². В нашем случае оказывается, что если *анкураживание* не происходит, или оно оказывается недостаточным, то за служащими фактически признается естественное (в прямом смысле — происходящее из естества, *натуры*) право «*притти в отчаяние*» и «*потерять охоту*», т.е. выполнять свои обязанности без энтузиазма. Полтора десятилетия спустя в докладе об основании Морского

¹¹² Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избр. статьи. Т. 3. Таллинн, 1993. С. 345–355.

кадетского корпуса уже прямо говорилось, что, не имея достаточного жалования, гардемарины «вышед... из такого довольственного прежде содержания и беззаботливого жития [в корпусе], а вступив в трудную службу морскую, и пред прежним в уменьшительное пропитание, *принуждены будут терять свой кураж*». В результате «во флоте из Академии в гардемарины идущее дворянство не с куражом, но с крайнюю прискорбностью *принуждено себя видеть будет*», а потому, дабы «лучшую *придать охоту к службе*», гардемаринскую роту следовало также влить в состав создаваемого корпуса¹¹³.

Во-вторых, *анкуражирование*, т.е., предоставление или обещание некоторой почести, могло иметь эффект только в том случае, если сам офицер обладал способностью отозваться на него должным образом, мог проявить *тщание и рвение* — говоря иначе, стремился к получению такой чести, т.е. обладал «честолюбием». Честолюбие в этом случае оказывалось сугубо положительной чертой — «Экстракт» Любераса об организации инженерной службы требует от офицеров служить, «яко доброму и честолюбивому солдату пристойно»¹¹⁴, не в том смысле, что они будут гнаться за чинами, а в том, что в ответ на анкуражирование со стороны монарха они будут прилагать необходимое служебное рвение. Очевидно, что способностью проявлять подобное честолюбие обладали не все: оно становилось одновременно и свойством, и отличительной чертой дворянина, особенно истинного дворянина. Ярче всего, пожалуй, эту мысль высказал еще в 1717 г. Яков Брюс, отославший назад два десятка присланных к нему в артиллерию выпускников Морской академии с требованием направить других, «из нарочитого шляхетства»: прибывшие к нему ученики из «подлога чина» были непригодны к производству в офицеры «того ради, что в подлых редко *амбиция бывает*»¹¹⁵.

¹¹³ ПСЗРИ 1. Т. 13. № 10062.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 20. Д. 32. Ч. 1. Л. 68.

¹¹⁵ Материалы для истории русского флота. Ч. III. СПб., 1866. С. 338. Об амбиции см.: *Smith J.M. The Culture of Merit*. P. 44, 214–215.

Как, однако, следовало поступать в случаях, возможность которых была очевидна и для современников — когда даже и выходцы из нарочитого шляхетства не всегда обладали необходимым честолюбием, оставались невосприимчивы к *анкуражированию*?¹¹⁶ Это противоречие снималось за счет понятия «косности», «окошения» — безвозвратной потери способности к прилежанию, к учебе, вообще к служебному рвению, к «дворянским поступкам». Обобщая различные мнения современников, можно сказать, что дворянин мог *закоснеть* в силу двух причин. Первая — в силу бедности, не дававшей возможности недорослю получить дворянское образование и поддерживать дворянский образ жизни, а то и вынуждавшей ради пропитания пускаться в «продерзости» и «недворянские поступки». Отсюда, собственно, и проистекало установление в 1737 г. порога собственности в 100 душ мужского пола как критерия зачисления в коллежские юнкеры. Наличие не менее 100 душ считалось минимальным уровнем благосостояния, необходимым для поддержания дворянского образа жизни, «не токмо определенным жалованьем, но и свои собственным иждивением себя чисто, честно [т.е. как приличествует «честному человеку», *honnête homme*. — *И.Ф.*] и неубого содержать»¹¹⁶. С этим же представлением связано, как кажется, и особое внимание, уделявшееся в Кадетском корпусе созданию приличных дворянину бытовых условий, включая поддержание чистоты, правильную сервировку стола, соблюдение правил дворянского обхождения в отношениях между самими кадетами.

В целом такой подход полностью вписывается в общеевропейскую практику: собственно, создание первых кадетских рот во Франции было связано с предполагаемым культурным расколом в дворянской среде. Аристократические реформаторы конца XVII в. беспокоились, что масса бедных французских дворян не имела средств освоить полагаемый необходимым для благородного чело-

¹¹⁶ ПСЗРИ 1. Т. 10. № 7201.

века культурный багаж и вести дворянский образ жизни; социальное единство дворянского сословия оказывалось подорванным, что ставило под сомнение и выполнение им социальной и государственной функции. Первые кадетские роты во Франции и были призваны вывести бедных молодых дворян из полковой среды, из-под влияния солдатни и дать им хотя бы какое-то минимальное образование¹¹⁷. Аналогичную функцию должны были выполнять и первые кадетские роты в Пруссии, причем особый упор делался на молодых дворян, потерявших отцов, а с ними — и источник существования, и модель дворянского поведения¹¹⁸.

Второй возможной причиной закоснения считалось также отсутствие *анкуражирования*. Дворянин, который слишком долго служил в одном чине, не имел перспектив повышения, использовался без учета его склонностей, терял честолюбие и в дальнейшем становился невосприимчив к *анкуражированию*, даже если соответствующие перспективы вдруг открывались. Достаточно емко по этому поводу высказались в ходе обсуждения в Воинской морской комиссии в середине 1730-х гг. иностранные адмиралы в составе Адмиралтейства: в поданных ими мнениях увязываются воедино целый ряд концепций, включая и необходимость учета *природных склонностей*, и необходимость *анкуражирования*, и опасность *закоснения*. Как полагал адмирал Сиверс, «еще обретаются во флоте несколько человек из знатного шляхетства, которые к морской службе необычайны и *от натуры моря терпеть не могут*, от которых достойным в произвождении в ранги чинитца не бес остановки, понеже производятца по старшенствам, а особливо гардемарины многие имеютца в службе по 15 лет,

¹¹⁷ Rowlands G. The Dynastic State and the Army under Louis XIV: Royal Service and Private Interest, 1661–1701. Cambridge, 2002. P. 178–185.

¹¹⁸ Moncre J. Forging the King's Sword. Military Education between Tradition and Modernization: The Case of the Royal Prussian Cadet Corps, 1871–1918. N.Y., 1993. P. 29–33; Dorwart R.A. The Prussian Welfare State before 1740. Harvard, 1971. P. 203–204.

и по их наукам к произвождению достойныя, токмо за неимением в комплекте мест производить [их] не можно, и от того долговременного в службе бытия к ноилутчему себя содержанию *тщания не имеют*, и для того лутче таких изо флота выключить, а на их места производить достойных, *имеющих охоту*, чтобы впредь во флоте во время случая от неспособных к мореплаванию и морской службе не учинилось какого ... ущерба»¹¹⁹.

Совершенно в том же духе высказался и адмирал лорд Дуфус, указав на наличие во флоте офицеров, которые «многие, правда, долгое время служили и произведены, но им *натурално море всегда противно* было, и потому совершенно не обучились, они также зело болны в худой погоде или иных каких случаях, и такие, я разсуждаю, могут к чему иному в службе Ея Императорского Величества употреблены быть, дабы многим младым из дворянства место было, которыя *с охотой желают* в морском деле обучитца»¹²⁰.

В обоих случаях указывается на вред, пристекающий от наличия офицеров, принужденных служить на море вопреки своей «натуре»: они противопоставляются тем, кто имеет «охоту» к такой службе. Не имеющие природной склонности к морю считались опасны не только тем, что плохо выполняли свои обязанности, но и тем, что блокировали карьерное продвижение «охотных» моряков, которые из-за этого также могли потерять тщание и охоту. Именно руководствуясь этим соображением, Сиверс в начале 1730-х гг. сократил комплект Морской академии и штурманских учеников, «понеже они все почти из шляхетства, а за многим числом их и мичманов остаются в непроизвождении, отчего *кураж* и пропадает, да и не весьма оной чин шляхтичу потребен»¹²¹. Впоследствии это сокращение комплекта ставилось Сиверсу в вину: адмирал же полагал, что при крайне ограниченных возможностях для производ-

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 681.

¹²⁰ Там же. Л. 728.

¹²¹ Там же. Л. 680 об.

ства в чины на флоте в мирное время переполнять флот не имеющими перспектив карьерного роста и потому *коснеющими* гардемаринами просто вредно.

Существенно, что «впадение в косность», по мнению современников, носило необратимый характер: человек становился «безнадежным» — эпитет, регулярно используемый, например, для описания неуспевавших или «впавших в продерзости» кадетов, подлежащих отчислению в армию рядовыми. Как кажется, именно это представление о «безнадежности» «закосневших» лежало в основе и отмеченного М.В. Бабич стремления Миниха к омоложению командного состава российской армии. Характерно, что выявленное исследовательницей определение Военной коллегии от 18 июля 1732 г. о перееаттестации всего офицерского корпуса предписывало представлять к увольнению не только тех, «которые за старостью и дряхлостью також за тяжелыми ранами и за неисцельными болезнями, воинской службы снести не могут», но и тех, которые «за какими причинами наперед того к повышению неудоены и впрдь во исправлении их надежды иметь невозможно»¹²².

III

Воспроизведенная нами система представлений позволяет реконструировать и замысел, стоявший за проводимой Минихом и Остерманом политикой в отношении дворянства, и суть разногласий между ними и сенаторами. В основе предлагавшихся иностранными сановниками мер лежало представление о том, что, во-первых, только *охотно* служащий дворянин мог выполнять свои обязанности действительно успешно (и уж во всяком случае, что *охотный* всегда предпочтительнее неохотного), и во-вторых, что самый эффективный способ управления дворянами состоял в создании условий для реализации их *честолюбия*. Разумеется, эти

¹²² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1171. Л. 658; Бабич М.В. Манифест об ограничении сроков дворянской службы. С. 89.

два положения неразрывно связаны, так как *охота* представляла собой оборотную сторону *честолюбия*. Об этом, собственно, писал еще Генрих Фик в своей *Реляции*. По его словам, в Швеции нет необходимости принуждать дворян к службе поскольку «ко всем государственным службам и управлениям всегда искусных людей больше находитца, нежели королю потребно, так что, когда какая гражданская или воинская служба или место порожно бывает, ко всякой службе, хотя высокой, хотя низкой, всегда довольно *охотных*, которые сами к тому домогаются, которые свои дела и управление с основания разумеют и однакож zelo просить принуждены, пока службу получают»¹²³.

Служащих, по мысли Фика, следовало привлекать достаточным жалованьем, перспективой повышения в чинах и «сносными уставами». Как настаивал Фик в доношении Сенату в 1718 г., «никогда искусных подданных сего государства к делам склонить не можем, ежели *надежда* к тому к жалованью и к повышению чина оных не *побуждает*»¹²⁴. Наличие большого числа «охотных», кстати, снимало и проблему дворянских отставок, так как «об одной вакансии часто многия вместе просят, и того ради всякой по прошению своему легко от службы уволен бывает»¹²⁵. Для сравнения, несколько позднее, в 1740 г., Фридрих II прямо писал офицерам берлинского кадетского корпуса, что «главным и наипервейшим предметом, над которым должны работать [офицеры] — прививать кадетам разумное *честолюбие* [Ambition]», посредством которого ими должно и управлять — «с кадетами следует обращаться хорошо, упирая на их *честолюбие*»¹²⁶.

Между тем именно концепция управления через *честолюбие* встречала в 1730-х гг. упорное сопротивление

¹²³ Ларина (Прокопенко) Я.И. Осмысление роли образования в государственном строительстве.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 58. Л. 33.

¹²⁵ Там же. Л. 97 об.

¹²⁶ Федюкин И.И., Лавринович М.Б. Сухопутный Кадетский корпус в Санкт-Петербурге.

российских сенаторов. Можно предположить, что для какой-то части из них, не сталкивавшихся непосредственно ни с западноевропейскими моделями взаимоотношений дворянина и государства, ни с соответствующей теоретической литературой, предложения о внедрении основанных на *честолюбии* управленческих механизмов были бессмысленными, выглядели странными фантазиями, противоречившими привычным подходам к администрированию. Но представителями российской элиты высказывались и вполне концептуальные возражения, наиболее емко сформулированные в хрестоматийном письме А.П. Вольнского 1730 г.: «слышно, что делается воля к службе: и правда, что в неволю служить zelo тяжело, но ежели и всю волю дать, известно вам, что *народ наш вовсе не честолюбив*, но паче ленив и не трудолюбив; и для того если некоторого принуждения не будет, то конечно и такие, которые в своем доме едят один ржаной хлеб, не похотят через свой труд получать ни чести, ни довольной пищи, кроме что всяк захочет лежать в своем доме...

Еще же и то: ежели из армии из рядовых выпущено будет подлое шляхетство, то уже им трудами своими от земли питать себя не привыкнуть, для того что разве редкий будет получать хлеб свой от трудов своих, а прочие большая часть разбоями и грабежами прибылей себе искать станут, и воровские пристани у себя в домах держать будут; и для того, хотя б и выпускать, однакож, по моему мнению, разве с таким рассмотрением, чтоб за кем было 50, а по последней мере 30 дворов, да и то, чтоб он несколько лет выслужил и молодые и шаткие свои лета пробыл под страхом, а не на своей воле прожил»¹²⁷.

Вольнский, таким образом, не отвергал основанную на *честолюбии* модель в принципе и оперировал тем же набором понятий: так, он полагал, что «если офицеры

¹²⁷ Переписка А.П. Вольнского 1729–1730 гг. // Россия и Запад: горизонты взаимопонимания. Литературные источники XVIII века (1726–1762). Вып. 2. М., 2003. С. 742–743; Строев В. Н. Бироновщина и Кабинет министров. Ч. 2. С. 17.

пред штатскими не будут иметь лишнего *почтения и воздаяния*, то и последняя пропадет у всех к военной службе *охота*, понеже *страха* над ними такого, какой был, чаю, не будет»¹²⁸ — почтение и воздаяние предстают здесь как альтернатива, хотя и не очень эффективная, принуждению («страху») как мотивации поступать в военную службу. По сути, Вольнский высказывал мысль, что русское дворянство еще не дозрело до модели управления, основанной на честолюбии (как и до участия в управлении, ибо «народ наш наполнен трусостью и похлебством») — и потому нуждается в принуждении к службе.

В связи с этим спором о честолюбии весьма показательными становятся ключевые инициативы Миниха и Остермана в отношении дворянства и реакция на них оппонентов из Сената. В историографии при изучении этих инициатив обычно затрагиваются лишь отдельные их элементы — в первую очередь вопрос об урочных летах дворянской службы — но остаются за скобками другие, не менее важные предложения авторов, риторика и аргументация документа в целом. При таком подходе искажается замысел авторов инициатив, утрачивается связь данного документа с другими источниками, раскрывающими особенности политического мышления авторов, их теоретические представления о сословной политике.

Так, внимательный анализ «Рассуждения» Воинской комиссии 1731 г. показывает, что оно посвящено не только и не столько введению урочных лет. Введение урочных лет рассматривается в документе только как один из инструментов для решения более общей задачи по привлечению в кирасирские полки дворян, которые бы служили охотно и со рвением. С этой целью шляхтичи, поступающие в создаваемые кирасирские полки, должны были получить целый ряд привилегий и «выгод». Часть из них носила материальный характер: преимущество в чине по сравнению с прочими армейскими полками; более высокое жалованье;

¹²⁸ Переписка А.П. Вольнского 1729–1730 гг. С. 743.

освобождение от тяжелых командировок в Низовой корпус в Азербайджане с его высокой смертностью и «в другие дальние марши»; размещение на квартиры в наиболее привлекательных условиях; со временем — введение системы регулярных отпусков для присмотра за своими деревнями. Но одновременно комиссия пишет о мерах, как бы мы сейчас сказали, морального стимулирования, призванных пробудить в кирасирах особое отношение к службе. Кирасир предлагалось освободить от телесных наказаний («никакой кирасир батожем не будет штрафован»), а проявивших себя недостойными таких «преимуществ» по решению военного суда навечно исключать из кирасир и переводить в другие полки. Предполагалось, что эти «выгоды» не просто привлекут в кирасирские полки молодых дворян (которые, к тому же должны были прибывать в полк с купленными за свой счет весьма недешевыми лошадьми и сбруей), но и сформируют у них особый настрой, энтузиазм: «чрез оное может при оном корпусе *ревнительное тщание* к службе введено быть». Благодаря всем этим мерам, вместе взятым, надеялась Комиссия, не только повысится боеспособность кирасирских полков по сравнению с имеющимися драгунскими, но в целом «шляхетству ко временной и неотягченной службе придастся *авантаж* довольной»¹²⁹.

Возражения Сената на это предложение выпукло демонстрирует следование противоположной, петровской парадигме. Сенаторы, как и Волынский годом ранее, принципиально отрицали возможность честолюбия у российского дворянства, что исключало и возможность добровольной и охотной службы: «знатного шляхетства дети, которые за собой деревень, також и пожитку имеют довольное число, *никогда волею своею в службу не пойдут*, но с охотою [будут] давать вместо себя людей и лошадей с убором, *а сами будут жить дома во всякой праздности и лени* и без всяких добрых наук и обхождения; а которые столько людей и лошадей вместо себя дать

¹²⁹ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 1250. Л. 129–129 об.

не могут, то хотя и будут в службу определяться, а потом пожелая быть в праздности же, хотя последние деревни продаст, да заплатит за себя в кирасирский полк»¹³⁰.

Итак, в представлении сенаторов, невозможно надеяться, что дворяне сами захотят служить, что их можно привлечь какими-то привилегиями, получением дополнительной чести. Более того, из этого рассуждения следует, что даже и жалованьем, и перспективой получения чинов сенаторы не рассчитывали заинтересовать дворян. Заметим, что они при этом имели в виду не только беднейшее дворянство, где такое отсутствие амбиции можно было бы объяснить невозможность поддерживать дворянский образ жизни и происходящим из этого «закоснением». Безнадёжно ленивым, невосприимчивым к анкуражированию объявлялись и знатное шляхетство, и пожиточные дворяне. Выбор обозначен очень четко: или принуждение к службе, или же дворяне поголовно и неизбежно впадут в естественное для них состояние праздности и лени (влияние «страстей», натуральной склонности подданных к праздности так велико, что они пойдут даже и на разорение, лишь бы следовать своим пагубным влечениям¹³¹). Других вариантов сенаторы просто не видели.

Именно в рамках представлений о склонностях, охоте и анкуражировании выстроены и указы о дворянской службе 1736—1737 гг. Указом 6 мая 1736 г. предписывалось определять годных к службе недорослей в полки «по их желаниям», а малолетних обучать грамоте «и прочим наукам, ко к чему охоту возымеет»¹³². Указ 9 февраля 1737 г. прямо объявлял, что цель предлагаемой системы зачисления на службу состоит не только в том, «чтобы шляхетство все были обучены и ко употреблению в воин-

¹³⁰ ПСЗРИ 1. Т. 43. Ч. 1. № 5803. С. 82–83.

¹³¹ О страстях см.: *Fedyukin I. Passions and Institutions: Human Nature in Theories and Practices of Administration from Peter I to the Emancipation of the Nobility // The Creation of a Europeanized Elite in Russia: Public Role and Subjective Self* (в печати).

¹³² ПСЗРИ 1. Т. 9. № 6949. Подтвержден в августе: Там же. № 7039.

скую и гражданскую службу угодные», но и в том, чтобы под ее воздействием недоросли к службе «свои *прилежные рачения* прилагали». Направляемых в государственные училища 12 летних дворян следовало записывать в академии («по их *склонности*») и другие школы («как кто к тому *способен явится*»). Среди 16-летних следовало определить, которые из недорослей «явятся более *способны* к гражданской, нежели к воинской службе». Провалившие экзамен отправлялись в матросы, поскольку было невозможно ожидать никакой пользы от тех, кто даже в таком простом учении «никакое *радение* не показал». Наконец, при распределении по достижении 20-летнего возраста следовало «смотреть, чтоб те, которые в своих науках паче других преуспели и *радетельное старание* имели, такожде прежде других в чины произведены были, и тако за свое прилежание к наукам и награждение получить могли». По итогам такого награждения повышенными чинами самых прилежных по всей империи должны были рассылаться информирующие об этом указы, «дабы другие, на то смотря, к равному ж *прилежанию и радению* побуждены были и от душевредительного гуляния и других беспотребств воздержаны были»¹³³. Указ от 30 марта, распространявший систему экзаменов и на зачисленных в Кадетский корпус, также предполагал выявление и отчисление в матросы безнадежных недорослей, которые в простых науках не показали «никакого радения»¹³⁴.

Заметим, что те же представления о склонностях, охоте и анкуражировании встречаются и в кабинетном докладе 1731 г. Хотя в пункте о дворянах они ясно не обозначены, но в первом из трех разделов, посвященном обучению отставных солдат (пункт о дворянах шел вторым номером), предлагается строить для солдатских детей начальные школы, и «есть ли между учениками *най-*

¹³³ ПСЗРИ. Т. 10. № 7171.

¹³⁴ Там же. № 7213.

дуться желающие знать высшие науки, то таковых, когда они к военной службе по молодости лет еще не способны, отсылать в гарнизонные школы, и там *разматривать*, к чему кто способность имеет, давая им также провиант и жалованье»¹³⁵.

Собственно декабрьский манифест 1736 г. не содержит, правда, прямых отсылок к данной модели (хотя решение о том, кому из сыновей оставаться дома для управления хозяйством и подготовке к гражданской службе, и здесь оставлено «на волю» дворян). Развернутая мотивировка предлагаемых в манифесте мер, содержащаяся в неопубликованной преамбуле к манифесту, сводит все дело к разорению имений, проистекающему от отсутствия помещиков, что, в свою очередь, ведет к неуплате налогов и умножению разбойников. Заметим, однако, обеспокоенность авторов и тем, что разоряющееся шляхетство «своей фамилии вспоможение учинить ни в чем не могут», т.е., теряют способность поддерживать дворянский образ жизни¹³⁶. Однако «Представление об утеснениях народа», к которому и восходит преамбула, увязывает разные элементы предлагаемых мер воедино: если установить урочные лета службы с последующей отставкой, то каждый дворянин, «будучи в службе, с *прилежанием и охотою* службу свою отправлял бы». В русском варианте «Представления» указано, что это позволит отставным дворянам «деревнями своими довольствоваться и веселиться, и экономию свою исправлять, и в лучшее состояние привести» — однако немецкий вариант описывает последствия яснее: в результате не только «хозяйство [Oeconomie] будет приведено в порядок», но и все дворянство будет «цивилизовано [civilisiret]»¹³⁷.

Любопытна в этой связи логика «Всеподданнейшего донесения сената» 1740 г.: сенаторы указывали, что «ви-

¹³⁵ РГАДА. Ф. 177. Д. 3. Л. 1 об.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1171. Л. 661 об.—662.

¹³⁷ Представление об утеснениях народа от подушного сбора. С. 34; *Строев В.Н.* Бироновщина и Кабинет министров... С. 69–70.

дя таковое матернее Вашего Императорского Величества попечение, чаемо было, что *шляхетство российское большую ревность к службе восприяло*» — иными словами, если не целью манифеста, то одним из ожидаемых последствий его принятия было именно более ревнительное отношение дворянства к службе. Этого, однако, не произошло: вместо честолюбия дворяне проявили свои худшие качества, используя пробелы в законодательстве для отлынивания от службы. Сенаторам в очередной раз приходилось объяснять, что раз дворянству не хватало честолюбия добровольно стремиться в службу, то и с волей они не справятся: «не имея над собою учрежденной команды», они пустятся в «ябеды», «с пьянства [в] наглья обиды и в самыя богомерзкие татьбы и разбои»¹³⁸. В этом смысле донесение звучит именно как заочная полемика с авторами манифеста, обещавшими повышение «ревности» со стороны дворянства — но просчитавшимися, как об этом сенаторы и предупреждали еще в 1731 г.

Впрочем, предложенный сенаторами проект указа также предписывал распределять недорослей в службу «смотря по природной всякого к тому *склонности*», отдавал «на волю» дворян выбор оставляемого дома сына, предлагал удерживать в службе выслуживших свой срок, но «бодрых и здоровых» дворян, производя их через чин, «чтоб подать шляхетству к тем делам *охоту*, повышать штацкими чинами»¹³⁹.

Автор анонимного «Мнения» 1740 г., хотя и критиковал пробелы в манифесте, также описывал ситуацию в уже знакомых нам терминах. По его мнению, в петровское время «с *охотою* служивали» именно выходцы «из средняго и из малопоместного и из самого убогого шляхетства», не имевшие от своих поместий «довольного пропитания» — и они же «службою своею в чины происходили». Почему же сейчас об отставке просят как раз многие

¹³⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1171. Л. 668–668 об.

¹³⁹ Там же. Л. 673–675.

дворяне, «за которыми толко душ по пяти»¹⁴⁰ Вероятно, полагал автор, дело в том, что недостаточное жалование не позволяло поддерживать дворянский образ жизни, а это, в его логике, лишало шансов на повышение в чинах и делало службу бессмысленной, подталкивало к выходу в отставку: «в *надлежащей чистоте и экипаже* содержать себя не могут и затем в произведении *коснеют* и, не имея к произведению своему *надежды*, об отставке стараются»¹⁴⁰. В такой конструкции предполагаемый массовый выход беднейшего дворянства в отставку оказывался не проявлением недостаточного честолюбия, но выражением «отчаяния» и «прискорбности», вполне естественных для не получающих должного *анкуражирования* дворян.

Наконец, справедливость наших построений косвенно подтверждает и еще один документ той эпохи, касающийся, однако, не службы дворян, а рекрутской повинности. Хранящееся в фонде Сената, это анонимное всеподданнейшее мнение / меморандум представляет собой перевод с немецкого и относится, видимо, к первой половине 1731 г. (С.М. Соловьев предполагал авторство Миниха, однако Н.Н. Петрухинцев сомневается в этой атрибуции)¹⁴¹. В меморандуме обсуждается проблема комплектования армии: автор отмечает, что крестьяне в России боятся идти в армию и потому делают все возможное, чтобы избежать службы. Они покупают за огромные деньги себе замену, как правило, из числа пьяниц, больных, бездельников и тому подобных. Итак, пишет автор, «в других службах в Европе годному и добровольному человеку по 3, 4 или по 5 рублей задатку дают, то в России по 150 до 200 рублей непотребным даются, чрез которых однако безопасность короны и благоповедение народа охранены бытъ имеются»¹⁴². Отчего же крестьяне идут на такие расходы, чтобы

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1171. Л. 682–682 об.

¹⁴¹ Там же. Кн. 1083. Л. 457–496. На л. 457 в левом верхнем углу помечено «перевод». *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. С. 188–190.

¹⁴² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1083. Л. 459.

избежать службы, почему «каждой подданной в России так мало *охоты* имеет салдатом или матрозом быть?»¹⁴³ Отчасти дело в тяготах и жертвах минувшей шведской войны — но главная причина состоит в том, что при существующей системе солдаты служат до самой старости и выходят в отставку лишь по достижении совершенной дряхлости, когда они уже не могут работать и включиться в жизнь крестьянской общины; в итоге после отставки их ждет лишь нищета («а особливо от того, что они от военной службы не отпускаются, пока весьма не устарели, не изувечены или ко всякой работе не годны»)¹⁴⁴. И так, заключает автор меморандума, «пока такие обстоятельства продолжаютца, никто из подлых крестьян к военной службе *охоты* иметь не будет»¹⁴⁴, а это затрудняет комплектование армии: с одной стороны, крестьяне бегут от военной службы за границу, а с другой, в армию набирают всякий сброд.

Автор этого примечательного меморандума предлагает иную модель службы: при проведении рекрутского набора собирать всех молодых людей в добром здравии в возрасте от 15 до 30 лет (кроме единственных сыновей или кормильцев в семье) и бросать меж ними жребий. Вытянувший жребий отправляется на службу, а остальные собирают ему на содержание 10 руб. Ключевой момент, однако, состоит в том, что служить он должен лишь 10 лет, после чего может или уйти со службы, или остаться еще на 10 лет (в этом случае направившая его на службу группа крестьян еще раз платит ему 10 руб.). По мнению автора, это позволит добиться, «дабы противность к солдатской службе помалу пресеклась». В частности, вернувшийся с такой необременительной службы солдат «похваляется» своими подвигами и приключениями, и от него «младенцы и сродники слыша, получают *охоту* то отвеживать»¹⁴⁵. И вот — массовое уклонение от службы прекратится, армия и флот «лутчими рекрутами снабдены будут».

¹⁴³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1083. Л. 459 об.—460.

¹⁴⁴ Там же. Л. 461.

¹⁴⁵ Там же. Л. 461 об.—463.

Как мы видим, здесь полностью воспроизводится та же модель, которую ранее мы реконструировали применительно к дворянской службе: автор обнаруживает различие между служащими подневольно и «охотно» и упирает на необходимость комплектования армии именно последними. При этом бессрочная служба до самой старости — как и в случае дворян — представлена в документе как важнейший демотивирующий фактор. Для придания «охоты» к службе предлагается ввести урочные лета, по истечении которых солдат сможет вернуться в свою деревню и наладить собственное хозяйство. Точно такая же увязка урочных лет (отказа от требования фактически бессрочной службы) с мотивацией служащих и обеспечением «охотной» службы заложена, как мы видели, и в реформе 1736–1737 гг.

Примечательны и некоторые дополнительные рекомендации, которые дает автор меморандума: в них видны следы той же системы воззрений. Так, автор предлагает расширять практику записи солдатских детей в школы, а затем в солдаты (в этом случае они «с юности получают *охоту* к солдатскому житию»¹⁴⁶), что согласуется и с п. 1 кабинетного доклада 1731 г. Далее предлагается разрешить выход в отставку тем офицерам и солдатам из дворянства, которые не имеют перспектив повышения в чинах и «уже многие лета видят, что по своему достоинству никакого счастья сыскать не могут». Подразумевается, что толку от таких демотивированных служащих мало, но зато они будут охотно давать одного-двух рекрутов за право выйти в отставку; то же касается и офицеров, желающих перейти в статскую службу, чтобы там легче «счастья отыскать»¹⁴⁷.

Наконец, мы видим предложение, которое имеет смысл воспроизвести целиком, поскольку оно предвосхищает целый ряд впоследствии реализованных правитель-

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1083. Л. 463 об.

¹⁴⁷ Там же. Л. 465.

ством мер: «Чтоб дворянские дети в артиллерию, инженерной корпус в адмиралтейство и в иные школы, когда они у своих родителей ничему учителя не могут, приняты и обучены были, или что при ея императорского величества лейб гвардии несколько рот кадетов сочинить, или во оную, как до сего времени рекрутами приняты были и несколько лет салдатами служили, а потом бы по изобретению охоты и достоинства их при армее долее служить, или в стацкой службе употреблены быть могли»¹⁴⁸.

Любопытно, что завершается доношение образцом «табели» офицерам и солдатам из шляхетства, которые «абшит требуют»: как поясняет автор, «по такому рапорту можно усмотреть, кто с охотою или неохотою служит»¹⁴⁹.

* * *

Итак, мы видим, что целый ряд законодательных актов, проектов и других документов 1730-х гг., касающихся положения дворянства, отражают вполне определенную систему воззрений русских сановников и служащих в России иноземцев послепетровской эпохи. Центральными фигурами в процессе выработки новых правил службы оказываются Миних и Остерман, чьи взгляды на службу дворянства, судя по всему, были довольно типичными для образованных представителей западноевропейской элиты той поры, но они шли вразрез с воззрениями на личность, государство и службу русских вельмож старой петровской формации. Ключевым для нового служебного этоса, формирующегося в Западной Европе с конца XVII в., было требование «охоты», рвеня со стороны служащих как условия успешного отправления службы. Администраторы в этом случае должны были возбуждать служащих путем «анкуражирования», распределяя

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1083. Л. 484.

¹⁴⁹ Там же. Л. 468 об.-496.

дворян по должностям и видам службы в соответствии с их природными склонностями, повышая достойных чинами и в целом создавая привлекательные условия службы (в противном случае дворяне могли прийти в «отчаяние» и потерять «кураж»). Принуждение к службе в этом понимании оказывалось ненужным, неэффективным и даже вредным. При этом реформаторы вполне допускали, что не все дворяне были восприимчивы к «анкураживанию», что невозможность вести дворянский образ жизни и долговременное отсутствие «анкураживания» приводили к «закоснению», безвозвратной потере необходимого дворянину честолюбия — чего, конечно, нужно было всеми возможными способами избегать.

Если рассматривать с этой точки зрения разбиравшиеся нами инициативы 1730-х гг., то очевидно, что ведущие сановники иностранного происхождения, в первую очередь Миних и Остерман, достаточно последовательно пытались проводить политику по изменению порядка дворянской службы и взаимоотношений между дворянством и государством в целом. Новая модель предполагала управление с опорой на «истинное шляхетство», которое служит не по принуждению, но на основе честолюбия: если такого шляхетства еще не было, то его следовало создать. В ряде проектов, меморандумов и законодательных актов обнаруживаются ключевые элементы этой новой модели: распределение на учебу и службу по «склонности»; «анкураживание» служащих путем перехода от производства по старшинству или по баллотированию к производству «по достоинству»¹⁵⁰; формирование нового поколения «истинного шляхетства» в Кадетском корпусе, где для обучающихся воспроизводилась идеальная модель дворянского образа жизни; постоянный отсев на всех уровнях «безнадежных» дворян, «закосневших» или потерявших «кураж». Введение урочных лет вписывается в эту систему мер — и как способ «анкураживания», и

¹⁵⁰ См.: *Fedyukin I. Passions and Institutions.*

как способ избавляться от потерявших «кураж» дворян, и как способ открывать вакансии для производства молодым дворянам, не допуская их «закоснения».

Наконец, введение урочных лет позволило бы дворянам поправить состояние своих поместий, создав условия для ведения дворянского образа жизни, а значит, тоже избежать «закоснения». Воля в рамках такой модели воспринималась не как право отказаться от службы, а как обязанность служить добровольно, но в соответствии со своим склонностями — и получать необходимое «анкураживание»; тот, кто не был готов служить охотно и оказывался невосприимчив к «анкураживанию», автоматически выводился за рамки «истинного шляхетства», а значит, лишался права на учет его склонностей и подвергался принуждению.

Называть этот комплекс законодательных актов и проектов «реформой», говорить о наличии у Остермана и Миниха какой-то программы целенаправленных преобразований едва ли правомерно: скорее, речь идет о том, что они и подобные им иностранцы на русской службе интерпретировали те или иные управленческие задачи и служебные коллизии, формулировали решения с помощью доступного им концептуального инструментария. Видно, что инструментарий этот не находил понимания у представителей старшего, петровского поколения российской элиты (включая, похоже, и императрицу, уступавшую предложениям своих министров с определенным сомнением), последовательно отрицавших саму возможность добровольной службы российского дворянства, наличия у него необходимого честолюбия. Если Миних и Остерман противопоставляли идее неэффективного принуждения идею добровольной «охотной» службы, то для их оппонентов альтернативой тяжкому, но необходимому принуждению было лишь «праздное и самовольное житье». В известном смысле, впрочем, эти две модели были не так уж несовместимы. Неопубликованная преамбула к манифесту 31 декабря 1736 г. описывает поведение

оставшихся без помещичьего надзора крестьян в тех же терминах «своевольства», в каких сенаторы описывали предполагаемое поведение оставшегося без «учрежденной команды» дворянства: «не токмо к платежу надлежащих податей рачения не имеют, но как свою, так и помещикову пашню запусают, а всего злее, что в воровствах и в разбоях являютца и напрасно погибают, и тюрьмы таковыми везде наполнены»¹⁵¹. Разница состояла лишь в том, что для сенаторов дворяне по своим поведенческим установкам оказывались близки к крестьянам, тогда как Миних и Остерман предполагали наличие у части шляхетства честолюбия и считали необходимым опереться на эту честолюбивую группу дворян в деле дисциплинирования остального общества. И в этом смысле, предложения Миниха и Остермана в своем практическом выражении оказывались созвучны чаяниям широких кругов дворянства, даже если оно интерпретировало реализуемые правительством меры не обязательно так же, как их понимали сами авторы.

В итоге Миниху и Остерману удалось, по крайней мере, на нормативном уровне сформировать на новых принципах систему дворянской службы, которая на протяжении четверти века определяла положение российской элиты. Не секрет, что последующая дискуссия о статусе дворянства строилась как раз вокруг вопроса о готовности благородного сословия к самостоятельному действию в целях общего блага, о наличии у него необходимого честолюбия и о возможных методах воспитания этого честолюбия. «Без отнятия покоя и без принуждения вечных служб с добрым порядком не токмо армия и штат наполнен быть может, но и внутреннее правление поправить не безнадежно»¹⁵², — заочно полемизирует уже в 1750-х гг.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1171. Л. 661 об.

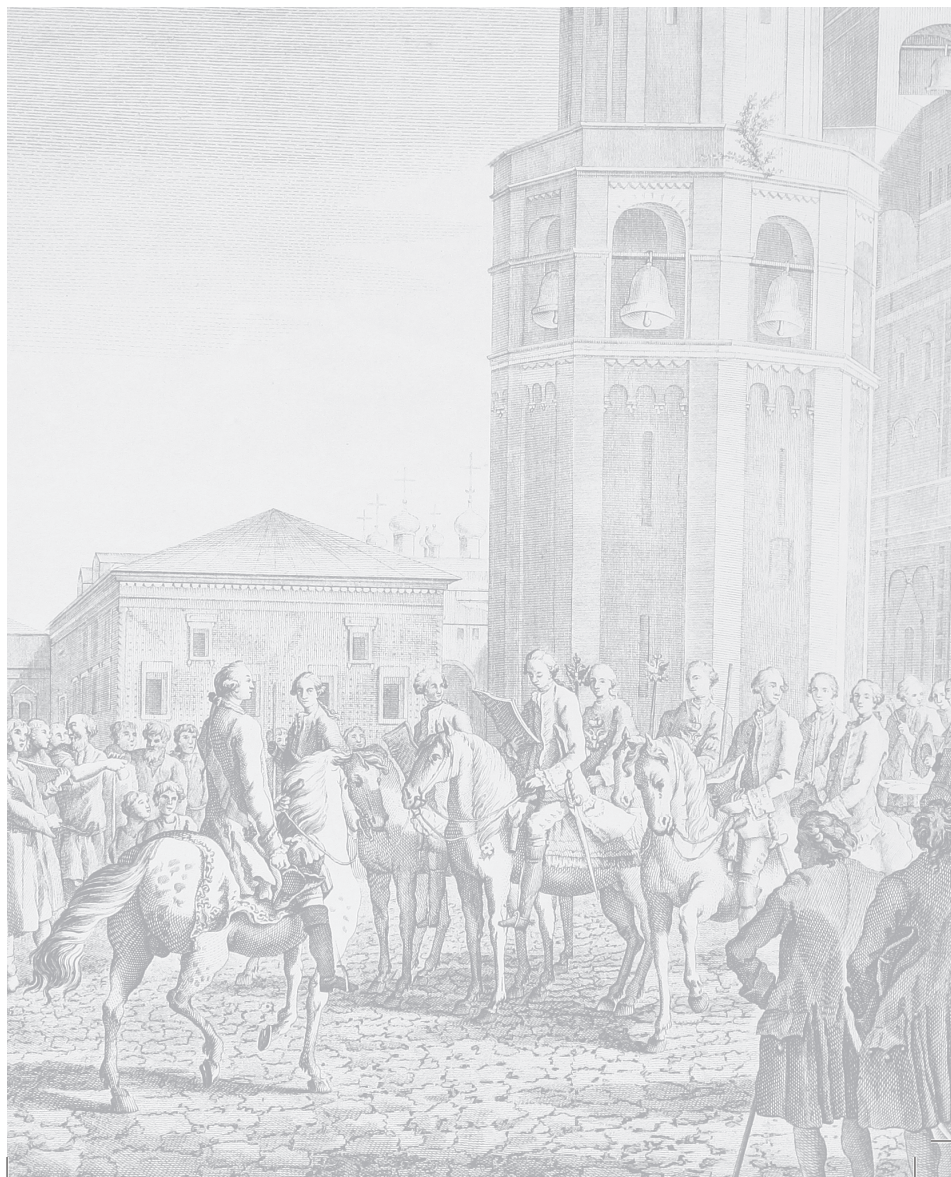
¹⁵² Долгова С. Р. Борис Григорьевич Юсупов — реформатор Сухопутного шляхетного кадетского корпуса // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVII: Первый кадетский корпус во Дворце Меншикова. СПб., 2007. С. 74. Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь». С. 264.

выпускник Тулонской морской академии князь Б.Г. Юсупов с не известными нам оппонентами, очевидно продолжавшими сомневаться в возможности «наполнить армию и штат» дворянами без принуждения. Вокруг этого же вопроса о наличии у дворянства необходимого честолюбия строилась и дискуссия в екатерининской комиссии о дворянстве. Ставший поводом для ее созыва манифест о вольности дворянства 1762 г., как известно, изящно снял противопоставление между принуждением и честолюбием, объявив, что именно петровское принуждение и позволило сформировать честолюбие у дворян, тем самым сделав дальнейшее принуждение ненужным¹⁵³.

¹⁵³ Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2. СПб., 1885; См. также: Бугров К.Д. «Петровская» и «екатерининская» концепции политической свободы в России 2-й половины XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 2 (114). С. 179–188; Киселев М.А. Проблема прав и обязанностей российского дворянства в уложенной комиссии на рубеже 1750-х и 1760-х гг.: К истории Манифеста о вольности дворянской // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 30–39.

ПОД СЕНИЮ ЕКАТЕРИНЫ...

Е.Н. Трефилов

Еще раз о «бабах» на русском престоле,
или Несколько слов о том, как пугачевцы
относились к Екатерине II

В научной литературе доминирует точка зрения, согласно которой российское простонародье в XVIII в. крайне негативно относилось к женщинам на троне. Пожалуй, в наиболее концентрированном виде эта точка зрения была высказана современным историком Е.В. Анисимовым. Согласно ему, простолюдины ассоциировали «женское правление с крахом государства, с правлением не способных к исполнению мужских обязанностей правителя “баб”, к тому же вдов или девиц, что придавало суждениям об императрицах особую скабрёзность. Это вело к разрушению в сознании народа сакральности самодержавия, ритуализованной святости монархии, вносило в сознание простого человека неразрешимую проблему: подчиняться, служить, жертвовать жизнью ради “бабы” – существа заведомо нечистого, глупого»¹.

И действительно, выпады в адрес «баб» на престоле в то время были явлением весьма распространенным². Не избежала подобных выпадов и самая выдающаяся из женщин, занимавших русский трон, Екатерина II. По мнению многих историков, недовольство этой императрицей было связано еще и с тем, что она в народе считалась незаконной государыней. Именно поэтому Екатерина противопоставлялась своему свергнутому супругу Петру III, который, по представлениям простолюдинов, был

¹ Анисимов Е.В. Женщины у власти в XVIII в. как проблема // DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert Nr. 9 (2011). Режим доступа: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/anisimov_herrschaft, свободный (дата обращения 10.02.2014).

² См., напр.: Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 64–69.

истинным народным заступником. Идеализация Петра III вызвала к жизни десятки самозванцев, принявших на себя имя покойного императора. Самым знаменитым из них был донской казак Емельян Пугачев, а восстание, возглавленное им, в свою очередь, стало апогеем народного недовольства Екатериной II и теми порядками, которые в глазах простолюдинов она олицетворяла³.

Мнение историков о том, что пугачевщина была направлена не только против «злых» бояр, но и против самой Екатерины, вполне подтверждается источниками. Например, до нас дошло немало свидетельств об антиекатерининских выпадах и поступках Е.И. Пугачева. Главным образом эти свидетельства сохранились в следственных показаниях как самого Пугачева, так и в показаниях людей, окружавших его во время восстания. Так, по словам яицкого казака Василия Коновалова, еще накануне восстания самозванец отказался от предложения казаков выпить «за милостивую государыню»⁴, а уже через несколько дней после начала бунта, по собственному признанию Пугачева, он приказал исключить из ектеньи на богослужении имя Екатерины II⁵. Впоследствии — то ли

³ См., напр.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачева. Л., 1966. Т. 2. С. 81–82, 417; Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И. Пугачева. Источниковедческое исследование. М., 1980. С. 23–25; Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Избр. труды. М., 1994. Т. 1. С. 81; Александр Дж.Т. Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева / Авторизованный пер. с англ. Уфа, 2012. С. 51–54.

⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 303–303 об. Разумеется, не пил за здоровье Екатерины Пугачев и во время самого восстания. Его сподвижник А. Соколов-Хлопуша на допросе в Оренбурге 10 мая 1774 г. вспоминал: «Когда случилось ему (Пугачеву. — Е.Т.) пить водку, то всегда пил и приказывал другим то же делать за здоровье государя цесаревича и супруги его, а государынено имя, когда и упоминал, то больше з бранью...» (Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши // Красный архив. 1935. № 68. С. 168).

⁵ Емельян Пугачев на следствии. Сб. документов и материалов / Сост. Р.В. Овчинников, А.С. Светенко. М., 1997. С. 82. Разумеется, в дальнейшем восставшие также исключали упоминание об императрице во время церковных богослужений. См.: Там же. С. 201; Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева в Чувашии. Чебоксары, 1972. С. 317; Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. /

по инициативе самого Пугачева, то ли по инициативе яицких казаков — «государю» и вовсе «вместо Екатерины» нашли другую жену, казачку Устинью Кузнецову⁶, которая, соответственно, и стала новой «императрицей»⁷.

По свидетельству людей, близко знавших «Петра Федоровича», Екатерину он ненавидел за то, что она свергла его с престола⁸, или за те «великие нужды», которые он претерпел по ее вине⁹. Однако не только за себя было обидно «государю». По словам пугачевского любимца Ивана Почиталина, самозванец обвинял императрицу в том, что она разорила яицких казаков¹⁰. Да и вообще при Екатерине стало жить хуже, поскольку, по словам другого пугачевского сподвижника, Ивана Зарубина-Чики, «император» однажды заявил: «как де был государь, то все де крепко да хорошо было»¹¹. Видимо, за все эти проступки и собирался самозванец наказать «свою бывшую супругу». По признаниям как самого Пугачева, так и его сподвижников, он намеревался отправить государыню в монастырь¹², а по словам его жены,

Отв. ред. Р.В. Овчинников. М., 1975. С. 77; Саратов во время пугачевского восстания. Сб. документов для семинарских занятий по истории Саратовского края. Саратов, 2001. С. 25–26, 30–31, 33 и др.

⁶ Пугачев на следствии утверждал, что инициатива исходила от яицких казаков, а яицкий казак М. Толкачев, напротив, называл инициатором женитьбы самого Пугачева. О правоте последнего свидетельствуют показания А. Толкачевой (жены М. Толкачева), а также показания И. Почиталина. Подробнее см.: Емельян Пугачев на следствии. С. 92, 187; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 137–137 об.; Д. 506. Л. 198 об.; Ф. 349. Д. 7329. Л. 158.

⁷ Подробней об этой женитьбе см.: *Дубровин Н.Ф.* Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774 гг. По неизданным источникам. СПб., 1884. Т. II. С. 276–280. Соответственно, Устинью Петровну стали вместе с «Петром Федоровичем» упоминать и на богослужениях. См., напр.: *Документы ставки Е.И. Пугачева*. С. 77.

⁸ Пугачевщина. Из следственных материалов и официальной переписки / Подгот. к печати С.А. Голубцовым. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 199. См. также: РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 328 об.

⁹ Пугачевщина. Т. 2. С. 162.

¹⁰ РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 190.

¹¹ Пугачевщина. Т. 2. С. 131.

¹² Там же. С. 112, 135, 188, 194, 196; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 168; Емельян Пугачев на следствии. С. 82, 185, 190; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 93 об., 190. На одном из допросов самозванец говорил, что его сподвиж-

У. Кузнецовой, и вовсе самолично отрубить Екатерине голову¹³.

Не только «Петр Федорович», но и повстанческие командиры, а также рядовые пугачевцы позволяли себе выпады в адрес Екатерины II. Об этих выпадах мы, например, узнаем из мемуаров современника Пугачевщины, известного ученого П.И. Рычкова. Он писал, что однажды во время осады Оренбурга казаки-повстанцы кричали осажденным: «долго ли-де вам, дуракам, слушать женщине, пора одуматься и служить государю»¹⁴. Об антиекатерининских настроениях восставших говорят и другие источники, в том числе и некоторые документы, вышедшие непосредственно из-под пера самих бунтовщиков во время восстания¹⁵. Ввиду таких настроений нет ничего удивительного в том, что, по некоторым сведениям, в прикамском селе Сарапуле повстанцы всех «веровавших» в «Катерину» отправляли «на рели», т.е. на виселицу¹⁶.

И тем не менее не все так просто, как это представляется на первый взгляд. Начать, пожалуй, следует с того, что наказания, предусмотренные Пугачевым для «бояр» и Екатерины, были различны. Если «боярам» и дворянам самозванец грозил истреблением¹⁷, то императрице,

ники советовали ему сесть на престол не в Петербурге, как он хотел, а в Москве, поскольку в ней «дадут» ему «с осударынею суд». См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 215.

¹³ Пугачевщина Т. 2. С. 199.

¹⁴ Рычков П.И. Осада Оренбурга (Летопись Рычкова) // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 16 т. Т. 9. Кн. 1. М.; Л. 1950. С. 298.

¹⁵ Пугачевщина Т. 2. С. 331, 347; Документы ставки Е.И. Пугачева. С. 77, 105, 241, 272, 306, 357, 401; Саратов во время пугачевского восстания. С. 25–26, 30–31, 33; Таймасов С.У. Восстание 1773–1774 гг. в Башкортостане. Уфа, 2000. С. 54. См. также: Документы ставки Е.И. Пугачева. С. 120, 202, 312; Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте // Курмачева М.Д. Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773–1775 гг. М. 1991. С. 215, 216.

¹⁶ Таймасов С. У. Восстание 1773–1774 гг. в Башкортостане. С. 54.

¹⁷ Пугачевщина Т. 2. С. 112, 162; Емельян Пугачев на следствии. С. 82. Речь идет главным образом о тех «боярах» и дворянах, которые свергли «Петра Федоровича» с престола. Что же касается остальных «бояр» и дворян, то

как мы помним, только отправкой в монастырь. Лишь, по свидетельству У. Кузнецовой Пугачев собирался, «как бог допустит в Петербург» самолично отрубить Екатерине голову¹⁸. Возможно, подобные слова и впрямь были произнесены самозванцем. Однако в целом крайняя ненависть к императрице явно не характерна для Пугачева. Напротив, он подчеркивал, что Екатерина отнюдь не является его главным врагом. На большом московском допросе 1—14 ноября 1774 г. он показывал, что, услышав от прибывшего из Петербурга казака А. Перфильева рассказ о том, будто «бояра» и Екатерина собираются «ехать за море», он сказал: «Ну-де, бояра таковские, пускай едут, а государыне-та зачем за море ехать? Я, небось, не помню ее грубость. Пусть бы она пошла в монастырь»¹⁹.

Можно, конечно, было бы списать подобное великодушие самозванца на защитную тактику во время следствия, если бы снисходительное отношение «Петра Федоровича» к «бывшей жене» не подтверждалось показаниями его сподвижников. Пугачевский первый секретарь И. Почиталин рассказывал, что самозванец обещал, когда доберется до Петербурга, отправить Екатерину в монастырь. При этом Пугачев добавлял: «а смерти ее не придам, может, за грехи свои Господа и умолит»²⁰. По словам же отца И. Почиталина, Якова, Пугачев однажды заявил: «да коли де она (Екатерина. — Е.Т.) меня встретит без брани, с честью, то я ее тогда прощу и, куда похочет — в свою ли прежнюю землю ехать или в монастырь, буде пожелает Бога о своих грехах молить, — отпущу. А естли де не то, то уже я знаю, что тогда сделать»²¹.

их самозванец собирался лишить поместий и заставить жить лишь на одно жалованье: Пугачевщина Т. 2. С. 135, 188, 195–196; Емельян Пугачев на следствии. С. 82.

¹⁸ Пугачевщина. Т. 2. С. 199.

¹⁹ Емельян Пугачев на следствии. С. 185.

²⁰ РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 190.

²¹ Пугачевщина Т. 2. С. 194. По словам Я. Почиталина, эти планы Пугачев изложил в ответ на вопрос М. Шигаева о том, что самозванец сделает с Екатериной после вступления повстанческого войска в Петербург. Шигаев, в

Если внимательно присмотреться к показаниям некоторых повстанцев, то можно увидеть, что порой Екатерина и вовсе не упоминается Пугачевым среди врагов «государя», а вина за свержение императора и притеснение простого народа полностью возлагается на «бояр» и «знатных господ»²². Важно заметить, что похожую ситуацию можно наблюдать при чтении манифестов и именных указов самозваного царя²³. Безусловно, эти документы были написаны не самим Пугачевым (самозванец грамоты не знал), а различными его секретарями. При этом, однако, известно, что «Петру Федоровичу» зачитывали некоторые манифесты и указы, а иногда он сам принимал участие в их составлении. Не менее важным представляется и то обстоятельство, что эти документы учитывали чаяния различных социальных и национальных групп, к которым обращался «император»²⁴.

Означает ли отсутствие антиекатерининских выпадов в пугачевских манифестах и указах то, что не только для самозванца, но и для других бунтовщиков и для потенциальных пугачевцев императрица не являлась главным врагом? Свои соображения на этот счет я изложу чуть позже, а пока замечу, что в самозванческих манифестах и указах государыня все же упоминается, и по крайней мере в одном из указов упоминается она вполне благосклонно. Речь идет об именном указе от 1 октября 1773 г., адресованном башкирам Оренбургской губернии. После напоминания о том, как они верно служили предкам «Петра III», говорилось следующее: «И ныне таким же об-

свою очередь, отрицал, что задавал Пугачеву подобные вопросы. При этом Шигаев не отрицал, что слышал от самозванца о его намерении отправить императрицу в монастырь. Однако по поводу других пугачевских намерений в отношении Екатерины, о которых говорил Я. Почиталин, Шигаев точно припомнить не мог (Там же. С. 194, 196).

²² Пугачевщина. Т. 2. С. 187–188, 194–195; Показания командира пугачевской гвардии / Подгот. к печати А.С. Светенко // Вопр. истории. 1980. № 4. С. 98; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 79 об., 507–507 об.

²³ Документы ставки Е.И. Пугачева. С. 23–53.

²⁴ Подробнее о составлении и распространении пугачевских манифестов и именных указов см.: Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева.

разом душевно-усердствующей и сердечно-вернейшей и несомнительнейшей дражайшей, светлое лицо имеющей, государыне вашей служите безъизменно, не прменяя сердца свои, повелениям бы моим были послушными, не вложя ваши сердца укривлению»²⁵. Таким образом, получается, что башкиры должны служить «Петру III» так же верно, как они служат своей государыне. Нечто похожее можно найти в одном из посланий пугачевского атамана П. Пестерева, действовавшего в отдалении от главной повстанческой армии²⁶.

Не найдем мы каких-то прямых оскорблений в адрес Екатерины и в документах, исходивших из Пугачевской военной коллегии²⁷, игравшей роль правительства при самозваном «царе»²⁸. Правда, в одном из документов этого учреждения антиекатерининские настроения все же отразились. Речь идет о записке Военной коллегии саратовским священникам от 7 августа 1774 г. В записке говорилось о поминании во здравие в молебнах «Петра III» и членов его «фамилии», среди которых, разумеется, Екатерина не упоминалась²⁹.

²⁵ Документы ставки Е.И. Пугачева. С. 26. Не исключено, что положительное отношение к государыне высказано еще в одном пугачевском указе. Речь идет об именном указе тем же башкирам Оренбургской губернии от 14 октября 1773 г. В документе говорится: «император российской, царь Петр Федорович, от всех государей и государыни отменной и прочая, и прочая». См.: Там же. С. 30.

²⁶ Там же. С. 274.

²⁷ Там же. С. 53–78.

²⁸ Подробнее об этом учреждении см.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачева. Л., 1966. Т. 2. С. 34–36, 444–465; Овчинников Р.В. Из опыта изучения и реконструкции документов Военной коллегии Е.И. Пугачева // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 72–97; Оренбургская пушкинская энциклопедия: Путешествие – 1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочки». Исследователи и интерпретаторы / Авт. и сост. Р.В. Овчинников, Л.Н. Большаков. Оренбург, 1997 (приводится по изданию: <http://artlib.osu.ru/oeel/gold/bolshakov/pushkin/pdf/V.PDF>).

²⁹ Документы ставки Е.И. Пугачева. С. 77. Не лишним будет добавить, что существовал и вариант присяги «Петру III», где упоминался «царь» и его «семейство» и где нет упоминания о Екатерине Алексеевне. Об этом см.: Там же. С. 401.

Вместе с тем в некоторых других документах, вышедших из-под пера бунтовщиков, антиекатерининские настроения высказаны напрямую и уже с упоминанием самой императрицы³⁰. Так, в своем прошении в Пугачевскую военную коллегию о зачислении в один из повстанческих отрядов беглый солдат М. Аднагозин (февраль 1774 г.) писал, что бежал из армии «по нежеланию службы Екатерины Алексеевны»³¹. О том, чтобы «государыню Екатерину Алексеевну не честь», говорилось в «одобрительном письме» жителей Нижнего Ломова об ассессоре Е.В. Овсянникове (9 августа 1774 г.), поданном уже самому «императору»³². Похожие выпады можно найти и в документах отдельных повстанческих командиров, появившихся на свет также в 1774 г. В послании пугачевского полковника И.Н. Грязнова нерусским народам Исетской провинции (19 января) императрица называется «прежней государыней»³³, а в «известии» повстанческого командира (его имя в документе не указано) служителям Мелекесского винокуренного завода от 21 января вера в царя, т.е. в «Петра III», противопоставляется вере в «царицу», т.е. в Екатерину II³⁴.

Автор еще одного повстанческого документа, высказывая неприязнь к Екатерине, пошел гораздо дальше. В увещании Войсковой канцелярии яицких казаков в осажденную крепость Яицкого городка подполковнику И.Д. Симонову от 5 апреля 1774 г. читаем следующие оскорбления в адрес императрицы: «ваша государыня или, паче рещя, мужеубийца» и «законный блуднице служите». Правда, эти слова, написанные старообрядческим старцем Гурием, впоследствии были вычеркнуты солдатом И.В. Мамаевым (Мамонтовым), «чернившим», т.е.

³⁰ Есть также повстанческие документы, в которых содержатся более или менее прозрачные намеки на антиекатерининские настроения. См.: Документы ставки Е.И. Пугачева. С. 120, 202, 312.

³¹ Там же. С. 241.

³² Там же. С. 357.

³³ Там же. С. 272.

³⁴ Там же. С. 306.

редактировавшим данный документ³⁵. Согласно следственным показаниям самого Мамонтова, оскорбления в адрес Екатерины вычеркнул он потому, что «это не только дурно, но и противно Богу»³⁶.

Можно, конечно, допустить, что солдат лукавил, когда делал подобное заявление на следствии. Например, слова о «мужеубийце» могли быть вычеркнуты им за их явную несуразность: если Екатерина убила своего мужа, то кому в таком случае служат повстанцы? Но вот слова о «блуднице» солдат мог и оставить. Что сдерживало Мамонтова и, как мы видели, не его одного? Почему для некоторых повстанцев, в том числе и для самого Пугачева, Екатерина была не самым главным врагом? Попробуем, если не ответить на эти вопросы, то хотя бы сделать некоторые предположения на этот счет.

Хотя многочисленные выпады в адрес женщин на престоле — факт неоспоримый, картина была все же не такой однозначной, как это представляется на первый взгляд. Например, среди документов Тайной канцелярии сохранилась песня донских казаков, в которой выражено вполне положительное отношение к Елизавете Петровне и неприязнь к ее врагам, в частности, к царедворцам. Эта песня, по всей видимости, была сложена во время недолгого царствования Иоанна Антоновича, когда Елизавета была еще цесаревной³⁷. Весьма положительно к Елизавете Петровне уже как к императрице относились некоторые урало-сибирские старообрядцы³⁸. Весьма важным представляется и то, что в одном из документов, вышед-

³⁵ Документы ставки Е.И. Пугачева. С. 105. Оригинал увещания старца Гурия до нас не дошел (Там же. Примеч. 1 к док. № 121. С. 406).

³⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 460. Л. 136.

³⁷ Усенко О.Г. Неизвестная историческая песня донских казаков середины XVIII века // Российское казачество: проблемы истории и современность (к 310-й годовщине Кубанского казачьего войска). Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., Тимашевск, 2–5 октября 2006 г. Краснодар, 2006. С. 251–253. Зафиксирована эта песня была в середине 50-х годов XVIII в.

³⁸ Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 140, 145–146.

ших из-под пера пугачевцев, а именно в уже упоминавшемся увещании подполковнику Симонову, делается ссылка на авторитет покойной императрицы: «егда наша государыня императрица Елисавет Петровна отъиде на вечное блаженство, всему нашему государству известно, что соизволила скипетр Российскаго государства вручить природному наследнику великому нашему государю императору Петру Феодоровичу»³⁹.

Не было столь однозначно негативным отношение в народе и к Екатерине II. Так, в разных частях России появлялись или подложные «милостивые» указы, писанные явно представителями непривилегированных слоев населения, в которых «Екатерина» освобождала крестьян от власти различных владельцев или просто ругала дворян за их неблагоприятные поступки, или подметные письма, возлагавшие различные надежды на императрицу⁴⁰. Вот, например, подметное письмо «Объявление по генварь» от 6 ноября 1775 г. В этом «объявлении», адресованном Г.А. Потемкину, говорилось, что если крестьяне не будут освобождены «из-под злострательного варварскаго и кровопийственнаго проклятаго господскаго мучительнаго ига», то вспыхнет восстание и начнется «истребление дворян..., ибо нас Бог не скотами да и не мучениками создал». Впрочем, автор письма был согласен подождать «до новаго года. Авьось нас милостивая государыня избавит!»⁴¹.

Следует отметить, что надежды на государыню, в том числе и благодаря фальшивым указам, написанным от ее имени, были довольно-таки распространены среди крестьян, устраивавших волнения в царствование Екатерины II. Ее милость противопоставлялась злой воле различных чиновников, помещиков, заводчиков и прочих врагов крестьян.

³⁹ Документы ставки Е.И. Пугачева. С. 105.

⁴⁰ См., напр.: Штранге М.М. История одного подложного указа 1763 г. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961; Документ периода Крестьянской войны 1773–1775 годов // Сов. архивы. 1974. № 3; Новое о подложных указах 1762–1763 гг. о вольности крестьян // Сов. архивы. 1985. № 6.

⁴¹ Документ периода Крестьянской войны 1773–1775 годов. С. 91.

яинства⁴². Помимо прочего надежды на государыню выражались и в том, что ходоки пытались собственноручно вручить ей свои челобитные. Об этом, в частности, мы узнаем из знаменитого сенатского указа от 22 августа 1767 г., который как раз и запрещал крестьянам это делать⁴³. Едва ли эти крестьяне стали бы пробиваться к царице, чтобы подать ей прошения, да и вообще надеяться на ее милость в том случае, если бы считали Екатерину «глупой», не способной к правлению «бабой».

В связи со сказанным выше можно предположить, что, по крайней мере, одной из причин, почему составители пугачевских манифестов не включили в свои писания оскорбительные выпады в адрес императрицы, было неоднозначное отношение крестьян к Екатерине. Раз уж составители этих документов знали о ненависти крестьян к дворянам и о прочих мужицких чаяниях, то почему бы им было не знать и о положительном отношении какой-то части крестьянства к императрице?!

Выше я уже говорил о пугачевском указе, в котором башкиры Оренбургской губернии призывались служить «Петру Федоровичу» так же верно, как они «служат своей государыне». Быть может, причины подобного «двопочитания» следует искать в авторе этого указа — яицком казаке тюркского происхождения Б. Идеркееве⁴⁴. Но нельзя исключать и того, что дело было не столько в Идеркееве, сколько в адресате указа. Современный исследователь В.В. Трепавлов обратил внимание на то, что «царица-бабушка», т.е. Екатерина II в пугачевском фольклоре башкир «выведена за пределы круга притеснителей народа», да и вообще в фольклоре этого народа она оценивается весьма

⁴² Подробнее о крестьянских волнениях в царствование Екатерины II и о настроениях бунтующих крестьян см.: *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1901. Т. 1. С. 419–456, 487–508, 512–515; Т. 2. С. 244–252, 322–361, 414–434, 457–503, 508–509, 792–793.

⁴³ ПСЗРИ 1. Т. 18. № 12966. С. 335–336.

⁴⁴ Подробнее об этническом происхождении Идеркеева и о составлении указа см.: *Сподвижники Пугачева свидетельствуют //* *Вопр. истории.* 1973. № 8. С. 108; *Овчинников Р.В.* Манифесты и указы Е.И. Пугачева. С. 41–43.

положительно⁴⁵. Если фольклор действительно отразил в себе башкирские представления времен Екатерины и Пугачева, то положительное отношение сразу к «царю» и царице в пугачевском указе вполне объяснимо. Однако полностью уверенным в этом быть невозможно, хотя бы по той причине, что, по крайней мере, некоторые башкирские старшины отчетливо понимали, что нельзя сразу служить «Петру Федоровичу» и Екатерине Алексеевне и делали выбор в пользу «государя»⁴⁶.

Мысль о том, что служение «Петру Федоровичу» не противоречит служению Екатерине Алексеевне, была выражена и в одном из посланий пугачевского атамана П.Т. Пестерева. Речь идет об уведомлении от 12 февраля 1774 г., адресованном казначею Далматова монастыря секунд-майору И.С. Завороткову, старосте И. Стенину с мирскими людьми, и выражало требование «в верное подданство его императорскаго величества Петра Федоровича придти». Помимо прочего в уведомлении говорилось: «как слышали от вас, что “государыне императрице Екатерине Алексеевне служим”. А об оном всякому можно верному и разумному рабу разсудить, ибо государыня, как есть супруга его величеству... так он, великий государь император, имеет следовать к супруге своей из Казани вскорости»⁴⁷.

Возможно, сам атаман не верил в то, что писал, а просто пытался таким незамысловатым образом привлечь противника на свою сторону. Однако дело могло обстоять куда сложнее, чем это представляется на первый взгляд. Порой в народном сознании приверженность «императору» не отменяла положительного отношения к императрице, о чем, например, свидетельствует дело дворового человека

⁴⁵ Трепавлов В.В. «Большой хозяин». Русский царь в представлениях народов России XV–XVIII веков // Отечественная история. 2005. № 3. С. 126, 132.

⁴⁶ Документы ставки Е.И. Пугачева. С. 120, 242, 312. Не лишним будет обратить внимание на то, что башкирский старшина К. Самаров приписывал «государыне» намерение расправиться с башкирскими, мещеряцкими и татарскими старшинами, а семьи их отдать дворянам (Там же. С. 120).

⁴⁷ Там же. С. 274.

У. Филатова. Он был прислан из Рязька в Тайную экспедицию в Москве за то, что в марте 1774 г. в присутствии неких дворян говорил следующее: «Что в государстве не делается, то все делают большие бояре, а государыня того не ведает, а злодея Пугачева, называя государем, говорил об нем, что он бояр будет всех казнить»⁴⁸. Также Филатов говорил, что царствует не государыня, а дворяне⁴⁹. И это не единственный пример такого рода⁵⁰.

Особое значение для нас имеет тот факт, что надежды на Екатерину II возлагали участники бунта яицких казаков 1772 г.⁵¹ Многие из них впоследствии приняли участие в пугачевщине и составили ближайшее окружение самозванца. Вероятно, подавление бунта 1772 г. и арест казачьих челобитчиков в Петербурге заставили некоторых казаков разочароваться в «милостивой государыне»⁵², однако есть основания думать, что не всех. Напомню, яицкие казаки в канун восстания предлагали самозванцу выпить за Екатерину. Кроме того, однажды «хорошая» Екатерина противопоставлялась «злодеям», искажавшим ее добрую волю. Если довериться показаниям ближайшего пугачевского сподвижника яицкого казака И.Н. Зарубина-Чики, то о подобном противопоставлении говорил незадолго до восстания казак Г. Закладнов в разговоре с не кем иным, как с самим «императором Петром Федоровичем»: «государыня де наше жалованье жалуует, а они (казачьи старшины. — *Е.Т.*) незнаимо куда употребляют, и сколько тепереча уже перебито и померло наших козаков! А кто де только о жалованье станет говорить, то сажают под караул без государева указа и в сылки разсылают, и государыня де о том не знает»⁵³.

⁴⁸ Цит. по: Курмачева М.Д. Об участии крепостной интеллигенции в Крестьянской войне 1773—1775 гг. // Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 312.

⁴⁹ Там же. С. 313.

⁵⁰ См. примеч. 62 к данной работе.

⁵¹ Рознер И.Г. Яик перед бурей. М., 1966. С. 115, 135, 143, 145.

⁵² См.: Там же. С. 182.

⁵³ Пугачевщина. Т. 2. С. 129.

Правда, ни Закладнов, ни Пугачев ничего о такого рода верноподданных заявлениях на следствии не сообщили. Да и Зарубин, по собственному его признанию, об этом разговоре узнал лишь со слов казака Н. Гребнева⁵⁴. Однако, как мне кажется, рассказ Зарубина, впрочем, как и сообщение Коновалова о предложении выпить за государыню, нельзя объяснить, например, защитной тактикой подследственных, ведь и Зарубин, и Коновалов не себе приписывают верноподданные слова и поступки⁵⁵, а значит, скорее всего, такие настроения действительно имелись среди какой-то части мятежных казаков. И в данном случае не так уж важно, от кого услышал приведенные выше слова Зарубин.

В пользу того, что Зарубин действительно мог услышать в канун пугачевщины подобные слова, свидетельствует и тот факт, что летом 1773 г. мятежные казаки вновь искали милости у Екатерины II. Они послали своих представителей в Петербург, чтобы подать государыне очередную челобитную⁵⁶. На показаниях одного из этих челобитчиков необходимо остановиться подробнее. Речь идет о яицком казаке А. Перфильеве. В ноябре 1773 г. он был послан из Петербурга А. Орловым на Яик вместе со своим товарищем П. Герасимовым, чтобы «уговорить яицких казаков, дабы они от сего разбойника (Пугачева. — *Е.Т.*) отстали и его поймали»⁵⁷. На допросе 12 сентября 1774 г. в Яицком городке Перфильев вспоминал, что по дороге на Яик он усомнился в том, что Пугачев действительно вор и разбойник, а не истинный царь. Поэтому они с Герасимовым договорились: в том случае, если последний узнает «Петра III» (Герасимов утверждал, что видел настоящего Петра Федоровича), то они перейдут на его сторону и, ес-

⁵⁴ Пугачевщина. Т. 2. С. 128–129.

⁵⁵ Хотя обращение при защитной тактике, скажем, не к чиновникам, дворянам, боярам, у которых этот подследственный находился в руках, а именно к Екатерине, также о многом говорит.

⁵⁶ *Рознер И. Г.* Яик перед бурей. С. 182–183; Сподвижники Пугачева свидетельствуют // *Вопр. истории.* 1973. № 8. С. 102.

⁵⁷ Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 102.

тественно, никаких действий не будут принимать против него («Как, де, можно нам свои руки поднять на государя, их главы помазанныя? Вить, де, Бог знает, чью сторону держать: государя или государыни? Они между собою, как хотят, так и делят, а нам нечего в их дела вступаться. Неравно, де, ево сторона возьмет, так мы в те поры безо всего пропадем, а лутче останемся у него служить») ⁵⁸. В другом месте этого же допроса Перфильев объяснил, почему лучше остаться у «Петра III»: «а нам, де, лутче сторону держать государя, потому что мы ему еще прежде присягали верно служить» ⁵⁹. Последние слова он якобы говорил представителю правительственных войск капитану А. Крылову, уже будучи пугачевцем во время «переговорки».

К сожалению, у нас нет возможности проверить показания Перфильева показаниями Герасимова и Крылова (таких показаний просто не существует), а потому может возникнуть мысль, что Перфильев пытался прикинуться простаком: мол, он не был против Екатерины, но поскольку Пугачев оказался не Пугачевым, а Петром Федоровичем, то он и перешел на его сторону, ибо присягал ему раньше, чем государыне. Такое предположение тем более закономерно, если учесть, что на другом допросе в декабре 1774 г. в Москве Перфильев признался, что, увидев Пугачева, сразу сообразил, что перед ним не император, а самозванец ⁶⁰. В то же время нельзя исключать и того, что не только в канун пугачевщины, но и во время самого восстания среди яицких казаков-повстанцев оставались люди, для которых императрица не являлась главным врагом. Об этом может свидетельствовать то, что некоторые казаки уже во время пугачевщины вели между собой разговоры, в которых обвиняли в своих бедствиях не Екатерину, а «бояр» ⁶¹. Возможно, наличие таких настроений заставило ряд

⁵⁸ Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 102–103, 105–106.

⁵⁹ Там же. С. 106.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 320.

⁶¹ Об этом мы знаем из следственных показаний А. Дубровского (псевдоним И. Трофимова) и М. Горшкова. Не лишним будет отметить, что они не себе

предводителей восстания убеждать собратьев в том, что их выступление в поддержку «Петра III» не направлено против Екатерины. По словам яицкого казака К. Кочурова, Зарубин и другие повстанцы заявляли, будто Пугачев — «подлинной государь, и обнадеживали, что он все к себе покорит, да и государыня, де, примет его с честью»⁶².

Выше я говорил, что старообрядцы положительно относились к Елизавете Петровне. Есть данные о том, что значительная их часть также вполне положительно относилась и к Екатерине II⁶³. На большом московском допросе 4—14 ноября 1774 г. сам Пугачев передал хвалебные слова в адрес императрицы, якобы, произнесенные его знакомым «раскольников» О.И. Коровкой: «Я де и сам с сыном семь лет страдал за крест, бороду и молитву и держался в Белгороде; да, дай Бог здоровье милосливой государыне, она дала свой о кресте-та и бороде указ, так меня освободили»⁶⁴. Как представляется, эти похвальные слова также нельзя списать на нехитрую защитную тактику подследственного. Опять же эти слова Пугачев приписывает не себе, а Коровке⁶⁵.

Нельзя исключать того, что похвальные отзывы об Екатерине впоследствии заставляли Пугачева относиться

приписывали эти слова, а Дубровский и вовсе не был казаком: Пугачевщина Т. 2. С. 223; РГАДА. Ф. 6. Д. 421. Л. 2–2 об.

⁶² Пугачевщина. Т. 2. С. 124. Необходимо обратить внимание и на то, что некоторые пугачевцы (об этом мы узнаем из их показаний) осуждали своего «императора» за женитьбу на У. Кузнецовой, помимо прочего и по той причине, что он женился на казачке при живой жене, т.е. при Екатерине. См.: Пугачевщина Т. 2. С. 188–189; Показания командира пугачевской гвардии. С. 101. Безезынтересно также отметить, что в преданиях, записанных среди уральских (бывших яицких) казаков в 50-е годы XIX в., почтение выказывалось как «Петру III», так и Екатерине. См.: Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. СПб., 1910. Т. 3. С. 145 и след.

⁶³ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест... С. 366, 377, 381, 382–384.

⁶⁴ Емельян Пугачев на следствии. С. 139. С этим «раскольником» Пугачев общался во время своих скитаний еще до восстания.

⁶⁵ Несколько позже, а именно 18 ноября 1774 г., уже сам Коровка на следствии повторил похвалу в адрес Екатерины: РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 337 об. Однако нельзя исключать того, что Коровке были зачитаны показания Пугачева. Тем более, что хвалебные слова совпадают почти дословно.

к ней гораздо мягче, чем к боярам. Кроме того, в отличие от «Петра Федоровича», чью роль играл самозванец, донской казак Емельян Пугачев мог и не испытывать враждебных чувств к императрице. Это предположение основано на следующем обстоятельстве. Пугачев, прежде чем объявить себя императором, назывался богатым купцом. Осенью 1772 г. «купец» рассказывал двум донским казакам, А. Кузнецову и С. Вершинину, вымышленную историю о том, как он «ехал морем» и «занесло» его «во Египет». Там ему «принесли 3 вязанки соболей», из которых две он продал, «а третью к государыне во дворец отдал, и меня де государыня за это жаловала»⁶⁶. Таким образом, Екатерина для Пугачева не была *зловредной бабой*, а государыней, милостью которой он хвастается перед казаками.

Итак, подведем итоги. Традиционная точка зрения, согласно которой среди российского простонародья было весьма распространено недовольство императрицей, выражавшееся в различных вербальных формах, безусловно, находит подтверждение в источниках. В то же время обнаруживается немало данных в пользу того, что далеко не все простолюдины были негативно настроены к женскому правлению и могли видеть в царицах народных заступниц.

Даже для участников Пугачевского бунта, казалось бы, напрямую направленного против Екатерины II, императрица не являлась главным врагом. Расспросные речи Пугачева и его сподвижников, манифесты восставших показывают известную сдержанность в выражении негативных чувств к Екатерине. Это могло объясняться разными причинами, но среди них, вероятно, была и та, что предводители восставших учитывали неоднозначность и изменчивость оценок, даваемых императрице бунтовщиками и сочувствующими им.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 419–419 об., 422 об.–423. Об этих словах Пугачева мы узнаем из показаний Кузнецова и Вершинина. Эти казаки во время следствия были весьма враждебно настроены к самозванцу.

Понятия *криминальный* и *уголовный*
в проектах по обновлению уголовного права
и процесса Екатерины II*

Зимой 1774/75 г., просматривая выполненный Григорием Васильевичем Козицким перевод проекта «Преступнического или розысканого суда, по которому судебныя места, производящия сии суды поступать должны»¹, Екатерина II последовательно заменяла словом *уголовный* слово *преступнический*, а также сочетание *преступнический или розысканой*². В окончательном варианте планировалось «объявить народу» о «производстве уголовного суда порядок, по которому должны непременно поступать все те судебныя места, коим уголовныя дела поручены»³.

Проект «Criminal-Prozess-Ordnung» был составлен Фридрихом Бемером⁴. Бемер поступил на русскую службу в 1771 г. и был назначен вице-президентом юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел. Рескриптом от 23 апреля 1771 г. Екатерина II предписывала вице-канцлеру князю Александру Михайловичу Голицыну пригласить Бемера на службу в ответ на письмо последнего к графу Владимиру Григорьевичу Орлову от 18 марта того же года⁵. В октябре 1772 г., отвечая на просьбу императрицы, Бемер направил ей свои предложения по рефор-

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0080 в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012–2013 гг.

¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 193. Л. 1–31; Беловая авторизованная Екатериной II редакция: РГБ НИОР. Ф. 222. Карт. XVIII. Д. 5. Л. 1–54 об.

² См.: «об определении судей по преступническим или розыскным (*уголовным* – рукой Екатерины II) делам»; «преступническому (*уголовнаго суда* – рукой Екатерины II) судье»; «преступнические (*уголовныя* – рукой Екатерины II) суды» и т.д. (РГБ НИОР. Ф. 222. Карт. XVIII. Д. 5. Л. 8–9 об.)

³ Там же. Л. 8.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 193. Л. V.

⁵ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 276. Л. 1; СИРИО. СПб., 1874. Т. 13. С. 81.

мированию судопроизводства (“la reforme de la procedure judiciaire”). В феврале 1774 г. через Сергея Матвеевича Козьмина государыня снова обратилась к Ф. Бемеру с предложением составить «la forme du procès criminel»⁶. К ноябрю 1774 г. проект был готов: 3 ноября императрица поручила своему секретарю Г.В. Козицкому перевести его на русский язык⁷. 9 декабря 1774 г.⁸ перевод был завершен и передан государыне, которая внесла в него ряд правок, в первую очередь касавшихся слова *уголовный*⁹.

Подобного рода замены Екатерина II делала не впервые. В подготовительных материалах к обнародованному 8 апреля 1768 г. «Начертанию о приведении к окончанию Комиссии проекта нового Уложения» императрица также использовала слово *уголовный*: в данном случае вместо прилагательного *криминальный*¹⁰. Примечательно, что в «Начертании...» Екатерина II впервые в ее законодательных разработках, касавшихся уголовно-процессуальной сферы, употребила как термин *уголовный*, так и генерализирующее поле уголовных (в современном смысле этого слова) деликтов словосочетание *уголовное дело*. Как предыдущие акты екатерининского царствования¹¹, так и основные действовавшие в первой половине XVIII в. источники уголовного права (Соборное уложение 1649 г., Новоуказные статьи 1669 г., «Артикул воинский» 1714 г., «Краткое изображение процессов и судебных тяжб» 1712 г.¹²) артику-

⁶ СИРИО. Т. 13. С. 385.

⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 193. Л. V; *Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 288 (примеч. 21); *Он же.* Власть и закон в России XVIII в. Исследования и очерки. М., 2004. С. 218–219.

⁸ «Перевод сей, на 108 страницах писанный, представлен Ея Величеству Декабря 9 дня... 1774 года» (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 193. Л. V).

⁹ Собственноручные правки Екатерины II см.: РГБ НИОР. Ф. 222. Карт. XVIII. Д. 5. Л. 2, 8, 8 об., 9, 9 об., 10, 10 об., 25 и т.д.

¹⁰ *Флоровский А.В.* Два произведения императрицы Екатерины II для Законодательной комиссии 1767–1774 гг. // Русский архив. 1917. Кн. 2/3. С. 9.

¹¹ См.: ПСЗРИ 1. Т. 16. № 11750; Т. 17. № 12455, 12560–12561, 12600, 12664 (п. 10), 12669, 12703, 12681 и т.д.

¹² См.: *Акельев Е.В., Бабкова Г.О.* «Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают»: Эволюция теории и практики «розыскно-

лировали повеления верховной власти в традиционных для российского законодательства понятиях — вина, воровство, злодейство/злодеяния, разбойные, убийственные, татинные/татебные дела, преступление¹³. В отдельных случаях могло использоваться словосочетание *криминальное дело*¹⁴. Этим же набором понятий оперировали и составители проектов в уложенных комиссиях первой половины XVIII в. Анализ законодательных актов, регулировавших область гражданских и военных правоотношений («Уложение или право поведения генералам, средним и меньшим чинам и рядовым солдатам» фельдмаршала Б.П. Шереметева 1702 г.¹⁵, «Устав прежних лет» 1700-1705 гг.¹⁶, «Артикул краткий» 1706 г.¹⁷, «Инструкция генерал-гевал-

го» процесса в России первой половины XVIII в. // *Cahiers du Monde Russe*. 2012. № 53/1. Р. 21–26; Бабкова Г.О. «Безгласные граждане»: малолетние преступники в судебной системе России 1750–1760-х гг. / Препринты. Высшая школа экономики. Сер. WP19 «Исторические исследования». 2012. № 4. С. 11–22. О датировке «Артикула воинского» и «Краткого изображения процессов и судебных тяжб» см.: Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009. С. 133–134; Он же. Из истории военного законодательства в России XVIII века: «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» (Разыскания о внешней истории текста) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Тр. третьей междунар. науч.-практ. конференции. СПб., 2012. Ч. 3. С. 180–186; Он же. Забытые редакции «Артикула воинского» и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (Из истории кодификации военного законодательства в России XVIII века) // *Lex Rossica*. 2013. № 2 (Т. LXXV). Февраль. С. 113–121.

¹³ Бабкова Г.О. *Личные преступления в проекте Уголовного уложения Екатерины II*. К вопросу о становлении юридической терминологии в России второй половины XVIII в. // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2-х т. / Науч. ред. А.И. Миллер, Д. Сдвижков, И. Ширле. М., 2012. Т. 1. С. 176–178.

¹⁴ См.: ПСЗРИ 1. Т. 17. № 12424, 12543, 12606; Сенатский архив. СПб., 1909. Ч. XIII. Протоколы Правительствующего сената по секретной экспедиции 1764 и 1765 гг. Указы и повеления императрицы Екатерины II за июль–декабрь 1763 г. и январь 1764 г. С. 151, 247, 430.

¹⁵ Розенгейм М.П. *Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого*. СПб., 1878. С. 269–294.

¹⁶ Мышлаевский А.З. *Петр Великий. Военные законы и инструкции*. (Изданные до 1715 года) // Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1894. Вып. IX. С. 1–45.

¹⁷ Розенгейм М.П. *Очерки истории...* С. 294–313; Мышлаевский А.З. *Петр Великий*. С. 51–74.

дигеру» 1711 г.¹⁸), а также законопроектов, составленных в уложенных комиссиях 1720–1740-х гг. и 1754–1766 гг. («О процессе в криминальных или розыскных и пыточных делах»¹⁹, «О удержании в малых делах пыток»²⁰, «О розыскных делах и какия за разныя злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены»²¹), позволяет с высокой степенью вероятности утверждать, что в XVIII в. «Начертание о приведении к окончанию Комиссии проекта нового Уложения» стало первым законодательным актом, в котором было употреблено слово *уголовный*²².

В разработке «Начертания...» активную роль играли директор дневной записки Уложенной комиссии 1767–1774 гг. граф Андрей Петрович Шувалов, а также его консультант Семен Ефимович Десницкий²³. Граф А.П. Шувалов представил «общий план государственных законов», который затем был тщательно переработан Екатериной II и сохранился под названием «опыт плана всему тому, о чем в Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения господам депутатам трудиться должно»²⁴. Со сво-

¹⁸ *Мышлавский А.З.* Петр Великий. С. 75–81. Выражаю глубокую признательность *Дмитрию Олеговичу Серову*, указавшему мне на данные материалы.

¹⁹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2.

²⁰ Там же. Д. 37. Ч. 1.

²¹ Проекты Уголовного Уложения. 1754–1766 гг. / Под ред. А.А. Востокова. СПб., 1882.

²² Данное наблюдение подтверждает анализ словарной статьи «уголовныя дела» «Словаря юридического» М.Д. Чулкова. Указывая, что «в татьбах и разбоях без поличного и проч. судить в Гражданском, а когда найдется виноватым в Уголовном суде», Чулков ссылался на ст. 49 гл. XXI Соборного уложения 1649 г. и указ от 3 мая 1725 г. Последний давал разъяснения касательно 5 пункта указа «О форме суда». Далее следовала ссылка на именную указ от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказании за воровство разных родов». Из трех упомянутых законодательных актов словосочетание *уголовные дела* использовалось только в последнем (См.: *Чулков М.Д.* Словарь юридический или свод российских узаконений, временных учреждений, суда и расправы. Часть первая по азбучному порядку. М., 1793. С. 722; Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 3 / Под общ. ред. О.И. Чистякова; ответ. ред. тома А.Г. Маньков. М., 1985. С. 238; ПСЗРИ 1. Т. 7. № 4713; Т. 21. № 15147).

²³ *Омельченко О.А.* «Законная монархия». С. 144–145; *Флоровский А.В.* Два произведения императрицы Екатерины III... С. 2–32.

²⁴ Цит. по: *Флоровский А.В.* Два произведения императрицы Екатерины III... С. 2. А.В. Флоровский детально проанализировал степень влияния «плана»

ей стороны С.Е. Десницкий передал Екатерине II «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи»²⁵.

Касаясь вопросов уголовного права и процесса, как граф А.П. Шувалов, так и С.Е. Десницкий использовали слово *криминальный*. Так, в разд. II «Представления...» «Судительная власть» С.Е. Десницкий употребляет данный термин 9 раз в следующих сочетаниях: «генералы-судьи тяжёбных и криминальных дел»; «генеральные криминальные судьи», «тяжёбные и криминальные дела», «криминальные дела», «дела криминальные и тяжёбные», «суд криминальный и тяжёбный», «криминальные и смертоубийственные дела»²⁶. Граф А.П. Шувалов в «составе II» «О управлении правосудия вообще» (в окончательном варианте «Начертания...» — «О установлении правосудия вообще») писал о «материи гражданской и материи криминальной» как началах, «принадлежащих» правосудию²⁷. Екатерина II во всех случаях заменила данное словосочетание на «дела гражданские и уголовные»²⁸. Всего связка *уголовное дело* фигурирует в «Начертания...» 6 раз. Во всех случаях она фиксируется в «Составе II. О Установлении правосудия вооб-

графа А.П. Шувалова на черновые и белой варианты «Начертания...». Он, в частности, ссылался на т. II «сохранившегося в Сенате собрания бумаг Екатерины II, касающихся Законодательной Комиссии» (Там же). На данном этапе разыскания в РГАДА в фондах 10 «Кабинет Екатерины II и его продолжение», 16 «Внутреннее управление», 248 «Сенат и его учреждения» и 342 «Комиссия о сочинении уложения» не позволили выявить указанные материалы. Поиски будут продолжены.

²⁵ Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. С четырьмя приложениями // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. СПб., 1905. Т. VII. № 4. С. 3–45. Опубликовано также: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. М., 1952. Т. 1. С. 294–332.

²⁶ Десницкий С.Е. Представление. СПб., 1905. С. 9–13.

²⁷ Цит. по: Флоровский А.В. Два произведения императрицы Екатерины II... С. 9.

²⁸ Екатерина II. Избранное / [Автор вступ. ст. А.Б. Каменский, сост. и автор коммент. Г.О. Бабкова]. М., 2010. С. 268–282.

ще»²⁹. В политико-правовых проектах второй половины 1770-х—1790-х гг. («Уголовное уложение», «Порядок изследования и суда уголовного дела», «О тюрьмах», «О Сенате», «О узаконениях вообще», «Наказ Сенату» и т.д.³⁰) посредством понятия *уголовный* Екатерина II определяла как область преступных посягательств на закон, так и различные уровни судебных инстанций, занимавшиеся расследованием дел подобного рода³¹.

Указанная тенденция актуализирует ряд проблемных полей, связанных со становлением юридико-правовой терминологии в России второй половины XVIII в. Во-первых, требует разъяснения набор смысловых значений, вкладывавшихся в понятия *криминальный* и *уголовный*. Во-вторых, представляется необходимым уяснить причины отказа императрицы от слова *криминальный* и его постепенного вытеснения на периферию законодательного и законопроектного дискурсов. В более широком контексте встает вопрос о связи терминологических новаций с мо-

²⁹ «должно различать... дела гражданские и дела уголовные»; «обряд управления правосудия в гражданских, равно как и в уголовных делах, принадлежит ко праву общему»; «порядок производить какое-нибудь дело в суде, гражданское или уголовное»; «в деле уголовном два рода истцев»; «особенный человек бывает истцем в деле уголовном»; «по одному только делу гражданскому, которое смешалось с уголовным» (*Екатерина II*. Избранное. С. 271, 273–274).

³⁰ См.: Там же. С. 370–448, 451–468, 471–498, 556–596, 614–633, 634–658. Исключение составляет проект Екатерины II «Криминальной главы материалы» (до 1775 г.) // Там же. С. 365–369. Это, однако, не означает, что императрица не использовала слово *криминальный* вне пределов законодательного и законопроектного дискурсов. См., к примеру, записку Екатерины II «О совместном суде в войске Донском» (после 7 ноября 1775 г.) (Там же. С. 356).

³¹ Так, к примеру, в собственноручном проекте «О Сенате», над которым Екатерина II вела работу во второй половине 1780-х – начале 1790-х гг., слово *уголовный* используется 53 раза в следующих сочетаниях: «уголовные дела» (ст. 15, 20, 22, 69, 73); «уголовное преступление» (ст. 16–17, 100); «уголовный суд», «верхний уголовный суд» (ст. 16, 73, 86–89, 91, 114); «уголовный департамент» Сената (ст. 16); «палата уголовного суда» (ст. 19, 22, 107); «стряпчий уголовных дел», «уголовный стряпчий» (ст. 19, 45, 52–54, 73, 75, 100, 103); «законы по части уголовной» (ст. 21); «уголовное уложение» (ст. 92); «уголовная вина» (ст. 100); «уголовный закон», «уголовный закон и обряд» (ст. 108–109); «обряд уголовных дел» (ст. 108) (См.: Там же. С. 556–596).

дернизационными процессами, маркирующими развитие уголовного права в России екатерининского царствования³²: насколько появление новых или надделение новыми смыслами уже существовавших понятийных конструкций свидетельствовало о трансформации обозначенной области права и каков был характер данной трансформации.

I

«Словарь русского языка XVIII в.» относит первое употребление слова *криминальный* к 1723 г.; с 1705 г. фиксируется форма *кремени-*, с 1721 г. — *крем-*.³³ Слово *криминальный* имеет польско-украинские корни (наряду с *криминалист* (1714 г.)³⁴ и *криминал* (1714 г.)³⁵)³⁶. СлРЯ приводит три значения слова *криминальный* в XVIII в.: 1) «связанный с уголовным правом, с расследованием уголовных преступлений»; 2) «относящийся к уголовным преступлениям, являющийся таковым преступлением»; 3) «совершивший уголовное преступление»³⁷. Таким образом, спектр значений и сферы бытования термина связаны с уголовными деликтами (в современном смысле), т.е. правонарушениями, влекущими за собой уголовную ответственность. Открытым, однако, остается вопрос о том, какой смысл вкладывали в данное слово современники, каким образом они «переводили» вновь появившийся термин на язык действовавшего законода-

³² См.: Омельченко О.А. Власть и закон. С. 142–179; Он же. «Закононая монархия». С. 293–303.

³³ СлРЯ XVIII. Вып. 11. Крепость – Льяной. СПб., 2000. С. 17.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Как представляется, возникновение данного термина было одним из проявлений полонизации русского юридического, а в более широком контексте – делового языка, испытавшего «во второй половине XVII и первой половине XVIII в. глубочайшее влияние языка Юго-Западной Руси, которое распространяется на все языковые уровни» (Живов В.М. История русского права как лингвосомиотическая проблема // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 254, сноска 64).

³⁷ СлРЯ XVIII. Вып. 11. С. 17. Соответственно: *криминалист* – «уголовный преступник»; *криминал* – «уголовное преступление» (Там же).

тельства и права, особенно учитывая тот факт, что словосочетание *уголовное преступление* входит в политико-правовой дискурс не ранее 70-х гг. XVIII в. Более подробно речь об этом пойдет ниже.

Петр I в глоссах к «Генеральному регламенту» 1720 г. дает следующий эквивалент слову *криминальный* — «вина, подлежащая смерти»³⁸. Глава VI «О даче голосов» устанавливала ответственность «за непорядочное» голосование при обсуждении различных вопросов в коллегиях. Три вида санкций в зависимости от типа дела грозили коллежским членам, отказывавшимся «правдивым голосам... последовать» из-за «упрямства или неправды». Во-первых, штраф в случае «розыскного какого дела». Во-вторых, возмещение денежных потерь, «буде государственное дело, убытку только денежному принадлежащее». В-третьих, «ежели... *криминальное* (курсив мой. — Г.Б.), то також *криминально* (курсив мой. — Г.Б.) наказаны будут по важности» преступления. Следовательно, *криминальное дело* отмежевывалось от *государственных дел* финансового характера и *розыскных дел* и каралось смертной казнью. Однако по действовавшему в первой половине XVIII в. законодательству указанные виды преступных деяний также могли повлечь за собой высшую меру наказания³⁹. Данная глосса, таким образом, не позволяла адекватно вписать переводимую «инострannую речь» в действовавшую систему права.

В результате слабо освоенное или «неосвоенное заимствование»⁴⁰ оказывалось на периферии законодательного дискурса. К примеру, сплошной просмотр законодательных актов за 1723 г. не позволил выявить ни одного употребления слова *криминальный*⁴¹. Как представляется, полем, где происходила постепенная адаптация ново-

³⁸ ПСЗРИ 1. Т. 6. № 3534.

³⁹ См., к примеру: ПСЗРИ 1. Т. 5. 2707, 2871; Т. 7. № 4270 и т.д.

⁴⁰ Живов В.М. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики раннего нового времени. М., 2009. С. 14.

⁴¹ См.: ПСЗРИ 1. Т. 7. № 4137–4404.

го термина, стали в первую очередь уложенные комиссии петровского времени и последующих периодов. В силу специфики своей деятельности и поставленной перед ними задачи⁴² они занимались не только законотворчеством, но и активно переводили зарубежные источники права⁴³, пытаясь соотнести иную понятийную реальность с уже привычными терминами. Составленный в уложенной комиссии 1720–1727 гг. проект «О процессе в *криминальных или розыскных* (курсив мой. — Г.Б.) и *пыточных делах*» отождествлял *розыскные* и *криминальные дела*⁴⁴. Тем самым последние встраивались в существующую градацию преступных деяний, приобретая понятный современникам смысл.

Указанный процесс был длительным. Так, 9 августа 1739 г. Сенат рассматривал проект «О удержании в малых делах пыток», представленный из Уложенной комиссии⁴⁵. Автором проекта и фактическим главой данной комиссии был обер-секретарь Сената Авраам Степанович Сверчков. В пакете бумаг, сопровождавших законопроект, содержалась «справка», сделанная «при сочинении уложения». В ней, в частности, указывалось, что Уложенная комиссия должна составить «особливую книгу», трактующую о том, «каким образом в *криминальных* (т.е. *розыскных* и *пыточных*) делах поступать»⁴⁶

⁴² В 1718 г. по указу Петра I «кодификационная деятельность», которая была возложена на Юстиц-коллегию, должна была состоять в сведении вновь создаваемого кодекса и шведского «устава» (Серов Д.О. Судебная реформа. С. 389–395). См. также: ПСЗРИ 1. Т. 5. № 3197, 3201, 3202, 3207, 3463.

⁴³ В 1718–1727 гг. в рамках работы над новым уложением привлекались и переводились следующие источники зарубежного права: шведские – Уложение Кристофера 1442 г., королевский декрет о суде 1614 г., Устав о наказаниях 1669 г., Процессуальный устав 1695 г.; датские – Уложение Христиана V 1683 г. (Серов Д.О. Судебная реформа. С. 390, 395). С 1722–1723 гг. к работе в Уложенной комиссии привлекалось девять переводчиков (См.: Замуруев А.С. Проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг. – памятник отечественной политико-правовой мысли // Замуруев А.С. Работы разных лет. Псков, 2006. С. 358–359).

⁴⁴ См.: РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2.

⁴⁵ Там же. Д. 37. Ч. I. Л. 17 об.

⁴⁶ Там же. Л. 7.

(курсив мой. — Г.Б.). Таким образом, еще в конце 1730-х гг. для членов как комиссии, так и Сената требовалось специальное пояснение, что означает слово *криминальный*. Спектр его коннотаций, как отмечалось выше, восстанавливался через обращение к традиционному для русского права понятию *розыскных дел*.

Та же синонимия присутствует в делопроизводственных материалах Уложенной комиссии 1754–1766 гг. Один из результатов ее деятельности — проект «О розыскных делах и какия за разныя злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены»⁴⁷, который должен был стать четвертой «книгой» нового уложения⁴⁸. В протоколах комиссии указанная книга называлась «криминальная» часть⁴⁹, в то время как в итоговом варианте принято было «О розыскных делах...».

Параллельно освоение нового языка права происходило в рамках «теоретического» направления «русской юридической школы», становление которой относят ко второй трети — середине XVIII в. Однако специфика ее развития, характеризующаяся, с одной стороны, активной «рецепцией западноевропейской науки», а с другой — фактическим «игнорированием» обработки действующего положительного права, привела, как писал Г.С. Фельдштейн, к появлению «непроходимой пропасти» между теоретическим и практическим направлениями юриспруденции. Преобладающая в становлении наука уголовного права оказывала минимальное влияние на процесс выработки законодательных постановлений⁵⁰. В результате новый правовой лексикон, во-первых, не «занял монопольного положения» в уголовно-процессуальной сфере, а во-вторых, практически

⁴⁷ Проекты Уголовного Уложения. 1754–1766 гг. / Под ред. А.А. Востокова. СПб., 1882.

⁴⁸ ПСЗРИ 1. Т. 14. № 10283.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 41. Кн. II. Л. 44 об., 63.

⁵⁰ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. Гл. II: Русская юридическая школа XVIII в. и ее первые теории. Режим доступа: <http://www.ex-jure.ru/>, свободный (дата обращения 12.02.2014).

не «распространился на другие секторы общества»⁵¹, которое продолжало оперировать привычными для русского права терминами и понятиями.

Авторы наказов в Уложенную комиссию 1767–1774 гг., источника, наиболее близкого по времени создания к «Начертанию...» (1768 г.), не используют языковые новации, выражая «нужды и недостатки каждого места»⁵² в привычных для уголовно-процессуального дискурса оборотах: «розыскные дела»⁵³, «злодей» / «злодеи» (как родовое определение для преступных субъектов)⁵⁴, «розыск» (как следствие)⁵⁵, «розыск» (как пытка)⁵⁶, «воровство» (как преступление)⁵⁷; «злодейство» / «злодеяние» (как родовое понятие преступных деяний)⁵⁸. Из 43 проанализированных наказов⁵⁹ только в двух случаях фиксируется употребление словосочетания *криминальные дела*. Пункт 1 наказа от дворян Веневского уезда предлагал учредить в уездах должность ландрата, имеющего право производить разбирательства «словесно», но «кроме криминальных дел»⁶⁰. В п. 10 наказа от дворянст-

⁵¹ Живов В.М. История понятий. С. 13.

⁵² ПСЗРИ 1. Т. 17. № 12801.

⁵³ СИРИО. СПб., 1869. Т. 4. С. 325; СПб., 1889. Т. 68. С. 490–491, 615.

⁵⁴ Там же. Т. 4. С. 332, 341, 360, 377; СПб., 1871. Т. 8. С. 561; СПб., 1875. Т. 14. С. 265, 291, 292, 329, 347, 351–352, 376, 479; Т. 68. С. 13–14, 38, 117, 406–407, 417–419, 453, 478, 523–525, 531, 615.

⁵⁵ Там же. Т. 8. С. 529; Т. 68. С. 490–491.

⁵⁶ Там же. Т. 8. С. 561; Т. 68. С. 10, 30, 117, 417, 453, 471, 490, 491.

⁵⁷ Там же. Т. 68. С. 453, 478, 531, 652.

⁵⁸ Там же. Т. 4. С. 361, 374, 377; Т. 14. С. 265, 291, 347, 352, 479–480; Т. 68. С. 117, 418, 453, 478–479, 525, 653.

⁵⁹ Были просмотрены наказания от дворянства следующих уездов: Алатурского, Алексинского, Белевского, Белозерского, Боровского, Болховского, Веневского, Вереяского, Волоколамского, Дедиловского, Чернского, Дмитровского, Елецкого, Епифанского, Ефремовского, Юрьев-Польского, Казанского, Карачевского, Каширского, Клинского, Козловского, Крапивинского, Кромского, Малоярославецкого, Миценского, Московского, Можайского, Обоянского, Одоевского, Опочского, Орловского, Пензенского, Псковского, Рузского, Серпуховского, Тарусского и Оболенского, Свияжского, Синбирского, Трубчевского, Тульского, Чухломского, а также Обонежской пятины, Шелонской пятины, Бежецкой пятины.

⁶⁰ СИРИО. Т. 4. С. 340.

ва Ефремовского уезда содержалась ссылка на именной указ от 11 февраля 1763 г.⁶¹, «которым велено по криминальным делам колодников более месяца не держать»⁶².

В екатеринском «Наказе Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», в рамках которого впервые были четко сформулированы основные положения уголовно-правовой доктрины царствования⁶³, слово *криминальный* употребляется 5 раз (во всех случаях это калька с французского языка⁶⁴) в следующих сочетаниях:

Ст. 142 — *криминальный суд* (*Jugemens criminels*). Название гл. X «Об обряде криминального суда»⁶⁵.

Ст. 152 — *криминальное дело* (*une affaire criminelle*) — резко ограничивала право судьи толковать законы, строго предписывая решать «криминальные дела» посредством «силлогизма или сорассуждения», включающего три составные части: «общий закон», совершенное «действие», «оправдание или наказание обвиняемого»⁶⁶.

Ст. 191 — *в делах криминальных* (*procès criminels*) — предлагала установить ответственность за отказ от дачи показаний. Санкция не должна была налагаться, если, во-первых, отсутствовали сомнения в том, «что обвиняемый учинил точно преступление, которое ему в вину ставят», во-вторых, существовали «другие неоспоримые доказательства», подтверждающие вину. «Последний случай»

⁶¹ Именной указ был обнародован 10 февраля 1763 г. (ПСЗРИ 1. Т. 16. № 11750).

⁶² СИРИО. Т. 68. С. 470.

⁶³ См.: Омельченко О.А. «Законная монархия». С. 293–295; Фельдштейн Г.С. Уголовно-правовые идеи «Наказа» и их источники // Юридические записки. Ярославль, 1908. Вып. 2. С. 281–330.

⁶⁴ Как известно, авторский текст «Наказа» был написан Екатериной II к весне 1766 г. на французском языке. Перевод осуществляли секретари императрицы: в первую очередь Г.В. Козицкий, а также С.М. Козьмин и Н.Н. Мотонис. Как указывает О.А. Омельченко, «императрица до трех раз просматривала перевод, внося в текст редакционные правки» (Омельченко О.А. «Законная монархия». С. 81). Данный факт позволяет с высокой долей вероятности утверждать, что смысл, вкладывавшийся в «Наказе» в понятие *криминальный*, близок его пониманию императрицей.

⁶⁵ Екатерина II. Избранное. С. 130.

⁶⁶ Там же. С. 131.

полагался императрицей в качестве «обыкновенного», поскольку «опыты» свидетельствовали, «что по большей части в делах криминальных виноватые не признаются в винах своих»⁶⁷.

Ст. 467 — законы криминальные (*les loix criminelles*), перефразируя «О духе законов» Ш.-Л. Монтескье, напрямую увязывала «вольность граждан» с «изяществом законов криминальных». В статье отмечалось, что наибольшее «нападение» эта вольность «претерпевает» от «обвинений судебных и сторонних»⁶⁸.

Ст. 468 — криминальные законы (*les loix criminelles*) — утверждала необходимость четкого разграничения двух сфер законодательства — «криминальных законов» и тех, что регулируют «судебный порядок»⁶⁹.

Термин *криминальный*, таким образом, в сочетании *криминальные дела* использовался в двух значениях: во-первых, для обозначения деяний, влекших за собой высшую меру наказания, во-вторых, как один из родовых концептов для определения преступных актов. Соответственно, *криминальный суд* подразумевал инстанцию, расследующую *криминальные дела*, а *криминальные законы* — государственно-правовое регулирование данной области права. В рамках уголовно-правового узуса фиксируемая синонимия *криминальный* в сочетании *криминальное дело* и *розыскной* в сочетании *розыскное дело*, с одной стороны, позволяла «переводить» указанное словосочетание на язык действующего права, а с другой — становилась одной из причин его периферийности.

Указанные характеристики наряду с ясно обозначенным в политико-правовой доктрине екатерининского царствования набором требований, предъявляемых к закону как основному инструменту модернизации и трансформации общества⁷⁰, стали одной из причин последо-

⁶⁷ Екатерина II. Избранное. С. 137.

⁶⁸ Там же. С. 171.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Омельченко О.А. Власть и закон. С. 51.

вательного отказа императрицы от использования слова *криминальный*, на смену которому в контексте законодательного и законопроектного дискурсов приходит слово *уголовный*.

II

В гл. XIX «Наказа» «О составлении и слогe законов» Екатерина II настаивала на том, что «всякий закон должен написан быть словами, вразумительными для всех» (ст. 448)⁷¹. Доходчивость языка права выходила далеко за рамки простой функциональности: эффективность всей системы правосудия ставилась в зависимость от понятности и языковой прозрачности законодательных конструкций. Не «смыслом или разумом» закона должен был руководствоваться судья, вынося итоговую сентенцию в *криминальных делах*, а «словами», «непременным гласом закона». Отход от указанного принципа имел целый ряд негативных последствий и мог привести в итоге к коллапсу всю систему судопроизводства. «Обманчивое непостоянство самопроизвольных толкований» ставило «судьбу», «жизнь» и «вольность» гражданина в зависимость от судейского произвола, «от ложного какого рассуждения или от дурного расположения... судии» и не способно было гарантировать тождественность санкций за схожие правонарушения (ст. 152–154)⁷². По сути, гражданин лишался «спокойства духа», которое в самодержавном правлении приравнивалось к «государственной вольности» и трактовалось как возможность «наслаждаться собственной безопасностью». Вместо того чтобы «бояться» четких и понятных законов, ясно определяющих последствия за совершение или не совершение того или иного действия, подданные начинали бояться друг друга (ст. 39)⁷³. Это ставило под вопрос само существование государства как «собрания людей», жи-

⁷¹ Екатерина II. Избранное. С. 169.

⁷² Там же. С. 131–132.

⁷³ Там же. С. 118.

вущих «обществом» по определенным законом правилам, поскольку не предоставляло им условия «делать то, что каждому надлежит хотеть», а «принуждало» совершать то, «чего хотеть не должно» (ст. 37, 156)⁷⁴.

В проектах 1780-х—1790-х гг., касавшихся реорганизации высших органов управления, Екатерина II еще раз требовала неукоснительного следования «слову» закона со стороны государственных инстанций разного уровня. В рамках судебной системы с этой целью планировалось учредить должность «законоведца», сфера компетенций которого была очерчена императрицей в проекте «О узаконениях вообще», составленном в 1785—1787 гг. По мысли императрицы, в ведении «законоведца» должно было находиться «надзиранье прав и правосудие во всероссийской империи»⁷⁵. Будучи «оберегателем изданного узаконения и взыскателем установленного порядка по судебным местам», он должен был возглавить первый департамент Главной расправной палаты⁷⁶, задумывавшийся Екатериной II в качестве высшего надзорного органа над судами всех уровней⁷⁷. Обладая «совершенным знанием» законодательства империи, «законоведец», «аки уста закона», мог говорить и писать только «словами закона», внимательно следя за тем, чтобы «правосудье отправлялось по точным словам» законодательных актов⁷⁸. В его ведомство поступали также «университеты, училища и школы», где он призван был иметь особое «попечение», чтобы «законы и язык российской в чистоте преданы были ученикам и учащимся»⁷⁹.

⁷⁴ *Екатерина II. Избранное*. С. 118, 132.

⁷⁵ Там же. С. 638.

⁷⁶ Там же. С. 640.

⁷⁷ «Для надзирание за судом и расправою в учрежденных по губерниям мест, коим суд и расправа вверены, полагается законоводец... Законоводец должно иметь строго и точно взыскание чинить со всех ему подчиненных судебных мест и людей во исполнение законами предписанное; но без суда да не накажет никого; преступников законов и должностей да отошлет куда по узаконениям следует для суда» (Там же. С. 641).

⁷⁸ Там же. С. 642.

⁷⁹ Там же. С. 641.

В соответствии с проектом «О Сенате», над которым Екатерина II вела работу в 1780-е–1790-е гг., «законоведцу» передавались функции надзора за правильностью применения законодательных постановлений членами Генерального суда — высшей судебной инстанции в государстве. Членам Генерального суда, в состав которого должны были входить представители Сената, Синода, «четырех первых класс империи», а также «председатели государственных и прочих судебных палат или коллегий, налицо находящихся в том месте» (ст. 105)⁸⁰, запрещалось «толковать законы о наказаниях». Им предписывалось судить «точно по словам закона» (ст. 119–120)⁸¹, а «законоведцу» «смотреть» за тем, чтобы «уголовный закон и обряд» «точно и слово от слова наблюдаем был» (ст. 109)⁸². Любым действиям со стороны членов Генерального суда (допрос ответчика, выбор судей и т.д.) предшествовало объявление «законоведцем» «слова закона», которому Генеральный суд обязан был повиноваться (ст. 116, 120, 122). Для этих целей рядом с его местом «на малом столе» полагалось иметь «уголовный закон и обряд уголовных дел» (ст. 108).

Активность Сената также должна была протекать в строгом соответствии с буквой законодательства. «Власть» Сената как «хранилища законов» включала две составляющие: он мог, во-первых, «управлять и решать по силе и словам закона именем императорского величества», во-вторых, обнародовать и объявлять «законы, указы, учреждения, повеления и приказания» государя (ст. 45)⁸³. Схожие требования предъявлялись и каждому департаменту Сената: им предписывалось «порученное дело производить и решать по точной силе и словам закона» (ст. 73, 82, 104)⁸⁴. «Обряд отправления долж-

⁸⁰ *Екатерина II. Избранное.* С. 589.

⁸¹ Там же. С. 593–594.

⁸² Там же. С. 591.

⁸³ Там же. С. 570.

⁸⁴ Там же. С. 575–576, 580, 589.

ности» членов Сената предусматривал необходимость представления докладов и заключений по тем или иным делам «по точному разуму или словам государственных узаконений» (ст. 69)⁸⁵. В обязанности генерал-прокурора отдельно вменялось наблюдение за тем, чтобы «всякое дело» решалось своевременно и «в силу и по словам закона» (ст. 83)⁸⁶. Он также наделялся правом «полного изъяснения», если члены Сената «не так..., как надлежит», понимали и толковали постановления верховной власти, «или закон, или учреждение, или указ». С точки зрения императрицы, указанная практика способна была гарантировать отсутствие «разногласий» и быстрое решение дел (ст. 73)⁸⁷.

В данном контексте государь как «источник всякой государственной и гражданской власти» («Наказ», ст. 19)⁸⁸, обладающий исключительным правом принятия законов⁸⁹, должен был проявлять особую заботу о том, чтобы законы были «точно и твердо определены» и «от слова в слово разумеемы» («Наказ», ст. 156–157)⁹⁰. Как судьи, так и «народ» должны были понимать язык законодательства. Законы, написанные «известным» подданным языком, «знаемыми» выражениями и «словами, вразумительными для всех», во-первых, позволяли избегать излишних толкований, во-вторых, выполняли превентивные функции, заранее информируя подданных «о непристойностях худого действия», в-третьих, поддерживали общественную целостность, гарантируя

⁸⁵ *Екатерина II. Избранное*. С. 574–575.

⁸⁶ Там же. С. 580.

⁸⁷ Там же. С. 575–576.

⁸⁸ Там же. С. 116.

⁸⁹ В проекте «Наказа Сенату» 1787 г. Екатерина еще раз подчеркивала, что «во власти Императорского Величества соединены права и преимущества самодержавства», к которому «принадлежит как изстари, так и ныне и на будущие времена законодательство нераздельно». В практическом ключе это означало, что в ведении государя находится «установление, утверждение, распространение, сокращение, отрешение, отменение, возобновление и изъяснение закона» (Там же. С. 614–615).

⁹⁰ Там же. С. 132–133.

безопасность «как до их особы, так и до имения, им принадлежащего, чему так и быть надобно для того, что сие есть намерение и предмет, без которого общество рушится бы» («Наказ», ст. 156, 448)⁹¹.

В проекте 1785–1787 гг. под условным названием «О узаконениях вообще», который Екатерина II планировала включить в качестве второй части в задумывавшийся ею «Свод государственных установлений»⁹², в первую очередь «слова закона» и «связи слов» способны были внести ясность в смысл постановления, если рождалось «сумнение о понятии какого ни есть узаконения»⁹³. Законы, бывшие «суть гласом и словом императорского величества», в котором соединялось «самодержавство» и которому ради «величия и безопасности империи», а также «каждого подданного лично» «непреречно», «нераздельно» и «неотъемлемо» принадлежала «законодательная власть»⁹⁴, надлежало понимать в «простом обыкновенном общенародном смысле предпочтительно грамматикальному свойству»⁹⁵. В случае наличия в законодательных актах специальных «технических» или «свойственных какой науке, художеству или ремеслу» терминов значение последних определялось «по смыслу», принятому «людьми в тех наук[ах], художестве или ремесла искусных»⁹⁶.

«Простой язык» уложения был одним из средств борьбы с преступностью и защиты граждан. «Малая цена» наряду с доходчивым изложением основных статей законов способны были сделать его книгой «весьма употребительною», «наподобие букваря». Параллельно

⁹¹ Екатерина II. Избранное. С. 132, 169.

⁹² Омельченко О.А. «Законная монархия». С. 352; Он же. Идея конституционного закона и «всеобщей законности» в правовой политике «просвещенного абсолютизма»: неизвестный проект Екатерины II «О узаконениях вообще» // Проблемы политической и правовой идеологии. М., 1989. С. 71–108.

⁹³ Екатерина II. Избранное. С. 634.

⁹⁴ Там же. С. 615 («Наказ Сенату»).

⁹⁵ Там же. С. 634 («О узаконениях вообще»).

⁹⁶ Там же.

с этим уложением присваивались образовательные и воспитательные функции: обучение грамоте в школе должно было производиться «попеременно» из книг церковного характера и «тех..., кои законодательство содержат». «Чтение» и «разумение» последних являлось одним из гарантов защиты гражданина от любого рода произвола: представляя весь спектр «следствий, сопряженных с собственными своими делами и касающихся до его особы и вольности», подданный, и это подчеркивалось еще раз, признавался зависимым только от закона, а не от «некоторого числа людей», присвоивших себе право «хранения» и толкования законодательства («Наказ», ст. 158)⁹⁷.

«Простота» языка законодательных определений, долженствующих нести в себе «чистосердечие», «великую добродетель и незлобие», мыслилась в виде набора конкретных характеристик. Прежде всего законодателя призывали избегать «неизвестных», «витиеватых, гордых или пышных», а также «околичных выражений», «неопределенных речей» и «надутого и высокопарного слога». В совокупности все это лишало законодательство смысла и превращало его в свидетельство «высокомерия и гордости» («Наказ», ст. 455–456, 459)⁹⁸. Напротив, язык законов должен был быть «краток» и «прост» («Наказ», ст. 454)⁹⁹.

Примером такого языка, с точки зрения императрицы, являлось Соборное уложение 1649 г., «слог» которого Екатерина II считала «по большей части ясным, простым и кратким», а слова «внятными и самому посредственному уму». Императрица отмечала, что сама Соборное уложение

⁹⁷ *Екатерина II. Избранное*. С. 133. Схожие идеи присутствовали в наказе от «Главной полиции» в Уложенную комиссию 1767–1774 гг. Пункт 373 наказа настаивал на необходимости «запретить» продавать «церковные» и «учебные» книги, а также «законов военных и гражданских дорогою ценою». Пункт 374 предлагал «гражданских и военных законов по книгам учить при словесных науках, обще с законами о вере, дабы с младенчества каждому умеющему грамоте все права известны были» (СИРИО. СПб., 1885. Т. 43. С. 357).

⁹⁸ Там же. С. 170.

⁹⁹ Там же.

«с удовольствием слушала... [и делала] из одного выписи» («Наказ», ст. 457). Образцом мог служить и «Воинский устав», дававший, как полагала императрица, приемлемые примеры того, каким образом могут даваться «изъяснения и толкования» отдельных статей «для судящих» («Наказ», ст. 448)¹⁰⁰. Законодатель, однако, должен был с осторожностью вводить в текст указов разного рода пояснения, поскольку последние могли «более затмить, нежели объяснить случай», приводя к необходимости «еще больших подробностей» («Наказ», ст. 449–450)¹⁰¹.

Язык действующего российского законодательства представлялся «хорошим» не только Екатерине II. Как известно, весной 1766 г. через графа Григория Григорьевича Орлова начальная версия «Наказа» была передана для прочтения ряду лиц, среди которых были Александр Петрович Сумароков и Василий Григорьевич Баскаков¹⁰². С точки зрения А.П. Сумарокова, Соборное уложение 1649 г. не содержало в себе «чужих слов» и «склад» его был «вразумителен». Поэтому при составлении законов необходимо было «приближаться» к «старому нашему складу», который был, безусловно, «лучше»¹⁰³. «Писать» законы следовало «ясно» и «не очень мудрено», а не «высокопарно». Последнее, хотя и было «легко и казисто», но в итоге становилось источником приказной волокиты, которая проискала от «бестолковых писцов» и «криводушных толков»¹⁰⁴.

Схожую точку зрения высказывал С.Е. Десницкий в «Слове о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции», которое было «говорено» в Московском

¹⁰⁰ *Екатерина II. Избранное*. С. 169. В начальной части проекта закона «Об оскорблении величества» (1774–1775 гг.) Екатерина II использовала принцип компоновки материала «Воинского артикула» и «Краткого изображения процессов и судебных тяжб» (См.: Там же. С. 358–359).

¹⁰¹ Там же. С. 169.

¹⁰² *Омельченко О.А. «Законная монархия»*. С. 81.

¹⁰³ А.П. Сумароков отдельно указывал, что «наши предки лучше нас писали», подчеркивая, что он «себя в число нынешних российских писателей» не «полагает» (*Екатерина II. Избранное*. С. 214).

¹⁰⁴ Там же. С. 214. Подобные высказывания В.Н. Татищева и М.М. Щербатова см.: *Живов В. М. История русского права*. С. 264–266.

университете 30 июня 1768 г. Рассуждая об особенностях развития «российской юриспруденции», к которой не прилагалось «особое старание», и о причинах отсутствия в современной ему России «сокращенных по примеру других государств наставлений законов», он увязывал и то, и другое со спецификой языка права. Будучи созданы «на природном языке», «старинные сводные уложения», а также «российские указы» были понятны всем и не требовали особых толкований, как это было «в законах февдалных¹⁰⁵ правлений». Как отмечал С.Е. Десницкий, «у нас не было и издревле ни в тяжбных, ни в криминальных делах таких невразумительных латинских и французских слов, каковые приняты в Англии»¹⁰⁶ и значительно затрудняют деятельность всей судебной системы¹⁰⁷.

Итак, законы, главная функция которых состояла в том, чтобы «препятствовать человеку вредить ближнему» и «указывать» гражданам границы дозволенного¹⁰⁸, должны были быть прозрачны в смысловом отношении и написаны на «простом» языке. «Ясный», «точный», понятный народу «глас закона» выступал в качестве одного из условий оптимизации и успешного функционирования всей государственной системы. Проявляя особую заботу о «слоге» и «слове» государственных постановлений и стремясь избегать «сумнительных» и «двугласных»¹⁰⁹ выражений, законодатель тем самым гарантировал жизнеспособность и устойчивость всего «гражданского состояния»¹¹⁰.

В более широком контексте внятный и четкий язык законодательства, будучи неотъемлемой составной частью

¹⁰⁵ Так в тексте.

¹⁰⁶ Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании императорского Московского университета... говоренное... июня 30 дня 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. Т. I. С. 209.

¹⁰⁷ Примечателен перевод *habeas corpus*, который дает С.Е. Десницкий, – «закон о личной свободе» (Там же).

¹⁰⁸ Екатерина II. Избранное. С. 648 («О узаконениях вообще»).

¹⁰⁹ Там же. С. 634–635.

¹¹⁰ Там же. С. 648.

национального языка, должен был упрочить международное положение страны. По мысли Екатерины II, три фактора умножали «силы державы»: слава, власть и правосудие «царя» («Наказ», ст. 519)¹¹¹. В «Записках, касательно российской истории» императрица добавила к ним заботу о языке. Отмечая заслуги княгини Ольги, она особо выделяла введение «во употребление общее» славянского языка, который был «утвержден» посредством принятия «святого крещения» и перевод церковных книг с «греческого языка на славянский язык». Это способствовало тому, что «народ славянский возвысился». В целом «распространение» и «умножение» «народа и языка» ставилось императрицей в прямую зависимость от «мудрости и тщания вышних правителей»: «благоразумный» государь, проявляя «прилежание» к «чести» и «языку» «своего народа», тем самым способствовал процветанию нации¹¹².

Исходя из концепций развития русского литературного языка (язык права был его частью¹¹³), утвердившихся с 40-х гг. XVIII в. в России и сформировавшихся под сильным влиянием французской классицистической мысли¹¹⁴, указанное «тщание» не в последнюю очередь предполагало очищение языка от всякого рода заимствований. Как отмечал В.М. Живов, к середине XVIII в. «поношение заимствований... становится общим местом российской филологии»¹¹⁵, а «борьба» с ними «актуальной» задачей «языкового строительства»¹¹⁶. Как указывал М.В. Ломоносов в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1757–1758 гг.¹¹⁷), «входящие к нам из чужих языков» понятия и термины были ни чем иным, как «странными и дикими» «нелепостями» и «неприличия-

¹¹¹ Екатерина II. Избранное. С. 178.

¹¹² Екатерина II. Российская история. Записки великой императрицы. М., 2008. С. 62.

¹¹³ Живов В.М. Язык и культура. С. 123.

¹¹⁴ Там же. С. 171–183, 290–307.

¹¹⁵ Там же. С. 297.

¹¹⁶ Там же. С. 296.

¹¹⁷ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. VII. С. 892.

ми», искажавшими «собственную красоту нашего языка». Очищение «природного языка» способно было утвердить его «в полной силе, красоте и богатстве»¹¹⁸.

Подобный пуризм являлся следствием переосмысления места и роли России в Европе: с елизаветинского царствования в процессе «поисков национального самосознания»¹¹⁹ Россия стала мыслиться как равноправная часть Европейского ареала¹²⁰, соответственно в европейской культуре свои места заняли русская культура и русский язык. В «Наказе» данное положение было одним из основополагающих. Первая глава открывалась с утверждения, что «Россия есть европейская держава». Это доказывалось легкостью, с которой были реализованы петровские преобразования. Они «получили успех», поскольку Петр I вводил «нравы и обычаи европейские в европейском народе» (ст. 6–7)¹²¹. Следовательно, русский язык, во-первых, по своему статусу был равен «другим культурным языкам Европы», а во-вторых, являлся полифункциональным, т.е. способным адекватно выражать и передавать «все разнообразие понятий и явлений», а также «любых коль угодно сложных материй»¹²². В этом контексте освобождение от «иноязычных элементов» связывалось с утверждением самодостаточности русского языка¹²³.

«Простота» и «чистота» языка законов приобретали особую актуальность в свете деятельности открывшейся 30 июля 1767 г. Уложенной комиссии, главная задача которой состояла в выработке кодекса права. Новое уложение должно было реализовать основные языковые установки, сформулированные в «Наказе», и сделать «глас закона» понятным народу. Со своей стороны Екатерина II стремилась

¹¹⁸ Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 591.

¹¹⁹ Живов В.М. Язык и культура. С. 270.

¹²⁰ Там же. С. 163–165, 268–269.

¹²¹ Екатерина II. Избранное. С. 115.

¹²² Живов В.М. Язык и культура. С. 269, 271.

¹²³ Там же. С. 296.

достичь языковой прозрачности уже в «Наказе». Так, императрица полностью приняла все предложения В.Г. Баскакова, касавшиеся малопонятных, с его точки зрения, выражений. Передавая графу Г.Г. Орлову свои замечания на «Наказ», Баскаков указывал, что «в сей же тетради» им было выписано «малое число слов», которые могут быть «невразумительны». Он предлагал свои эквиваленты¹²⁴, по поводу которых Екатерина II дала однозначное распоряжение: «Все сие безспорно принимать»¹²⁵. В «Окончании» «Наказа», предупреждая возможные упреки в неясности и непонятности («может случиться, что некоторые, прочитав сей Наказ, скажут: не всяк его поймет»), она подчеркивала, что адекватное восприятие текста требует со стороны читающего определенных усилий: «прилежания», «радения» и неоднократного прочтения. В связи с этим для лучшего усвоения «глав и статей» их предписывалось читать в общем собрании и частных комиссиях «одиножды в начале каждого месяца» (ст. 523–526)¹²⁶.

Подготовительные материалы «Начертания о приведении к окончанию Комиссии проекта нового Уложения» свидетельствуют о том, что «чистота» и «простота» языка права осознавались Екатериной II в качестве важнейшей задачи. В черновых вариантах «Начертания...», перера-

¹²⁴ «Безразлично употреблено видится вместо немецкого *gleichgültig*, а французского *indifférent*, что не всякому вразумительно будет, а свойственнее кажется написать **неуважительно, безважно**; впрочем о человеке говорится, естли он не уважает и приемлет за равно, или что его не трогает, **равнодушно, беспристрастно, нечувствительно**.

Не богохулье, а богохуление.

Обратное воздаяние многим быть может не внятно, а лучше кажется употребить **возмездие равномерное**, или **воздаяние за зло**, или же просто **законное отмщение**.

На 39-м листе написано **несжимными очами**, а лучше кажется употребить **недремлющими**.

Также в некоторых местах употреблено слово **важность** вместо **величавости** или **спеси**» (Екатерина II. Избранное. С. 208–209).

¹²⁵ Там же. С. 208

¹²⁶ Там же. С. 178. В Уложенной комиссии указанное предписание императрицы последовательно выполнялось (Омельченко О.А. Уголовная политика. 2-я ред. С. 150). См., к примеру: РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 122. Ч. 1. Л. 3.

батывая «Опыт...» графа А.П. Шувалова, Екатерина II стремилась найти замену всем словам иностранного происхождения, отмечая их знаком «NB». В «составе II» «О установлении правосудия вообще» ч. I «О праве общем» в разд. 1 «О обряде деяний» вместо слова «акты» императрица предлагала использовать «дела», «поступки», «действия при деле», «делание»; вместо «терминов» — «слова и выражения»¹²⁷. В «составе I» той же части, где речь шла о создании духовно-гражданской комиссии, вместо слова «конференция», употребленного графом А.П. Шуваловым, для характеристики ее взаимодействия с Синодом и Комиссией о духовных имениях, императрица ввела сочетание «разсуждения, сношения, советы», которое затем вошло в окончательную редакцию «Начертания...». При этом она отклонила вариант Г.В. Козицкого — «разглагольствие»¹²⁸. Видимо, к этому же времени относится записка Козицкого, представившего императрице перевод ряда слов иностранного происхождения из самых разных областей. К примеру, были даны глоссы следующим словам: «регулярный — правильный», «нерегулярный — неправильный», «публичный — народный», «партикулярный — частный», «натура — природа, естество»¹²⁹.

Последовательный отказ Екатерины II от использования слова *криминальный* в законодательных актах и законопроектных материалах был одним из проявлений языкового пуризма применительно к области права и процесса. Понятие *криминальный* не удовлетворяло ни одному из требований, предъявлявшихся к языку законодательства. Во-первых, это было «чужое слово», во-вторых, будучи многозначным в смысловом отношении, оно не обладало «внятностью» и «вразумительностью» для всех, в-третьих, находилось на периферии употребления и, как следствие, требовало замены.

¹²⁷ Цит. по: Флоровский А.В. Два произведения императрицы Екатерины II... С. 10.

¹²⁸ Цит. по: Там же. С. 9.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 414. Л. 3.

III

В 1774 г. работая над переводом проекта Ф. Бемера «Criminal-Prozess-Ordnung», Г.В. Козицкий избегает слова *криминальный*, которое выглядело бы естественным в данном контексте. Он предлагает переводить «criminal» как «преступнический или розыскной», в целом следуя предшествующей традиции трактовки термина *криминальный*. Екатерина II отказывается и от одного, и от другого словоупотребления. С ее точки зрения, наиболее адекватной глоссой является *уголовный*, слово, которое, как уже отмечалось, императрица впервые употребляет в рамках законодательного дискурса в «Начертании...» 1768 г.

В языковой узус слово *уголовный* входит значительно раньше. Впервые оно фиксируется в 1731 г. в «Немецко-латинском и русском лексиконе» Э. Вейсмана. В «Лексиконе» словосочетание «уголовное дело» употребляется в контексте рассмотрения значений слов, происходящих от немецкого *zeben* и латинского *vita*, *anima* и переводящихся как «живот, душа, жизнь, свет». Как «уголовное дело», «уголовная беда» переводится немецкое “*es trifft zeibund zeben an*” и латинское “*est res capitalis*”. Данный термин используется также при переводе словосочетаний, относящихся к тюремному заключению, — “*conjectum esse in vincul caritas causa*” / «за уголовное дело в тюрьму посажену быти, в уголовном, в головном деле держатися»¹³⁰. Открытым остается вопрос о сферах бытования слова *уголовный*. Специфика исторических источников первой половины XVIII в. не дает возможности реконструировать бытовой дискурс. Возможно, данный термин относился к «ведомым словам», которые, как писал М.В. Ломоносов, «хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах; однако всем грамотным людям вразумительны»¹³¹.

¹³⁰ Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе. СПб., 1731. С. 367.

¹³¹ Цит. по: Живов В.М. Язык и культура. С. 294.

В рамках законопроектного дискурса слово *уголовный* фиксируется осенью 1767 г. Это подтверждают делопроизводственные материалы Уложенной комиссии, в которых во всех случаях *криминальный* и *уголовный* выступают как синонимы. На заседании 5 сентября 1767 г. Дирекционная комиссия, один из руководящих органов Комиссии о сочинении проекта нового Уложения¹³², апробировала так называемое «Большое наставление», в котором содержались предписания относительно основных направлений деятельности «юстицкой»¹³³ частной комиссии (впоследствии переименована в комиссию «О правосудии вообще»¹³⁴). Последняя была образована решением Большого собрания 24 сентября того же года¹³⁵. В соответствии с «наставлением» комиссия должна была «сочинить: 1) *уголовную, или криминальную* (курсив мой. — Г.Б.) главу, и 2) суд, или росправу, и порядок суда»¹³⁶.

Протоколы Дирекционной комиссии, в которую были выбраны граф И.Г. Орлов, граф З.Г. Чернышев, митрополит Новгородский Дмитрий, Д.В. Волков и Н.Е. Муравьев¹³⁷, не позволяют установить, кто из ее членов стал инициатором включения слова *уголовный* в «Большое наставление». Отметим, что в плане Дмитрия Васильевича Волкова, который на заседании 28 августа 1767 г. был взят за основу «кодификационных предложений»¹³⁸ Дирекционной комиссии, ч. 3 нового уложения должна была составить книга «юстицкая вообще, содержащая в себе суд и криминальные дела»¹³⁹.

В «юстицкой» комиссии употребление слова *уголовный* не стало приоритетным. Так, на пятом заседании

¹³² Омельченко О.А. «Законная монархия». С. 137–138.

¹³³ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 114. Ч. 1. Л. 68–68 об.

¹³⁴ Омельченко О.А. Уголовная политика. 2-я ред. С. 148; Он же. «Законная монархия». С. 163.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Кн. 1. Л. 10 об.

¹³⁷ СИРИО. Т. 4. С. 68–69.

¹³⁸ Омельченко О.А. Уголовная политика. 2-я ред. С. 149.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 115. Ч. 1. Л. 7 об.

комиссии, 11 октября 1767 г., был заслушан «поданный господином депутатом Шварцом прожект криминальному праву и процессу в гражданских делах»¹⁴⁰. На десятом заседании комиссии, 25 октября 1767 г., член комиссии Василий Бибииков читал «взятую от секретаря Вешнякова выписку, учиненную по второй части о криминальных делах»¹⁴¹. На тринадцатом заседании, 6 ноября 1767 г., утверждался план «криминальной главы»¹⁴². 28 июля 1769 г., приостановив составление «судной части», комиссия приняла решение начать разработку «криминальных глав»¹⁴³. Члены комиссии могли использовать только термин *уголовный*, в ряде случаев считая необходимым уточнить его значение посредством привлечения синонима. В «Плане частной юстицкой комиссии», который был передан на рассмотрение Дирекционной комиссии в начале октября 1767 г., предполагался раздел «порядка суда уголовного»¹⁴⁴. В части «А» «Плана...», касавшегося классификации преступных деяний, содержалось «прибавление» относительно правонарушений, не относящихся к деликтам данного рода, и отягчающих и смягчающих обстоятельств: «когда в преступлениях бывают обстоятельства, которые не точно суть преступления, однако же в уголовном, или криминальном праве должны примечанием быть»¹⁴⁵. В конце июля 1769 г. члены комиссии «имели рассуждение о начатии сочинения уголовного права, или о преступлениях»¹⁴⁶.

В определенной степени синонимия *криминальный* и *уголовный* была следствием частичного совпадения

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 122. Ч. 1. Л. 5.

¹⁴¹ Там же. Л. 10.

¹⁴² Там же. Л. 13 – 13 об.

¹⁴³ Там же. Д. 122. Ч. 3. Л. 48.

¹⁴⁴ Цит. по: Омельченко О.А. Уголовная политика. 2-я ред. С. 205.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Ч. 3. Л. 224–224 об.; опубликовано: Омельченко О.А. Уголовная политика «просвещенного абсолютизма» и развитие русского уголовного права во второй половине XVIII века. 1-я ред. // Вопросы истории уголовного права и уголовной политики: Сб. статей. М., 1986. С. 45.

¹⁴⁶ Цит. по: Омельченко О.А. Уголовная политика. 2-я ред. С. 152.

смысловых полей данных терминов. В первой половине XVIII в. и *криминальный*, и *уголовный* в одном из своих значений определяли деяния, влекущие за собой смертную казнь. «Немецко-латинский и русский лексикон» Э. Вейсмана издания 1731 г. в качестве синонима *уголовный* использовал слово «головной»¹⁴⁷. В русском праве XII—XVI вв. он прилагался к преступлениям, отягченным убийством: головная татьба/воровство, сопровождавшееся убийством; головной тать/вор, обвиняющийся в краже с убийством. «Головником» называли убийцу¹⁴⁸. В течение XV в. данный термин уходит на периферию употребления¹⁴⁹.

Сопоставление двух изданий «Лексикона», 1731 и 1782 гг., позволяет понять смысл связки «головной/уголовной» и проследить, как происходила трансформация значения слова *уголовный*. В первом издании латинское “*fraudem admitter capitalem*” трактуется как «безголовие, безголовную беду затевати, делати»¹⁵⁰. В словаре 1782 г. эта же фраза переводится как «уголовное дело, уголовную беду затевати, делати»¹⁵¹. В данной связи встает вопрос о словоупотреблении головного/уголовного: прилагалось ли оно к объекту, как в предшествующей российской традиции, или к субъекту преступления?

Контекст, в котором дан перевод словосочетаний, — среди значений слов, берущих свое происхождение от «палача» и «виселицы», позволяет предположить, что определение *уголовный* прилагалось к субъекту преступного деяния, характеризуя круг санкций, которые влек за собой деликт. Статья, в которой дается перевод процитированных выше фраз, начинается с выяснения значения понятий “*hendermabig, suspendious*”, т.е. «виселицы

¹⁴⁷ Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. С. 367.

¹⁴⁸ Словарь русского языка XVII в. М., 1979. Вып. 6. С. 65; Живов В.М. История русского права. С. 200–201.

¹⁴⁹ Живов В.М. История русского права. С. 213–214.

¹⁵⁰ Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. С. 289.

¹⁵¹ Вейсманов немецкий лексикон с латинским, переложенный на российский язык. СПб., 1782. С. 342.

годен»¹⁵² (1731 г.) или «виселицы достоин»¹⁵³ (1781 г.). Таким образом, «уголовное дело» — это преступление, караемое виселицей, а в более широком смысле — смертной казнью.

Это подтверждает сопоставление перевода термина “halsgericht, criminale iudicium”. В издании 1731 г. ему подобрано значение «смертное осуждение»¹⁵⁴, в издании 1782 г. — это «смертный приговор, суд, судный приказ по делам уголовным»¹⁵⁵, т.е. *уголовный* в данном контексте — синоним *достойный смерти*. Причем в «Лексиконе» 1782 г. происходит расширение смыслового наполнения *уголовный* — это не только заслуживающий смертной казни, но и вообще любого жестокого наказания. Об этом свидетельствует добавление к немецкому “hendemabig” латинского синонима “magna crue dignus”, т.е. заслуживающий жестокой кары¹⁵⁶.

В словарях Э. Вейсмана термин «головный/уголовный» использовался не в традиционном для предшествующей правовой практики смысле: вектор его значения был смещен с характеристики преступного действия в сторону определения санкций, за него полагающихся. В таком словоупотреблении слово *уголовный* и его производные (*уголовщина*) были зафиксированы в «Словаре Академии Российской»: «уголовный говорится в отношении к преступлениям, заслуживающим смертной казни»; «уголовщина — злодеяния, за которых смертная казнь положена»¹⁵⁷. В этом издании синонимичными полагались слова «уголовный» и «безголовный», причем отдельно подчеркивалось, что первое пришло на смену второму, устаревшему: «безголовный старин., см. уголовный»¹⁵⁸.

¹⁵² Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. С. 289.

¹⁵³ Вейсманов немецкий лексикон. С. 342.

¹⁵⁴ Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. С. 273.

¹⁵⁵ Вейсманов немецкий лексикон. С. 320.

¹⁵⁶ Там же. С. 342.

¹⁵⁷ Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. СПб., 1790. Ч. II. Стб. 183–184.

¹⁵⁸ Там же. Стб. 182.

Отмечаемая синонимия *криминальный* и *уголовный*, а также трактовка последнего (в делопроизводстве Уложенной комиссии) через обращение к термину *преступление* и его производным не снимают вопроса о причинах, побудивших Екатерину II из ряда синонимов *криминальный* (*розыскной* и *уголовный*) остановить свой выбор на последнем, параллельно отказавшись от экспликации материальных правоотношений через понятие *преступнический* /*преступительный*. Они также не проясняют смыслового наполнения данного понятия в представлении императрицы. Вероятно, введение слова *уголовный* в официальный язык законодательства было следствием, во-первых, несовместимости поля значений термина *розыскной* и основных положений уголовно-правовой доктрины екатерининского царствования, а во-вторых, несовпадения спектра коннотаций *уголовный* и *преступнический* /*преступительный*.

IV

Слово *розыскной* в словосочетании *розыскные дела* предполагало использование отдельного типа уголовного процесса — «розыска»¹⁵⁹. В России отделение сыска/розыска от суда связывают с эпохой судебныхников, до которой судопроизводство было обвинительным¹⁶⁰. Считается, что процедура сыска выросла из «особого процесса для дел разбойных», к которым затем были добавлены дела по убийству и татьбе с поличным. Дела, которые решались сыском, не являлись чисто уголовными. Границы между «судом» и «розыском» не совпадали с границами уголовного и гражданского судопроизводства по современному праву: по Соборному уложению 1649 г. через розыск должны были расследоваться все преступления против ве-

¹⁵⁹ В «Словаре Академии Российской» словарная статья *розыскный* в качестве второго значения указывала «розыску подлежащий», приводя как пример сочетание «розыскные дела» (Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Ч. III. Стб. 338–339).

¹⁶⁰ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 189.

ры, государственные преступления и преступления против установленного порядка управления, разбой, татьба, кормчество, а также гражданские «крепостные» дела¹⁶¹. «Суд» как отдельная судебно-следственная форма был отменен указом от 21 февраля 1697 г., предписывавшим «суды и очные ставки отставить», заменив их «розыском» по делам, возбужденным «по челобитью всяких чинов людей» и касавшимся «всяких обид и... разоренья», а также «брани», «безчестья», «бою» и «увечья»¹⁶². В 1723 г. Петр I предпринял попытку восстановить состязательные начала в процессе. Известный указ от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» устанавливал «токмо один суд», повелевая «не различать (как прежде бывало) один суд, другой розыск»¹⁶³. «Розыск», однако, не уничтожился: его юрисдикция распространялась на все государственные преступления («измены»), слова, «противные на его императорское величество и его императорского величества фамилию», бунт¹⁶⁴), большинство общеуголовных дел (смертоубийство, разбой и кража с поличным), а также на богохульство и «церковный мятеж»¹⁶⁵.

Розыскной процесс, «розыск» как порядок производства и разбирательства дел, в рамках которого «функции уголовного преследования, защиты и функция принятия решения ... сливаются в деятельности одного государственного органа»¹⁶⁶, ни в коей мере не соответствовал ясно обозначенной уже в первых указах екатерининского царствования интенции власти сделать судебно-следственную систему более эффективной, прозрачной¹⁶⁷

¹⁶¹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 604; *Сыромятников В. И.* Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа. М., 1915. Т. 1. С. 132–134.

¹⁶² ПСЗРИ 1. Т. 3. № 1572.

¹⁶³ Там же. Т. 7. № 4344.

¹⁶⁴ Там же. № 4344, п. 5.

¹⁶⁵ Там же. № 4713.

¹⁶⁶ *Смирнов А. В.* Модели уголовного процесса. С. 112.

¹⁶⁷ В так называемой «Особой тетради», собственноручных выписках, которые великая княгиня Екатерина Алексеевна делала в 1758–1761 гг., она, в частности, отмечала: «Преступление и производство дела должны быть

и нацеленной на «оправдание, нежели наказание всякого виновного»¹⁶⁸.

Розыскной процесс преследовал иные цели. Нося обвинительный характер, «розыск» исходил из фактической презумпции виновности¹⁶⁹: при его производстве важна была не защита попавшего под следствие подданного, а выяснение фактов нарушения безличной воли закона. Задача «розыска» состояла в том, чтобы доказать вину, используя ряд следственных мероприятий, среди которых значительную роль играли разные степени физического воздействия. Как в январе 1723 г. представлял Петру I в «докладных пунктах» генерал-майор Григорий Петрович Чернышев, «надлежит розыскивать, понеже без розыску вину на себя не многие скажут»¹⁷⁰. Подследственный выступал как «объект исследования»¹⁷¹, своего рода инструмент, посредством которого судебно-следственные органы надеялись раскрыть преступление и «установить истину»¹⁷². Указы предписывали производить розыскные действия *кем-то*: «теми людьми... розыскивать», «к тому приличными людьми... розыскивать», «о том розыскивать, кем надлежит», «в тех деревнях прикащиками и старостами розыскивать», «онными розыскивать вправду», «такими розыскивать»¹⁷³ и т.д.

При расследовании «обязанность доказывания» невиновности возлагалась на подозреваемого. При этом система доказательств носила формальный характер, поскольку считалось «непрекаемым, что признание подозреваемым своей виновности есть наиболее совершенное доказательство»¹⁷⁴. В ряде случаев «за основу дока-

оглашены для того, чтобы общество (которое всегда судит беспристрастно) могло распознать правоту» (*Екатерина II. Избранное. С. 43*).

¹⁶⁸ Там же. С. 50.

¹⁶⁹ *Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. С. 127–128.*

¹⁷⁰ ПСЗРИ 1. Т. 7. № 4145, п. 1.

¹⁷¹ *Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. С. 112.*

¹⁷² Там же. С. 128.

¹⁷³ ПСЗРИ 1. Т. 7. № 4139 (п. 4–7), 4145, 4196, 4248, 4267 и т.д.

¹⁷⁴ *Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. С. 129. Пункт 1 гл. 2 «О признании» «Краткого изображения процессов и судебных тяжб» указывал, что «когда кто признает, чем он виновен есть, тогда дальнего доказу не требу-*

звания» принимались данные под пыткой показания¹⁷⁵. Пытка имплицитно предполагалась в рамках розыскного типа процесса, но не была равна ему¹⁷⁶.

С одной стороны, розыск означал следствие¹⁷⁷. Так, в мнении, представленном при обсуждении в Сенате возможности использования «Краткого изображения процессов и судебных тяжб», «военных процессов», которое происходило весной—летом 1765 г., сенатор граф Роман Илларионович Воронцов, отдельно отмечал: «что касается до слова розыск, то я почитаю, что оно не что иное значит, как то, что ныне называется следствием»¹⁷⁸. С другой стороны, *розыск* выступал синонимом пытки. Это фиксирует набор значений, которые в XVIII в. вкладывались в понятие *розыск*. «Словарь Академии Российской» выделял два значения указанного слова. Во-первых, *розыск* понимался как «прилежное разобранье, изследование, испытание истинны, точности в чем». Во-вторых, «особенно», данное слово означало «пыточный допрос, пристрастной распрос, пытку»¹⁷⁹.

Данные следственные методы являлись неотъемлемой частью розыскного процесса. Указы отдельно оговаривали случаи, когда «розыск» мог ограничиться только допросами. К примеру, именной объявленный из Сената указ от 7 апреля 1723 г., который предписывал в кратчайшие сроки окончить дела о «прописках» и утайке душ,

ет, понеже собственное признание есть лутчее свидетельство всего света» (ПСЗРИ 1. Т. 5. № 3006).

¹⁷⁵ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. С. 119.

¹⁷⁶ Там же. С. 119, 128.

¹⁷⁷ См.: ПСЗРИ 1. Т. 3. № 1572, 1576; Т. 7. № 4139 (п. 1–2, 4), 4145, 4166, 4176, 4212, 4243, 4345, 4375 и т.д.

¹⁷⁸ Сенатский архив. СПб., 1913. Ч. XV: Указы и повеления императрицы Екатерины II за 1765 год. С. 725. На практике «следствие» могло отделяться от розыска и предшествовать ему. Пункт 3 «Инструкции главным сыщикам» от 19 ноября 1756 г. предписывал всех, подозреваемых в том, что они «злодеи», «не смотря ни на какие персоны... следовать накрепко, и по подлинному исследованию, кто в том изобличены будут, теми накрепко розыскивать, а ежели дойдут до пытки, то и пытать» (ПСЗРИ 1. Т. 13. № 10650, п. 3).

¹⁷⁹ Словарь Академии Российской. Ч. III. Стб. 338.

позволял «розыски следовать допросами, а чего допросами исследовать будет нельзя, о том розыскивать со временем»¹⁸⁰.

Подобным отождествлением характеризовался не только законодательный, но и делопроизводственный и бытовой дискурсы. В делопроизводстве Сысского приказа, с 1730 по 1763 г. являвшегося главной судебной инстанцией по «розыскным» делам в Москве и Московском регионе¹⁸¹, «розыск» и «пытка» выступали как синонимы. Принятие решения о пытке подозреваемого могла сопровождать пометка секретаря «к розыску». «Розыск» и «пытка» употреблялись как синонимы в пыточных протоколах при указании присутствовавших при пытке членов Сысского приказа («при том розыске были...») или характера данных показаний («а с подъему и с третьяго розыску... [показал] то ж, что в роспросе и з дву розысков») ¹⁸².

Та же синонимичность фиксируется и в дворянских наказах в Уложенную комиссию 1767–1774 г. Так, дворянство Ефремовского уезда, апеллируя к «милосердию Ее Императорского Величества», настоятельно просило «розыскам по прежним установлениям быть в воеводских канцеляриях». Дворяне ссылались на «высочайшее соизволение», по которому «розыски» были переданы в «губернии и провинции»¹⁸³. Речь шла об именном указе от 15 января 1763 г., в соответствии с которым «впадших в преступление» надлежало «обращать к истинному признанию милосердием и увещанием», используя пытку как крайнюю меру. В том случае, если последняя была «неминуема», ее разрешалось применять только в про-

¹⁸⁰ ПСЗРИ 1. Т. 7. № 4192. Именным объявленным из Сената указом от 13 апреля 1723 г. его действие было распространено на черносошных крестьян (Там же. № 4194); подтвержден Сенатом 15 июля 1723 г. (Там же. № 4267).

¹⁸¹ Там же. Т. 8. № 5597; Т. 16. № 11989, п. 20.

¹⁸² РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 481. Л. 6 об., 9, 9 а; Д. 957. Л. 14, 21; *Акельев Е.В., Бабкова Г.О.* «Дабы розыски и пытки...» С. 20.

¹⁸³ СИРИО. Т. 68. С. 471. См. также наказ от дворянства Новосильского (п. 9) (Там же. С. 490–491), Крапивенского уездов (п. 16) (СИРИО. Т. 8. С. 561).

винциальных и воеводских канцеляриях¹⁸⁴. Неслучайно в словарной статье *розъискный* «Словаря Академии Российской» пытка указывалась в качестве первого значения слова: «производящий розъиск, пыточный»¹⁸⁵. Соответственно, прилагательное *розъискная* трактовалось как «судебное место, где пытки производимы были»¹⁸⁶.

Понимаемый таким образом розыск входил в противоречие с намерением Екатерины II проявлять «милость» и «снисходительность» в уголовно-процессуальной сфере. «Примирительный дух властителя» наряду с «политической вольностью», как писала великая княгиня Екатерина Алексеевна в записках 1758–1761 гг., способны были сделать отечество «любезным» для подданных и тем самым «вдохновить» их к преобразованиям, действуя более эффективно, чем преследующие ту же цель «миллионы законов»¹⁸⁷. В 1762 г., делая выписки из “*Mélanges de littérature, d’histoire et de philosophie*” Д’Аламбера, Екатерина еще раз подчеркивала, что государь может «смягчать... прощением» «суровость» действующего законодательства. Ему, однако, «никогда» не следовало «освобождать» себя от законов ряди «жестокости». Законы государства, будучи «хорошо запечатленным в сердцах людей» «гласом природы», должны были быть «священными» для властителя: защищая подданных, закон «дос-

¹⁸⁴ ПСЗРИ 1. Т. 17. № 12345. Об отмене данного указа просило дворянство не только Ефремовского и Новосильского, но и Алаторского, Верейского, Касимовского, Козловского, Крапивенского, Чухломского уездов (СИРИО. Т. 4. С. 377; Т. 8. С. 561; Т. 14. С. 479–481; Т. 68. С. 117, 417–418, 453). Примечательно обоснование, которое дали дворяне Алаторского уезда, настаивая на необходимости пытать преступников: «А которые злодеи пойманы и приведены будут в канцелярию, и о том в злодействах спрашивать с увещеванием от священника, кое признание, хотя последовать и может, но просвещенному и политизованному народу, а российский народ, когда который зделаетца злодеем, то есть вор, а паче разбойник, то уже такое окамененное сердце и дух сугубый имеет, что не только священнику, и в розыску, когда его пытают, правды не скажет» (СИРИО. Т. 68. С. 117).

¹⁸⁵ Словарь Академии Российской. Ч. III. Стб. 338.

¹⁸⁶ Там же. Стб. 339.

¹⁸⁷ Екатерина II. Избранное. С. 49.

тавлял силу и безопасность» государю, гарантируя его устойчивость на троне¹⁸⁸.

Апеллирование к «милосердию» и «милости» — один из основных идеологических лейтмотивов екатерининского царствования. Уже первые именные указы Екатерины II свидетельствовали о том, что именно милость, а не строгость должна стать направляющей силой пенитенциарной политики нового правительства. 30 июня 1762 г. был обнародован именной указ, изданный с целью пресечения начавшихся в Санкт-Петербурге после переворота 28 июня погромов кабаков¹⁸⁹. Ссылаясь на «Наше природное милосердие» и «любовь к... верноподданным», Екатерина II предписывала прекратить погромы, заявляя, что в противном случае «Мы будем доведены строгостию то сокращать, что желаем всегда исправлять единым Нашим материнским попечением», которое есть забота «об истинном Наших верноподданных блаженстве», приравненном в данном случае к «сохранению рассудка, умеренности и воздержания»¹⁹⁰.

Схожие идеи присутствовали в преамбуле указа от 18 июля 1762 г., касавшегося прекращения лихоимства. Указ обещал, что для тех, кто добровольно оставит свою преступную деятельность и покается, не «строгость», столь характерная для русского уголовного законодательства, а «милосердие» может стать направляющей силой при вынесении приговоров¹⁹¹. Та же идея была повторена в преамбуле к Милостивому манифесту, изданному 22 сентября 1762 г. в честь коронации Екатерины II, где конечной целью наказания впервые в истории русского уголовного права объявлялось исправление преступников и приведение к раскаянию «сердец их поврежденных» посредством «милосердия» и «соболезнования»¹⁹².

¹⁸⁸ *Екатерина II. Избранное.* С. 50.

¹⁸⁹ *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С.68.

¹⁹⁰ ПСЗРИ 1. Т. 16. № 11584.

¹⁹¹ Там же. № 11616.

¹⁹² Там же.

В отличие от подобного манифеста Елизаветы Петровны, изданного 15 декабря 1741 г., в котором в качестве мотивационного обоснования его принятия фигурировали чисто субъективные причины «многолетнего здравия» и «благополучного царствования» новой императрицы¹⁹³, Екатерина II связывала манифест с необходимостью поддержания правопорядка в стране, объявляя «милосердие» своим «долгом ... к правосудию»: «Объявляем всенародно. Чтоб познали все Нам верноподданные, сколь далеко простирается Наше Матернее милосердие, то при совершившемся Нашем торжественном короновании и миропомазании, сохраняя, сколь возможно, долг Наш к правосудии, восхотели Мы участниками сделать общей радости впадших в разные преступления, дабы и те, видев, что Мы не строгостию законов (которая всегда будет в крайности и последнее от Нас преступникам оных исправление), но прямым соболезнованием о них и милосердием, желаем сердца их поврежденные возбудить к раскаянию и обратить на путь истины»¹⁹⁴.

«Кротости» наряду с «мудростью» и «силой» следовало стать одним из «оснований» самодержавия. Если «мудрость» запрещала «учинить несправедливое» или отказать кому-либо в «правом суде», то «кротость» мыслилась как начало, «споспешествующее тому же добру», но иными «способами», характер которых не определялся. Задача «силы и власти» состояла в том, что приводить «то и другое в действие»¹⁹⁵.

Впоследствии ссылки на «милосердие» и характеристика Екатерины II как «милостивой» и «милосердной» становятся постоянной темой законопроектов и законодательных постановлений¹⁹⁶ императрицы¹⁹⁷. При этом они

¹⁹³ ПСЗРИ 1. Т. 11. № 8263.

¹⁹⁴ Там же. Т. XVI. № 11667.

¹⁹⁵ *Екатерина II*. Избранное. С. 655.

¹⁹⁶ ПСЗРИ 1. Т. 17. № 12560–12561, 12600, 12659 (гл. 32, п. 25), 12673 и т.д.

¹⁹⁷ См., к примеру, проект Екатерины II «Криминальной главы материалы»: «Все гражданские узаконения, коим известные на земли края правятся, суть основаны на правилах, принятые до рождества Христова, когда еще неиз-

выходили за рамки риторических формул: при передаче Сенатом на утверждение Екатериной II приговоров, касавшихся впадших в преступление дворян или смертной казни, она во всех случаях смягчала предлагавшиеся санкции¹⁹⁸.

«Поставляя милосердие за основание законов» и этим «открывая дорогу к достижению правосудия», Екатерина как «Мать Отечества»¹⁹⁹ не могла обращаться к «любезным подданным» на языке угроз. В этом контексте термин *розыскной* не отвечал задачам сохранения «благоденствия, тишины и спокойства Государственных»²⁰⁰, которые в «Наказе» ставились в прямую зависимость от «кроткого и снисходительного правления» (ст. 515)²⁰¹. Понятие о *розыске* также вступало в явный диссонанс с обозначенным в уголовно-правовой доктрине Екатерины II отказом от физического воздействия при проведении следствия.

В ранних заметках, затем в «Наказе» и проектах по обновлению уголовного права и процесса Екатерина II последовательно настаивала на необходимости уничтожить пытку²⁰². С точки зрения императрицы, при использо-

вестны были божественные правила: любить друг друга, как сами себя; не сотвори другому то, чего сам себе не желаешь; остави нам согрешения наши, яко же и мы оставляем должникам нашим; нет пригрешение, от которого чистым покаянием не можно б получить отпущение. Сей дух милосердие закона христианского должен быть чувствителен во всех гражданских узаконениях. И самы Иустинияновы права и прочих Царей Греческих были основаны не на сих правил, но на римских, кои не везде суровость отменяли» (*Екатерина II*. Избранное. С.368).

¹⁹⁸ Бабкова Г.О. Политика Екатерины II в области уголовного права и судопроизводства в 1762–1767 гг. // Фемис: Ежегодник истории права и правоведения. 2003. М., 2003. Вып. 4. С. 49–58; Она же. «Милосердие» и «милость» в уголовно-правовой доктрине Екатерины II (дело А. и В. Жуковых) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Курск, 2013. Вып. 5. Режим доступа: <http://www.ipp.kursku.ru/>, свободный (дата обращения 3.01.2014).

¹⁹⁹ См.: Schierle J. Patriotism and Emotions: Love of the Fatherland in Catherinian Russia // *Ab Imperio*. 2009. № 3. P. 65–93.

²⁰⁰ ПСЗРИ 1. Т. 17. № 12801.

²⁰¹ *Екатерина II*. Избранное. С. 515.

²⁰² См., к примеру, «Криминальной главы материалы»: «Естьли винится, зачем пытать. Наказать должно то, что ясно по законам; неприлично лиха думать о человеке, когда нету подозрения, и для того перестать спрасить, не учи-

вании пыточных методов законы лишали своей защиты человека невиновного, каковым он являлся до вынесения судебсого приговора. На практике рядом именных и сенатских указов января—февраля 1763 г., во-первых, было предписано «кровопротитие уменьшить» и приводить к «чистому признанию милосердием и увещеванием»²⁰³, во-вторых, разрешена только однократная пытка²⁰⁴, в-третьих, ограничено число инстанций, обладавших правом ее применять (только губернские и провинциальные канцелярии)²⁰⁵. Фактически об окончательном законодательном запрещении пытки в следственном процессе можно говорить после указа 13 ноября 1767 г., изданного Сенатом на основании собственноручного указа Екатерины II от 11 числа того же месяца. В соответствии с ним исключительное право решения вопроса об использовании пытки предоставлялось только лично губернаторам, которым следовало руководствоваться гл. X «Наказа», однозначно осуждавшей и запрещающей применение данного следственного метода²⁰⁶.

Если слово *розыскной* как эквивалент *криминальный* не только не способно было адекватно охарактеризовать основные начинания Екатерины II в области уголовного права и процесса, то понятие *преступнический* не отражало специфики деяний, направленных против «безопасности» граждан и «общего положения Государства».

V

В подготовительных материалах к «Начертанию о приведении к окончанию Комиссии проекта нового Уложе-

нил ли более – понеже сей вопрос доведет всякое дело до бесконечности» (Екатерина II. Избранное. С. 366). Проект «О узаконениях вообще»: «Подтверждается накрепко запрещение употребление пытки и пристрастных расспросов» (Там же. С. 649).

²⁰³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 4918. Л. 230 об.–231.

²⁰⁴ ПСЗРИ 1. Т. 16. № 11750.

²⁰⁵ Там же. Т. 17. № 12345.

²⁰⁶ Законодательство Екатерины II. М., 2000. Т. 2. С. 914. См. также: Бабкова Г.О. Политика Екатерины II в области уголовного права. С. 60–73.

ния» Екатерина II указывала, что «в деле уголовном или четвертого рода преступлений иском особенному человеку быть не следует», «чинить» взыскание могли только «определенные от правительства люди, которые потому делаются народными мстителями»²⁰⁷. Указанный пассаж не вошел в окончательную редакцию «Начертания...», в соответствии с которой уголовные дела могли возбуждать: 1) «народные мстители, и кои на то смотрят, чтоб исследовано и наказано было преступление в нарушении безопасности общего положения Государству или положения гражданину»; 2) «особенный человек». Последнее имело место «по одному только делу гражданскому, которое смешалось с уголовным». Данные деликты надлежало «весьма осторожно различать». Далее она особо подчеркивала, что «судебный обряд дел преступительных» должен был быть «единообразен с судебным обрядом гражданским»²⁰⁸. Таким образом, императрица, с одной стороны, разграничивала «уголовные» и «гражданские» правонарушения по принципу возбуждавшего дело субъекта, а с другой — вводила категорию дел «преступительных», которые отмежевывались от гражданских проступков.

Слово *преступительные* употреблялось в «Начертании...» трижды в сочетании «преступительные дела» (2 раза) и «действие преступительное» (1 раз). Екатерина предписывала комиссии «О правосудии вообще» в «делах преступительных» иметь «зерцалом» гл. VII «О законах подробно» «Наказа». Речь шла о статьях «Наказа», которые подразделяли преступные акты «на 4 рода»: 1) «против закона и веры»; 2) «противу нравов»; 3) «против тишины и спокойства»; 4) «против безопасности граждан» (ст. 69–72)²⁰⁹. В начале части «Г» «Начертания...» Екатерина II не только воспроизвела указанную классификацию, но и дала общее опре-

²⁰⁷ Цит. по: Флоровский А.В. Два произведения императрицы... С. 11.

²⁰⁸ Екатерина II. Избранное. С. 274.

²⁰⁹ Там же. С. 121.

деление преступлений как «дел, колеблющих общий порядок»²¹⁰. В данном контексте «дела преступительные» использовались как «общий» для всех четырех родов преступлений концепт и включали «дела уголовные», которые в черновых редакциях «Начертания...» были отнесены к правонарушениям четвертого типа, т.е. «против безопасности граждан». В белой редакции в них также были включены посягательства на «безопасность общего положения Государства»²¹¹.

В проектах более позднего периода Екатерина II синтезировала понятия *уголовный* и *преступнический*, введя сочетание *уголовное преступление*. В законодательных актах оно впервые фигурирует в «Учреждениях для управления губерний» 1775 г. наряду со связками «уголовное дело», «уголовный суд», «палата уголовного суда». Как родовое определение нарушения закона *уголовное преступление* впервые фиксируется в проекте «Уголовного уложения», над которым императрица работала во второй половине 1770-х—1780-е гг.²¹², активно используя труд английского правоведа Уильяма Блэкстоуна «Комментарии на английские законы»²¹³.

Обращение к «Учреждениям для управления губерний», в создании которых императрице принадлежала «конкретная идея и непосредственная разработка» и проекта, и окончательного варианта закона²¹⁴, а также к проекту «Уголовного уложения» позволяет восстановить набор смыслов, которые Екатерина II вкладывала в термин *уголовный*.

²¹⁰ Екатерина II. Избранное. С. 273.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же. С. 370–448.

²¹³ См.: Бабкова Г.О. Проект «Уголовного уложения» Екатерины II и «Комментарии на английские законы» У. Блэкстоуна. Проблема трансфера // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.) / Под ред. М.Г. Муравьевой. СПб., 2011. С. 229–245; Она же. Реформы Екатерины II в области уголовного права в сравнительной перспективе: проект «Уголовного уложения» и «Комментарии на английские законы» У. Блэкстоуна // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): Сб. статей. СПб., 2013. С. 270–289.

²¹⁴ Омельченко О.А. «Законная монархия». С. 267–268.

В гл. VI «Учреждений...», определяя сферу компетенции палаты уголовного суда, императрица отнесла к ней «уголовные дела и следственные дела в преступлении должности», трактуя первые в том же смысловом ключе, которой затем был закреплен в «Словаре Академии Российской», т.е. как преступления, «кои подвергаются обвиняемого лишению жизни или чести»²¹⁵. В «Учреждениях...», однако, значение понятия *уголовный* расширяется. Екатерина II, во-первых, вводит связку *уголовное преступление*, а во-вторых, предлагает использовать ее для характеристики противоправных деяний, подлежащих не только смертной казни, но и телесным наказаниям. В гл. VII императрица выстраивает субординационную систему соподчинения судебных органов, которые должны были заниматься расследованием уголовных преступлений.

Судебные инстанции нижнего уровня (уездный суд, городовые магистраты и ратуши, нижние расправы) имели право выносить «решительный» приговор только за те преступления, которые не относились к числу *уголовных*, т.е. не подлежали «ни лишению жизни, ни лишению чести, ни торговой казни». В этом случае они выполняли функцию сугубо следственного органа, занимавшегося только «изследованием» дела, которое должно было сопровождаться предложением основанного на «приличных» законах мнения. Вынесение окончательного приговора по делам подобного рода входило в юрисдикцию судебных органов следующего звена (верхний земский суд, городской магистрат или ратуша, верхняя расправа). Палата уголовного суда выполняла ревизионную функцию (ст. 110–113)²¹⁶.

Екатерина II, таким образом, относила к *уголовным преступлениям* те деяния, которые карались смертью, лишением чести и тяжкими телесными наказаниями. При этом она четко отделяла их от преступления должности.

²¹⁵ Законодательство Екатерины II. Т. I. С. 396.

²¹⁶ Там же. С. 397.

Анализ Черновой и Беловой редакций²¹⁷ главы о «личных» преступлениях проекта «Уголовного уложения» позволяет проследить характер эволюции смыслового наполнения связки *уголовное преступление* в представлении императрицы.

Уяснить суть помогает черновой вариант названия раздела уложения о преступлениях против жизни и здоровья индивидуумов — «О преступлении противу человека и нарушении естественного закона правочении и общества»²¹⁸. Это название перекликается с началом гл. 14 «Об убийствах» т. 4 «Комментариев на английские законы» У. Блэкстоуна. В нем английский правовед теоретически обосновывает необходимость наказания покушений на жизнь и права личности со стороны государства. С его точки зрения, посягательства на частное существование отдельных индивидуумов входят в сферу государственной, а не частной юрисдикции в силу нескольких причин. Во-первых, проступки данного рода нарушают и естественные, и политические законы. Во-вторых, они могут подать дурной пример и, как следствие, иметь пагубные последствия для общественного спокойствия в целом²¹⁹.

В законодательных и законопроектных разработках Екатерины II сочетание *уголовное преступление* имело двойное значение. В широком смысле оно определяло все преступные посягательства на закон. Это подтверждает общая «шапка» для всех перечисляемых в проекте «Уголовного уложения» правонарушений — «уголовное преступление против всенародного права», «уголовное преступление против самодержавной власти» и т.д.²²⁰ Все криминализируемые в проекте уложения деяния относились к уголовным преступлениям совершенно вне

²¹⁷ О редакциях проекта см.: Бабкова Г.О. Проект Уголовного уложения императрицы Екатерины II // Фемис. Вып. 4. С. 157–159.

²¹⁸ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 703. Л. 63.

²¹⁹ Blackstone W. Commentaries on the laws of England by sir. W. Blackstone: In 4 vols. London, 1809. Vol. 4. P.176.

²²⁰ См.: Екатерина II. Избранное. С. 370, 371, 373, 375 и т.д.

связи с характером санкции, которая могла включать весь спектр существовавших в то время наказаний — от смертной казни до тюремного заключения и даже вынесения оправдательного приговора. В узком понятийном ключе термин *уголовный* прилагался к тяжким покушениям на жизнь и имущество индивидуума.

Таким образом, в рамках законопроектов Екатерины II термин *уголовный* и спектр его коннотаций эволюционировали. Слово *уголовный* и связка *уголовное преступление* стали использоваться не для характеристики наказаний, которые влекло совершение деликта, а как общее родовое понятие, определяющее посягательства на закон. Данное смысловое наполнение было зафиксировано в собственноручном проекте Екатерины II «Порядок исследования и суда уголовного дела» (1775–1780-е гг.). В ст. 437 проекта императрица поясняла, «что есть уголовные преступления»: «Уголовные преступления суть действия наивысше законом запрещаемыя, либо неисполнение наивысше законом предписанное, касательно тишины, спокойствия и безопасности общества или граждан...»²²¹.

Появление концепта *уголовное преступление* в области уголовного права свидетельствовало о качественной трансформации правового языка в целом. Как литературный язык должен был обладать универсальностью и полифункциональностью²²², так и язык уголовно-процессуального законодательства призван был унифицировать все возможные разночтения в определении и толковании преступных деяний и полагавшихся за них санкций. Языковая новация вводилась через синтез уже существовавших в правовом узусе терминов, значения которых «объединялись» и актуализировались²²³. Новый спектр коннотаций не исключал многозначности, но делал все

²²¹ РГБ НИОР. Ф. 222. Карт. XVIII. Д. 6. Л. 2 об.–3.

²²² Живов В.М. Язык и культура. С. 14.

²²³ Бёдекер Х.Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор / Под ред. Х.Э. Бёдекера. М., 2010. С. 43.

возможные употребления кодифицированными. В представлении законодателя, стремившегося очистить язык правоотношений от заимствований и тем самым поставить его в один ряд с европейскими языками, слово *уголовный* и его производные несли достаточную «древность»²²⁴, чтобы быть понятными для всех и гарантировать единство словоупотребления и правоприменения в системе судопроизводства. Являясь частью «сознательной языковой политики»²²⁵, «вновь составленное»²²⁶ словосочетание должно было выполнять «идеологическую функцию»²²⁷, на уровне юридической терминологии эксплицируя основные задачи власти в уголовно-процессуальной сфере.

Изменения в языке права выступали «индикаторами» социальных сдвигов²²⁸. Криминализируя преступные посягательства на закон и увязывая их с сохранением личной безопасности подданных и их прав собственности, власть, с одной стороны, утверждала новые значения, свидетельствующие о переориентации государственной политики в сторону защиты отдельного индивидуума, а с другой — формировала горизонт ожиданий общества нового времени.

²²⁴ Дискуссия о допустимости слов иностранного происхождения развернулась при составлении «Словаря Академии Российской». В результате было принято решение отдавать приоритет «славенским и российским» словам. Екатерина II приняла участие в обсуждении. С ее точки зрения, следовало «избегать всевозможным способом слов чужеземных, а наипаче речений, заменяя оные или древними, или вновь составленными» (Цит. по: *Чернышева М.И.* Построение Словаря Академии Российской // Альманах исследователей Словаря Академии Российской. 2006. Сентябрь–декабрь. С. 2–3).

²²⁵ *Живов В.М.* Язык и культура. С. 25.

²²⁶ Цит. по: *Чернышева М.И.* Построение Словаря. С. 3.

²²⁷ *Живов В.М.* История русского права. С. 270.

²²⁸ *Живов В.М.* Язык и культура. С. 17; *Миллер А.И., Сдвижков Д.А., Ширле И.* «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие // «Понятия о России». С. 11.

Дело о взятках во Владимирской губернии.
1780-е гг.

Через несколько лет после начала Губернской реформы 1775 г. императрица Екатерина II, желая ознакомиться с ее первыми результатами, повелела сенаторам различных департаментов провести ревизии деятельности местных органов власти в новых наместничествах. Так, в 1781 г. сенаторы граф А.С. Строганов и П.В. Завадовский осматривали присутственные места С.-Петербургской губернии, в 1784 г. граф А.Р. Воронцов отправился с ревизией в Рижскую и Ревельскую губернии. Чуть позже вместе с графом А.П. Шуваловым он инспектировал Выборгскую, Саратовскую и Архангельскую губернии. В конце 1784 г. указ о проверке Владимирского, Костромского и Ярославского наместничеств получили сенаторы пятого Московского департамента Сената князь М.М. Щербатов и Н.И. Маслов. Помимо интереса к работе местных органов власти был еще один повод отправить сенаторов с ревизией во Владимир: расследование дела о взятках во время проведения там рекрутских наборов 1782 и 1783 гг. и о других финансовых нарушениях, в которых оказались замешаны высшие чины Владимира — правитель Владимирского наместничества «в должности губернатора» Александр Борисович Самойлов и вице-губернатор князь Дмитрий Михайлович Ухтомский.

Подобные сенатские комиссии или комитеты для расследования злоупотреблений должностных лиц в провинции не являлись редкостью для XVIII в. Начиная с петровских времен, они создавались регулярно и были призваны восполнить недостаток фискальных органов и неэффективность работы надзорных учреждений. Как писал Ю.В. Готье, «следственные комиссии назначались тогда, когда не было надежды, что дело может быть правиль-

но разобрано и расследовано нормальными средствами»¹. Одно из наиболее известных дел о взятках высших чинов петровского времени — дело сибирского губернатора князя М.П. Гагарина, длившееся несколько лет с применением пыток и закончившееся его казнью в 1721 г. Несмотря на это громкое дело и на тот страх, который должны были внушать нечистым на руку чиновникам следственные комиссии, результаты их действий оказались незначительными. Удаленность от столицы, отсутствие дорог, страшная волокита в государственных учреждениях, в том числе центральных и высших (дела длились годами, а иногда и десятилетиями), непрофессионализм и нечестность самих следователей («следствие доверялось тем же людям, которые случайно попадали в следователи, как случайно могли попасть и под следствие») — все это создавало благоприятные условия для лихоимства на всех уровнях. По сути, задача комиссий сводилась лишь к тому, чтобы «иногда положить предел слишком беззастенчивой деятельности и слишком далеко заходившим увлечениям»².

Придя к власти в 1762 г., императрица Екатерины II уже менее чем через месяц, 18 июля, издала указ «Об удержании судей и чиновников от лихоимства». В следующем году она, видя, что ее подданные, особенно в удаленных от столиц местах, продолжают «во всеконечное разорение и нищенство приходить» от «насилия и лихоимства, или лучше сказать от самих грабежей», попыталась изменить ситуацию, наполнив присутственные места честными и порядочными людьми³. Вместе с этим были организованы новые сенатские комиссии в разные губернии. В 1763 г. по инициативе императрицы сенатор князь Я.П. Шаховской обследовал Ярославскую, Ростовскую и Переславскую воеводские канцелярии. В 1766 г. про-

¹ Готье Ю.В. Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII веке // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909. Ч. 1. С. 106.

² Там же. С. 151.

³ ПСЗРИ 1. Т. 16. № 11616, 11988.

водилась ревизия в Смоленской, Белгородской и других губерниях. В Белгородской губернии удалось изобличить и наказать 39 чиновников, замешанных в «неуказном винокуреннии», в том числе и губернатора Г.И. Шаховского, который был отстранен от службы, выслан в «свои деревни» на 14 лет и получил запрет на въезд в Белгородскую губернию⁴. Злоупотребления не прекратились и позднее, в 1770–1790-х гг. (Астраханская, Костромская, Рязанская и другие губернии), т.е. уже после проведения Губернской реформы. Екатерина II надеялась на то, что это «болезнь роста новых учреждений, которая со временем должна прекратиться»⁵. Между тем должностные злоупотребления в губерниях и работа сенатских комиссий екатерининского времени не часто становились предметом специальных исследований⁶. Значительно лучше этот вопрос в историографии изучен применительно к следующему столетию⁷.

Осмотр Владимирского, Костромского и Ярославского наместничеств длился чуть больше месяца, с 6 января по 8 февраля 1785 г. На протяжении всего путешествия М.М. Щербатов и Н.И. Маслов вели подробный журнал,

⁴ Указ Екатерины II Сенату «О наказаниях за взятки и лихоимство» // ПСЗРИ 1. Т. 17. № 12781; *Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: Структура и состав государственного аппарата. Дисс. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2003. С. 235.

⁵ *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 474.

⁶ *Она же.* Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // *Человек.* 1995. № 3. С. 121–139; *Она же.* К истории взяток в России // *Отечественная история.* 2002. № 5. С. 33–49; *Акишин М.О.* Российский абсолютизм...; *Теряева Е.В.* Должностные злоупотребления провинциального чиновничества в конце XVIII – первой половине XIX века (По материалам Орловской губернии) // *Вестн. ТГУ.* 2009. Вып. 2 (70). С. 127–134.

⁷ См., напр.: *Рыков Д.С., Ильичев В.В., Пузанов Ю.П.* Результативность и эффективность сенатских ревизий как средства надзора за деятельностью административных и правоохранительных органов XIX – начала XX века // *Вестн. Санкт-Петербургского ун-та МВД России.* 2006. № 4 (32). С. 72–78; *Бикташева А.Н.* Надзор и наказания губернаторов (первая половина XIX в.) // *Научные ведомости БелГУ.* 2007. № 3 (34). С. 103–109; *Теряева Е.В.* Должностные злоупотребления провинциального чиновничества в конце XVIII – первой половине XIX века (По материалам Орловской губернии) // *Вестн. ТГУ.* 2009. Вып. 2 (70). С. 127–134.

в котором ежедневно фиксировалась проделанная работа с точным указанием маршрута, времени прибытия и выезда из каждого города. Сенаторами был собран уникальный материал о деятельности таких учреждений, как Казначейство, Городовой магистрат, Дворянская опека, нижние земские и уездные суды, Уголовная, Гражданская, Казенная палаты, а также сведения о нуждах и чаяниях этих учреждений⁸.

Поскольку в указе императрицы не оговаривалось, какие именно города необходимо посетить, выбор оставался за сенаторами: «кои на пути нашем будут, или же которые (поселения. — С.К.) по состоянию их рассудим посетить». В результате были осмотрены более 10 городов указанных губерний, часть из которых получила соответствующий статус как раз в результате Губернской реформы: Переславль-Залесский, Петровск, Ростов, Романов, Борисоглебск, Ярославль, Кострома, Нерехта, Суздаль, Владимир и Покров.

Примечательно, что, видимо, поначалу в этих губерниях ничего не знали о грядущей ревизии и совершенно к ней не готовились, так как, приехав 7 января в деревню Лисавы Александровского уезда Владимирской губернии, сенаторы не застали представителя местной власти — старосты, который находился в отъезде, и им пришлось иметь дело с его братом. Даже в уездном городе Переславле-Залесском они остались не только «без сопровождения по должности определенных чинов», но и без подготовленного им ночлега, почему «за не приуготовлением дома, приняты были в дом купца Угрюмова». Однако очень скоро весть о ревизорах и, видимо, об их маршруте распространилась по всем трем губерниям, так что уже на границе Петровского уезда они были встречены местным исправником, а по приезде в сам город Петровск — «всеми чинами». И так продолжалось до конца поездки: по территории уездов сенаторы передвигались в сопровождении местных исправников, а в городах их встречали чиновники. За исключе-

⁸ ОР РНБ. Эрмитажное собрание. № 452. Л. 1–10; № 116. Ч. 1, 2, 8.

нием, впрочем, Костромы, где они не были встречены ни исправником на границе губернии, ни местными чиновниками в самом городе.

О том, что во Владимире не все ладно, Екатерине II стало известно осенью 1784 г. из доклада Сената и лично генерал-прокурора князя А.А. Вяземского. Еще в марте в Сенат поступила бумага, в которой находившиеся на губернаторской должности во Владимире Александр Борисович Самойлов и губернский прокурор Сергей Семенович Молчанов заявляли о пропаже суздальского соляного пристава Василия Степановича Нарбекова. При проверке в суздальских магазинах наличия соли оказалось, что в 1782 и 1783 гг. приставом было продано 15 832 и 19 550 пудов соли соответственно, а всего — 35 382 пуда, в то время как в 1781 г. он продал 39 902 пуда. Таким образом, как писали Самойлов и Молчанов, было налицо хищение соли и присвоение казенных денег. По этому делу губернатор поспешил начать следствие в Суздальском уездном суде, в ходе которого было опрошено 30 человек. В их числе были люди Нарбекова — дворовые Карп Гаврилов и девка Ирина, а также суздальский купец Спирин. Среди прочего они показали, что до назначения Нарбекова на должность соляного пристава он имел только дом и дворовую девку, а после «покупал на наличные деньги деревню, дворовых людей и девок, раздавал по вексям и по письмам купцам и церковнослужителям деньги, родственникам своим покупал дома недешовою ценою», посылал суздальскому городничему Луке Алексеевичу Воронцову «медною монетою мешков с пятью» и в итоге дал ему в долг 4 тыс. руб.⁹

Как ни пытались власти сыскать Василия Нарбекова, ничего у них не получалось, пока он сам в сентябре 1784 г. не подал в Сенат на имя генерал-прокурора, а также во Владимирскую казенную палату и в Суздальский уездный суд «доношения», в которых изложил свою историю. Вскоре после этого его арестовали и препроводили прямо

⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2670. Л. 9 об.—10 об.

в дом генерал-прокурора, а затем в Тайную экспедицию Сената для дачи показаний. Обращает на себя внимание оперативность, с которой дело по «доношениям» суздальского чиновника было пущено в ход. Арестован он был 15-го числа, 16-го, после разговора с А.А. Вяземским, его отправили в Тайную экспедицию, а на следующий день отвечал на вопросы следователей.

Показания В.С. Нарбекова представляют интерес в силу того, что они положили начало многолетнему разбирательству финансовых нарушений во Владимире и стали причиной создания специального сенатского комитета. Именно во время допроса соляного пристава впервые была упомянута фамилия губернатора А.Б. Самойлова и других высоких чинов губернии, которые также впоследствии оказались фигурантами расследования. Показания В.С. Нарбекова явились ниточкой, дернув за которую, следствие начало распутывать целый клубок неправомερных действий местных чиновников. Поэтому имеет смысл рассказать об этих показаниях подробнее.

Трагическая история пристава удивительна и замечательным образом характеризует взаимоотношения в среде провинциального русского чиновничества середины — второй половины XVIII в. На момент ареста Василию Степановичу Нарбекову было «с лишком» 70 лет — возраст более чем почтенный. Происходил он из новгородского дворянства: его дед и отец — дети боярские при архиерейском доме. Службу он начал приказным служителем у новгородского архиерея, а в 1753 г. поступил в Азовский полк ротным писарем. Затем, уже в чине сержанта, его взяли генеральным писарем к генерал-майору П.Г. Племянникову, вместе с которым он участвовал в Семилетней войне 1756—1763 гг. После возвращения в Россию «в числе прочих инвалидов» Нарбеков был определен в Суздальскую воеводскую канцелярию, затем перевелся там же, в Суздале, в казначейство, где и прослужил около трех лет. Сразу после образования в 1777 г. Ярославского наместничества он был определен местным генерал-губернатором А.П. Мельгуновым

протоколистом в Ярославскую Верхнюю расправу, а на следующий год по своей просьбе переведен владимирским генерал-губернатором графом Р.И. Воронцовым секретарем в Киржачский уездный суд. Через полгода открылась новая должность — соляного пристава в Суздале, которую Нарбеков и занял в декабре 1780 г.

Как видно, пристав не отличался постоянством, долго не засиживался на одном месте, пытаясь хоть и медленно, но все-таки двигаться по служебной лестнице. Реформа 1775 г., повлекшая за собой образование множества новых учреждений на местах, открывала неплохие перспективы для карьерного роста местных чиновников. Поняв это, Нарбеков пытался устроиться как можно лучше.

Проработав более года соляным приставом в Суздале, он в очередной раз решил попытаться улучшить свое положение и обратился к местному городничему гвардии прапорщику Луке Алексеичу Воронцову, дабы тот «спросил» для него чин у генерал-губернатора графа Р.И. Воронцова. Городничий выполнил просьбу пристава и во время обеда по случаю приезда генерал-губернатора в Суздаль рекомендовал его как «доброего человека», «добропорядочно исправлявшего должность свою». Граф предложил Нарбекову приехать к нему во Владимир и привезти свой послужной список для представления в Сенате. Этот разговор во время обеда в доме городничего слышал также советник Казенной палаты ассессор Петр Алексеич Шаблыкин, который, будучи по должности начальником Нарбекова, сыграл в его судьбе роковую роль.

Пока Р.И. Воронцов после обеда был занят сборами в обратную дорогу, Шаблыкин отозвал Нарбекова в сторону и «наедине» сказал ему: «графу теперь нужда в деньгах, то ты должен дать ему две тыс. руб., а если не дашь, то лишишься его милости». На возражение пристава, что таких денег у него нет, Шаблыкин ответил: «ты можешь дать из соляных денег и получа оные от графа обратно, положить опять в казну». Не видя в этом ничего плохого — не для себя же он берет, для графа, в долг, Шаблыкин,

кроме того, заверил, что граф его за это «не оставит», — Нарбеков согласился и через неделю отвез Шаблыкину во Владимир требуемые 2 тыс. руб., а затем вернулся в Суздаль ожидать возвращения долга. Но вместо этого через несколько месяцев он был вновь вызван во Владимир, где Шаблыкин заявил ему, что Р.И. Воронцов должен ехать в Санкт-Петербург, в том числе и за обещанным ему чином, и ему опять необходимы деньги. На этот раз — 3 тыс. руб., которые Нарбеков и привез спустя несколько дней. Вернувшись из столицы, генерал-губернатор объявил соляному приставу о пожаловании ему чина коллежского секретаря и, поздравив, сказал ему: «будь доброй и честной человек и должность свою исправляй порядочно, тако будешь награжден и другим чином». Обрадовавшись своему счастью и перспективе получить в дальнейшем новые чины, В.С. Нарбеков вернулся в Суздаль.

Однако на этом вымогательства не закончились. Более чем через полгода, весной 1782 г., по дороге из Владимира в Кострому граф Воронцов в сопровождении Шаблыкина заехал в Суздаль. Обрадованный ожидаемым возвратом долга, Нарбеков встретился с Петром Алексеевичем, который, вопреки ожиданиям, и на этот раз потребовал с несчастного пристава очередные 2 тыс. руб. «Помилуйте, — уже не на шутку испугался Нарбеков, — если граф переменится или что-нибудь сделается, так где я возьму эти деньги?». Но либо Шаблыкин отлично умел уговаривать, либо пристав оказался доверчив сверх меры и не имел твердости сказать «нет», требуемые деньги были предоставлены. Общая сумма долга достигла уже 7 тыс. руб., и это обстоятельство со временем стало пугать Нарбекова. Генерал-губернатор был уже не молод, в 1782 г. ему исполнилось 75 лет. Василий Семенович прекрасно понимал, что в случае кончины Воронцова его положение окажется просто катастрофическим. Не имея возможности противиться напору Шаблыкина и не смея донести на своего начальника, он выбрал единственный представлявшийся ему возможным выход из данной

ситуации — отставку. Но, что интересно, не окончательную, хотя самому тоже уже было около 70 лет.

Нарбеков пожелал добиться перевода на другую, более спокойную должность расправного судьи. И обратился с этой просьбой... к Шаблыкину. Тот обещал выхлопотать желаемую должность у генерал-губернатора. И слово свое сдержал: Пристав был определен расправным судьей, но не в Суздаль, а в Ковров. Для перепуганного Нарбекова это не имело никакого значения, он с радостью стал собирать пожитки и готовиться к переезду. Однако терять «своего человека» на столь доходном месте не входило в планы Шаблыкина, и он отправился в Ковров. Неизвестно какими способами (можно лишь о них догадываться), он устроил дело так, что, несмотря на распоряжение генерал-губернатора, Нарбекова в Коврове не приняли. Узнав об этом, пристав, не заезжая домой, прямо из Коврова отправился во Владимир к Шаблыкину и с ужасом говорил ему: «я и никакова места не хочу, только пожалуйте, возвратите взятые вами у меня казенные деньги». Шаблыкин достаточно грубо оборвал его, велел ехать в Суздаль и ждать его приезда дома.

Прошли еще полгода. Шаблыкин приехал в Суздаль осенью 1782 г. и объявил приставу, что граф Р.И. Воронцов готовит ему новое назначение и представление на новый чин. Но ему опять нужны деньги, на этот раз 3 тыс. руб., которые, равно как и предыдущие 7, как только у него будет возможность, он тут же вернет. Еще через несколько недель Шаблыкин купил для генерал-губернатора небольшую «деревнишку», которую с основными землями графа разделяла небольшая деревня в 17 душ, к несчастью, принадлежавшая В.С. Нарбекову. Шаблыкин предложил приставу продать эту деревню за 3 тыс. руб., но тот, справедливо опасаясь очередных сделок с ним, отказался. Однако, как и ранее, Шаблыкин добился своего, заметив приставу: «глупой человек, как тебе владеть деревней пришлось через полосное владение с графскими крестьянами, они твоих станут обежать, так разве ты станешь ссориться с графом, а

лучше, как возьмешь деньги, то купишь деревнишку в другом месте». Нарбеков подчинился, а денег за деревню, разумеется, не получил. К сожалению, в документе не указывается название проданной Нарбековым «деревнишки», но в материалах VI Департамента Сената сохранилась запись, согласно которой 27 июля 1783 г. Р.И. Воронцов купил у него «сельцо Хлебницы, да пустошь Сватовице», но не за 3, а за 1 тыс. руб. Сам же Нарбеков за несколько месяцев до этого, 17 февраля, купил Хлебницы у поручика И.И. Дубровского, но на 500 руб. дороже, т.е. за 1500 руб. Примечательно, что за три дня до продажи Нарбековым Хлебниц Воронцову, последний купил у того же И.И. Дубровского село Санково, в состав которого входила купленная ранее «деревнишка» Хлебницы. И в этой последней сделке посредником между И.И. Дубровским и Р.И. Воронцовым выступил П.А. Шаблыкин¹⁰. Таким образом, с большой долей уверенности можно говорить о том, что речь идет именно о том имени, на продаже которого настоял Шаблыкин (расхождение в дате скорее всего является ошибкой в показаниях В.С. Нарбекова в Сенате). Очевидно, что Шаблыкин выступал посредником у Р.И. Воронцова в его сделках с недвижимостью. Также очевидным становится тот факт, что В.С. Нарбеков согласился на эту сделку не в последнюю очередь потому, что П.А. Шаблыкин обещал за деревню сумму, в 2 раза превышавшую ту, которую тот заплатил И.И. Дубровскому, и явно превышавшую реальную стоимость деревни. Из чего можно сделать вывод, что отдавать эти деньги Шаблыкин не собирался.

Тут, наконец, Нарбеков понял, что спрашивать с Шаблыкина бесполезно, сам он деньги не отдаст, и стал периодически ездить во Владимир с просьбами отдать ему казенные 10 тыс. и его личные 3 тыс. руб. Так прошел еще год, а осенью 1783 г. до Василия Семеновича дошли слухи, что генерал-губернатор болен. Нарбеков тут же

¹⁰ РГАДА. Ф. 264. Оп. 8. Д. 1. Л. 183 об., 192; Д. 8. № 11. Выражаю искреннюю благодарность В.Е. Борисову за указание на документы о сделках с недвижимостью во Владимирской губернии.

поехал во Владимир в надежде попасть к Воронцову и выяснить, знает ли он, что на его имя Шаблыкиным были взяты у него 10 тыс. казенных денег?

Вопрос о причастности генерал-губернатора Р.И. Воронцова к происходящим событиям очень сильно интересовал Тайную экспедицию Сената. Во время допроса об этом Нарбекова неоднократно спрашивали, но тот честно отвечал, что так и не смог этого для себя уяснить, а никаких прямых доказательств личного участия Воронцова в вымогательстве у него денег он не имел.

Несмотря на многочисленные попытки, Василию Семеновичу так и не удалось попасть к генерал-губернатору. Шаблыкин не отходил от Воронцова и сделал все, чтобы эта встреча не состоялась. Возможно, это свидетельствует о непричастности к делу графа. Ничего не добившись, Нарбеков вернулся в Суздаль, а через несколько дней Р.И. Воронцов умер. В отчаянии пристав снова поехал во Владимир и попытался добиться встречи с приехавшим туда сыном генерал-губернатора — Александром Романовичем Воронцовым. Однако первого, кого он увидел, переступив порог губернаторского дома, был Петр Алексеевич Шаблыкин, который на вопрос, зачем тот сюда явился, получил честный ответ: поговорить с графом о деньгах. Разумеется, проситель под благовидным предлогом был выдворен из Владимира и отправлен домой в Суздаль.

Между тем донести до А.Р. Воронцова мучавшую его проблему губернаторского долга Нарбекову удалось через суздальского земского исправника Петра Воронина. Тот передал графу, что по настоянию Шаблыкина соляной пристав продал Р.И. Воронцову имение, а деньги так и не получил. Про 10 тыс. казенных денег пристав побоялся сообщать через вторые руки. На следующий же день Воронцов приказал Нарбекову срочно приехать к нему домой и объяснить, в чем дело. Василий Семенович отправился во Владимир и по дороге зачем-то сам зашел к Шаблыкину, который, увидев его, «стал ругать непотребными словами, говоря: вот еще стал жаловаться, граф умер, так

и деньги твои умерли, да и тебя запру в едикул, то и ты умрешь». После этого Шаблыкин под караулом, чтобы не сбежал, отправил Нарбекова к владимирскому губернатору А.Б. Самойлову. Последний также набросился на перепуганного пристава со словами: «Что ты... наболтал графу?!» и велел писать А.Р. Воронцову письмо о том, что деньги он получил и никаких претензий к нему не имеет.

Нетрудно представить состояние Василия Семеновича Нарбекова. Он не мог держаться на ногах и на робкий отказ выполнить приказание губернатора получил: «Поди же, я тебе приказываю, напиши, ты будешь доволен, а не то сам останешься виноват!». Однако при всем желании Нарбеков уже не мог ничего писать: от волнения и страха у него дрожали руки. Письмо за него написали протоколист Уголовной палаты Лавров и приказной Степан, фамилии которого Нарбеков не запомнил. Содержание письма он также не смог вспомнить на допросе.

В отчаянии В.С. Нарбеков решил бежать из города или даже застрелиться. Через священника села Кохмы Никифора Иванова он узнал о раскольническом ските в селе Комарове Нижегородского наместничества, взял у него письмо к иеромонаху того скита и сбежал. Со второй половины XVII в. Нижегородская губерния являлась центром старообрядчества. Старообрядческие скиты, создаваемые в труднодоступных и глухих лесах Заволжья, на протяжении долгого времени служили надежным местом укрытия для беглецов¹¹. Так, только рядом с Комаровским скитом было более 30 обиталищ старообрядцев, в которых скрывалось множество беглых людей. Там не спрашивали ни паспортов, ни кто ты, откуда, от кого бежал, не заставляли насильно принимать их веру (из слов Нарбекова понятно, что его склоняли к переkreциванию, но он отказался, «ибо он того не желал», и его оставили в покое). Однако задерживаться у старообрядцев беглец не стал и,

¹¹ Русское старообрядчество: светское и церковное законодательство XVII–XVIII вв. Н. Новгород, 2008. С. 142.

не усмотрев «ничего в оном похожего на истину, кроме суеверия и непотребной жизни у живущих во оном», через три недели покинул скит и ушел сначала в Городец, а потом в Астрахань. Был он и на знаменитой ярмарке в Макарьеве (где, кстати, и купил пистолет с намерением в крайнем случае свести счеты с жизнью), и в Риге (в этом городе он очень выгодно продал городецкий холст, а на вырученные деньги купил местного бальзама), и в Нарве, и в других городах. Однако мысль об украденных, хоть и не по его воле, казенных деньгах не давала покоя Василию Нарбекову. В итоге он решил отправиться в столицу и попытаться принести повинную непосредственно императрице Екатерине II. Однако «нигде случая не улучил», «явиться к суду» побоялся, поэтому уехал в Кронштадт и послал свои признания А.А. Вяземскому, во Владимирскую казенную палату и в Суздальский уездный суд. Только затем он прибыл в столицу, где и был вскоре арестован.

Изложенная В.С. Нарбековым на допросе в Тайной экспедиции история скорее всего была правдивой. Из показаний допрошенного складывается образ порядочного, но слабого и безвольного человека, который в погоне за чинами оказался на «доходном месте» и не смог противостоять авторитету не чистого на руку начальника, тем более что тот прикрывался именем самого главного в наместничестве человека. Это в какой-то степени свидетельствует и о том положении, которое занимали старшие по чину и должности люди в сознании подчиненных. Такое положение позволяло им даже в тех случаях, когда их действия не отвечали букве закона, не сталкиваться с сопротивлением нижних чинов. За свою долгую служебную карьеру В.С. Нарбеков приобрел репутацию «доброго человека», он не получал взысканий, не был замечен ни в каких хищениях, и было бы странным предположить, что на склоне лет он решился бы на такую крупную кражу. Пристав утверждал, что все взятые им из казны деньги он передал П.А. Шаблыкину, а сам «ни одной копейкою не покорыствовался». По его словам, за всю свою долгую жизнь он

накопил небольшой капитал, имел каменный дом в Суздале, несколько крепостных людей, содержал постоянные дворы и даже какое-то время владел небольшой кожевенной фабрикой. Это позволило бы ему безбедно прожить до смерти (заметим, что в деле Нарбекова ничего не говорится о его семье: был ли он женат, имел ли детей и внуков).

Между тем упоминаемый в допросе В.С. Нарбекова разговор Петра Воронина с графом А.Р. Воронцовым очень заинтересовал последнего. Не имея возможности докопаться до истины у владимирских чиновников, граф был вынужден в октябре 1784 г. подать в Сенат челобитную, в которой просил разобраться в этом деле и «повелеть исследовать, дабы память покойного отца его тем самым по справедливости защищена была».

Примерно в то же время, т.е. летом 1784 г., в Московские департаменты Сената поступил рапорт из Владимирского наместнического правления «об открывшихся по здешнему наместничеству при бывших в 782-м и 783-м гг. рекрутских наборах непорядочных с экономических селениях отдачах рекрут, а при том и о неуказных издержках». В документе говорилось, что из отдельных сел и деревень, которые по закону должны были предоставлять одного рекрута, а некоторые, за малочисленностью, быть приписаны к другим селениям, забиралось по два-три человека, а сумма складочных денег (которыми откупались от рекрутской повинности) в несколько раз превышала законные размеры. Крестьяне приходили «в совершенное убожество» и терпели «пред прочими обиду и отягощение»¹².

Эта история получила большую огласку и, как говорилось выше, стала известна Екатерине II. Для выяснения обстоятельств, а также расследования других возможных «нарушений» 4 декабря 1784 г. императрица издала указ, согласно которому во Владимире создавался «отделенный из Сената комитет», в состав которого во-

¹² ГАВО. Ф. 93. Оп. 2. Д. 14. Л. 1–1 об.

шли сенаторы М.М. Щербатов и Н.И. Маслов, а также владимирский генерал-губернатор И.П. Салтыков¹³.

Прежде всего сенаторы, рассмотрев поступившие на губернатора А.Б. Самойлова и вице-губернатора Д.М. Ухтомского доносы, должны были взять с них письменные объяснения «и потом исследование учинить и мнение заключить на месте». Владимирской палате уголовного суда предписывалось начать расследование относительно замешанных в деле нижних чинов губернии.

Значительную часть проведенного во Владимире времени, сенаторы употребили на организацию следствия о взятках при проведении рекрутских наборов. Однако очень скоро выяснилось, что «отобранием ответов» от главных подозреваемых Самойлова и Ухтомского, как предполагалось ранее, дело не ограничится. В этой истории оказалось замешано большое количество «разных чинов» людей многих городов Владимирской губернии, а также многочисленные дворовые, слуги, крестьяне и т.д. Следствие растянулось на несколько лет.

В феврале 1786 г. по всем уездам Владимирской губернии были разосланы указы о сборе с местных предводителей дворянства сказок о рекрутских наборах 1782—1783 гг. с указанием понесенных при этом издержек и предписанием прислать эти сведения в комитет за подписью каждого предводителя. Губернатору А.Б. Самойлову приказывалось собрать подобную информацию с нижних земских судов, директоров домоводства, все подробно записать в журнале Наместнического правления и представить «для поднесения Ея Императорскому Величеству». Уездные предводители дворянства прислали требуемую информацию достаточно оперативно: уже через неделю по губернии были собраны 1903 сказки. Но губернатор тянул с поручением больше месяца. Когда, наконец, 12 марта документы были собраны, перед их отсылкой в Петербург члены комитета решили посмотреть записи в журнале, и оказалось, что вместо журнала в пакете лежал протокол, подписанный одним только Са-

¹³ РГАДА. Ф. 263. Оп. 2. Д. 50. Л. 550 об., 557.

мойловым, «а советниками правления не подписан и скрепы секретарской на нем нет»¹⁴.

Проволочка вскоре получила объяснение. Во время сбора сказок в Палату уголовного суда было подано «доношение» от винного пристава города Переславль-Залесского поручика Гаврилы Феоктистова¹⁵. Зная о работе сенатского комитета и генерал-губернатора И.П. Салтыкова по расследованию о взятках при проведении рекрутских наборов, следуя «долгу своему и по верноподданнической ко всемиловейшей государыне присяги», пристав решил донести следствию о следующем происшествии. 13 февраля (т.е. тогда, когда губернатор А. Б. Самойлов собирал требуемые от него сведения о рекрутских наборах) он вместе с заседателем Переславского нижнего суда Петром Матвеевичем Владимировым обедал на квартире отставного премьер-майора Никиты Андреевича Карташова. В это время в квартиру вошли слуга Владимира Алексей вместе с Анисимом, слугой переславского капитан-исправника Василия Сергеевича Янова, которые сказали, что последний под караулом препровожден в Уголовную палату. Вскоре в доме собрались и другие чиновники: переславский исправник Павел Крупенин и судогодский капитан-исправник Данила Федоров, которых, по словам Феоктистова, Карташов «уговаривал, чтобы они в отобрании сказок как можно не показывали справедливости». А самого Гаврилу Феоктистова он просил съездить к В.С. Янову и узнать, за что он посажен, а также передать, чтобы он «ничего не опасался: сколько не продержат, да выпустят, о чем и известно будет чрез Александра Борисовича и Ея Императорское Величество». Феоктистов, «слыша от него, Карташова, просьбу и их таковые, как прежде сего, так и тогда законам противные советы», хотел было послушаться, но якобы «с намерением тем, чтоб узнать еще больше и объявить его сиятельству» (т.е. генерал-губернатору И.П. Салтыкову),

¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 110. Д. 119. Л. 5–6, 7, 69–69 об.

¹⁵ Там же. Д. 120. Л. 14–30.

вместе с Д. Федоровым поехал в Уголовную палату. После долгого разговора с заключенным В.С. Яновым им вроде бы удалось убедить его последовать совету Н.А. Карташова. Однако Янова терзали сомнения. В ту же ночь в сопровождении канцеляриста Грязнова и караульного солдата он пришел в дом к Г. Феоктистову и признался ему: «Что-де делать не знаю, признаться — будет худо, а не признаться — так иногда мужиков станут требовать, так уличат, а хотя-де Никита Андреевич и уверяет нас, чтобы мы надеялись на Александра Борисовича, и что он во всем станет нам помогать, только Бог знает». Янов хотел даже остаться ночевать у Феоктистова, но последний не позволил.

Обращает на себя внимание простота, с которой к находящемуся под стражей в Уголовной палате заключенному можно было прийти в любое время и уговорить его на противоправные действия. Видимо, охрана этому никак не препятствовала. Современному читателю, безусловно, трудно себе представить также, что заключенный имел возможность свободно передвигаться по городу практически в любое время (по свидетельству Феоктистова, они явились к нему в 11—12 часов ночи!) и даже пытаться заночевать в гостях. Наличие одного или двух караульных солдат никак не ограничивало свободу передвижения. Между тем подобная практика для провинциального города XVIII в., где люди все более или менее знали друг друга, была совершенно обычна. Заключенных часто отпускали домой или в иные места по их делам, под караулом или нет, их могли навещать все, кому это было необходимо и в любое удобное время. Отчасти это объяснялось тем, что они содержались не за казенный счет как современные заключенные, а «на своем коште» и кормились тем, что им приносили из дома¹⁶.

Во время допросов практически все обозначенные в «доношении» Г. Феоктистова чиновники, прежде всего

¹⁶ Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. С. 249.

премьер-майор Н. А. Карташов, все отрицали и говорили, что они либо не слышали крамольных слов, поскольку те произносились «тихонько» и «наедине», либо не помнят, что говорилось. Только канцелярист Струнин показал, что еще до ареста В.С. Янова Карташов четыре раза посылал его к нему домой сказать, чтобы тот «ничего не боялся и не робел, дело де будет известно чрез Александр Борисовича и Ея Императорское Величество, а только де ево Янова страшают, а чину не лишат, он де штабс-офицер». За это Карташов обещал Струнину «при отставке выпросить у его превосходительства Александра Борисовича Самойлова чин коллежского регистратора». Бывая дома у Карташова, Струнин часто встречал там П.М. Владимирова и Д. Федорова и слышал, как Карташов говорил им, чтобы они «о каких-то сказках правды не показывали».

На первой очной ставке Г. Феоктистова и Н. А. Карташова, последний заявил что этот «донос поклепный» заставил написать Феоктистова не кто иной, как председатель палаты Уголовного суда Владимирского наместничества статский советник князь Алексей Петрович Голицын (1754—1811), и будто бы сам пришел к нему с этим известием, но был выгнан вон. На вторую очную ставку с Владимировым и Струниным Карташов явиться уже побоялся и под предлогом болезни остался дома. Однако по распоряжению Уголовной палаты за ним был выслан вахмистр с полицмейстерскими дрожками. Как потом с возмущением писал в жалобе Карташов, «как вора таскали меня на простыне солдаты, от чего как я, так и все мое семейство пришли в такое замешательство, что по сие время опаматоваться не можем». Привезенный в палату Карташов поспешил заявить, что он отвечать на вопросы не будет, так как не доверяет председателю А.П. Голицыну и имеет на него «подозрение», которое, впрочем, не смог внятно изложить ни устно, ни на бумаге.

На этом же заседании в Уголовной палате были зачитаны рапорты дворянских заседателей Реутова и Плохово, в которых говорилось, что во время сбора рекрутских

сказок за 1782—1783 гг. Н.А. Карташов уговаривал их не показывать истинную сумму в документах, а на их возражения, что они переписывать сказки не смеют и должны действовать по указу императрицы, Карташов заявил: «если бы все по указу делали, то половины бы людей на свете не было»¹⁷. Та же история повторялась и в других селах.

Помимо обвинений в хищениях во время рекрутских наборов, Н.А. Карташову вскоре были предъявлены и обвинения в жестоком обращении со своими крестьянами. Практически одновременно с доносом Г. Феоктистова И.П. Салтыков получил челобитную от его крестьян, в которой они сообщали о «бесчеловечных побоях, морении голодом и о умерщвлении нескольких младенцев и совершенного возраста крестьян и женщин» и просили защитить их от произвола Карташова. Однако во владимирской тюрьме тот просидел недолго: его выручила жена, подавшая летом 1786 г. на имя Екатерины II челобитную, в которой просила избавить своего мужа от чинимых ему генерал-губернатором И.П. Салтыковым и А.П. Голицыным «претеснений». Она жаловалась на «безвинное» содержание мужа под караулом, который столь строг, что «разрушил его здоровье». Челобитная дошла до императрицы, и Екатерина распорядилась вызвать отставного премьер-майора на допрос в Петербург к генерал-прокурору А.А. Вяземскому. На допросе все обвинения в свой адрес Н.А. Карташов отвергал и был, видимо, достаточно убедителен. Во всяком случае, после ознакомления с протоколом, императрица распорядилась ускорить разбирательство по его делу во Владимире, а до окончания освободить Карташова из-под стражи¹⁸.

Вернулся Карташов во Владимирскую губернию или нет — не известно. В конце сентября, когда он вновь потребовался во Владимире для дачи показаний, на запрос сенатского комитета был получен ответ: «где оной находится не-

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 110. Д. 119. Л. 32.

¹⁸ Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2683. Л. 18–18 об., 42.

известно». Для его поиска решили дать объявление в газете: «От отделеннаго во Володимире по имянному Ея Императорскому Величеству высочайшему указу из Правительствующаго Сената Комитета объявляется, чтоб к производившемуся делу отставной премьер-маиор Никита Карташов в сей комитет явился в самоскорейшем времени»¹⁹.

В этой связи интересно заметить, что Н.А. Карташов и до истории с губернатором А.Б. Самойловым привлекал к себе внимание чиновников. В 1779 г. он купил четыре мучные мельницы недалеко от Переславля-Залесского, однако сумма денег, которую Карташов в итоге заплатил прежнему владельцу, оказалась несколько меньшей, чем оговоренная в контракте. В связи с этим Переславль-Залесский уездный суд принял решение о взыскании недостающей суммы с нового владельца и направил документы во Владимирскую казенную палату. Однако и в 1784 г. палата не получила рапорта о внесении Карташовым необходимой суммы²⁰.

Тем временем Палата уголовных дел собрала множество свидетельских показаний против губернатора А.Б. Самойлова. Так, декабре 1785 г. выборный экономической деревни Корякиной Василий Иванов показал, что в результате рекрутского набора 1783 г. его деревня пришла в крайнее разорение, и он был вынужден обратиться за помощью к губернатору, который вместо помощи приказал посадить его на цепь в Нижней расправе и продержал его двое суток²¹. В январе 1786 г. сразу несколько капитан-исправников, участвовавших в сборе сказок во Владимирской губернии — Бологовский, Воронин, Отяев, Барков и Галафеев, показывали, что А.Б. Самойлов приказывал им «отобрать сказки без показания по бывшим в 782-м и 783-м годах рекрутских наборам незаконных издержек»²². В феврале 1786 г. на допросе в Уголовной палате земский староста села

¹⁹ Там же. Ф. 248. Оп. 110. Д. 119. Л. 46.

²⁰ ОР РНБ. Эрмитажное собрание. № 116/1. Л. 255.

²¹ РГАДА. Ф. 264. Оп. 1. Д. 2614. Л. 3.

²² Там же. Д. 2597. Л. 1.

Верхняго Ландиха Лев Козловский свидетельствовал, что, когда в 1784 г. собирали сведения об издержках при рекрутских наборах, он вместе с бурмистром Тимофеем Ивановым, отдатчиком Тихоном Григорьевым и земским старостой Степаном Небукиным подал капитан-исправнику в городе Гороховце Николаю Кузьминскому сказки о приеме рекрут и складочных денег, но тот их принять отказался и порвал, так как в них были отражены собранные с крестьян капиталом Петром Шаблыкиным «излишки». Взамен этих сказок Кузьминский, «уграживая... всякими угрозами», настаивал на подаче новой сказки, сделанной по «черной форме» (которая была представлена следствию) и в которой взятки Шаблыкина были бы исключены.

Козловского и Иванова, отказавшихся это сделать, Кузьминский заковал «в железа» и, как показывали доносители, «угрожал нас, что ежели не выключим из них взятков, а особливо капитана Шаблыкина, то будете наказаны плетью или кнутом, вотчина будет разорена». Козловский и Григорьев на это не согласились и отправились «за правдой» к А.Б. Самойлову. Однако тот, по их словам «сказал, что мне до етова дела нет, а как вы хотите, так и подавайте». Эти показания были подтверждены на допросах Тихоном Григорьевым и Степаном Небукиным. Причем последний добавил, что «он, Кузьминской, по отдании от нас сказок, рвал (сказки. — С. К.) в своей квартире и в уездном суде у земскаго Козловскаго и принуждал нас в квартире пить вино с тем, дабы мы скаски переписали для чего и дал нам своей руки форму без всякой нашей просьбы»²³.

Арестованные чиновники на допросах не запирались и, как правило, сознавались в своих прегрешениях. Так, в том, что они брали взятки рано или поздно, признались все обвиняемые местные чиновники — и И.С. Потапов, и В.С. Янов, и В. С. Нарбеков, и А. Васильев, и многие другие. В том числе П.А. Шаблыкин. На допросах в Уголовной палате он говорил, что действовал по наущению

²³ РГАДА. Ф. 264. Оп. 1. Д. 3360. Л. 2–47; Д. 2614. Л. 3.

нию губернатора А.Б. Самойлова, с которым находился в приятельских отношениях. Он признался, что передал Самойлову 10 тыс., а Д.М. Ухтомскому — 1 тыс. руб. взяточных денег. Кроме того, в течение нескольких лет Самойлов, якобы, постоянно брал у Шаблыкина ценные вещи, обещая за них хорошее вознаграждение: карету, соболью шубу, золотую табакерку, лисью муфту и многое другое на общую сумму более 1 тыс. руб., однако «ни одной полушки» так и не заплатил²⁴.

Главное обвиняемое лицо — губернатор А.Б. Самойлов — также подвергался допросам, очным ставкам и другим мерам дознания. Но с ним следствию приходилось очень непросто. По всей вероятности, Александр Борисович неплохо знал законы и очень высоко ценил собственный статус назначенного указом императрицы в 1778 г. правителя недавно образованного Владимирского наместничества. До своего появления во Владимире он много лет служил советником Московской губернской межевой канцелярии, но в 1774 г. был назначен исполняющим должность президента Главного магистрата в Москве, а в 1777—1778 гг. являлся обер-прокурором IV департамента Сената. Вполне возможно, что такой стремительный карьерный рост с середины 1770-х гг. был связан с тем, что А.Б. Самойлов состоял в родстве с Г.А. Потемкиным, ставшим близким императрице Екатерине II человеком именно в те годы. Его старший брат — Николай Борисович Самойлов — в то время был женат на сестре Потемкина — Марии Александровне. В 1774 г. в судьбе Н.Б. Самойлова, по мнению М.М. Щербатова, «человека посредственного разума..., мало законы разумеющего, бесстыдного корыстолюбца»²⁵, также произошли существенные перемены: он был назначен обер-прокурором I департамента Сената (указ императрицы Екатерины II Сенату от 19 сентября 1774 г.²⁶).

²⁴ ГАВО. Ф. 93. Оп. 2. Д. 13. л. 131; Д. 14. л. 438—438 об.; РГАДА. Ф. 264. Оп. 1. Д. 3362. л. 304—305.

²⁵ Щербатов М.М. Неизданные сочинения. М., 1935. С. 113.

²⁶ Законодательство Екатерины II М., 2000. Т. 1. С. 494.

Примечательно, что до этого такой должности вообще не существовало. В 1777 г. в годовщину коронации Екатерины II Н.Б. Самойлов был пожалован тайным советником и сенатором, а в 1784 г. вышел в отставку.

Первоначально А.Б. Самойлов вообще отказывался отвечать на какие-либо обвинения мелких чиновников, заявляя, что Уголовная палата не имела право принимать их к рассмотрению и «вводить тем в народное пренебрежение важность звания, которым... от Ея Императорскаго Величества удостоен». Однако вскоре ему стало понятно, что игнорировать такое количество показаний против него невозможно. Но ни разу ни на одном допросе или очной ставке при составлении «рапортов» или ответов на «вопросные пункты», коих только за 1786 г. набралось около десятка, А.Б. Самойлов не признал ни одно обвинение. Подробно и обстоятельно в своих «рапортах» он отвергал все выдвигавшиеся против него в Уголовной палате и в сенатском комитете свидетельства: утверждал, что никогда не заставлял соляного пристава В.С. Нарбекова писать письмо к А.Р. Воронцову. Выборный деревни Корякиной Василий Иванов никогда к нему не приходил и не только о разоренных крестьянах, «но и никакой жалобы в каком-либо при рекрутском наборе происходившем сим крестьянам разорении ни от кого [он] не слышал». Об отказе «лжепоказателя» Николая Кузьминского принять рекрутские сказки от Льва Козловского «ни письменно, ни словесно не слышал и никогда и никакой подавать сказки они [к нему] не приходили». Ни в какой дружбе с «вором» и «клятвопреступником» П.А. Шаблыкиным он не состоял и никаких денег от него не брал, а также ничего не слышал о разорении крестьян при проведении рекрутских наборов и т.д.

Между тем, поскольку по закону А.Б. Самойлов был подсуден только Сенату, в 1786 г. ему пришлось ехать в Москву, где ему предъявили «опросные пункты», основанные на результатах расследований Владимирской уголовной палаты и местных провинциальных су-

дов²⁷. В сумме — восемь позиций. Судя по всему, в число «неприятных вопросов», на которые предстояло отвечать Самойлову, вошли не все показания, добытые в ходе следствия во Владимирской уголовной палате и в специальном сенатском комитете. На это обстоятельство, объясненное сенаторами так: «поскольку Сенат рассматривать производство и все дела, производившиеся в Комитете, власти не имеет», не раз обратит внимание Екатерины II князь М.М. Щербатов. Но и в московских департаментах Сената А.Б. Самойлов продолжал придерживаться выбранной им позиции отрицания всех обвинений. По большинству из них он просто «совершенно отрекся», заявив, что вменяемых ему поступков не совершал, другие же обвинения против губернатора самими сенаторами были признаны «не имеющими в себе ясных и крепких доводов».

Здесь следует обратить внимание на то, что в распоряжении следствия не имелось никаких документов за подписью самого А.Б. Самойлова, прямо свидетельствующих о его неправомерных действиях. Как было видно из приведенных выше нескольких допросов, все неправомерные распоряжения он отдавал устно, в частной беседе в своем кабинете, через вторых и третьих лиц. Поэтому и улики против него, несмотря на их большое количество, были главным образом косвенные. А, как свидетельствуют материалы Сената, показания нижних чинов не всегда оказывались достойными аргументами для сенаторов. Единственной значимой уликой против А.Б. Самойлова стали его письма к П.А. Шаблыкину, свидетельствовавшие об их дружеских отношениях и содержащие некоторые незаконные распоряжения губернатора. К сожалению, в материалах следствия их обнаружить не удалось, и о существовании этих документов известно лишь из упоминаний о них князя М.М. Щербатова.

В итоге сенаторы полностью поверили словам Самойлова и заключили, что значительная часть показаний

²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 268. Оп. 1. Д. 6. Л. 102–114.

против губернатора «не токмо не имеет в себе никаких крепких и ясных доводов, но еще разнovidна и одно с другим не сходно, а потому и почитает их как на губернатора Самойлова, так и на покойнаго графа Романа Ларионовича Воронцова яко заключающих в себе друг другу противоречие, несправедливыми, а паче ложными и напраснозатеянными». Виновными были признаны нижние владимирские чины. Незначительные «упущения» губернатора никак не смогли скрыть от сенаторов того «попечения», с которым он исполнял свою должность. Посему сенаторы, не найдя ни в чем преступления, представили Екатерине II оправдательное заключение.

Экземпляр этого документа был представлен и в собрание VI департамента Сената и, соответственно, оказался известен князю М.М. Щербатову. Будучи прекрасно знакомым со всеми следственными документами и протоколами допросов всех фигурантов этого дела и имея более объективную картину происходивших в 1782–1784 гг. во Владимирской губернии событий, князь пришел в возмущение и вскоре подал на рассмотрение императрицы «Примечания на доклад шестаго Правительствующаго Сената, по делу Владимирскаго господина губернатора Самойлова»²⁸.

Прежде всего князь обратил внимание на некорректное составление «опросных пунктов», на которые отвечал А.Б. Самойлов и, соответственно, поставил под сомнение достоверность ответов губернатора. Князь писал о том, что материалы, более всего дискредитирующие губернатора (такие, как показания некоторых владимирских чиновников, письма губернатора к Шаблыкину, «сказки» по отдельным деревням), не были представлены в сенатском докладе. Таким образом, по сути, Самойлову задавались наиболее «удобные» вопросы. Именно поэтому они выглядели «разнovidны и одно с другим не сходны». Если бы сенаторы, писал М.М. Щербатов, следуя указу императрицы Екатерины II, делали «изыскания о всех подроб-

²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 268. Оп. 1. Д. 6. Л. 103–110.

ностях сего дела», а не выборочно, «яко шестой департамент принимал доносы и доказательства», картина была бы более связной и правдивой, «вместо что в сем докладе возможное невозможным, убоподобное неудобподобным учинено». Отсутствие в деле прямых улик против владимирского губернатора при таком расследовании представлялось князю вполне объяснимым. Поскольку речь шла о преступлении и о склонении к участию в нем, то «естественно в сем случае человек поступает осторожно и старается привлечь к себе токмо тех, которых надеется к сему склонить, а не всех, яко в публичном деле, как шестой департамент Сената является предполагать». Поэтому, по мнению Щербатова, столь важное значение приобретали многочисленные признательные показания нижних чинов, таких, как В.С. Нарбеков, частью которых сенаторы пренебрегли, а другую часть направили против самих же этих чиновников. Последнее обстоятельство больше всего возмутило М.М. Щербатова. Как же можно, вопрошал он, не принимать во внимание «показания таких людей, которые и самим себе беду навлекают, людей, которые кроме сего никакого на себе доноса не имеют, и которые возвратясь на путь истины, от котораго яко объявляют, отступили ради лица сильного за самое сие свое возвращение, давное отрешение претерпевают и должны еще по благости шестого департамента ожидать себе премилосердой монархини наказание»?

В итоге князь уличил в несостоятельности оправдательный доклад сенаторов по всем восьми пунктам. Уверения в том, что те незначительные «упущения» губернатора, которые были все-таки признаны, произошли в результате спешки при «усердном желании к исполнению» своих обязанностей, не могло быть признано удовлетворительными. «Если ложь и подлог ныне усердием называется, — заключал Щербатов, — то и сие можно усердием назвать. Но пока не пременится знаменование сего слова, мне позволено инако мыслить».

Наконец, последним, что возмутило князя в докладе сенаторов, было то, что «первое правительство государственное, наиболее долженствующее быть обязано верно-стью к своему государю и ко его славе», вместо того чтобы, основываясь на точной букве закона, уличить преступника, «по единому токмо оправданию виновного заключение свое учинила». Иными словами, сенаторы не во благо государства стояли на страже закона, а покрывали преступника и осмелились ввести в заблуждение императрицу.

Конечно, в документах не отразилась причина, по которой сенаторы, как и М.М. Щербатов, имевшие в своем распоряжении все материалы по делу о взятках во Владимире, пошли на поводу у А.Б. Самойлова и полностью оправдали его, — т.е. его родство с Г.А. Потемкиным. Тем больший интерес и значение приобретает высказанная в «Примечаниях» независимая позиция М.М. Щербатова, который фактически один выступил против всех сенаторов и представил свое мнение Екатерине II. Исследователям хорошо известно крайне отрицательное отношение князя к Г.А. Потемкину, которого он считал сосредоточием чуть ли не всех возможных пороков: «властолюбие, пышность, подобострастие ко всем своим хотениям, обжорливость и, следственно, роскошь в столе, лесть, сребролюбие, захватчивость и, можно сказать, все другие знаемые в свете пороки, которыми или сам преисполнен и преисполняет окружающих его»²⁹. Однако написание «Примечаний» вряд ли может быть объяснено личной неприязнью М.М. Щербатова к Г.А. Потемкину и, соответственно, к его родственникам. Хорошо известны, например, его антагонизм к фигурировавшему в деле графу Р.И. Воронцову и в то же время довольно теплые отношения с его сыном А.Р. Воронцовым, с которым он многие годы состоял в переписке. Также вряд ли могут быть состоятельны упреки М.М. Щербатову в том, что при написании «Примечаний» он руководствовался личной неприязнью к А.Б. Са-

²⁹ Щербатов М.М. Избранные труды. М., 2010. С. 469.

мойлову, вызванной обидой на его брата Н.Б. Самойлова, который в 1777 г. был, как считал Щербатов, в обход него пожалован тайным советником и сенатором. С того времени прошло девять лет, М.М. Щербатов сам давно уже был тайным советником и сенатором, кавалером ордена св. Анны и пять лет прослужил президентом Камер-коллегии. Н.Б. Самойлов же к тому времени находился в отставке. Появление «Примечаний» может быть объяснено неприемлемостью неуважения к закону, с которым в сознании Щербатова были связаны карьеры братьев Самойловых и с невозможностью князя игнорировать очевидные «злоупотребления», открывшиеся в ходе следствия во Владимире. Назначая князя М.М. Щербатова в Сенат, Екатерина II как нельзя точно увидела в нем именно того «честного и достойного» чиновника, о котором писала в указе 1763 г.

Интересно также заметить, что в документе ничего не говорилось о роли бывшего генерал-губернатора графа Р.И. Воронцова во всей этой истории, хотя, как упоминалось выше, в Петербурге этот вопрос интересовал многих, и логично было бы предположить, что сенатскому комитету следовало расставить все точки над *i*. Были ли найдены в ходе расследования во Владимире улики против Романа Илларионовича — неизвестно. Историки по сей день не имеют однозначного мнения по поводу честности графа. Между тем М.М. Щербатов все-таки оставил свой нелицеприятный отзыв о Р.И. Воронцове, назвав его «во все время своей жизни признанным мздоимцем», намекая при этом, что за отпущенные на расследование два года сенаторы не успели изучить всю деятельность графа за семь лет его губернаторства, итогом которой, по мнению князя, стало «разоренье народное»³⁰.

«Примечания» М.М. Щербатова оказали решающее влияние на служебные карьеры значительного числа владимирских чиновников. Материалы Сената и Владимирской палаты уголовного суда не позволяют проследить

³⁰ Щербатов М.М. Избранные труды. С. 473.

их судьбы после завершения следственных мероприятий: окончательных приговоров по этому делу обнаружить не удалось. Однако из письма графа П.В. Завадовского к А.Р. Воронцову от 1 мая 1787 г. известно, что дело было доведено до суда и виновные понесли наказание: «По делам Владимирским Сенат решил согласно комитету, оправдая невинность покойного графа, а бездельники предаются суду»³¹. Из этого же письма становится ясным, что просьба Александра Романовича о расследовании роли его отца в этой истории была удовлетворена. Судебный процесс повлек за собой существенные кадровые перестановки.

Интересна в этой связи особая сноска при росписи чиновников Владимирского наместничества в ежегодном издании «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1787»: «По полученной из сего наместничества ведомости от 28 октября 1786 года»³². Эта фраза, появившаяся только в издании 1787 г. и только применительно к Владимирскому наместничеству, недвусмысленно свидетельствует о том, что следственные дела во Владимире получили широкую огласку и были хорошо известны не только в самой губернии и в обеих столицах, но, думается, во многих других городах империи. Настолько хорошо, что, ожидая возможных скорых отставок, издатели поспешили оговориться, что публикуемая ими информация актуальна только на конец октября. И они не ошиблись. Согласно «Месяцеслову» на следующий 1788 г., своих должностей лишились губернатор А.Б. Самойлов, вице-губернатор Д.М. Ухтомский, директор экономии И.С. Потапов, советник Казенной палаты капитан П.А. Шаблыкин, секретарь владимирского уездного суда Алексей Васильев, губернский прокурор С.С. Молчанов, градоначальник Суздаля Л.А. Воронцов, соляной пристав в Суздале В.С. Нарбеков, земский исправник в переславль-залесском Нижнем земском суде

³¹ Архив князя Воронцова. М., 1877. Кн. 12. С. 44.

³² Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1787. СПб., 1787. С. 209.

секунд-майор В.С. Янов, секретарь Нижней расправы г. Коврова Василий Трусов и некоторые другие³³.

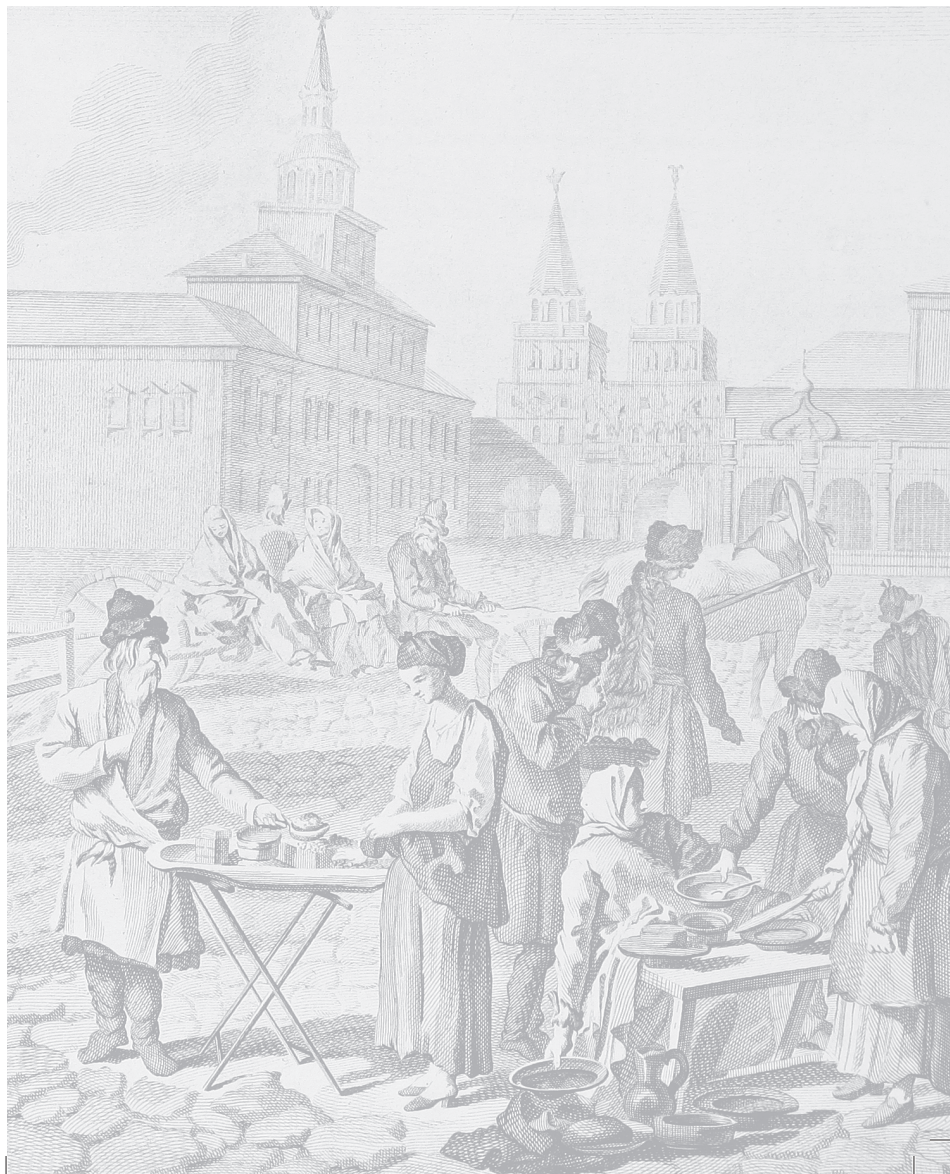
Дело о взятках во Владимирской губернии позволяет сделать несколько выводов. Прежде всего обращает на себя внимание большие оперативность и профессионализм работы сенаторов и следователей, что выгодно отличает их от работы комиссий первой половины XVIII в. Как показано выше, следствие по делу В.С. Нарбекова было организовано за несколько дней, а через два месяца, по прошествии первых допросов, Екатерина II распорядилась создать сенатскую комиссию. Однако есть и много общего во владимирском деле с делами о взятках предыдущих лет: это поведение подследственных и прежде всего высших чинов. Будучи уверены в своих связях, они пытались как можно больше затянуть и запутать следствие, до последнего отрицали все предъявленные обвинения и, если бы на месте М.М. Щербатова был менее принципиальный человек, наверняка избежали бы наказания. Также материалы расследований свидетельствуют о том, что в коррупционных делах оказались замешаны не один—два человека, как было в начале столетия, а более десятка, т.е. значительная часть владимирских чиновников. Таким образом, представляется справедливым вывод Л.Ф. Писарьковой о том, что «к концу правления Екатерины можно говорить о формировании новой формы злоупотреблений: системы коллективной коррупции. Нарушения совершались уже не отдельными чиновниками, тщательно скрывавшими свои дела от коллег, опасаясь доноса, а всеми служащими учреждения, которые были связаны круговой порукой и стремились общими усилиями скрыть свои дела от ревизоров, представляя собой коллективного нарушителя законов»³⁴.

³³ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1788. СПб., 1788. С. 194–197.

³⁴ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 475.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РУССКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ

«Благочиние» в действии: кто и как попал
в смиренный и рабочий дома Москвы
в конце XVIII в.*

Книга А.Б. Каменского «Повседневность русских городских обывателей», исследующая город Бежецк и его обитателей первой половины—середины XVIII в., представляет собой одну из первых работ по изучению или, точнее сказать, реконструкции исторического ландшафта российского города раннего Нового времени. В этом же ряду находится монография О.Е. Кошелевой «Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени»¹. Направление исследований, представленное работами Каменского и Кошелевой и именуемое антропологической урбанистикой, подразумевает изучение микроскопа общины, многообразия человеческих общностей, неформальных и формальных групп, различных ассоциаций и корпораций².

Важное достижение упомянутых исследований Каменского и Кошелевой заключается и в том, что в них обычным, лишенным своего «голоса» в истории людям «вернули речь»³ и тем самым по словам американского историка Я. Коцониса, наделили их властью⁴. Подобный же

* Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

¹ Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004.

² Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. С. 17.

³ О.Е. Кошелева пишет об «отголосках» речи людей в челобитных и допросах, сохранившихся в судебных материалах. См.: Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова... С. 18.

⁴ Kotsonis Y. Ordinary People in Russian and Soviet History // Kritika. 2011. Vol. 12. № 3. P. 739–754 [Review]. Коцонис считает, что для историка важно учитывать опыты людей, считавшихся «обычными» (*ordinary*), поскольку повседневность этих людей, увиденная через правильный «объектив», делает их в своем роде выдающимися (*extraordinary*).

опыт предпринял недавно и Е.В. Акельев, исследуя преступную среду Москвы 30–40-х гг. XVIII в.⁵ Анализируя следственные дела Сысского приказа, он сумел передать специфику повседневной жизни и «речь» профессиональных московских воров и доказать, что в московском социуме «профессиональная воровская среда» сложилась в ходе петровских реформ и модернизации, а составили ее представители новых социальных групп (фабричные, малолетние солдатские сироты, беглые солдаты)⁶.

Впервые в современной историографии попытку проанализировать еще один сегмент московского населения XVIII в., который обычно находился вне поля зрения историков, предприняла Н.В. Козлова в монографии «Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века». В своем исследовании она сосредоточила внимание на церковно-приходском призрении (не затрагивая учреждений, находившихся в ведении полиции, а затем приказа общественного призрения). Этот историографический опыт Н.В. Козловой особенно примечателен тем, что историк анализирует не историю учреждений, а самих субъектов социальных процессов — нищих, больных, скитальцев, возвращая им «их речь»⁷.

В настоящей работе также предпринята попытка изучения некоторых аспектов повседневной жизни представителей городских низов, чье присутствие в городе было весь-

⁵ Акельев Е.В. Городская преступная среда и опыт борьбы с ней в России и Франции первой половины XVIII в.: сравнительно-историческое исследование: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М, 2009; Он же. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012.

⁶ Акельев Е.В. Социальный портрет московского «мошенника» XVIII в. (по материалам следственных дел по доносу Ивана Каина, 1741–1748) // Человек в культуре русского барокко: Сб. статей по материалам международной конференции, ИФ РАН Москва, 28–30 сентября 2006 г. М., 2007. С. 518.

⁷ Козлова Н.В. Нетрудоспособное население Москвы и его социальное обеспечение в XVIII в. (к постановке проблемы) // Вестн. Московского ун-та. Сер. 8. История. 2004. № 4. С. 32. Автор указывает: предметом исследования должны стать «сами жители столицы», «требующие заботы», а в его центре должен находиться «механизм определения их в богадельни, социальный и половозрастной состав богаделенных нищих».

ма заметным, а статус — маргинальным. Объектом нашего исследования стали прежде не изучавшиеся историками документы из фонда московской полиции — Управы благочиния⁸, созданной вследствие реформ системы управления в 1770—1780-е гг. В результате анализа приблизительно 80 однотипных дел, завершавшихся отправкой обвиняемых в смиренный или работный дома на сроки, как определенные Уставом благочиния, так и произвольные, удалось собрать данные о том, кто и почему попадал в поле зрения полицейских, установить, за какие правонарушения задержанных на улицах Москвы отправляли в исправительные учреждения, как реализовывалось предписанное законами наказание, куда отбывшие исправительные работы отправлялись после освобождения. В целом исследуемые материалы позволяют судить о том, какая социальная среда и как формировала повседневное поведение обитателей смиренного и работного домов, реконструировать своего рода «социальный мир» этих учреждений⁹.

Проблема изучения и реконструкции «социальных миров» в России Нового времени заключается в сложности, а порой и невозможности определения социальных границ ме-

⁸ ЦИАМ. Ф. 105.

⁹ Ранее я уже обращалась к изучению одного из «социальных миров» империи — микромиру обитателей Странноприимного дома графа Шереметева в Москве в первые годы XIX столетия: *Лавринович М.Б.* Социальный капитал vs социальное дисциплинирование: Шереметевский Странноприимный дом и его обитатели в 1810–1811 гг. // DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert Nr. 2 (2009). Режим доступа: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/Lavrinovic_Seremetev-Armenhaus/#sdfootnote5anc, свободный (дата обращения 09.02.2014). Гендерный аспект социально-исторической проблематики XVIII в. поднимается в работе И.А. Ролдугиной о Калининской комиссии и заключенных Калининского дома. Автор сосредоточивается на дисциплинарных практиках, впоследствии развившихся в государственную систему контроля над людьми с девиантным поведением, в то время как наша работа сконцентрирована на повседневных практиках маргинализованных городских страт. Из недавних работ о бедности в Новое время следует назвать следующую: Барлова Ю. «Обращаться с ними по еуропскому обычаю»: дискурс виновности и проблема профессионального нищенства в восприятии и оценках бедности в России в Новое время // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.): Сб. ст. / Под ред. М.Г. Муравьевой. СПб., 2011. С. 80–98.

жду группами населения¹⁰. В одной семье могли жить люди, имевшие разный статус, а один человек мог быть включен более, чем в одну категорию¹¹. Кроме этого, как показывает в своей работе Э. Виртшафтер, формальное положение было нетрудно изменить, что свидетельствует о постоянной социальной, экономической, юридической и географической подвижности русского общества¹². Однако общее справедливое заключение о социальной «подвижности» получает дополнительные обоснования, если обратиться к источникам, раскрывающим индивидуальные судьбы субъектов социальных процессов. Такими источниками чаще всего оказываются следственные дела. В них помимо формальных данных о социальных ролях и статусах обвиняемых (того, что в социальных науках именуется приписыванием идентичности через классификацию¹³) можно «расслышать» подлинные речи индивидов, имевших свои драматические истории и жизненные стратегии.

Источники из фондов московской Управы благочиния оказываются весьма насыщены информацией о социальных процессах, происходивших в «низах» городского общества, но документы смирительного и работного домов и следственные дела их «обитателей», помещенных в эти учреждения за нарушение правовых и социальных норм и границ, представляют для историко-антропологического исследования специальный интерес.

Отметим, что историография, если и обращается к этим институциям, то описывает их как учреждения едва ли не благотворительные¹⁴. Между тем создание смири-

¹⁰ *Виртшафтер Э.К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Пер. с англ. Т.П. Вечериной; под ред. А.Б. Каменского. М., 2002. С. 177.

¹¹ Там же. С. 109.

¹² Там же. С. 128.

¹³ См., напр.: *Хархордин О.В.* Прагматический поворот: Социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007. №1. С. 34; *Волков В., Хархордин О.* Теория практик. СПб., 2008. С. 227.

¹⁴ Это характерно для дореволюционной и отчасти постсоветской историографии. См.: *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010. С. 193 (здесь автор отчасти следует этой традиции истории

тельного и работного домов является результатом процесса криминализации нищенства (и в целом маргинального поведения), начавшегося еще в петровское царствование и продолжившегося после перерыва на елизаветинское царствование в правление Екатерины II. Екатерининское законодательство, как известно, ушло от жестких норм петровских инструкций и артикулов: в нем не встречаются формы жестоких наказаний (например, «нещадное битье» батогами). Вместо них в борьбе с «праздношатающимися» законодательство прибегает к рекрутчине, принудительному труду, ссылке, отправке к месту проживания (записи в подушный оклад)¹⁵. Эволюция в этом направлении наказаний за праздность, попрошайничество и другое «недостойное» поведение характерна для системы санкций в раннее Новое время: в XVI в. в европейских городах также отмечают замену физического наказания (порки) принудительными работами в целях перевоспитания, а не унижения. Власти старались наказывать за мелкие правонарушения, например, за сексуальные, как можно более незаметно, чтобы не опозорить человека навсегда, поскольку публичное наказание прелюбодеев приводило к исключению их из корпораций (гильдий и цехов)¹⁶.

учреждений); *Власов П.В.* Обитель милосердия. М., 1991. Подробно история открытия Екатерининской богадельни, работного и смирительного домов описана в: *Молнар В.* Исторический очерк императорского Екатерининского богадельного дома и заведений приказа общественного призрения, получивших свое начало в стенах здания богадельни. М., 1888.

¹⁵ *Lindenmeyr A.* Poverty is not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996. P. 36.

¹⁶ *Стюарт К.* Позорная шуба, или Непреднамеренные эффекты социального дисциплинирования // История и антропология: Междисциплинарные исследования на рубеже XX – XXI веков / Под ред. М. Крома, Д. Сзбиана, Г. Альгази. СПб., 2006. С. 225–264, здесь С. 256. В западноевропейском контексте эта проблема была связана с концепцией «чести» и ее «осквернения» физическим наказанием, однако проблема личного достоинства, репутации и чести имеет некоторые особенности применительно к России до Нового времени. См. об этом: *Коселева О.Е.* «Честь» и «порука» – гаранты доверия в России Средневековья и эпохи Просвещения // DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert Nr. 2 (2009). Режим доступа: http://www.perspectivianet/content/publikationen/vortraege-moskau/koseleva_ehre, свободный (дата обращения 09.02.2014).

Одна из первых попыток занять маргинальные элементы производительным трудом отмечается в инструкции генерал-полицмейстеру Петербурга 1718 г.: определять в работу «гулящих и слоняющихся людей», а также нищих, «буде от оных кто работу сработать может»¹⁷. В том же году в законодательстве впервые упоминается работный дом для женщин — прядильный — и принудительные работы для малолетних бродяг: пойманных второй и последующий раз нищих приказывалось «бить на площади кнутом, послать в каторжную работу, а баб в шингаус, а ребят бить батоги и посылать на суконный двор и к прочим мануфактурам»¹⁸. Эта норма повторяется в законодательстве до середины XVIII в. При Петре пытались организовать мастерские из женских монастырей, для чего были выписаны из Голландии монахини, знавшие прядильное производство. Однако существовали эти учреждения весьма непродолжительное время¹⁹.

Использовать в работу «бродящих» правительство пыталось и в 1730-е гг., в период роста нищенства, связанного с целой чередой голодных лет: беглых, годных в службу, отправляли в солдаты и в матросы с зачетом землевладельцам за рекрута; уже наказанных однажды холостых — на каторжные и другие казенные работы, а женатых — «в работу» в Оренбург и на другие казенные заводы²⁰. «Праздношатающихся» «женска пола» по сенатскому указу 1762 г. следовало отправлять из полиции временно на мануфактуры; по возвращении же мужей, отдавать им²¹. Законодательство о работных домах в России вновь появляется при Екатерине II в результате усвоения западноевропейского камералистского учения, взявшего за основу многолетнюю, еще

¹⁷ ПСЗРИ 1. Т. 5. № 3203.

¹⁸ Там же. № 3213.

¹⁹ Прыков И. Нищие на святой Руси. М., 1862. С. 88–89; ПСЗРИ 1. Т. 11. № 8224: «прядильных домов не было, и ныне нет» (с. 236).

²⁰ ПСЗРИ 1. Т. 9. № 7041 (28 августа 1736); Т. 9. № 8209 (25 августа 1740).

²¹ ПСЗРИ 1. Т. 15. № 11485: Об отсылке приводимых в полицию женскаго полу людей в Мануфактур-коллегию и Камер-Контору, для распределения их на фабрики, а престарелых в богадельни.

средневековую, практику исправительного труда²². В труде немецкого философа Иоганна Генриха Готтлиба Юсти (1717–1771) *Основания силы и благосостояния царств*, оказавшем значительное влияние на законотворчество императрицы²³, устройству работных домов посвящена отдельная книга. Молодые и здоровые нищие, писал он, извиняются тем, что не могут найти себе работы. Поэтому долг государя и общества требует того, чтобы давать и доставлять им ту самую работу, на недостаток которой они жалуются²⁴. Согласно Учреждению о губерниях, создававшийся в каждой губернии приказ общественного призрения надзирал в том числе за работными и смирительными домами (гл. XXV)²⁵. Ст. 390–391 Учреждения разделяли между собой эти виды исправительных учреждений: в первый следовало принимать тех, кто не имеет пропитания, «убогих обоого пола» людей, которые «добровольно туда приходят», чтобы получить работу («каменья пилить... готовить лен, или прясть, и тому подобное») (ст. 390). Эта норма, предполагавшая приход в «закрытое» учреждение «сознательного» бедняка, встречается в российском законодательстве впервые и имеет своим источником, вероятно, европейскую систему помощи и характерное для нее представление о «достойных» бедных²⁶. Напротив, назначение смирительных домов, как они описаны в Учреждении 1775 г., заимствовано из пет-

²² О городской бедности и способах борьбы с ней см.: *Munck T. Seventeenth Century Europe: State, Conflict and the Social Order in Europe 1598–1700*. Basingstoke, 1989. P. 181–198; *Jütte R. Obrigkeithliche Armenfürsorge in deutschen Reichsstädten der frühen Neuzeit: Städtisches Armenwesen in Frankfurt am Main und Köln*. Köln; Wien: Böhlau, 1984.

²³ См. об этом: *Лавринович М.Б.* Реформаторская политика Екатерины II в области городского законодательства (1762–1796): Дисс. ... канд. истор. наук. М.: РГУ, 2001.

²⁴ *Юсти И.Г.Г.* Основания силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния. СПб., 1772. Ч. 1. С. 732–759.

²⁵ ПСЗРИ 1. Т. 20. № 14392.

²⁶ Литература по этому вопросу довольно обширна. См., напр., классическую обзорную работу: *Jütte R. Poverty and Deviance in Early Modern Europe*. Cambridge, 1994. P. 158–159; *Idem.* Obrigkeithliche Armenfürsorge. S. 36–37; *Geremek B.* La pietà e la forza: Storia della miseria e della carità in Europa. 3rd

ровского Регламента Главного магистрата (1721), гл. XX *О цухтгаузах (или смиренных домах) и гошпиталях (или больницах)*²⁷: благодаря этим учреждениям общество ограждается «от многих продерзостей, добронравие повреждающих», они служат «для общего благочестия и спокойствия семей». Помещение в смиренный дом, согласно Регламенту 1721 г. и Учреждению 1775 г., было следствием не столько конкретных проступков или действий, сколько поведения: туда определяют «людей обоего пола, которые непотребного и невоздержного житья» (всего выделялось восемь категорий такого рода поведения). Время, на которое следовало туда поместить провинившегося, в Учреждении не регламентировалось, был предусмотрен даже вариант «навсегда» (ст. 391)²⁸.

Работные дома впоследствии возникают в екатеринском законодательстве годом ранее издания Устава благочиния. Однако теперь концепция их в корне отличается от той, что мы видим в Учреждении 1775 г.: из учреждений призрения они становятся учреждениями пенитенциарными. 3 апреля 1781 г. издается именной указ о заведении «рабочих домов» для наказанных за воровство, «с назначением в них работ, для пользы общей потребных». Этот указ был частью проекта созданного Екатериной с опорой на *Комментарии на английские законы* Уильяма Блэкстона Уголовного уложения. Полностью Уложение не было введено в действие, однако оказало влияние на уголовное законодательство Екатерины II в 1780-е гг. Некоторые статьи Устава благочиния представляют собой часть уложения, в том числе и классификация преступлений в ст. 269²⁹. Положения указа 1781 г. перешли в ст. 257 («Буде же кто

ed. S.I., 2003 (1st ed. 1995) (оригинальное название: *Geremek B. Litość i szubieca. Dzieje nędzy i miłosierdzia w Europie*. Warszawa, 1989).

²⁷ ПСЗРИ 1. Т. 6. № 3708. С. 301–302.

²⁸ Там же. Т. 20. № 14392.

²⁹ Бабкова Г.О. Проект «Уголовного уложения» Екатерины II и «Комментарии на английские законы» У. Блэкстона. Проблема трансфера // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.): Сб. статей / Под ред. М. Муравьевой. СПб., 2011. С. 245.

в пьянстве учинил проступок или преступление без намерения: да накажется пьянства срочным воздержанием в рабочем доме.»), ст. 269 (повторяющей указ от 3 апреля 1781 г.) и ст. 273 (о «приводе» и «отводе» запрещенного товара или беспошлинном «приводе» и «отводе» ценой до 20 руб. или первые три раза) Устава благочиния. Бросается в глаза смена «*работных домов*» на «*рабочие дома*», однако неясно, связано ли это с изменением концепции. Теперь в рабочий дом отправлялись за кражу или мошенничество³⁰, подпадавшие под общее определение «воровства», на сумму до 20 руб. или совершенные в первый, второй или третий раз. За самый серьезный вид воровства — грабеж — следовала немедленная отсылка к суду. Судебному разбирательству подлежали только те дела по кражам и мошенничеству, в которых сумма ущерба превышала 20 руб., или преступление совершалось в четвертый раз³¹. Именно здесь рабочий, или рабочий, дом приобретает свою функцию (по крайней мере, в законодательстве, поскольку нет свидетельств об их деятельности до 1782 г.) — учреждения для наказания виновных в уголовных преступлениях, а не учреждения призрения для «порядочных» бедных.

О том, что рабочие дома в том виде, в каком они были заявлены в Учреждениях для управления губерний, не должны были, по идее законодателя, потерять свою функцию призрения, свидетельствует указ от 17 августа 1782 г., по которому рабочие дома в Петербурге переходили из ведомства полиции в ведомство приказа общественного призрения: «Рабочий дом, хотя и должен быть отличен образом работы от того, который по учреждениям основан для доставления пропитания неимущим; но надлежит, чтоб

³⁰ Под «мошенничеством», т.е. преступлением, которое совершали в Москве приводимые в Сыскной приказ по доносам Ваньки Каина «мошенники», в середине XVIII в. подразумевалась мелкая карманная кража (См. Акельев Е.В. Социальный портрет московского «мошенника» XVIII в. С. 514.), что соответствует второй категории в указе Екатерины («кто у кого тайным образом возьмет деньги, или иное движимое имение без воли и согласия того...»: ПСЗРИ 1. Т. 21. № 15147).

³¹ ПСЗРИ 1. Т. 21. № 15147.

он состоял под одним надзиранием и под ведением Приказа Общественного Призрения»³² Уже вскоре, 31 января 1783 г., по результатам рассмотрения в Сенате рапортов из губерний о заведении рабочих домов по рассмотренному выше указу 3 апреля 1781 г., издается указ, подтвердивший, что «для преступников, обличенных в краже, грабеже и мошенничестве», учреждаются особого рода рабочие дома, т.е. «особые от тех», что предусмотрены ст. 380 Учреждения о губерниях (для прокормления «достойных» бедных)³³. В марте того же года Сенат предписал Новгородскому наместническому правлению «завести в Новгородском рабочем доме казенные работы для отсылаемых туда осужденных», поскольку рабочий дом, хотя в Новгороде и открыт, «но работ в сем доме никаких не заведено», осужденные отпускаются на «партикулярные работы»³⁴.

Смирительные дома с самого момента появления в законодательстве носили пенитенциарный характер, однако в Уставе благочиния по сравнению с Регламентом 1721 г. и Учреждениями 1775 г. тональность меняется: если прежде пребыванием в смирительном доме наказывались за «поведение», то теперь в отдельные статьи были вынесены проступки: пьянство (ст. 256—257) и произнесение бранных слов в публичном месте (ст. 264), из «модернизационных» нововведений — вход в отделение бани для противоположного пола (ст. 262), и в самом развернутом виде появляется «непотребство», прежде не фигурировавшее в законодательстве. Согласно Уставу 1782 г., в смирительный дом для наказания определяются те, кто делает такое поведение своим «ремеслом»: за содержание домов для «непотребства», проституцию (и пользование соответствующими услугами) и сутенерство (ст. 263)³⁵.

Обращение к материалам делопроизводства Управы благочиния позволяет соотнести законодательство и пра-

³² ПСЗРИ 1. Т. 21. № 15492.

³³ Там же. № 15657.

³⁴ Там же. № 15686.

³⁵ Там же. № 15379.

воприменительную практику. В имеющихся у нас в распоряжении делах из фонда Управы благочиния за 1784—1788 и 1803—1804 гг. (выборка диктуется сохранностью документов), по которым было принято решение об отправке в смиренный и работные дома, основную массу составляют обвинения в кражах (22), в «непотребстве» (19), из них многие содержат сопутствующие обвинения в пьянстве и «праздношатании». Отметим, что обвинения в «непотребстве» распространялись не только на женщин, но и на мужчин. Таких дел, в которых фигурируют обвиняемые-мужчины, удалось обнаружить пять, из них по двум были наказаны только мужчины³⁶, в двух — и мужчина, и женщина³⁷, еще в одном деле фигурируют шесть женщин и двое мужчин, т.е. речь идет, вероятно, о публичном доме — «по найму... особых покоях»³⁸. Если в деле фигурировала пара, наказанию могли подвергнуться и мужчина, и женщина³⁹. В одном случае — сожительства иностранца Василия Гильдебранта с дворовой девкой Аксиней Евстифеевой — о наказании последней ничего не известно. Возможно, сам владелец применил к ней какие-то санкции: согласно сенатскому указу от 1 (3) августа 1782 г., в смиренные дома запрещалось принимать тех, кто уже был наказан «за предрезности самими помещиками... на теле... за те же вины»⁴⁰. Так, в случае дворового Тараса Яковлева и солдатской жены Авдотьи Ивановой последняя была отправлена Управой в смиренный дом на две недели, в то время как Яковлев был наказан помещиком Александром Матвеевичем Нестеровым⁴¹. Устав благочиния не предусматривал обвинений ни в «прелюбодействе» (внебрачные половые отношения состоящих в браке или монашествующих), ни в «блуде»

³⁶ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1260; 356.

³⁷ Там же. Д. 1278; 598.

³⁸ Там же. Д. 797.

³⁹ Там же. Д. 1278.

⁴⁰ ПСЗРИ 1. Т. 21. № 15486. В делах Управы благочиния ссылка на этот указ — от 1 августа 1782 г.

⁴¹ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 598.

(половых отношениях неженатых, свободных людей⁴²). По всей вероятности, эти деяния, секуляризация которых началась с Соборного уложения 1649 г. (гл. XXII), а затем в более разработанном виде продолжилась в Артикуле воинском 1715 г. (гл. XX)⁴³, вновь выносились за рамки светского разбирательства, а наказание за них предполагалось возратить в компетенцию церкви. Отметим, что Управа четко руководствовалась буквой Устава и не предъявляла обвинений в «прелюбодеянии» или «блуде»: все были задержаны именно в «непотребстве» (однажды — «беспутном сожитии»), лишь один раз встречается дело по обвинению в «блудном житии»⁴⁴.

По делам 1784–1787 и 1803 гг., по которым в московскую управу благочиния были приведены задержанные «в непотребстве», в поле зрения попадают 23 человека — 18 женщин и 5 мужчин. Большинству из них было назначено наказание по ст. 263 Устава благочиния, т.е. смирительный дом. Основную массу приговоренных составляют солдатские или рекрутские жены — 13 человек, считая жен младших чинов (сержантскую и унтер-офицерскую). Остальные: из незамужних — две дворовые и одна фабричная девка, дочь канцеляриста и служительская дочь; из состоявших в браке — мещанская, крестьянская, аудиторская⁴⁵, фабричная жены и жена копииста. Мужчины — двое дворовых, один помещичий крестьянин, дворянской волости отставной конюх и иностранец. Таким образом, лично зависимых среди них было восемь человек (трое мужчин и пять женщин).

Большую важность имеет вопрос об их происхождении и, как следствие, географической мобильности. Дела показывают, что последняя у задержанных и приведенных

⁴² Об этом см.: *Корогодина М.В.* Исповедь в России в XIV – XIX веках: Исследования и тексты. СПб., 2006. С. 129–130.

⁴³ Об этом подробнее см.: *Ролдугина И.А.* Калининская комиссия и Калининский дом. С. 41–49.

⁴⁴ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 356.

⁴⁵ Аудитор — должность военного юриста в военном суде (Воинский устав, гл. 50).

в Управу довольно высока. К сожалению, невозможно с точностью сказать, какая доля фигурантов этих дел Управы благочиния была укоренена в московской городской среде и имела там устойчивые связи. Очевидно, что местными жителями, по крайней мере, проживавшими долгое время в Москве со своими владельцами, являлись дворовые люди (двое мужчин и двое женщин). Точно известно, что долгое время в Москве жила дворовая девка Анна Андреева, 30-ти лет, задержанная вместе с солдатской женой Аксиньей Ивановой на гауптвахте в Кремле 30 декабря 1786 г.: она проживала в Москве у майора Шамарина, который продал ее в Орле тамошнему жителю, от которого она была отправлена «з данным ей билетом в Санктпетербург для услуг неизвестной ей х какой Госпоже Арине Казминой», и от нее с тем же билетом приехала в Москву «на свое пропитание»⁴⁶. Из Москвы родом была, если верить ее словам, дочь канцеляриста вотчинной коллегии Василия Виноградова Александра⁴⁷. Однако в своих показаниях она называла самые разные места жительства в Москве, и частные приставы в течение двух лет, с 1786 по 1788 г., просто сбились с ног в попытках найти кого-нибудь из тех, у кого она, по ее словам, снимала углы, начиная с ее мачехи. В результате Управа благочиния направила Александру в нижний надворный суд для решения вопроса о выдаче паспорта⁴⁸.

Из тех, чье происхождение известно, большая часть оказалась в Москве, прибыв из центральных губерний, как близких к Москве — Ярославской⁴⁹ и Тульской⁵⁰, так и более отдаленных: Курской⁵¹, Тамбовской (г. Темников)⁵², Воронежской⁵³ и Вологодской (г. Вологда)⁵⁴;

⁴⁶ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 853. Л. 3 об.—4.

⁴⁷ Там же. Д. 883.

⁴⁸ Там же. Л. 12–24 об.

⁴⁹ Там же. Д. 797. Л. 8.

⁵⁰ Там же. Оп. 3. Д. 88.

⁵¹ Там же. Л. 13 об.

⁵² Там же. Оп. 8. Д. 853. Л. 4 об.

⁵³ Там же. Д. 1279.

⁵⁴ Там же. Д. 858. Л. 2–2 об.

еще два человека были по рождению «иностранцами». Из ближней к Москве округи — Звенигородского⁵⁵ и Волоколамского⁵⁶ уездов — были родом две женщины, еще одна — из соседнего с Московской губернией Вяземского уезда⁵⁷. Из дворцовой Пахринской волости пришел в Москву конюх императорских конюшен⁵⁸, однако о его происхождении ничего не известно. Среди солдаток родившихся в Москве, не было, скорее всего, вовсе. О том, что больше других в московской среде была укорена солдатская жена Александра Петрова, свидетельствует тот факт, что в Москве проживали ее двое взрослых сыновей, один из которых был женат и служил рядовым в Московском гарнизонном полку, а другой был дворовым⁵⁹.

Документы Управы благочиния позволяют найти ответы и на самый важный и интересный вопрос: чем добывали себе пропитание эти люди, оказавшиеся в условиях относительной независимости, т.е. свободы от непосредственного надзора со стороны владельцев, приказчиков или старост (за исключением дворовых людей)? Наиболее «высокопоставленным» из всех и, действительно, свободным человеком был Василий Гильдебрант, обвинявшийся в «сманении девки». Он именовался «иностранцем», хотя, как следует из его допроса, родился в Петербурге и всегда жил в России: «Отец ево Василей Гильдебрант уроженец был голанской нации города Амстердама и из оного города вывезен он был в 1705 году в Санкт Петербург, где и жителство имел, и женился на иноземке Марье Ивановой дочери, и с нею прижил ево, Василья, а как она и отец умре, то он, Василей, жителство имел в городах Таболске и Оренбурге, а потом приехал в 757-м году сюда в Москву, где и поньне жителство имеет в 10-й части у Покровских ворот»⁶⁰.

⁵⁵ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 884. Л. 5.

⁵⁶ Там же. Л. 6.

⁵⁷ Там же. Д. 1344.

⁵⁸ В Пахринской волости — царской вотчине — находились императорские конюшни, село Пахрино было центром коннозаводского дела.

⁵⁹ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 3. Д. 100. Л. 4 об., Л. 14–14 об.; Оп. 2. Д. 132. Л. 3–4.

⁶⁰ Там же. Оп. 8. Д. 356. Л. 6.

Гильдебранту к моменту ареста было 55 лет, и он находился в отставке, имея о «добропорядочной службе» аттестат, выданный ему Опекунским советом Воспитательного дома. Там он прослужил с 1767 г. семь лет в должности комиссара⁶¹. Сам Гильдебрант показал, что «пропитание имеет от переводу немецких писем на русской язык и у присмотру партикулярных строениев»⁶², однако это не помешало Управе согласиться с коллежским ассессором Боголюбовым, владельцем дворовой девки, определившим его в своем доносе как «праздношатающегося»⁶³.

Обычное занятие солдатских жен, как они сами показывали в допросах, — «работницы»: например, рекрутская жена Мавра Романова состояла работницей у каретного мастера Мартына Рана⁶⁴. Дворовая девка Анна Андреева «проживала в разных местах, нанимаясь к пропитанию себя у разных людей работать всякую работу»⁶⁵. Солдатская жена Татьяна Тимофеева проживала сначала в Туле, где «нанелась в работницы народного училища к учителю Филату Гаврилову с[ы]ну Покровскому, у коего и жила семь лет из черной только пищи и одежды», а затем с новым паспортом «не захотела у него Покровского жить, а поехала в Маскву и по приезде проживала у разных хозяев в работницах». Затем она переехала «к Дорогомилловскому мосту в дом, а какой не знает, ... в коем нанимала угол, а пропитание стала иметь от непотребства»⁶⁶. Работницей же состояла солдатская жена Афимья Иванова, задержанная в январе 1803 г.: сначала у сапожного мастера дворового человека Никитина, а затем у купца Джежулина «с платою по дватцати рублей в год». Однако, пропив «с товарками» «рублевик», занятый у нового хозяина в обмен на свой «билет» (т.е. пас-

⁶¹ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 356. Л. 4.

⁶² Там же. Л. 6.

⁶³ Там же. Л. 3–4.

⁶⁴ Там же. Д. 595.

⁶⁵ Там же. Д. 853. Л. 4.

⁶⁶ Там же. Оп. 3. Д. 88. Л. 2 об.

порт), она «к тому купцу уже не явилась, а потом пошла к салдатам в казармы, у коих и проживала ради непотребства, а днем хаживала в питейные дома»⁶⁷.

Иногда допрашиваемые уточняли, что «мыли белье» на своих хозяев. Солдатская жена Матрена Агафонова, имевшая при себе сына 15 лет, не записанного в ее паспорте, оказавшись в Москве после скитаний, состояла в услужении у бригадира Чичерина, а затем «мывала белье» на бывшего при бригадире сержанта Дурново, а затем и проживала с ним «вместо работницы на ево, Дурново, содержания для непотребства». Также «для мытья белья» Агафонова приходила к нему в кригсрехт, куда Дурново был посажен «неизвестно по какому делу»⁶⁸. В «работницах» обращалась также и солдатская жена Анна Ключева, но «как бес пашпорту в работницах ниhto принять не хотел, то уже принуждена пойти камисариатцкой команды к салдатам для мытья рубашек, откуда взята полицейской командой»⁶⁹.

Другой вид занятий женщин — фабричный труд. Фабричная жена Степанида Алексеева рассказала, что проживала (и, вероятно, работала) на фабрике «содержателя Коломитина⁷⁰», а когда муж ее, матрос⁷¹ Московской адмиралтейской парусной фабрики, был отправлен в Новгород, «она при переведении той фабрики в тот Новгород от мужа своего бежала»⁷². Парусная фабрика (с 1703 г.), где был приписан муж Алексеевой, прекратила работу во время эпидемии чумы в Москве; фабри-

⁶⁷ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 89. Л. 2–3.

⁶⁸ Там же. Оп. 8. Д. 1344. Л. 2–2 об.

⁶⁹ Там же. Д. 1279. Л. 2–2 об.

⁷⁰ Шелковая фабрика Якова Коломинтина «за Язую в приходе Никиты Мученика в 10 части», рабочих состояло на ней 13 человек. См.: Рубан В.Г. Описание императорского, столичного города Москвы, содержащее в себе: звание городских ворот каменных и деревянных мостов, больших улиц и переулков... собранное в 1775 году и изданное в свете для удовольствия общества... СПб., 1782. С. 138.

⁷¹ Все приписанные к Московской парусной фабрике числились матросами, поскольку фабрика принадлежала Адмиралтейству.

⁷² ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1345. Л. 5.

ку было решено закрыть, а производство возобновить в Новгороде. После постройки новой фабрики туда были перевезены зимой 1779/80 г. 90 мастеровых⁷³, по всей видимости, в их числе и муж Алексеевой (на поле листа с допросом приписка — точное указание, когда это произошло: «лет с семь»⁷⁴). В освободившихся на Стромьинке помещениях расположились Екатерининский богадельный, работный и смиренный дома (куда в результате Алексеева и отправилась). Другая фабричная, девка Марфа Яковлева, «полской нации, откудова назад тому лет двенадцать вывезена тулскаго пехотнаго полку поручиком Михаилою Ивановым в город Санкт Петербург, откудова привес ее в Москву»⁷⁵, работала на шелковой фабрике Семена Турчанинова⁷⁶. В первом случае женщина оказалась на фабрике, став женой мастерового («матроса»), а во втором случае — была отправлена на шелковую фабрику принудительно (можно предположить, что по упоминавшемуся выше указу 1762 г.) после первого срока в смиренном доме, как следует из допроса⁷⁷.

Неясно, имели ли, хотя бы когда-нибудь, занятия те, кто в своих допросах сразу показывал, что пропитание имели «от непотребства», как, например, жена вологодского мещанина Афимья Михайлова: она приехала с мужем-столяром в Москву, но когда тот уехал в Вологду за новым паспортом («откуда и поныне не приезжал»), она, беспаспортная, проживала «по бедности своей у квартирующих разных полков салдат в непотребстве, ...пропитание имела от тех же салдат»⁷⁸. В важнейшем исследова-

⁷³ См.: Мурзанова М. На московско-новгородской парусной фабрике (1696–1772–1829 г.г.) // Архив истории труда в России, выпускаемый Ученою Комиссией по исследованию истории труда в России. Петроград, 1921. Кн. 2. С. 1–2.

⁷⁴ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1345. Л. 5.

⁷⁵ Там же. Д. 1280. Л. 5.

⁷⁶ Шелковая фабрика Семена Турчанинова было довольно крупным предприятием: «каменная на Ольховице, в Покровском приходе в 11 части», рабочих было на ней 120 человек. См.: Рубан В.Г. Описание императорского, столичного города... С. 139.

⁷⁷ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1280. Л. 5.

⁷⁸ Там же. Д. 858. Л. 2–2 об.

нии немецкого историка М. Дингеса, изучающего структуры бедности в раннее Новое время, отмечается, что для женщин в городе возможности занятости ограничивались работой по дому или такими сомнительными занятиями, как мелочная торговля, стирка или трактир; именно это ущемление экономических интересов частично объясняет распространение проституции⁷⁹.

Определенно, что некоторые из арестованных женщин зарабатывали «непотребством», несмотря на то, что имели какую-то, хотя бы временную работу. О том, что такого рода заработки в этой среде были обычным делом, видно из допросов: так, Александра Петрова, приведенная в часть в первый раз за «непотребство» «допросом показала, что шед она Генваря 7го числа Новою площадь[ю], на коей попался ей неизвестно какаго звания человек по-видимому мастеровой лет 17-ти, уговаривал ее, чтоб она с ним шла пить вино, а потом и для непотребства, за что и обещал ей дать денег дватцать пять копеек, и как она согласилась»⁸⁰. Дворовая женка Дарья Ерофеева также на допросе сообщила, «что сего февраля 4го числа ходила она на Москву реку для мытья господскаго платья, откуда по подговору Воронежскаго пехотнаго полку салдата Михаила Иванова для непотребства и с платьем бежала, и привезена на нанятом Ивановым извощике в Тверскую ямскую слободу в питейной дом»⁸¹.

Это были заработки, скорее, «случайные», однако среди документов Управы есть одно дело, позволяющее составить представление о самом обычном публичном доме, каких в Москве было, вероятно, довольно много. В декабре 1786 г. пристав 5-й части забрал из дома секунд-майора Федора Федоровича Зубова шестерых женщин и двух мужчин. Согласно его рапорту, «по найму в особых покаях разнаго звания женки находятся в рас-

⁷⁹ Dinges M. *Stadtarmut in Bordeaux. 1525–1675. Alltag. Politik, Mentalitäten*. Bonn, 1988. S. 55.

⁸⁰ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 3. Д. 100. Л. 1.

⁸¹ Там же. Оп. 8. Д. 1277. Л. 1а.

путном житии (на полях приписано: «и в чинении разнаго звания с людьми непотребства»)». Все эти женщины имели паспорта, и все, как одна, утверждали, что имеют жительство «в сей 5ой части по наиму в особом покое в доме секунд майора Федора Федоровича Зубова»⁸². Также в «особых покоях» проживал отставной конюх императорских конюшен Никандр Васильев, а крестьянин Илья Петров заявил, что якобы зашел к Марье Филипповой «за долгом, имеющемся на ней денег трех рублей, которая мне должна за арженую муку»⁸³. Одна из женщин была замужем за солдатом Московского полка, другая — за сержантом Киевского полка, «арапом», еще одна — за аудитором Ревельского карабинерного полка в чине прапорщика. 19-летняя Анна Григорьева, хотя и именуется унтер-офицерской женой, указала только отца — унтер-офицера Московского карабинерного полка⁸⁴.

Можно предположить поэтому, что последняя была родом из Москвы, в то время как указания на полки, в которых служили мужья остальных женщин, ничего не говорят об их происхождении. Чуть более ясно происхождение вдовы копииста астраханского магистрата Марьи Филипповой: паспорт ей был выписан в Астраханской губернской канцелярии⁸⁵, и из его копии, приложенной к делу, следует, что муж ее был вольноотпущенным крестьянином курского помещика⁸⁶. Судя по тому, что ей было 52 года (возраст остальных женщин колебался от 16 до 35), а также по тому, что, по словам одной из женщин, «особые покои» в доме Зубова принадлежали именно Марье Филипповой⁸⁷, она могла быть содержательницей этого притона. Точное происхождение можно установить лишь для 16-летней Дарьи Никитиной, дочери служки

⁸² ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1277. Л. 2–7.

⁸³ Там же. Оп. 8. Д. 797. Л. 8.

⁸⁴ Там же. Д. 797. Л. 2–7 об.

⁸⁵ Там же. Л. 5.

⁸⁶ Там же Л. 13 об.

⁸⁷ Там же. Л. 7.

Иосифо-Волоцкого монастыря, указавшей, что происходит она из Волоколамска, где при монастыре она состоит в подушном окладе по 4-й ревизии⁸⁸. Двое мужчин, задержанных в доме секунд-майора Зубова: Никандр Васильев сын Балабанов — конюх дворцовых конюшен Пахринской волости, отнес себя к «волноопределяющимся господским людям». Конюхом он прослужил не более двух лет — с 1782 по 1783 г., после чего был отставлен «за болезнь» и проживал с тех пор в Москве в «особых покоях» в доме Зубова. Крестьянин Илья Петров, принадлежавший вотчине поручика Волкова в Ярославском уезде, указал, что приписан там по 4-й ревизии и отпущен с паспортом «для прокормления работой» в Москву⁸⁹. Об «общем умысле» говорит тот факт, что на допросах все восемь человек говорили о происшедшем неизвестно от кого «шуме у ворот», в результате чего они и оказались в части; конюх упомянул еще и затеянную «ссору неизвестно с кем на улице»⁹⁰. О своих занятиях сообщила только одна женщина — аудиторская жена Федора Дмитриева, 35 лет: «Пропитание ж я имею, забирая разного звания людей для шитья белья и мытья онаго ж»⁹¹. Конюх Васильев, проживавший в тех же покоях, как кажется, мог выполнять роль сводника⁹².

Примечательной персоной была солдатская жена Александра Петрова, «по мужу Новикова», которой было 50 лет. Она фигурирует сразу в двух делах, сохранившихся в фонде Управы благочиния. За год, с января 1803 г. по январь 1804 г., она успела минимум трижды побывать «в приводе». К моменту первого известного нам привода в январе 1803 г. Александра Петрова не имела, вероятно, никаких занятий в городе, будучи запойной

⁸⁸ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1277. Л. 6.

⁸⁹ Там же. Д. 797. Л. 8.

⁹⁰ Там же. Л. 9–9 об.

⁹¹ Там же. Л. 7.

⁹² О сводниках, наказанных заключением в Калинкинский дом, см.: Ролдугина И.А. Калинкинская комиссия и Калинкинский дом. С. 70.

пьяницей и проживая в Москве уже довольно долгое время. Держаться на плаву ей позволяло то обстоятельство, что двое ее сыновей также проживали в Москве. Один из них в 1803 г. служил в Московском гарнизонном полку рядовым (в 1804 г. Петрова показала, что он живет «в главном гошпитале»⁹³) и был женат (так, одежду она, по крайней мере однажды, одолжила у своей невестки⁹⁴), а второй сын, Петр Максимов — дворовый человек, проживал у господина своего в Тверской части⁹⁵. В январе 1803 г. Петрова показала, что проживала у сына в казармах⁹⁶, однако ее невестка опровергла показания свекрови: «напредь же сего жительство она у меня не имела, а прихаживала времянно, и где жила, не знаю»⁹⁷. Тогда Петрова «в дополнение прежде учиненнаго ей допроса» сообщила, что в действительности «жительство она имела не у сына своего роднаго, находившегося в казармах Московскаго Гарнизоннаго полку салдата Дмитрия Максимова сына Новикова, а проживала по разным деревням и полола траву, и жала хлеб, а по осени, зделавшись она больною, а потому и была в больнице в Екатерининской, где и билет с ней находился, а по выздоровлении из оной вышла и шеталась днем по питейным домам, а начевать хаживала в казармы к салдатам для непотребства»⁹⁸.

Из допроса Петровой от января 1804 г. выясняется, что она пыталась все же начать «новую жизнь»: в Филиппов пост 1803 г., т.е. в ноябре, она нанялась в работницы к столяру, вольноотпущенному дворовому человеку за 19 руб. в год. Однако продержалась недолго: уже на третий день после Рождества, взяв у хозяина 4 руб. 16 коп. в обмен на свой «билет» (как утверждал столяр Матвей Михайлов, она взяла 4 руб. 50 коп., «ис коих ею

⁹³ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 132. Л. 3 об.

⁹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 100. Л. 14–14 об.

⁹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 132. Л. 3 об.

⁹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 100. Л. 3.

⁹⁷ Там же. Л. 14 об.

⁹⁸ Там же. Л. 15.

заслужено два рубля, за тем за нею остается два рубля пятьдесят копеек»⁹⁹), она отправилась сначала к сыновьям: дворовому Петру и солдату Дмитрию Максимовым. Переночевав у каждого из них, она продолжила свой путь уже по питейным домам и в результате оказалась в части, где совершила кражу тулупа у арестанта¹⁰⁰.

Крестьянская жена Домна Иванова, схваченная в 1786 г., бежала годом ранее из вотчины своего помещика Хрущова Звенигородской округи «от несносных побой», видимо, своего мужа¹⁰¹. В ее истории ничего нет о том, что она состояла где-либо «работницей»: Иванова сразу сообщает, что «жила для непотребства» у солдата Шлиссельбургского пехотного полка, пока часть не ушла из Москвы, «и после онаго шеталась по разным местам, по чему и взята в празном шетании ночными сторожами»¹⁰². Также солдатская жена Аксинья Иванова, 30-ти лет, взятая 30 декабря 1786 г. пьяной на кремлевской гауптвахте, в Москве «проживала в разных местах, а больше обращалась в прелюбодействе с разными салдатами»¹⁰³.

Со ссылкой на ст. 263 Устава благочиния (иногда с уточнением: по «3 отделению») Управа благочиния назначала обвиняемым различные сроки пребывания в смирительном доме. Почти во всех случаях приговор звучал так: «за оное непотребство для употребления в работу в [упраздненный] Андреевский монастырь»¹⁰⁴. В этом монастыре, согласно именному указу 12 августа 1775 г., находилось женское отделение работного дома «для буйных ленивцев»¹⁰⁵, и там же в 1782 г. с изданием Устава благочиния был открыт, по крайней мере формально, смирительный дом. В 1775–1777 гг. работный дом находился в ведомстве московского обер-полицмейстера

⁹⁹ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 132. Л. 6.

¹⁰⁰ Там же. Л. 1, 3–3 об.

¹⁰¹ Там же. Оп. 8. Д. 884. Л. 5

¹⁰² Там же. Л. 5 об.

¹⁰³ Там же. Д. 853. Л. 4 об.

¹⁰⁴ См., напр.: Там же. Оп. 8. Д. 858. Л. 3.

¹⁰⁵ ПСЗРИ 1. Т. 20. № 14357.

Н.П. Архарова, а с 1777 г. управлялся особым советом, состоявшим из членов медицинского и административного персонала Екатерининской больницы, богаделенного и инвалидного домов. Председательствовал в совете тот же Архаров¹⁰⁶. Приговоренных к заключению Управа направляла в московский приказ общественного призрения, который принимал наказанных под расписку, имеющуюся в каждом деле. Только потом они оказывались в смиренном доме.

По букве Устава благочиния, за содержание публичного дома полагался штраф в размере 12-дневного содержания в смиренном доме и пребывание в нем до уплаты штрафа; за пользование соответствующими услугами — штраф в размере 6-дневного содержания и также заключение до его уплаты, а за непотребство-«ремесло» — собственное или вовлечение других в «непотребство» — полгода заключения в смиренном доме. Тем не менее о штрафах в приговорах за «непотребство» нигде не упоминается. Отправленным в смиренный дом было назначено: в двух случаях — по две¹⁰⁷ и в одном — три недели заключения¹⁰⁸, в 10 случаях — полгода пребывания в нем. Только в одном случае приговором был год пребывания в смиренном доме. Большинство приговоров, таким образом, по срокам соответствовали букве закона. Рассмотрим самый суровый и самые легкие из приговоров, а также те случаи, когда осужденные оставались в смиренном доме больше положенного срока.

На год «в работу в Андреевской монастырь» была отправлена в 1785 г. рекрутская жена Ирина Евдокимова, обвинявшаяся в «беспутном сожитии». Отсутствие в ее деле подробностей задержания и допроса объясняется, видимо, тем, что она была прислана в Управу из московской конторы Военной коллегии, а не была задержана

¹⁰⁶ Молнар В. Исторический очерк Императорского Екатерининского богаделенного Дома. М., 1888. С. 183.

¹⁰⁷ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 598.

¹⁰⁸ Там же. Д. 595.

частным приставом или караулом. Возможно, отягчающим обстоятельством послужила «беззаконно прижитая дочь», имевшаяся при ней¹⁰⁹. В делах, где назначалось обычное полугодовое наказание, встречаются случаи, когда наказанные пребывали в смирительном доме год и даже более. Так, фабричная девка «полской нации» Марфа Яковлева, приговоренная Управой в июне 1786 г. к полугоду работ¹¹⁰, по отбытии наказания была возвращена в Управу из приказа общественного призрения в мае 1787 г. По всей видимости, причиной ее задержки в смирительном доме было «излечение в больнице», за которое ее работодателю, шелковому фабриканту Семёну Турчанинову, причиталось уплатить приказу немалую сумму — 12 руб.¹¹¹ Будучи допрошена в части, Яковлева, утверждавшая, что ей 20 лет, сообщила, что находилась в смирительном доме два года, «да в больнице три месяца», в то время как не пробывала в доме в общей сложности и года, как следует из документов дела. По ее словам, ранее она уже успела провести там якобы целых пять лет, будучи отослана туда московским обер-полицмейстером Б.П. Островским¹¹². Очевидно, что счет времени она вела очень приблизительный, и доверять указанным ею срокам нельзя. Можно лишь утверждать, что оказаться в смирительном доме впервые она могла не ранее 1782 г. и не позже 1785 г., когда Островский был отставлен от должности и предан суду за взяточничество¹¹³.

Почти все женщины, попавшие из смирительного дома в больницу (по всей видимости, в Екатерининскую), проводили в ведомстве приказа общественного призрения больше времени, чем полагалось по приговору, и оказывались задолжавшими за лечение в больнице. Логика органов власти в государстве, где все связи между людьми

¹⁰⁹ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 594. Л. 1а–2.

¹¹⁰ Там же. Д. 1280. Л. 10–10 об.

¹¹¹ Там же. Л. 1а.

¹¹² Там же. Д. 1280. Л. 5.

¹¹³ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 164.

основывались на личной зависимости или принадлежности (*domestic authority*¹¹⁴), требовала, чтобы ответственным за выплату долга был их владелец. В редких случаях, однако, человек не принадлежал никому, причем чаще это были незамужние женщины: мужчина чаще оказывался связан если не отношениями службы или личной принадлежности, то контрактом о найме. Например, канцеляристская дочь Александра Виноградова, отправленная в смиренный дом в декабре 1786 г. на полгода, освобождена в феврале 1788 г. Из приказа общественного призрения в Управу сообщали, что в смиренном доме она содержалась полгода, «а протчее время находилась она в больнице»¹¹⁵, которой задолжала 28 руб.¹¹⁶ Если в случае с фабричной девкой Марфой Яковлевой уплатить долг был обязан фабрикант Турчанинов, поскольку сама Яковлева «помянутых д[е]н[е]г платить... не в состоянии»¹¹⁷ (в связи с чем и была отправлена после долгого разбирательства из Управы в ту часть Москвы, где находилась фабрика¹¹⁸), то с Виноградовой долг пришлось списать: «за излечение ее денги ...по неимуществу ее из доимки исключены»¹¹⁹. Взыскать деньги — 24 руб. — за содержание в больнице крестьянки Домны Ивановой приказа общественного призрения собирался с ее владельца помещика Алексея Хрущева. Для этого Иванова, пробывшая в смиренном доме и больнице в общей сложности год,

¹¹⁴ Roche D. *People of Paris: An Essay in Popular Culture in the 18th Century*. Leamington; Hamburg: N.Y., 1987. P. 272.

¹¹⁵ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 883. Л. 7.

¹¹⁶ Там же. Л. 3.

¹¹⁷ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1280. Л. 6–6 об.

¹¹⁸ О местонахождении фабрики сведения расходятся: В.Г. Рубан сообщает, что фабрика Турчанинова находилась в 11-й части, в то время как сам Семен Турчанинов утверждал в допросе, что его «фабрика производством уничтожилось и находящиеся при оной фабрике женщины отосланы при сообщении на шолковую фабрику московского купца Ерофея Дудышкина, состоящую в 19 части» (Л. 4–4 об.). По сведениям Рубана, фабрика Ерофея и Козмы Дудошинных находилась в 13-й части (*Рубан В.Г. Описание императорского, столичного города... С. 139*), а отослана Яковлева была из Управы в 18-ю часть (Л. 8).

¹¹⁹ Там же. Д. 883. Л. 7.

была отослана в нижний земский суд Звенигородского уезда, где находилась вотчина ее помещика¹²⁰.

Получить деньги за пребывание в больнице приказу общественного призрения удалось, по крайней мере, за фабричную жену Степаниду Алексееву: она провела в смирительном доме по приговору Управы около полугода или немногим больше (с лета 1786 г. по январь 1787 г.). Внести эти деньги обязан был ее муж, находившийся в Новгороде, но, с другой стороны, она была работницей на фабрике, поэтому хозяин фабрики и должен был нести ответственность за Алексееву. Управа представила московскому губернскому правлению два возможных решения: отправить Алексееву к ее мужу в Новгород «со взысканием с него за излечение ее в больнице денег трех рублей» или же взыскать эти деньги с фабриканта, несмотря на то, что «Коломитин ее обратно не берет и денег платить за излечение не хочет»¹²¹. После длительной переписки Управа, получив указ губернского правления, сумела отдать Алексееву на фабрику и взыскать 3 руб. с Коломитинова, о чем к делу приложена расписка¹²².

По две и три недели пребывания в смирительном доме получили солдатская жена Авдотья Иванова, взятая с дворовым человеком Тарасом Яковлевым «в непотребстве»¹²³, и рекрутская жена Мавра Романова, служившая в работницах у каретного мастера Мартына Рана, где и «обращалась в непотребстве», а к тому же не отдала взятые у него 2 руб. 40 коп.¹²⁴ За три недели в смирительном доме ей начислили «на пищу» 81 коп., однако от «взыскания за содержание ее денег» было решено воздержаться¹²⁵. Полгода заключения в смирительном доме получила и солдатская жена Матрена Агафонова, прожившая несколько лет «вместо работницы на ево, Дурно-

¹²⁰ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 884. Л. 3–3 об.

¹²¹ Там же. Д. 1345. Л. 6 об.

¹²² Там же. Л. 7–9а.

¹²³ Там же. Д. 598. Л. 1–2 об.

¹²⁴ Там же. Д. 595. Л. 2–3 об.

¹²⁵ Там же. Л. 1а.

ва, содержании» и не оставившая своего сожителя, когда он был посажен в тюрьму (при московском кригсгерихте, откуда «означенной Дурнов хаживал к ней, в той квартире временно начевывал и чинил непотребство»)¹²⁶. В таких делах речь идет фактически о невенчаных браках, в которых состояли разнообразные московские жители. Как видно из дел, Управа не различала или не разбиралась в тонкостях: по всей видимости, в случае Матрены Агафоновой и Дурново речь идет о постоянной связи, в то время как в случае Мавры Романовой, очевидно, — о «ремесле», однако никакой градации в наказаниях нет.

Можно с уверенностью говорить о том, что практика сожительства была очень распространенной, если учесть, что в больших городах не было редкостью даже двоебрачие¹²⁷. Также и упоминавшийся Василий Гильдебрант состоял, если не в очень длительной, то постоянной связи с дворовой Аксиньей Евстифеевой. Чтобы спасти положение, он попытался использовать возможности, о которых он роду своей деятельности был хорошо осведомлен. Так, «когда приблизилось время девки родить беззаконно прижитого ребенка, научил он для сокрытия ее родов из дому моего [коллежского ассесора Боголюбова] уйти 16го августа, и приняв ее тогож числа к себе, держал ее, укрывая у себя с две недели», а когда владелец девки Боголюбов стал ее разыскивать, «то он, о том уведомясь, отпустил ее в казенную родильную, куда и сам приходил неоднократно для свидания, и передавал гостинцы». Боголюбов выдвинул Управе благочиния версию поступков Гильдебранта, исключавшую возможность личной привязанности: «Как видно все ево намерение к тому клонилось, чтоб подманя девку, скрывать ее под ложным именем, для блудодейства: то просил главную повивальную бабку отпустить ее с ним из родильной, от которой услыша противное, ушел скоро и после не являлся»¹²⁸.

¹²⁶ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1244. Л. 3.

¹²⁷ Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова. С. 188–194.

¹²⁸ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 356. Л. 5.

Дело Василия Гильдебранта — уникальный документ, свидетельствующий о том, что московские жители умели — или по крайней мере пытались — поставить себе на службу созданные властью институты, в данном случае — родильный госпиталь при Воспитательном доме. И если власть их созданием преследовала цель «размножения народа» и даже создания «новой породы людей», то обращавшиеся к этим институтам в своей повседневной жизни жители города использовали их для решения личных проблем. Обращает на себя внимание, что, хотя из первого департамента московского нижнего надворного суда было прислано решение поступить с Гильдебрантом по силе соответствующих статей Учреждений о губерниях и Устава благочиния¹²⁹, в самой Управе было решено отослать его в инвалидный дом¹³⁰. Инвалидный дом был открыт для помещения в него отставных штаб- и обер-офицеров, и к концу 1784 г. проработал уже пять полных лет¹³¹. Неясно, насколько это решение было вызвано путаницей в учреждениях, на тот момент переходивших из ведомства полиции в ведомство приказа общественного призрения. Возможно также, в данном случае помещение в инвалидный дом могло быть не наказанием, а привилегией, которую Гильдебрант получил благодаря «добропорядочной службе» (но не своему весьма необычному социальному статусу).

Еще одним исключением стал выбор наказания солдатской жене Федосье Петровой, схваченной «в побеге... от мужа ее и сносое разнаго платья и протчаго, и... в чинении с [крестьянином Рыбинской округи экономического ведомства] Вавиным непотребства». Во время следствия воровство Федосьи не подтвердили свидетели, сама она даже после увещевания священника призналась только «в непотребстве с крестьянином Вавиным», и за это была наказана по какой-то причине батогами по ст. 169

¹²⁹ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 356. Л. 1.

¹³⁰ Там же. Л. 1 об.

¹³¹ ПСЗРИ 1. Т. 20. № 14859.

гл. XX Воинского устава¹³², а не по Уставу благочиния. Управа распорядилась после исполнения наказания отдать ее законному мужу, однако частный пристав сообщил, что «муж ее Метлин находится в карауле в генеральном гофшпитале и на росписку взять жену свою Петрову не приходит»¹³³. После этого Петрова была отправлена в обер-комендантскую канцелярию, и больше о ней ничего не известно.

Рассмотрим теперь категорию наказанных по ст. 269 Устава благочиния — за кражу имущества на сумму до 20 руб. Наказание в работном доме за это преступление было сугубо воспитательным: отработка своим трудом суммы ущерба, к которой, согласно п. 2 ст. 269, прибавлялась дополнительная уплата 6% «тому, у кого украл». Из приговоров Управы следует, что на практике работный дом не различался со смирительным. До середины 1780-х гг., когда Екатерининская больница, работный и смирительный дома были переведены в строения упраздненной адмиралтейской парусной фабрики в ведомство приказа общественного призрения, разделения между работным и смирительным домами де-факто не существовало. Как отмечает В. Молнар, «жизнь обоих этих учреждений за все время их существования тесно была связана, а именно: оба эти заведения имели общее здание, общее управление и хозяйство, общую администрацию, и все различие между ними заключалось лишь на бумаге, где подразделялись лица, помещенные в работный дом, от лиц, присланных в смирительный дом»¹³⁴.

Так, если за «непотребство» наказанные по ст. 263 Управой направлялись именно в смирительный дом (за исключением одного наказания по Военному уставу батогами или передачи дворовых для наказания их владельцам), то в приговорах по ст. 269 значатся и смирительный, и рабочий дома, а также как вариант — отправка

¹³² ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 1276. Л. 1а об.

¹³³ Там же. Л. 3.

¹³⁴ Молнар В. Исторический очерк. С. 185.

вообще в приказ общественного призрения «для зарабатывания показанного покраденного...», т.е. возмещения причиненного ущерба. Так, у вольноотпущенной вдовы дворовой женки 50-летней Марины Ивановой, состоявшей в работницах у землемерного помощника, ушло шесть с половиной месяцев на то, чтобы отработать 8 руб., в которые были оценены хозяйская «женская короткая китайчитая новая на меху овчинном» шуба, две мужские и две женские рубахи¹³⁵. В присланном из приказа общественного призрения с ней в управу сопровождающем «предложении» указывалось, что провела это время она в рабочем доме¹³⁶. Дворовая девка Марфа Митрофанова, укравшая в октябре 1764 г. в Петровских банях у вдовствующей подпоручицы «две рубашки, коим цена два рубля пятьдесят копеек, двой бумажные чулки — один рубль, два палатенца — пятьдесят копеек и платок полотняной — рубль дватцать копеек, и подвяски» на общую сумму в 5 руб. 20 коп., заработала эту сумму с процентами за десять месяцев, причем в деле дважды упоминается, что она состояла именно в смирительном доме (к содержанию ее там приговаривает Управа, и присылается она по истечении времени наказания обратно в Управу именно из смирительного дома)¹³⁷.

По указу 3 апреля 1781 г. и в соответствии со ст. 269 Устава благочиния, сумма ущерба, за который можно было избежать суда и «отделаться» помещением в работный дом, составляла не более 20 руб. В рассмотренных делах сумма ущерба по оценке Управы или приглашенных с этой целью купцов составляла от 30 коп. до 16 руб. 22 коп. Одежда — самый распространенный предмет краж. Она фигурирует в 10 делах из 12, по которым обвиняемые были отправлены на принудительную работу: бобровая шапка, оцененная в 12 руб.¹³⁸, шляпа поярковая и сапоги, оценен-

¹³⁵ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 611. Л. 5.

¹³⁶ Там же. Л. 6.

¹³⁷ Там же. Д. 367. Л. 5, 7.

¹³⁸ Там же. Д. 607.

ные в 60 коп.¹³⁹, три пары рубашек с портами¹⁴⁰, рубашки мужская и женская, вывешенные для сушки на чердаке¹⁴¹, две рубашки, чулки, платок и два полотенца из бани¹⁴², распоротый овчинный тулуп, шапка «русская плисовая», рукавицы, кушак — всего на 11 руб. 40 коп.¹⁴³, разнообразное «господское» платье и полотенца, отданные в стирку на Москву-реку дворовой женке, всего на 15 руб.¹⁴⁴, овчинный тулуп стоимостью 3 руб.¹⁴⁵, тулуп нагольный стоимостью 5 руб.¹⁴⁶, хозяйские шуба, две рубашки мужские и две женские¹⁴⁷. Исключения составляют сундук ценных и не очень мелочей, унесенный Григорием Осиповым¹⁴⁸, и две серебряные вызолоченные пуговицы, украденные бывшим пономарем Василием Андреевым¹⁴⁹.

В двух делах обвинение в краже сопровождается обвинением в непотребстве. В одном случае «непотребство» не было доказано, и приговор был вынесен только за кражу, неясно, состоявшуюся или мнимую. Московский мещанин Федотов, нанявшийся в работники «для печатания листов» у московского жителя крепостного Василия Степанова, был обвинен последним в совращении его дочери. «Для надежности» Степанов заявил, что в доме у его работников после визита Федотова «пропало их рубашек и с портами три пары»¹⁵⁰. Поскольку «блудное житие» Федотова с дочерью Степанова другие работники отказались подтвердить письменно (хотя на словах показали обратное¹⁵¹), он был наказан лишь за кражу ру-

¹³⁹ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 873.

¹⁴⁰ Там же. Д. 599.

¹⁴¹ Там же. Д. 608.

¹⁴² Там же. Д. 367.

¹⁴³ Там же. Д. 604.

¹⁴⁴ Там же. Д. 1277.

¹⁴⁵ Там же. Д. 953.

¹⁴⁶ Там же. Оп. 2. Д. 132.

¹⁴⁷ Там же. Оп. 8. Д. 611.

¹⁴⁸ Там же. Д. 609.

¹⁴⁹ Там же. Д. 603.

¹⁵⁰ Там же. Д. 599. Л. 3. Василий Степанов был крепостным П.Б. Шереметева.

¹⁵¹ Там же. Л. 1а об.

бах, в которой тоже не признался: Управа отправила его в 14-ю часть «в городовую работу впредь на неделю»¹⁵². Через восемь дней Федотов был представлен обратно в Управу, которая попыталась вернуть его Степанову «для дослужения по контракту... с роспискою». Однако Степанов отказался держать у себя Федотова¹⁵³, и еще через неделю Управа отправила московского мещанина Федотова с контрактом и паспортом на «рассмотрение» в московский магистрат¹⁵⁴. Во втором случае Дарья Ерофеева, дворовая женка 30-ти лет, отправленная на реку с господскими вещами для стирки, бежала «с платьем» «по подговору Воронежского пехотного полку салдата Михаила Иванова для непотребства». Узел с вещами унес из питейного дома солдат Василий Семенов, а Ерофеева еще около двух недель «начевывала по разным местам и постоялым дворам и иногда и под заборами». Встретив в питейном доме солдата Семенова, Ерофеева пыталась узнать о судьбе хозяйского узла с вещами, но Семенов «чинил запирательство», завязалась драка, Семенов бежал, а Ерофееву арестовали¹⁵⁵. Наказание Ерофеевой было назначено одновременно по двум статьям Устава благочиния: за «чинение непотребства» по 263-й и за кражу по 269-й: «для употребления ее в рабочем доме»¹⁵⁶.

Из этих фактов нельзя определенно заключить, рассматривала ли полиция имущественные преступления как более серьезные сравнительно с преступлениями против нравственности. Важно отметить, что из 12 имеющихся у нас дел по кражам до 20 руб., разбиравшихся в Управе благочиния в 1780-е гг., ни в одном не фигурирует солдатская жена или вдова. Если по делам о «нравственности» женщины составляют большинство среди арестованных и

¹⁵² ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 599. Л. 9 об.: «кого со оною ево дочерью заставали работники первой рас в погребе, как с нею цаловался увидел Федор Кандратьев, а в другой рас Алексей Алексеев застал в нужном месте».

¹⁵³ Там же. Л. 11 об.–12.

¹⁵⁴ Там же. Л. 13.

¹⁵⁵ Там же. Д. 1277. Л. 1а–1а об.

¹⁵⁶ Там же. Л. 9.

наказанных Управой благочиния, то среди наказанных за мелкие кражи их не так уж много. Основные фигуранты дел — дворовые: четверо мужчин, одна дворовая девка и две дворовые женки, одна из которых объявила себя вольноотпущенной. Интересно, что последняя, уже упоминавшаяся выше Марина Иванова, спустив 2 руб. хозяйских денег, а затем украв у хозяев четыре рубахи и продав их на Неглинной за 1 руб. 20 коп. вместе с бывшей на ней хозяйской шубой, скрывалась на «господском дворе»¹⁵⁷, т.е. у своего бывшего владельца камер-юнкера Зиновьева. У него, вернее, у его дворни, она проживала долго: с сентября до конца декабря 1785 г., и только переехав к сестре, через неделю уже попала в поле зрения полиции¹⁵⁸. Наоборот, один из пойманных дворовых оказался бывшим пономарем из Переславль-Залесского уезда, записавшимся в дворовые «по желанию» в том же уезде в вотчине капитана Бекетова. Будучи отпущен своим владельцем с паспортом «для прокормления работой в розные росские города», в Москве он нанялся в Сретенский монастырь вновь «в пономарскую должность». Однажды, запирая церковь, он не удержался и украл две серебряные позолоченные пуговицы¹⁵⁹, оцененные в 30 коп.¹⁶⁰

Также среди фигурантов дел есть один находившийся в услужении человек «полской нации», один экономический крестьянин, и трое мужчин-мещан — вяземский и двое московских. Случай с Григорием Осиповым, «полской нации», социальный статус которого неясен, косвенно свидетельствует о том, что наказание принудительным трудом в исправительном доме, если и не выполняло своего прямого назначения, то, по крайней мере, имело очень серьезное эмоциональное воздействие. Григорий Осипов, 30-ти лет, родом из Риги, показывал: «назат тому лет 19ть из онаго города привезен сюда в Москву госпожей

¹⁵⁷ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 611. Л. 4 об.

¹⁵⁸ Там же. Л. 1а об.

¹⁵⁹ Там же. Д. 603. Л. 2.

¹⁶⁰ Там же. Л. 5.

полковницей Анной Даниловной Башмаковой, у которой и жительство имел здесь в Москве, а прошлого 784го года мая м[еся]ца, а котораго числа не упомяну, от оной госпожи отошел», получил паспорт в нижнем надворном суде и жил в Москве (из всего рассказанного им род его занятий остается неясным). Однажды, «напившись пьян» в питейном доме, он зашел в дом графа Толстого к знакомой дворовой девке, взял в людской закрытый на замок сундук «и со двора ушел, и отошед от онога двора, у Мясницких ворот оной сундук разломал и выбрал из него, что во оным имелось, завязал в свой платок, а сундук бросил». Перечень вынесенного в сундуке¹⁶¹ впечатляет: служитель дома графа Толстого утверждал, что сумма «покраденного» составляет 198 руб.¹⁶² Однако призванный для оценки московский купец Скрепков снизил цену каждой вещи от 2 до 40 раз, и оценил кражу, таким образом, лишь в 16 руб. 22 коп.¹⁶³, что спасло Осипова от уголовного суда. Управа отослала Осипова для установления личности в нижний надворный суд, откуда он, уже как Иозев, был отдан обратно управе с тем, чтобы отправить его в рабочий дом «ради зарабатывания показанной по оценке суммы»¹⁶⁴. Принятый в приказе общественного призрения 13 октября 1785 г., он был возвращен в управу 12 мая 1786 г. с рапортом от смотрителя инвалидного дома, «что оной за учиненную им кражу подлежащее число денег с процентами в пользу рабочего дома заработал», однако оказался должным 6 руб. за лечение в больнице¹⁶⁵. Когда приказ общественного призрения предложил возвратить его обратно на работу, пока он не заработает «издерженных за излечение денег», то «поляк Иозиф показанное число денег шесть рублей в управу взнес» в

¹⁶¹ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 606. Л. 3–3 об., 5 об.–7: здесь и «пряшки шлифные со стразами», и «цепочка от часов», и «пряжичка серебряная» и т.д.

¹⁶² Там же. Оп.8. Д. 609. Л. 5.

¹⁶³ Там же. Л. 7.

¹⁶⁴ Там же. Л. 11 об.

¹⁶⁵ Там же. Л. 14.

тот же день¹⁶⁶. Очевидно, перспектива вновь оказаться в работном доме заставила его немедленно найти возможность внести эти деньги. Неясно, почему тогда приказ не применил полутора годами позже этот же метод давления на канцеляристскую дочь Александру Виноградову или фабричную Марфу Яковлеву, а списал долг в первом случае, а во втором просто сбыл женщину с рук, отправив в часть по месту нахождения фабрики.

Приведенная в управу «в безчувственном пьянстве» за «непотребство» в январе 1803 г. Александра Петрова Новикова была отправлена на полгода в смирительный дом, о чем уже шла речь выше, однако уже 19 июня того же года оказалась в приводе в управе из Тверской части за кражу почтовой бумаги с золотым обрезом из лавки¹⁶⁷. В допросе она указала, что в смирительном доме действительно побывала, но какое именно время, неизвестно¹⁶⁸. Очевидно по датам, что своего полугодичного срока она не отбыла. Украденный у серпуховского купца 61 лист бумаги с золотым обрезом был оценен в 1 руб.¹⁶⁹, за что Петрова была отправлена на этот раз в рабочий дом, а уже через месяц оттуда выпущена, отработав стоимость украденного (с процентами или нет — в своем «предложении», посланном с Петровой в управу, приказ общественного призрения не сообщил)¹⁷⁰. Через год после первого известного нам привода в часть, в январе 1804 г., мы находим Петрову «во время начевания в тюрьме» вновь в Мясницкой части, где она «ночью с Лазарева тихим образом сняла старой нагольной тулуп, оцененной в пять рублей, и оный надела на себя под юпку и шугай¹⁷¹»¹⁷². Дворовый человек Лазарев, взятый накануне пьяным со

¹⁶⁶ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 609. Л. 15.

¹⁶⁷ Там же. Оп. 3. Д. 100. Л. 20.

¹⁶⁸ Там же. Л. 22.

¹⁶⁹ Там же. Л. 23.

¹⁷⁰ Там же. Л. 26–27.

¹⁷¹ Шугай – род короткого мужского армяка. См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1863–1866. Т. 4. СПб., 1866.

¹⁷² ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 132. Л. 1.

своими товарищами в часть, позвал для розысков тулупа частного пристава, который «обыскивая колодников нашел [тулуп] у колодницы салдатской женки, ...надетой на ней под юпкою и шугаю»¹⁷³. На допросе о краже тулупа Петрова показала, что была в смиренном доме в течение месяца за кражу бумаги¹⁷⁴, а о предшествовавшем этой краже полугодовом наказании за «непотребство» не упомянула вовсе. Управа вновь приговорила ее к заключению в рабочем доме для отработки стоимости украденного тулупа в пользу приказа общественного призрения. О процентах в пользу потерпевшего не упомянуто, возможно, потому, что Лазарев получил тулуп назад¹⁷⁵.

Постоянное движение населения — характерная черта раннего Нового времени¹⁷⁶, вызванная структурными изменениями, которые несет за собой модернизация. Исследование дел Московской управы благочиния показывает, что формы социальной стратификации конца XVIII—начала XIX в. уже не отражали многообразия действительности: повседневная жизнь и занятия части горожан заставляли их выходить за формальные границы отведенного им социального, географического и даже временного пространства. Эти изменения выразились как в маргинализации новых социальных групп, например, в воровском сообществе Москвы¹⁷⁷, так и в росте уровня криминализованности традиционных социальных групп, например, дворовых, как показано во второй части нашей работы.

Впрочем, думается, что в Москве, как и в России в целом, нашли отражение явления, характерные для европейского раннего Нового времени¹⁷⁸. В XVII в. с рас-

¹⁷³ ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 132. Л. 2 об.

¹⁷⁴ Там же. Л. 4.

¹⁷⁵ Там же. Л. 15.

¹⁷⁶ Danker U. Rauberbanden im Alten Reich um 1700. Ein Beitrag zur Geschichte von Herrschaft und Kriminalitat in der fruhen Neuzeit. Frankfurt/M., 1988. S. 358.

¹⁷⁷ Акельев Е.В. Социальный портрет московского «мошенника» XVIII в. С. 518.

¹⁷⁸ Особая социально-правовая ситуация, сложившаяся в связи с появлением категории «солдатских / рекрутских жен», описана: Щербинин П.П. Военный

пространением армий нового типа в Европе появляются массы отставных или дезертировавших солдат, становящихся «новыми бедными». По некоторым подсчетам, они составляли до четверти бедных и существенную часть участников банд. Так, например, в Пруссии-Бранденбурге на рубеже XVII–XVIII вв. солдаты с женами и детьми составляли около 5% всего населения¹⁷⁹. Похожие процессы происходили и в России в XVIII столетии¹⁸⁰.

Социальная структура усложнялась и, если и продолжала описываться в старых определениях, то уже не соответствовала им в реальности. Усложнение экономики было вызвано не только военными нуждами: спрос на относительную роскошь со стороны дворян вел к росту числа фабрик, в первую очередь — шелковых, использовавших полусвободный труд, а это меняло структуру городского населения. Московских фабричных мы видим и в воровской среде¹⁸¹, и среди наказанных за «непотребство». Большинство людей, согласно документам Управы благочиния, пришли в Москву на заработки или, как солдатские жены, надолго задержались в городе в поисках пропитания. Это постоянное движение населения не могло оставить власти равнодушными. Между тем, как на документах по истории Парижа подметил Даниэль Рош, полицейский надзор, стремившийся охватить каждое действие и идентифицировать каждого индивида, оказывается фикцией, позволяющей накапливаться потоку коллективного беспорядка (*disorder*)¹⁸².

В качестве ответа на все социальные изменения власти усиливают контроль за трудом и за нравственностью.

фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004.

¹⁷⁹ Danker U. Rauberbanden im Alten Reich um 1700. S. 357.

¹⁸⁰ Особая социально-правовая ситуация, сложившаяся в связи с появлением категории «солдатских / рекрутских жен», описана: Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной...

¹⁸¹ См.: Акельев Е.В. Социальный портрет московского «мошенника» XVIII в. С. 515.

¹⁸² Roche D. The People of Paris. P. 271.

Сходные реакции властей обнаруживаются и на Западе, и на Востоке Европы. Труд становится не только обязанностью простолюдинов, но и мерой наказания, и наказание *трудом* назначается не только за праздность, но и для пресечения внешних проявлений безнравственного образа жизни. Подобную политику городских властей в Париже XVIII в. Д. Рош описал как стремление «зафиксировать простой народ в неподвижном состоянии во времени и пространстве» (*immobilising the popular classes in time and space*), когда религия, экономика и нравственная проповедь — все работало на борьбу с праздностью, а труд становился цивилизующей силой и наградой в одно и то же время¹⁸³. В Москве, как и в Париже, полиция также в XVIII в. усиливает преследование «праздношатающих» и сопровождающих его пьянство и «непотребство». Соразмерный способ наказать эту «праздность» принудительным *трудом* и привел к исследовавшимся здесь практикам заключения и содержания в работных и смиренных домах.

¹⁸³ Roche D. The People of Paris. P. 272.

Материалы для истории повседневности
православного духовенства России XVIII в.
в фондах духовных консисторий

В последние десятилетия изучение истории повседневности стало чрезвычайно востребованным сначала в зарубежной, а позднее и в отечественной историографии. Интерес историков к изучению жизни рядовых людей, ничем не проявивших себя в важных исторических событиях, стал ответом на призыв прежде всего представителей школ исторической антропологии внимательнее исследовать «историю снизу», посредством анализа жизненных практик «маленьких людей» искать и обосновывать причинно-следственные связи событий «большой» истории¹.

Одним из известных примеров рассмотрения «больших» проблем социальной истории российского города XVIII в. через анализ повседневной жизни провинциального Бежецка стала монография А.Б. Каменского². Отдельный раздел в монографии посвящен отношениям горожан с клириками³. Основными источниками изучения истории повседневности горожан для А.Б. Каменского стали документы Российского государственного архива древних актов, в первую очередь материалы фонда «Бежецкая земская изба, ратуша и городской магист-

¹ Некоторые общие вопросы и обсуждения см., напр.: *De Certeau M. The Practice of Everyday Life*. Berkeley: University of California Press, 1984; *Crew D. F. A New Social History "From Below"?* // *Central European History*. 1989. Vol. 22. № 3–4. P. 394–407; *Histoire culturelle de la France / Sous la dir. J.P. Rioux et J.F. Sirinelli*. P., 1997–1998. Vol. 1–4; *New Perspectives on Historical Writing / Ed. P. Burke*. University Park (Pennsylvania), 1992 (или переиздания 2001 г. и др.). Автор выражает благодарность В.Е. Борисову и Е.Б. Смилянкой за указание на приведенные издания, а также иную помощь в работе над статьей.

² *Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века*. М., 2006.

³ Там же. С. 300–308.

рат» (РГАДА. Ф. 709)⁴. При этом автор подчеркивает, что его работа «построена по принципу “от источника”, и именно он, источник, диктует подходы, ракурс, масштаб обобщений и пр.»⁵.

Представляется интересным рассмотреть иные комплексы источников, раскрывающих сходные проблемы применительно к разным группам населения Российской империи XVIII столетия. В нашем случае предметом внимания стали материалы для истории повседневности православных священно-церковнослужителей (как городских, так и сельских), которые отложились в фондах духовных консисторий, т.е. региональных органов епархиального управления, возникших именно в XVIII в. Здесь сосредоточено основное число документов, связанных с историей духовенства на местах, в том числе и с различными аспектами повседневности клириков. Рассмотрение данной темы проводится на основе ряда примечательных дел, выявленных нами в фонде духовной консистории Тверской епархии (в которую входил и упоминавшийся выше Бежецк)⁶. Значительную часть сохранившихся документов этого фонда составляют материалы о назначении, рукоположении в сан, перемещении, лишении места тех или иных клириков. Особенности подобных дел уже были рассмотрены нами ранее⁷. Тут же описываются конфликты клириков друг с другом и представителями других сословий, разнообразные казусы из их семейной жизни, случаи «неподобного поведения» и т.д. В настоящей статье приводятся лишь отдельные примеры, позволяющие проиллюстрировать характер ситуаций, нашедших отражение в материалах консистории.

Эти документы отложились как среди делопроизводственных бумаг консистории, значительная часть которых

⁴ Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. С. 28.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ ГАО. Ф. 160.

⁷ Матисон А.В. Православное духовенство русского города XVIII века: генеалогия священно-церковнослужителей Твери. М., 2009. С. 31–33.

включена в оп. 1 фонда, так и среди материалов, охватывающих отдельные приходы Тверской епархии (оп. 3 — Тверской уезд, оп. 12 — Осташковский, оп. 13 — Ржевский, оп. 14 — Старицкий и т.д.)⁸. Многие документы были созданы в ходе расследований, касающихся различных проступков представителей духовенства и, конечно, дают весьма однобокую картину жизни клира. Проявления же благочестия и ревностного служения получили отражение в источниках, как правило, начиная с конца XVIII в., когда оказались введены особые награды для отличившихся священно-церковнослужителей, и, соответственно, были подготовлены описания их деяний, достойных поощрения.

Отмеченные особенности источниковой базы накладывают отпечаток на полученные при анализе документов Тверской духовной консистории данные об обидах, чинимых представителям духовенства властью имущими. Например, в одном из дел рассматривается ситуация 1747 г., когда два священника села Бурашева Тверского уезда, отец и сын Анисим Петров и Василий Анисимов, во время служения литургии (!) были избиты офицером⁹. В другом деле сообщается о священнике погоста Николаевского на Сучках Тверского уезда Алексее Васильеве, также избитом дворянином в 1768 г.¹⁰. Еще в одном случае сын священника села Скнятина Кашинского уезда Петр Васильевич Морошкин жаловался в консисторию на обиды, причиненные ему разными лицами, и сообщал, что некий коллежский секретарь вовсе считал его своим крепостным человеком¹¹. Вероятно, анализ фондов иных епархий позволил бы обнаружить немало похожих дел, которые в целом подтверждаются и другими данными, приводимыми в историографии, относительно пренеб-

⁸ Внутри описей документы сгруппированы в отдельные разделы, включающие расположенные в хронологическом порядке дела, связанные с тем или иным городским или сельским приходом.

⁹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 2659. Л. 1–2.

¹⁰ Там же. Оп. 10. Д. 3632. Л. 2.

¹¹ Там же. Оп. 8. Д. 2062. Л. 1–1 об., 8.

режительного отношения дворянства к духовенству в XVIII в.¹²

Напротив, с представителями городских сословий (купцами, мещанами, ранее — посадскими) у священно-церковнослужителей возникали зачастую близкие отношения, основанные, среди прочего, на родственных связях. Например, в период между 4-й и 5-й ревизиями количество браков духовенства с горожанами в Ржеве составляло 50% от общего числа матримониальных союзов клириков, а в Осташкове превышало 70%¹³. В делопроизводстве Тверской консистории встречаются материалы, проливающие свет на некоторые детали такого рода связей. Когда в 1774 г. в Осташкове подбирали кандидата на место соборного диакона, среди соискателей оказался пономарь Василий Андреев, про которого писали, что он имеет «у себя полномочных и богатых сродников и многомогущих по здешнему месту дядек», которые «по здешнему купечеству первостатейные и полномощные люди находятся»¹⁴. Сохранились, впрочем, и некоторые данные о конфликтах духовенства с посадскими в городах или крестьянами в селах. Так, в 1765 г. священник Троицкой церкви Затьмацкого посада Твери Гавриил Павлов был обвинен в похищении вещей у посадского¹⁵. О подоб-

¹² Напр., известный специалист по истории православного духовенства России П.В. Знаменский даже писал, что в царствование Екатерины II «помещик трактовал своего священника как холопа наряду со своими крепостными крестьянами» (Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. СПб., 2003 [перевод]. С. 253).

¹³ Матисон А.В. Брачные союзы православного духовенства уездных городов России в конце XVIII в.: Ржев и Осташков // Вестн. архивиста. 2011. № 4. С. 132–133. (У клириков складывались близкие отношения с прихожанами, основанные также на «духовном родстве»). Как показывают, напр., данные вяземских метрических книг, у зажиточного купечества священники чаще были восприемниками. Подробнее см.: Беспаленок Е.Д. Участие вяземского купечества в крещении новорожденных во второй половине XVIII века // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2013. С. 175–178).

¹⁴ ГАТО. Оп. 12. Д. 520. Л. 6–6 об., 11–11 об.

¹⁵ Там же. Оп. 3. Д. 2019. Л. 1.

ных случаях на примере Бежецка писал в своей монографии А.Б. Каменский, отметив, что «интересны и мелкие детали разного рода конфликтов и коллизий, происходивших с участием церковников»¹⁶.

Фонд консистории содержит значительные данные о конфликтах между представителями самого духовенства (эти конфликты должны были расследоваться именно церковными институциями). Так, в 1776 г. диакон Христорождественской в Рыбаках церкви Твери Сергей Вонифатьев просил перевести его в другой приход из-за неприязни к нему местного священника Федора Васильева. Но конфликты могли заканчиваться и трагически: в 1771 г. дьячок села Талдома Кашинского уезда Иван Васильев даже скончался от побоев священника того же села Антипа Федорова¹⁷.

Важная сторона повседневной жизни социума — матримониальные отношения, которые имели свои особенности, когда речь шла о православных клириках. В делах о назначениях на должность или о рукоположении в сан всегда отражен «брачный статус» кандидата. Это связано с тем, что лицо, рукополагаемое в сан священнослужителя, должно было предварительно вступить в брак с девицей (конечно, имеется в виду белое духовенство, а не монашествующие). Альтернативой мог являться целибат, почти не распространенный в Православной церкви. В отличие от священнослужителей (священников и диаконов), причетники (для XVIII в. — дьячки и пономари) имели возможность занимать должность холостыми, вступая в брак позднее, а после смерти супруги — жениться повторно. Так или иначе, в консисторских делах фиксировались эти аспекты: иногда скупое («холост» или «женат»), иногда более подробно (с указанием имени и происхождения невесты). Особым случаям, возникавшим в семьях священнослужителей в связи с матримониальными отношениями, были по-

¹⁶ Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. С. 300.

¹⁷ ГАТО. Ф. 160. Оп. 8. Д. 2185/10. Л. 2–2 об.

священны специальные дела. Так, в 1774 г. вдова диакона Троицкого собора Осташкова Мария Феофилактова писала в прошении в консисторию, что в декабре прошлого года ее супруг умер, а она осталась беременной, да при ней еще жила свекровь — мать умершего диакона (и тоже «вдовая диаконица»). Обе бедствовали, и просительница ходатайствовала о разрешении вступить в новый брак, который бы помог обеспечить содержание вдовиц. После получения консисторского разрешения Мария Феофилактова сообщила о том, что избрала себе в мужа сына пономаря сельского погоста и просила выделить ему часть денежных средств из пономарской доли покойного мужа при осташковском соборе¹⁸.

Порой в этих делах описываются и совсем необычные ситуации, как, например, та, что произошла в 1740-е гг. с дьячком Осташковской Иосифовой слободы Алексеем Дмитриевым. Она отчасти напоминает известную историю Мартена Герра¹⁹. После смерти первой супруги Алексей Дмитриев вступил во второй брак с женщиной, которая считалась вдовой, так как ее муж, определенный в рекруты, как полагали, «быв в службе, умре». Однако прошло лишь несколько месяцев после заключения дьячком второго брака, когда новобрачная получила «свое-ручное письмо» от первого мужа — солдата пехотного полка, по-прежнему состоявшего в службе. Обширное дело посвящено разбору всех обстоятельств сложившейся коллизии, результатом чего стало возвращение жены прежнему супругу, при этом дьячку Алексею Дмитриеву было дозволено вступить в новый брак²⁰.

Духовные консистории пристально следили и за нравственностью духовного чина, о чем свидетельствует

¹⁸ ГАТО. Ф. 160. Оп. 12. Д. 519. Л. 2, 4–4 об.

¹⁹ Подробнее см.: Дэвис Н.З. Возвращение Мартена Герра / Пер. с англ. М., 1990.

²⁰ ГАТО. Ф. 160. Оп. 12. Д. 1. Л. 1–20 об. Подробнее см.: Матисон А.В. «Брачная коллизия» в семье клирика Тверской епархии в середине XVIII века // Вестн. Тверского гос. Ун-та. Сер. История. 2010. Вып. 4. С. 152–155.

ряд дел о супружеской неверности клириков. Так, в 1750 г. от места был отрешен женатый пономарь Осташковского Знаменского монастыря Макар Иванов. Первоначально в деле указано, что он был допрошен самим архиереем и «в некоем своем согрешении и признался», а в чем именно «известно одному Его Преосвященству». Но о грехах пономаря рассказала на допросе монахиня Знаменского монастыря, показавшая, что Макар Иванов не только с нею согрешил, а также что она от него «чревата»²¹. В 1764 г. консистория расследовала дело о «блуде» сына священника Алексея Иванова, который, вступив в брак с девицей из духовного сословия, хотел поступить на место пономаря Мироносицкой церкви Твери. Вскоре, однако, карьера Алексея Иванова оказалась под угрозой — его обвинила крестьянка, якобы «в блуде» зачавшая и родившая от него дочь (результат рассмотрения дела, к сожалению, остался неизвестен)²². В 1775 г. «за блудодеяние» был запрещен в служении священник погоста Успенского на болоте Кашинского уезда Иван Иванов, через три года постригшийся в монашество в Троицком Калязине монастыре. Примечательно, что его приходское место в Успенском погосте осталось за сыном²³.

Консistorские материалы позволяют собрать некоторую информацию о материальном обеспечении духовенства. Клирики часто жаловались на «безденежье», «скудность», «нищету». Подробные сведения об имуществе дают реестры с перечислением собственности клириков, ушедших из жизни за пределами епархии. Весьма примечательна для изучения структуры собственности представителя обеспеченного слоя белого духовенства опись имущества, оставшегося после умершего протоиерея Афанасия Петровича Лебедева и его супруги, составленная в 1778 г. Он скончался на Кавказе, где был главой Осетинской духовной комиссии, но поскольку происхо-

²¹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 12. Д. 226. Л. 3 об. —4, 11.

²² Там же. Оп. 3. Д. 1692. Л. 1, 4 об., 5, 7.

²³ Там же. Оп. 9. Д. 4273. Л. 1–3 об., 26.

дил из духовенства Тверской епархии и наследники у него и его супруги остались только среди местных клириков, то упомянутая опись имущества была представлена в Тверь и сохранилась среди материалов местной консистории. Опись включает иконы, книги, мебель, мужскую и женскую одежду, посуду, другие предметы. В перечне имущества протоиерея числится и мальчик 12 лет, «подаренной... митрополитом Мелетинским Максимом»²⁴.

Также сохранилась опись вещей умершего в 1773 г. иеромонаха Александро-Невской лавры Гервасия, служившего корабельным священником на фрегате «Северный Орел», который входил в состав Первой Архипелагской экспедиции. Иеромонах умер в госпитале на военной базе в Аузе (остров Парос). В Тверскую епархию, откуда происходил Гервасий и где жили его родственники, был выслан подробный реестр, «что по смерть ево при осмотре явилось, и ниже означенной экипаж с аукциона, и за что кому продан»²⁵.

Сохранились в делах консистории и данные, позволяющие судить о телесных недугах тверских клириков XVIII в. Чаще всего исследователь находит жалобы на старость и «немоци» в прошениях об оставлении приходского места и передаче его наследникам. Вероятно, подобные жалобы поступали в консистории и других епархий, так как в 1778 г. Синоду пришлось выпустить специальное предписание, чтобы при подаче прошений о произведении других кандидатов на места клириков «архиереям самим, не слагая на те прошения, тех престарелых и больных свидетельствовать», а в случае ссылки на старость таковую почитать не менее, чем с 60 лет²⁶. Однако порой просители не ограничивались общими се-

²⁴ ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 851. Л. 6–10. Подробнее см.: Матисон А.В. «Сколько по смерть реченного протопопа Афонася Петрова пажити ево и какой точно осталось». Дело об имуществе протоиерея Афанасия Лебедева. Вторая половина XVIII в. // Исторический архив. 2012. № 5. С. 187–196.

²⁵ ГАТО. Ф. 160. Оп. 11. Д. 1179. Л. 2–3 об.

²⁶ Там же. Оп. 13. Д. 92. Л. 3 об.–4.

тованиями на немощи, приводя жалобы на такие недуги, которые, действительно, могли нанести вред церковному благочинию и порядку богослужения: на «трясение рук», «одержимость несносною болезнию», «одержимость животною скорбью», «слабости глазами». Были и примеры удаления певчих или кандидатов в певчие: сына диакона, который «мало слышит, да к пению по слабости гортани не способен» или служителя архиерейского хора, который «за осипостию» уволен и т.д.²⁷

Особому разбирательству подвергались в консистории ситуации, связанные с эпилепсией священнослужителей (эта болезнь грозила возможным осквернением Святых Даров, а потому воспринималась со всей серьезностью). При допросе в консистории, следовавшем перед рукоположением в сан, необходимо было подтвердить среди прочего, что кандидат «падучей и ни какой вредной скорби... и другаго никакова священническому чину препятствующаго подозрения не имеет»²⁸. Между тем, в 1761 г. по причине «падучей болезни» был лишен сана диакон Осташковского Троицкого собора Иван Андреев, с которым приступы несколько раз случались даже во время служения литургии. Бывшего диакона при этом определили на место дьячка при соборе²⁹. В тот же год в схожей ситуации оказался диакон Оковецкой церкви Ржева Василий Григорьев, который «за падучей» был лишен сана и также определен во дьячки, однако впоследствии из-за частых приступов и от этой должности отставлен³⁰. Впрочем, больные падучей дети духовных лиц могли претендовать на причетнические места, дабы не утратить источников пропитания, при этом за них службу выполняли другие лица. Так случилось с сыном дьячка Рождественского монастыря Твери Дмитрием

²⁷ ГАТО. Ф. 160. Оп. 13. Д. 85. Л. 1; Д. 3316. Л. 3–3 об.; Д. 3671. Л. 1; Оп. 11. Д. 1334. Л. 1–1 об.; Оп. 12. Д. 19. Л. 3; Оп. 14. Д. 3543. Л. 1.

²⁸ Там же. Оп. 3. Д. 207. Л. 2–2 об.

²⁹ Там же. Оп. 12. Д. 469. Л. 1–1 об., 6 об.

³⁰ Там же. Оп. 13. Д. 712. Л. 1–1 об., 14–14 об.

Семеновичем Горским, который был уволен из Тверской духовной семинарии, так как оказался «одержим младенческою, то есть падучею болезнию», затем определен в пономари, но пономарскую должность за него отправлял родной брат³¹.

Обязанностью консистории оставалось и расследование причин и обстоятельств «подозрительных» смертей клириков. Безусловно, более всего духовные власти беспокоили подозрения относительно самоубийств, а таковые случались не только среди мирян, но и духовных лиц. В 1758 г. сын дьячка погоста Рождественского в Теплостанском стану Ржевского уезда Егор Никифоров был обвинен в краже из церкви, а позднее в консисторию сообщили, что он утопился³². В 1760 г. в трапезной предельного храма Осташковского Троицкого собора удушился соборный пономарь Никита Иванов, и, как подобало поступать с самоубийцами, после разбирательства его тело было зарыто «в поле без всякого должного христианского погребения»³³. В 1772 г. священник Христорождественской церкви Ржева Михаил Герасимов исколот себя ножом «по разным опасным местам», но остался жив. По решению архиерея он был послан в Осташковскую Нилову пустынь «впредь до усмотрения»³⁴. Убитого молнией ржевского соборного диакона Семена Корнилова в самоубийстве, разумеется, не обвиняли, но смерть в грозу, рассматриваемая в народной традиции как Божья кара, особо упоминалась в 1771 г. в доношении протопопа Успенского собора Ржева³⁵.

Документы Тверской консистории показывают, что несоответствовавшие сану непотребные проступки членов церковного причта нередко нарушали спокойствие провинциального быта. То в 1757 г. от Христорождест-

³¹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 2266. Л. 1–2.

³² Там же. Д. 1743. Л. 5, 8 об., 24.

³³ Там же. Оп. 12. Д. 463. Л. 1–1 об.

³⁴ Там же. Оп. 13. Д. 272/15. Л. 1, 54.

³⁵ Там же. Д. 3261. Л. 1.

венской церкви Ржева был отставлен правящий пономарскую должность Михаил Кондратьев, виновный вместе со здешним дьячком Яковом Кондратьевым «в бою и грабеже ночным временем»³⁶. То в 1761 г. в провинностях были уличены клирики и служители все того же Ржевского Успенского собора, которые, ходя с образом, пели «мерскую песню». По итогам разбирательства священник Федор Сергеев был сослан «под начал» в Кашинский Дмитровский монастырь, диакон Алексей Федоров и несколько других причетников — в иные монастыри, причем дьячка и пономаря было еще предложено наказать плетью³⁷.

Довольно часто проступки клириков были вызваны неумеренным потреблением горячительных напитков. Но их вина значительно усугублялась, если пьянство приводило к нарушению богослужения, поруганию святынь или случилось в «табельные дни». В 1760 г. диакон Осташковского Троицкого собора Иван Мокеев в субботу первой недели Великого поста, в «высокоторжественный» день рождения великого князя Петра Федоровича на всенощном бдении был пьян, так как накануне службы напился в кабаке вина. В результате диакон был на целый год отослан «в труды» в Благовещенский Ширинский монастырь³⁸. Строже наказывали священнослужителей, которые нарушали благочиние постоянно, как это делал священник Осташковского Троицкого собора Никита Игнатьев. В 1768 г. на него донесли, что он «упивается», «в церкви безчинствует» и даже в алтаре «бранится матерным злословием». В итоге он был сослан в Троицкий Калязин монастырь, а позднее пребывал «под началом» и в других монастырях³⁹. Правда, консисторские власти в борьбе с «упивающимися» клири-

³⁶ ГАТО. Ф. 160. Оп. 13. Д. 3268. Л. 6–6 об.

³⁷ Там же. Д. 709. Л. 1–1 об., 40 об.–41, 43. Ср. похожие дела: *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. С. 225–240.

³⁸ ГАТО. Оп. 12. Д. 465. Л. 1–2, 5.

³⁹ Там же. Д. 495. Л. 2, 14.

ками не всегда были столь поспешны: на уже упомянутого выше священника Троицкой церкви Затьмацкого посада Твери Гавриила Павлова жалобы относительно его пьянства поступали в течение пяти лет, прежде чем в 1770 г. он был отослан «в монастырские труды» в Могилевскую пустынь Ржевского уезда⁴⁰. В редких случаях монастырское заточение помогало таким нарушителям благочиния исцелиться: в 1748 г. священник Осташковского Знаменского монастыря Василий Карпов «для воздержания от пьянства» был отослан в Ширинский монастырь, но уже через год о нем сообщалось, что он не пьет «и живет в добром здравии»⁴¹.

Представленный обзор разнообразных ситуаций, отраженных в документах Тверской духовной консистории в XVIII в., не претендует на полноту, он, разумеется, не может считаться и репрезентативным для изучения повседневной жизни духовного сословия всей Российской империи. Между тем этот материал отчасти раскрывает мало востребованные пока возможности тверского и аналогичных ему провинциальных консисторских архивных фондов для реконструкции во всей полноте социальной действительности российского духовенства в период, когда оно постепенно превращалось и превратилось в собственно духовное сословие.

⁴⁰ ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 2119. Л. 1, 19, 32, 48–48 об.

⁴¹ Там же. Оп. 12. Д. 224. Л. 1–2.

М.В. Фадеева

Брак в жизни студентов Московского университета конца XIX – начала XX вв.

Несмотря на то, что, по свидетельству Г.Б. Слиозберга, «русский студент томился сознанием неизвестности предстоящего ему жизненного пути»¹, и «среди русских студентов были редки лица, не одержимые мировой скорбью»², некоторые студенты Московского университета были людьми женатыми. Как велика была эта группа в студенческой массе Московского университета конца XIX – начала XX в.? Как министерство народного просвещения и сам университет относились к возможности обучения людей женатых, обремененных семейными узами? Думается, что ответ на эти малоизученные вопросы позволит полнее понять историю и повседневность российского студенчества пореформенного периода (1860–1904 гг.).

К изучению семейной жизни студентов обращались исследователи разных эпох. Судя по очеркам П. Иванова³, обычным было отсутствие семьи у студентов, и это приводило к поиску временных подруг. Анализируя многочисленные примеры студенческих браков, П. Иванов выделял три основных причины для женитьбы: студенты могли жениться, стремясь к материальной выгоде (например, жили в квартире с условием последующей женитьбы на дочери хозяйки), могли вступать в брак по расчету, были и такие, кто создавали семью из идейных соображений (по словам П. Иванова, это был в основном платонический брак). Современный исследователь А.Е. Иванов согласен с оценками своего однофамильца

¹ Слиозберг Г.Б. Дореволюционное русское студенчество // Памяти русского студенчества. Париж, 1934. С. 82–95.

² Там же. С. 83

³ Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы: Очерки. М., 1903.

и отмечает, что «женатые студенты и замужние курсистки составляли особый культурный феномен. Это была малочисленная категория учащихся высшей школы»⁴. Поддерживает А.Е. Иванов и выводы о распространенности «идейных браков», но считает, что среди мотивов женитьбы на первом месте стояли «конечно же, романтические: к этому предрасполагала молодость студентов и курсисток»⁵. Он указывает и на существование брака по расчету, на который студент соглашался ради возможности заниматься наукой, закончить университет и пр. Несмотря на распространение среди студентов «идейных браков», оба автора отмечают, что такие браки были менее продолжительными, тогда как наиболее стойкие браки складывались под патронажем родителей, а также у студентов, имевших собственные средства.

Рассуждения А.Е. Иванова базируются на анализе источников личного происхождения и «Половой переписи московского студенчества» приват-доцента Московского университета М.А. Членова. Статистика, которой располагал последний, была получена в результате анкетирования в 1903 г. 2150 студентов⁶. Участникам переписи были заданы 207 вопросов, в том числе касавшихся половой сферы и способов удовлетворения полового влечения. Сам перечень этих вопросов является несомненной данью раскованности и раскрепощения нравов рубежа веков, и ответы студентов могли значительно поколебать представления о моральных устоях в университетской среде.

По данным переписи М.А. Членова⁷, женатых студентов было менее 7%, хотя большинство опрошенных в начале XX в. студентов были вовсе не против женитьбы, более того — считали ее необходимой, а отсутствие же-

⁴ Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. Очерки. М., 2010. С. 298.

⁵ Иванов А.Е. Студенчество в России конца XIX — начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 337.

⁶ Членов М.А. Половая перепись Московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909. С. 28–75.

⁷ Там же. С. 54–55.

ны объясняли экономическими соображениями (37,4 %) или тем, что «не представилось случая» (39,9 %).

Заключение ранних браков, по мнению М.А. Членова, могло разрешить вопрос организации половой жизни, но он вынужден был «отметить редкое количество женатых студентов и в то же время довольно сильное развитие среди них неомальтузионистических идей (меры против деторождения), причем это явление обуславливается в значительной степени, как и в зрелом обществе, чисто экономическими моментами»⁸.

Подтверждения тому, что среди студентов Московского университета были люди женатые, нетрудно обнаружить и в мемуарах студентов⁹, и в архивных материалах¹⁰, однако следует признать, что свидетельств этих даже наряду со статистическим исследованием М.А. Членова, охватывающими один лишь 1903 г., пока явно недостаточно для изучения семейной жизни студентов Московского университета. Расширить источниковую базу позволит обращение к законодательству, которое ранее не привлекалось для исследования студенческой семьи XIX— начала XX в.

С 1830 г. в Российской империи законодательно был определен брачный возраст с 18 лет для юношей и с 16 — для девушек¹¹ («воспрещено было священникам отныне впредь венчать браки, если жених и невеста не достигли еще: первый осьмнадцати, а последняя — шестнадцати лет»¹²), с 1833 г.¹³ применение закона стало повсеместным (указ 1830 г. был объявлен не только священникам,

⁸ Членов М.А. Указ соч. С. 92.

⁹ Напр., см.: Мемуары «ректора бутырской академии». Воспоминания И.С. Вегера (отца) // Советское студенчество. М., 1936. № 4. С. 40–43; № 5. С. 68–70, Курбский В. Очерки студенческой жизни (из дневника бывшего студента). М., 1912.

¹⁰ Напр., см.: ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 11. Д. 23. Л. 36; Ф. 475. Оп. 19. Д. 141. Л. 28; Оп. 17 Д. 1212. Л. 4.

¹¹ ПСЗРИ 2. Т. 5. Ч. I. № 3807. С. 740.

¹² Там же.

¹³ Там же. Т. 8. Ч. I. № 6668. С. 789.

но и «всем обывателям без исключения»¹⁴). Таким образом, к середине века все достигшие 18-летнего возраста российские подданные, не исключая студентов, имели право заводить семью.

Примечательно, что ни в Уставе 1863 г., ни в Уставе 1884 г. возможность студентов вступать в брак специально не оговаривалась, не было опубликовано подобных установлений также и в правилах для студентов вплоть до появления правил 1885 г. Однако, как показал архивный поиск, запрещение студентам вступать в брак, появившееся в 1885 г., не было нововведением эпохи Александра III: ему предшествовала череда циркуляров министерства народного просвещения времени правления Александра II.

7 апреля 1880 г. попечитель московского учебного округа передал в Совет Московского университета следующее послание: «Г. министр народного просвещения предложением от 15 минувшего марта за № 3354 поручил мне сделать распоряжение, чтобы студентам не дозволялось вступать в брак и чтобы в число студентов не принимались лица женатые, чтобы это распоряжение было объявлено студентам Московского университета и оно включено в студенческие правила»¹⁵. Это самый ранний известный нам документ, запрещающий семейным студентам обучение в университете.

Однако через несколько месяцев, 3 июня 1880 г. попечитель передал ректору Московского университета противоположное распоряжение. В нем указывалось на то, что «в Высочайше утвержденном Уставе 1863 года не содержится запрещения студентам вступать в брак и что такое запрещение было установлено бывшим министром народного просвещения графом Толстым, [а потому. — М.Ф.] в связи с современными правилами о надзоре за студентами, он, статский секретарь барон Николай, находит, что ныне

¹⁴ ПСЗРИ 2. Т. 8. Ч. 1. № 6668. С. 789.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 49. Д. 241. Л. 2.

за отменой означенных правил удовлетворение подобных ходатайств зависит от университетского начальства»¹⁶.

Из этого послания попечителя становится очевидным, что запрещению вступать в брак студенты были обязаны министру Д.А. Толстому, однако, при новом министре А.А. Сабурове его идеи не были поддержаны. К своему распоряжению ректору университета попечитель присовокупил два прошения о женитьбе, поданных студентами второго курса медицинского факультета Московского университета Венедиктом Невировским и Николаем Коробовым.

Однако 25 ноября 1883 г. попечитель передал ректору новое письмо: «Вследствие конфиденциального циркулярного распоряжения министерства народного просвещения от 19 января 1880 года за № 28, бывший попечитель московского учебного округа в конфиденциальном предложении от 6 марта того же года за № 14 сообщил г. проректору Московского университета, чтобы университетское начальство отнюдь не дозволяло студентам университета вступать в брак и чтобы в число студентов не принимались лица женатые; заявляющих же желание вступить в брак или просящих о выдаче им бумаг, ясно с этой целью, предостерегать: что по вступлении в брак они не будут вновь принимаемы в студенты»¹⁷. Из этой первой части послания следует, что идея запрещения студенческих браков появилась не позднее 20 января 1880 г., когда она была озвучена министром в конфиденциальном циркуляре. По всей видимости, конфиденциальное предложение проректору от 6 марта 1880 г. за № 14 было по содержанию таким же, как и письмо совету Московского университета от 15 марта 1880 г. за № 3354.

Во второй части письма попечитель передал ректору инструкции очередного министра (А.Д. Делянова): «Ныне же г. министр народного просвещения, уведомляя меня, что по дошедшим до него сведениям оказывается, что начальст-

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 49. Д. 241. Л. 4, 4 об.

¹⁷ Там же. Оп. 52. Д. 515. Л. 1, 1 об.

во некоторых университетах разрешает студентам университета вступать в брак до окончания ими курса... предложением от 22 прошлого октября, за № 13554, просит меня подтвердить начальству Московского университета о строгом исполнении вышеупомянутого циркуляра»¹⁸.

После такого распоряжения появление § 17 в «Правилах для студентов и сторонних слушателей Императорских российских университетов» 1885 г. можно считать вполне закономерным завершением реализации идеи Д.А. Толстого, занявшему к тому времени пост министра внутренних дел. Указанный параграф гласил: «Студентам воспрещается вступать в брак во все время пребывания их в университете»¹⁹.

Трудно судить, всегда ли исполнялся на практике этот пункт. За период с 1885 по 1892 г. пока не удалось обнаружить документов, позволяющих установить, соблюдался ли запрет для семейных обучаться в университете. Однако можно с уверенностью говорить, что с 1892 г. начинает складываться система подачи прошений на разрешение студенту вступить в брак.

Изначально она включала следующий алгоритм действий: студент подавал прошение министру народного просвещения о разрешении ему вступить в брак; министр через попечителя учебного округа посылал в университет ответ на прошение (он давался с формулировкой «со своей стороны не встречает препятствий» или же с указанием на отказ без объяснения причин), после этого получивший разрешение студент собирал необходимые документы (поначалу требовалось только согласие родителей жениха и невесты на брак) и вновь отправлял их министру, чтобы в итоге получить «свидетельство на вступление в брак».

На примере одного из ответов министра, переданных попечителем, видно, как реализовывалась эта схема: «Г. министр народного просвещения предложением

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 52. Д. 515. Л. 1 об.-2.

¹⁹ Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских российских университетов. СПб., 1885. С. 14.

от 21-го сего апреля за № 7230 уведомил меня, что он со своей стороны не встречает препятствий к разрешению студентам Московского университета Константину Острейко и Михаилу Селиванову, согласно их прошением, вступить в брак, если они отличного поведения. Уведомляя о сем Ваше Превосходительство для зависящих распоряжений, нужным считаю присовокупить, что свидетельства на вступление в брак должны быть выданы студентам Острейко и Селиванову по представлении ими письменных согласий родителей женихов и невест»²⁰.

В Таблице приведены данные о количестве студентов, которые смогли воспользоваться предоставленной возможностью и получили заветное разрешение министра.

Как видно по Таблице, больше всего первичных прошений министру в 1896 г. (74), в следующем году их было почти вдвое меньше (40), а к 1899 г. они прекращаются вовсе. Это объясняется тем, что с 1899 г. устанавливается новый порядок подачи прошений, возможно, связанный с очередной сменой министра народного просвещения: в начале 1898 г. этот пост занял Н.П. Боголепов.

Отныне студент наряду с прошением подавал и необходимые документы, число которых увеличилось: к согласию родителей добавился еще и отзыв о благонадежности двух будущих супругов. Ректор университета со своей стороны отправлял в министерство народного просвещения бумагу следующего содержания:

«Студент Императорского Московского университета *ФИО* подал мне прошение о разрешении ему вступить в брак с *ФИО*. Вследствие сего и на основании предложения Господина Управляющего Министерством Народного Просвещения от 18 мая 1898 года, за № ***, имею честь предоставить таковое ходатайство на благоусмотрение Вашего Превосходительства, присовокупляя, что *ФИО студента* поведения [хорошего или очень хорошего] и что со стороны Университета к удов-

²⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 307. Д. 980. Л. 2.

**Ответы министра народного просвещения
относительно прошений студентов по поводу
вступления в брак**

Годы	Положительный ответ министра на первое заявление желающего вступить в брак	Разрешение министра, последовавшее за представлением документов и второго заявления желающего вступить в брак
1892	15	0
1893	26	5
1894	51	3
1895	63	9
1896	74	19
1897	40	8
1898	3	22
1899	0	35
1900	0	0
1901	0	24
1902	0	53
1903	0	51
1904	0	0

Источники: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 306. Д. 11; Оп. 307. Д. 980; Оп. 308. Д. 1170; Оп. 309. Д. 1086; Оп. 310. Д. 1117; Оп. 311. Д. 1150; Оп. 312. Д. 1097 ч. 1.; Оп. 313. Д. 858; Оп. 315. Д. 1054; Оп. 316. Д. 1189; Оп. 317. Д. 1374; Оп. 63. Д. 90.

летворению его ходатайства препятствий не встречается. При сем прилагаются документы по описи [прошение студента, разрешение отца его, разрешение матери, разрешение отца невесты, разрешение матери, отзыв о благонадежности невесты]»²¹.

Таким образом, с 1899 г. подача прошений была упорочена, потому что студенту требовалось получить разрешение министра только один раз. Несмотря на дополнительное препятствие в виде необходимости получения отзыва о благонадежности, количество успешных заявок, как следует из Таблицы, возросло в несколько раз. С 1892 по 1898 г. очень немногие из получивших первое разрешение от министра добивались от него и окончательного

²¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 313. Д. 858. Л. 8.

разрешения: за 6 лет был получены 272 первичных разрешения и только 66 окончательных разрешений (всего 24 %). Тогда как за время функционирования второго, упрощенного, порядка — с 1899 г. по 1904 г. — разрешение от министра получили 163 студента.

Итак, запрет на студенческие браки, введенный при министре просвещения Д.А. Толстом и формально действовавший, по крайней мере, до 1904 г., не стал непреодолимой преградой для студентов, пожелавших обзавестись семьей, и с 1892 г. был создан определенный порядок, обеспечивавший сохранение за семейными студентами их места и статуса. За 14 лет 229 студентов Московского университета вступили в брак. Однако являются ли полученные 229 разрешений на брак отражением устоявшейся тенденции по выработке принципиально иного, по сравнению с закрепленным в правилах 1885 г., подхода к вопросу о студенческих браках? С одной стороны, только в одном исследовании М.А. Членова в 1903 г. участвовало 2150 человек, и даже по отношению к ним 229 студентов, связавших себя браком, составят всего 10 %, что же говорить о соотношении с числом всех студентов за 1892—1904 гг. С другой стороны, в 1899 г. в Московском университете комиссия выдвигает на рассмотрение проект новых правил для студентов (он, впрочем, так и не был принят) и вносит в него следующее: «§17. Студентам дозволяется вступать в брак во все время пребывания их в университете лишь с разрешения ректора при соблюдении предъявленных им условий»²².

Этот факт, на наш взгляд, свидетельствует о том, что существовавшая с 1892 г. система выдачи студентам разрешения на брак казалась важной и необходимой не только для самих студентов, но и для чиновников и университетского начальства, предложивших новый вариант студенческих правил.

²² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 68. Д. 521.Л. 39—39 об.

**ЖИЗНЬ И СУДЬБА
МОСКОВСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ**

Архивные материалы следственного дела
о Ваньке Каине*

Книга А.Б. Каменского «Повседневность русских городских обывателей» наводит на серьезные размышления о характере преступности в России XVIII в. Оказывается, в Бежецке того времени уровень преступности был на удивление низок: за столетие «в городе произошло только три убийства, причем лишь одно из них умышленное. Два других — в пьяной драке»¹. По мысли историка, этот феномен не должен нас удивлять, «ведь в небольшом городке с устойчивым составом населения, где все жители знают друг друга, уровень взаимозависимости всех членов общины очень высок... Таким образом, рассматривая бежецкие конфликты бытового характера, мы изучаем по существу основной вид преступлений, происходивших в городе». Да и бытовые конфликты происходили не так часто: «за рассматриваемое время в документах Бежецкой приказной избы, городского магистрата, ратуши и воеводской канцелярии зафиксировано 258 эпизодов», что «составляет примерно 3,4 конфликта в год». К тому же большинство конфликтов ограничивалось «лишь обменом ругательствами», что, по мнению А.Б. Каменского, является косвенным свидетельством «относительно низкого уровня насилия»².

Действительно, в маленьком провинциальном городке XVIII в. с населением в 2–2,5 тыс. человек, где все жители «знали в лицо не только друг друга, но и всех городских коров»³, сама возможность совершения пре-

* Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

¹ Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. С. 194.

² Там же. С. 142–143, 147.

³ Там же. С. 125.

ступления анонимно была исключена. Так, братья Антон и Никифор Самохваловы, 31 декабря 1747 г. избившие откупщика Г.В. Балашова, тщетно пытались замаскироваться, «выворотя шубы и закрывши лица свои платами»: Балашов все равно опознал обидчиков и подал на них челобитную в Бежецкий городской магистрат⁴.

Совсем иную почву для развития преступности предоставляла Москва XVIII в. Здесь скопление самого разного люда в замкнутом пространстве создавало благоприятные условия для совершения множества анонимных преступлений, а также для формирования уже в XVIII столетии воровского мира — сообщества профессиональных преступников. Этому феномену и посвящена данная документальная публикация.

В криминологии выделяется три главных признака профессионального преступника:

1) владение определенными познаниями и навыками, свидетельствующими об усвоении одной или нескольких преступных «специальностей», а также относительная устойчивость при совершении одного вида преступления;

2) преступление является главным, а часто даже единственным источником существования;

3) наконец, обнаруживается связь преступника с асоциальной преступной средой⁵.

Итак, понятия профессионального преступника и преступного мира оказываются тесно взаимосвязанными. Понятие «преступный мир» нельзя определить без понятия «профессиональный преступник», в то время как связь с преступным миром — важнейший признак профессионального преступника. Таким образом, когда речь идет о преступном мире, в центре внимания оказываются не только личности профессиональных преступников, но также связи между ними, которые и объединяли отдельных персонажей в некое воровское сообщество со своими

⁴ Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. С. 199.

⁵ Криминология: учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 2004. С. 719–720.

законами, особыми знаками, собственной системой ценностей и бытом⁶.

Однако, сделав эти дефиниции, мы не можем не задуматься над теми сложностями, с которыми связано изучение преступного мира в XVIII в. именно как совокупности взаимосвязанных профессиональных преступников. Ведь, оказавшись за решеткой, преступники давали показания о конкретных преступлениях и, конечно, были далеки от того, чтобы откровенно рассказывать о других кражах. Поэтому при чтении их допросов часто нельзя понять, является ли подозреваемый профессиональным преступником, регулярно занимающимся преступной деятельностью, или же несчастным, впервые покусившимся на чужое имущество. Выявить же связи между преступниками оказывается еще более сложной задачей, поскольку подследственные менее всего были склонны к раскрытию своих связей с преступным миром⁷.

Но, к счастью для историков, в различных странах время от времени случались отдельные казусы — уникальные крупные следственные процессы, специально направленные на искоренение преступного мира того или иного города. К их числу относится, например, процесс Луи-Доминик Картуша и его сообщников 1721—1728 гг., в рамках которого было арестовано более трех сотен обвиняемых, среди них — почти сотня взаимосвязанных профессиональных преступников Парижа⁸. Первым таким известным процессом в России и является «дело Ивана Каина».

⁶ Бронислав Геремек под преступным миром понимает совокупность профессиональных преступников того или иного города: *Geremek B. Les marginaux parisiens aux XIVe et XVe siècles.* P., 1976 (rééd. 1999). P. 7.

⁷ Для сравнения отметим, что полномасштабный анализ материалов архива Шатле (учреждения, которому в 1674 г. была передана вся полнота судебной власти в Париже) за вторую половину XVIII в. привел к выводу, что в нем содержится очень мало сведений о профессиональных ворах. В основном в Шатле попадали авторы незначительных краж: *Petrovitch P. Recherches sur la criminalité à Paris dans la seconde moitié du XVIIIe siècle // Crime et criminalité en France sous l'Ancien Régime 17-e – 18-e siècles.* P. 1979. P. 221–226, 244–248, 257–258. См. также: *Farge A. Vivre dans la rue à Paris au XVIIIe siècle.* P., 1979. P. 214–217.

⁸ Подробнее см.: *Peveri P. Voisinage et contrôle sociale au XVIIIe siècle. Les Cartouchiens sous le regard des honnêtes gens // Mentalité, Histoire des Cultures*

Это дело возникло в Москве в конце декабря 1741 г. В те дни в первопрестольной происходили необычные события. 29 ноября 1741 г. в город был доставлен из Санкт-Петербурга «Манифест о вступлении Ея Императорского Величества Елизаветы Петровны на родительский всероссийский императорский престол». В тот же день в соборах и монастырях Москвы началось приведение московских жителей к присяге, которое продолжалось до февраля 1742 г.⁹ Тогда же в городе велись приготовления к церемонии коронации Елизаветы Петровны в Московском Кремле, которая состоялась 25 апреля 1742 г.¹⁰ 27 декабря 1741 г. Московская сенатская контора опубликовала именной указ от 15 декабря 1741 г. «О всемилостивейшем прощении преступников и о сложении штрафов и начетов с 1719 по 1730 год»¹¹. Вероятнее всего, именно этот указ в первую очередь повлиял на решение некоторых профессиональных преступников воспользоваться сложившейся общественно-политической ситуацией в своих целях.

27 декабря 1741 г., т.е. в день объявления в московских храмах указа «О всемилостивейшем прощении преступников», в Сысканой приказ (главное учреждение для расследования уголовных дел в Москве и московском

et des Sociétés. № 4. Les Marginaux et les autres. P., 1990. P. 89–104; *Idem*. Techniques et pratiques du vol dans la pègre du Paris de la Régence d'après les archives du procès de Louis-Dominique Cartouche et ses complices. Contribution à l'histoire des milieux criminels urbains de la France d'Ancien régime. Thèse de doctorat. P., 1994; *Idem*. «Cette ville était alors comme un bois...». Criminalité et l'opinion publique à Paris dans les années qui précèdent l'affaire de Cartouche (1715–1721) // *Crime, Histoire et Société*. 1997. № 2. P. 51–73; *Idem*. La criminalité cartouchienne: vols, voleurs et culture criminelle dans le Paris de la Régence // *Cartouche, Mandrin et autres brigands du XVIIIe siècle / Sous la direction de Lise Andries*. P., 2010. P. 156–174; *Акельев Е.В.* Городская преступная среда и опыт борьбы с ней в России и Франции первой половины XVIII в.: сравнительно-историческое исследование. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 31–35.

⁹ Подробнее см.: *Акельев Е.В.* Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012. С. 12–18.

¹⁰ См.: *Жмакин В.И.* Коронации русских императоров. 1724–1856 гг. // *Русская старина*. 1883. Т. 37. С. 499–536.

¹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 121. Д. 21.

регионе¹²) явился профессиональный московский вор, беглый дворовый Иван Осипов сын по прозвищу Каин и подал «доношение». В этом документе Каин принес «повинную» в многочисленных карманных кражах и изъявил желание не только «онные непорядочные поступки оставить», но также «запретить ныне и впредь товарищам», которые с ним «в тех погрешениях обще были». Далее следует реестр, в котором перечисляются 33 имени московских воров. Наконец, Каин просил «для сыску и поимки означенных товарищей по реестру дать канвой» (см. № 1).

Видимо, именно в связи с подготовкой к предстоящим торжествам по случаю коронации Елизаветы Петровны в Московском Кремле данное доношение оказалось очень актуальным. Действительно, многолюдные собрания часто служили на руку многочисленным карманникам, о ловкости которых, вероятно, в Москве ходили слухи. Кстати говоря, в августе 1719 г. в Париже во время праздничного салюта, данного в честь праздника святого Людовика, возле входа в сад Тюильри возникла страшная давка, в которой погибли 11 человек. Виновными в происшествии оказались карманники, которые, находясь в толпе, искусственно создавали давку с тем, чтобы незаметно совершать кражи¹³. Московские воры в 1740-е гг. применяли тот же метод искусственной давки не ме-

¹² О Сыском приказе см.: *Северный Н.Е.* Описание документов Сыского приказа 1730–1763 г. Отделение первое. Устройство, состав и делопроизводство Сыского приказа // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. СПб., 1872. Кн. 2; *Голубев А.А.* Сыской приказ 1730–1763 г. Отделение второе. Содержание документов Сыского приказа // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. М., 1884. Кн. 4; *Акельев Е.В.* Повседневная жизнь воровского мира... С. 18–60; *Он же.* Сыской приказ (1730–1763 гг.) – центральный орган уголовной юстиции Российской империи // Проблемы предупреждения и борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Новосибирск, 2012. С. 46–51.

¹³ *Peveri P.* Techniques et pratiques du vol dans la pègre du Paris de la Régence d'après les archives du procès de Louis-Dominique Cartouche et ses complices... P. 308–309.

нее виртуозно, чем их парижские «коллеги» (см. № 22. Л. 98 об.). Поэтому не исключено, что именно в связи с подготовкой предстоящих массовых торжеств Сыскной приказ, обычно мало расторопный, в данном случае проявил невиданную активность.

В течение нескольких дней в конце декабря 1741 г. — начале января 1742 г. вместе с Иваном Каином и чиновниками Сыскного приказа посылались солдаты в различные места Москвы для ареста его «товарищей» (см. № 3, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 24). В результате менее чем за две недели было арестовано более 100 подозреваемых, большинство из которых — профессиональные воры, содержатели притонов и скупщики краденого (см. № 6, 10, 12, 20, 25).

В числе арестованных был 40-летний беглый солдат Алексей Иванов сын Соловьев, у которого при аресте из кармана вытащили доношение, «в котором написано рукой его, что он знает многих мошенников, и при том написан оным мошенником реэстр» (см. № 3. Л. 7). На допросе в Сыском приказе А. Соловьев признался, что вот уже «ныне года три», как он занимался карманными кражами вместе с целой группой преступников. Затем он с горечью отметил, что «об означенной своей вине и о показанных ворах он, Алексей, хотел объявить в Сыском приказе, и о том написал с реэстром доношение, токмо подать не успел» (см. № 6. Л. 36). Это написанное рукой А. Соловьева доношение с «реэстром» его «товарищей» (в нем перечислены 75 имен) было также подшито в дело и сохранилось (см. № 4). В нем А. Соловьев, как И. Каин, преследовал цель получить для розыска своих товарищей «команду» солдат и, таким образом, встать во главе сыска московских воров, а самому получить помилование.

Текстологический анализ доношений Каина и Соловьева, а также сопоставление двух «реэстров», приводит к выводу, что оба документа были составлены независимо друг от друга, но при этом вне сомнения остается то,

что оба «мошенника» принадлежали к одному кругу московских карманников. На это в первую очередь указывает тот факт, что составленные независимо друг от друга «реестры» московских воров во многом совпадают. Так, из 75 человек, включенных Соловьевым в его «реестр», 16 мы находим и в списке 33 «товарищей» Каина. Кроме того, другие 15 преступников из «реестра» Соловьева, которых Каин не внес в свой список, были взяты по его «указыванию» и на допросах признались в «мошенничествах». Все это говорит о том, что Каин и Соловьев не только знали друг друга, но, более того, входили в одно сообщество профессиональных воров Москвы.

Таким образом, в конце декабря 1741 г. в кругу московских карманников возникла идея о возможности использовать сложившуюся общественно-политическую ситуацию в своих целях. Логика преступников понять несложно. В первые дни царствования монарх обычно более милостив по отношению к подданным, а потому именно в это время выгоднее всего принести повинную и выдать «товарищей». Такой преступник имел все шансы получить помилование, а может, если повезет, даже изменить свой социальный статус. И вот, после опубликования указа «О всемилостивейшем прощении преступников» эта заманчивая идея нашла реальное воплощение, по крайней мере, в двух повинных доношениях профессиональных воров одного круга. Оба доносителя преследовали одинаковую цель: воспользовавшись выгодной ситуацией, добиться того, чтобы с их помощью сыскивали преступников, а самим получить помилование.

Но именно Каину удалось закрепиться в этой роли благодаря его неутомимой энергии: весной 1742 г. он получил реабилитацию и стал официальным «доносителем» Сысного приказа. К его дому, расположенном в Зарядье, была прикреплена команда солдат, которую Каин использовал для сыска «воров и разбойников». Кроме этого, по сенатскому указу от 8 декабря 1744 г. доноситель мог пользоваться для ареста преступников

силами военных полицейских команд и всех присутственных мест Москвы. В течение семи лет, вплоть до начала 1749 г., Каин являлся официальным «московским сыщиком» и успешно ловил с помощью вверенной ему команды солдат различного рода преступников¹⁴. Благодаря канцелярской справке, составленной в Сыском приказе в 1748 г., мы знаем, что с конца 1741 по 1748 г. Каин поймал и привел в Сыской приказ 774 человека, из которых почти половина — «мошенники», «воры» и «покупщики» краденого¹⁵.

Изучение следственной документации Сыского приказа за конец 1741 г. — начало 1749 г., так же как и протокольных книг за 1742 г., позволило выявить сведения о 119 отчетах, в которых сообщается об арестах — либо по указыванию Каина, либо им самим — 227 подозреваемых. Анализ всех этих материалов помог выделить два основных этапа сыской деятельности Каина при Сыском приказе. В конце 1741 г. — начале 1742 г. она была направлена почти исключительно на арест профессиональных преступников (воров, содержателей притонов, торговцев краденым). Неожиданность и массовость арестов характеризуют этот короткий этап, который оказался весьма продуктивным: тогда были арестованы более 100 связанных друг с другом представителей преступного мира.

Правда в дальнейшем, по мере обретения Каином самостоятельности, оформления его статуса профессионального доносителя (с февраля 1742 г.), получения права пользоваться всеми военными командами города и вместе с этим неприкосновенности со стороны доносов (осень—зима 1744 г.), содержание его деятельности постепенно менялось. Облавы на местах скопления профессиональных преступников с массовыми арестами воров, содержателей притонов и торговцев краденым

¹⁴ Подробнее см.: *Акельев Е.В.* Повседневная жизнь воровского мира... С. 86–96.

¹⁵ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1535. Л. 6–6 об.

осуществлялись лишь изредка. Основным содержанием деятельности Каина в этот период стало патрулирование московских улиц с солдатами Сысского приказа и арест подозрительных лиц (беглых, подозреваемых в торговле краденым, в незаконном производстве и торговле выжигой и т.п.).

Наряду с этим Каин выстраивает свои отношения с московским преступным миром. Уже весной 1742 г. он имел контакты с профессиональными преступниками с целью получения информации о воровском мире. Так, осенью 1741 г. в Сысской приказ был прислан из полиции фабричный Авраам Звезда с делом «об обрезании им, Звездой, на Каменном мосту скрины деревянной из коляски». На допросе фабричный отрицал свою вину, утверждая, что десятские его схватили на Каменном мосту, когда он возвращался на фабрику, а затем подняли с мостовой «деревянную скринь, да три кулька» и отвели его на съезжий двор. Десятские же настаивали на том, что подозреваемый выбросил краденые вещи в момент задержания. Тогда присутствующие обратились к Каину с просьбой добыть сведения о подозреваемом. 7 апреля 1742 г. тот объявил, что «означенной суконщик Авраам Звезда подлинно мошенник и обрезывает у всяких проезжих людей у колясок на Каменном мосту и по дорогам пожитки и вынимает у разных людей ис карманов платки и деньги, о чем де он сведом того ж Суконного двора от суконщика Алексея Емельянова, которой де ему сказывал в разговорах наодине, и тот де Емельянов и сам мошенничает же»¹⁶.

Таким образом, Каин осведомился об А. Звезде через своего знакомого, известного вора Алексея Емелина. Имя последнего мы находим, кстати, в числе 33 «мошенников», названных Каином в «реестре» от 27 декабря 1741 г. Отметим, что в 1742 г. он оставался на свободе, видимо, благодаря тому, что находился в контакте с доно-

¹⁶ РГАДА. Ф. 372. Оп. 2. Кн. 118. Л. 36–39 об.

сителем. Лишь летом 1743 г. он был арестован Каином на Красной площади при совершении карманной кражи (см. № 34–35). Можно предположить, что к тому времени Каин успел по какой-то причине поссориться и разойтись с бывшим другом.

Как мы видим, Каин постоянно плел какие-то интриги, в результате чего преступный мир Москвы как бы раскололся на две части. Некоторые «мошенники» стали относиться к Каину и его доносительской деятельности лояльно. Тот с ними общался, закрывал глаза на совершаемые ими преступления, даже их покрывал, при этом регулярно получал от них нужную информацию о событиях, происходящих в преступном мире Москвы. В дальнейшем целая группа профессиональных преступников превратилась в агентов Каина. В их числе были фабричные Алексей Шинкара, Дмитрий Маз, Василий Базан, Петр Волк, Сергей Соколов, Иван Буза, Дмитрий Монах и др.¹⁷ Некоторые из них даже проживали в доме Каина¹⁸. Вместе с солдатами Сысского приказа они помогали ему осуществлять сыск и задержание преступников¹⁹.

Другие преступники, бывшие «товарищи» Каина, старые воры, враждебно относились к доносителю. Они, по-видимому, представляли опасность для личной безопасности Каина, поэтому он старался их разыскать и арестовать. Так, 19 февраля 1746 г. Каин поймал за Покровскими воротами в торговых банях известного вора и разбойника Гаврилу Рыжего (см. № 48–49). Спустя полгода, 2 августа 1746 г., Каину удалось арестовать старого 56-летнего вора Ивана Яковлева по прозвищу Жегала, которого сам Каин 27 декабря 1741 г. при составлении реестра его «товарищей» поставил на первое место. Это, конечно, не могло быть случайностью. Вместе с ним благодаря И. Каину в Сысском приказе оказались

¹⁷ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2181. Л. 1–1 об.

¹⁸ Там же. Д. 2310. Л. 43–44, 158–159.

¹⁹ Подробнее см.: Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира... С. 97–102.

другие профессиональные воры — Савелий Плохой, Андрей Болван и Михайло Таракан (см. № 50—51). А в августе 1748 г. Каин поймал и привел в Сыскной приказ своего старого друга «мошенника» Петра Камчатку (см. № 52—53).

Таким образом, в результате доносительской и сыскной деятельности И.О. Каина сложился значительный и информационно насыщенный блок сведений о преступной среде Москвы 40—50-х гг. XVIII в. Действительно, известный московский вор Ванька Каин, явившийся в Сыском приказе и выдавший многих «товарищей», в течение семи лет занимал должность «доносителя» и «сыщика» Сыского приказа. Среди пойманных по его указанию воров был беглый солдат Алексей Соловьев, в кармане которого было свернуто собственноручно написанное им «доношение» с реестром из 75 человек, из которых 20 персон мы находим в списке 33 «товарищей» Каина. Большинство преступников, пойманных по указанию Каина или Соловьева, не видели смысла скрывать свою воровскую сущность. Многие арестованные воры, обескураженные предательством, сами выдавали «товарищей». Например, «мошенник» Иван Гольй на допросе 29 декабря 1741 г. перечислил 19 сообщников, из них 17 были включены в реестры Каина и Соловьева (см. № 10. Л. 48 об.—50). Так в 1740-х гг. взаимная солидарность в среде московских воров была нарушена, вследствие чего сообщество «мошенников» круга Ваньки Каин и Алексея Соловьева было в значительной мере уничтожено.

По нашим подсчетам, всего за декабрь 1741 г. — конец 1748 г. было арестовано, осуждено и сослано на каторжные работы не менее 69 профессиональных московских воров круга И. Каина и А. Соловьева. Из них более половины (36 осужденных) входили в реестры «товарищей» Каина и Соловьева. Таким образом, всего из 90 воров, о которых в декабре 1741 г. вспомнили Каин и Соловьев, 36 преступников (40%) были пойманы, дали показания и осуждены. Другие 33 вора (из 69 человек),

хоть и не были перечислены в реестрах, но, несомненно, также были связаны с преступниками круга Каина и Соловьева: они были либо схвачены в притонах вместе с ними, а затем дали признательные показания, либо были арестованы на улицах Москвы по указанию Каина.

Таким образом, из возникших в результате доносительской деятельности И. Каина материалов удастся выделить комплекс документов о *преступном мире Москвы XVIII в. как совокупности профессиональных преступников*. Этот комплекс мы и публикуем ниже.

Он состоит из двух частей:

1). Документы, связанные с арестом и допросами «товарищей» И. Каина 27 декабря 1741 г. — 7 января 1742 г. (№ 1–25), которые подшиты в одно дело (РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 1–134). Это дело издается нами почти целиком, за исключением экстракта «о содержащихся колодниках... по показанию явшагося доносителя... Ивана Каина» (Л. 109–123), копии определения по делу (Л. 125–132) и некоторых других делопроизводственных документов (Л. 5, 100, 133–134 об.).

2). Документы, связанные с арестом и допросами профессиональных воров круга И. Каина и А. Соловьева в 1742–1748 гг. (№ 26–53). Большинство из них (за исключением И. Метлы и М. Цыгана) было поймано самим Ванькой Каином. Эти документы входят в состав 12 судебно-следственных дел из архива Сысского приказа (РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 824, 871, 989, 1033, 1048, 1180, 1201, 1213, 1337, 1440, 1534, 6260).

Среди публикуемых документов наибольший интерес представляют расспросы профессиональных московских воров, содержащие краткую автобиографию, а также информацию о преступной деятельности и «товарищах». Во всех случаях расспросы представляют собой чистовые копии, составленные на основе не сохранившихся черновых записей, которые вели чиновники Сысского приказа во время допросов. Именно эти расспросные листы, которые подписывали подследственные (чаще всего, «по их

прошению» за них подписывались другие лица), зачитывались им в присутствии перед судьями, а затем подшивались в следственное дело.

Публикуемые материалы о взаимосвязанных московских профессиональных ворах круга И. Каина и А. Соловьева являются, по-видимому, первым значительным документальным комплексом о городском преступном мире России. Эти документы, представляющие своего рода «снимок» преступного мира Москвы 1730–1740-х гг., имеют большое значение для изучения социальной истории России XVIII в.

Документы публикуются по следующим правилам. Тексты переданы с сохранением их орфографии. Вышедшие из употребления буквы заменены буквами современного алфавита, а стандартные сокращения (дрвня, гспдин, мсца и пр.) раскрыты без оговорок. Также без оговорок выносные буквы вставлены в строку, а пропущенные гласные после выносных согласных восстановлены. Мягкий и твердый знак восстановлены только в положении перед гласной и на конце слова. Краткое «и» ставится по современному произношению. Утраченные части текста воспроизведены в квадратных скобках, а фрагменты текста, восстановленные по смыслу, приведены в круглых скобках. Прописные буквы употребляются в соответствии с современными правилами орфографии. Знаки препинания даны в соответствии с правилами современной пунктуации. Оригинальная структура публикуемых текстов (деление на абзацы, на пункты и т.п.) сохраняется. Документы датируются по старому стилю. В примечаниях оговариваются описки, ошибки, вставки, исправления, смена почерка, приписки, зачеркнутые места и другие особенности текста. Границы вставок, если они превышают одно слово, отмечаются звездочкой слева и сноской справа.

* * *

№ 1

1741 г. декабря 27. — Повинное доношение «мошенника» И. Каина в Сыскной приказ о розыске и допросе тридцати трех воров, его товарищей.

Помета: (Л. 1) № 1778. Подано декабря [27 дня] 1741 г[ода]²⁰.

ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШАЯ ДЕРЖАВ[НЕЙШАЯ]
ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕ[РАТРИЦА]
ЕЛИЗАВЕТ ПЕТРОВНА, [САМОДЕРЖИЦА]
ВСЕРОССИЙСКАЯ, ГОСУДАРЫНЯ
ВСЕМИ[ЛОСТИВЕЙШАЯ].

Доносит Иван Осипов сын Каинов, [а о чем мое] доношение, тому следуют пункт[ы].

1.

В начале, как Всемогущему Богу, так и ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ повинную я сим о себе доношением приношу, что я, забыв страх Божий и смертны час, впал в немалое погрешение: будучи в Москве и в протчих городех, во многих прошедших годех машенничествовал денно и ночью: будучи в церквах и в разных местах, у господ, и у приказных людей, и у купцов, и всякого звания у людей ис корманов денги, платки всякие кошелки, часы, ножи и протчее вынимывал²¹.

²⁰ Рукопись очень ветхая, часть текста утрачено. Восстановлено по: *Есипов Г.В.* Ванька-Каин (из подлинных бумаг Сыскаго Приказа) // Осьмнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый П. Бартеневым. Кн. 3. М., 1869. С. 302; РГАДА. Ф. 372. Оп. 2. Д. 353. Л. 313 об.

²¹ Здесь И. Каин признается в систематическом совершении «мошенничества» и уточняет, что под этим подразумеваются карманные кражи. Таким образом, в дискуссии по поводу того, что в гл. XXI Соборного уложения 1649 г. понималось под понятием «мошенничество», скорее всего, прав И.Я. Фойницкий, видевший в значении этого слова карманное воровство, от слова «мошна» — карман (См. комментарий С.И. Штамм к ст. 11 гл. XXI Соборного уложения: Памятники русского права / Под ред. К.А. Софроненко. М., 1957. Вып. VI. С. 411).

2.

А ныне я от оных непорядочных своих поступков, напаметовав страх Божий и смертны час, все уничтожил и желаю запретить ныне и впредь], как мне, так и товарищем моим, которые со мною в тех погрешениях обще были, а кто имяны товарищи и какова звания и чина люди, того я не знаю, а имянам и[х] объявляю при сем реэстр.

(Л. 1 об.)

3.

[И по сему] моему всемерному пред Богом [и ВАШ] ИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ [извинению] от того прегрешения престал, а това[рищи мо]и, которых имена значит ниже сего [в рэ]эстре, не токмо что машенничают и ис кор[м]анов денги и протчее вынимают, но уже я уведомился, что и вяще воруют, и ездят по улицам и по разным местам, всяких чинов [л]юдей грабят и платья и протчее снимают, которых я желаю ныне искоренить, дабы в Москве оныя мои товарищи вышеписанных продерзостей не чинили. А я какова чину человек, и товарищи мои, и где, и с за кем в подушном окладе написаны, о том всяк покажет о себе сам.

И дабы ВЫСОЧАЙШИМ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указом повелено было сие мое доношение в Сыскном приказе принять, а для сыску и поимки означенных моих товарищей по реэстру дать канвой, сколко надлежит, дабы оныя мои товарищи впредь как господам афицерам, и приказным служителям, и купцам, так и всякого чина людям таких продерзостей и грабежа не чинили, а паче всего опасен я, чтоб от оных моих товарищей не учинилось смертных убивств, и в том бы мне от того паче не пострадать.

(Л. 2) ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ, ПРОШУ В[АШЕГО] ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА [о сем] моем доношении решение учинить. Де[кабря 28] дня 1741 году. Доношение писал Сыскного [приказа] копейист Алексей Матвеев к подаению в Сыскном приказе.

Реэстр.

Иван Яковлев сын Жегалов	Алексей Майдан
Тимофей Васильев сын Чичов	Матвей Цыганов
Денис Криворотов	Данила Артемьев
Тихон Белой	Иван Дикой
Прокофей Крымов	Григорей Смазной
Дмитрей Таракан	Иван Куфаев
Леонтей Васильев	Алексей Емельянов
Алексей Ляхов	Клим Васильев
Петр Камчатка	Григорей Расадин
Семен Панфилов	Козма Легас
Кандратей Иванов	Мина Иван[ов]
Михайла Жужла	Иван Метла
Дмитрей Поспелов	Иван Сабакин
Савелей Прокофьев	Василей Еретченин
Иван Плешивой	Петр Губан
Андрей Смирной	Леонтей Курсаков
Андрей Федулов	

А других, которых имен не упомяну, токмо при пои[мке] объявляю имянно.

Подпись по пунктам: К сему доношению и реестру новой заведенной фабрики Андрея Еремеева ткач Семен Егоров вместо Ивана Осипова Каинова руку приложил по [ево] прошению.

Помета по пунктам: Записать в книгу, взять по повытью, означенного подателя Ивана Каинова, приняв, взять под караул и против сего доношения распросить обстоятельно, и ежели по сему доношению в роспросе утвердитца, то по показанию ево оговорных сыскивать, и спрашивать, и в спорных славах давать очные ставки, и с прописанием указов доносить неукоснительно.

Подписи: Князь Яков Кропоткин / Андрей Писарев.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 1–2 об. Подлинник. Подписи – автографы. Публ.: Акельев Е.В. Преступный мир Москвы. Два «повинных доношения» профессиональных воров. 1741 г. // Исторический архив. 2007. № 6. С. 212–213.

№ 2

[1741 г. декабря 28]. – Расспрос доносителя И. Каина в Сыском приказе о совершенных им «мошенничествах» и его «товарищах».

(Л. 3) И по вышеписанной помете [означенной] доноситель Иван Каин в мош[енничествах] ропрашиван.

А в роспросе сказал: Иваном ево зовут [Осипов] сын Каин, от роду ему дватцать три года²². [Отец] ево, Осип Павлов, тако ж и он, Иван, Рост[овского] уезду вотчины гостиной сотни купца Петра Дмитриева сына Филатьева²³ села Ивашева крестьяня, и жителство он,

²² Здесь Ванька Каин неверно указал свой возраст. В ходе изучения материалов 1-й ревизии ростовского поместья купцов Филатьевых, в которое входили 12 населенных пунктов с центром в селе Ивашево, удалось обнаружить только одного крестьянина по имени Осип Павлов (в деревне Болгачиново). В 1722 г. у этого крестьянина, Осипа Павлова, родился сын Иван (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4242. Л. 1253 об., 1254 об.). Очевидно, это и есть будущий Ванька Каин. Следовательно, в 1741 г. ему исполнилось лишь 19 лет. Подробнее об имени Филатьевых, где родился и вырос Каин, см.: Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира... С. 110–114.

²³ О купцах Филатьевых см.: Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957. С. 74, 114, 267; Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 122–123, 151–153; Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988. С. 42–45; Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., вводная статья и комментарии Н.В. Козловой. М., 2002. С. 521–523; Шахова А.Д. Дворы торговых людей Панкратьевых и Филатьевых в Москве: к вопросу формирования городской

Иван со оным отцом своим имел в том селе Ивашеве. И тому ныне лет з десять он, Иван, ис того села взят в Москву в дом одного помещика ево Филатьева, и в том доме он, Иван, жил года с четыре. И тому ныне шестой год он, Иван, из дому одного помещика своего бежал и жил в Москве по разным местам. И с того времени, живучи в Москве, он, Иван, спознался с мошенниками, незнаемо какова чину Иваном Жегалою, Алексеем Майданом, Тимофеем Чичовым, Матвеем Цыганом, Денисом Кривооротым, Данилою Артемьевым, Тихоном Белым, Иваном Диким, Проко[фьем] Крымовым, Григорьем Смазным, Дмитрием Тараканом, с Иваном Куваевым, Леонтьем Васильевым, Алексеем Емельяновым, Алексеем Ляховым, Климом Васильевым, с Петром Камчаткою, з Григорьем Расадино[м], Семеном Панфиловым, с Козмою Легасом (Л. 3 об.) [Кандратием] Ивановым, с Мينوю Ивановым, [Михайлою] Жулою, Иваном Метлою, Дми[трием] Пос[пеловым], Иваном Сабакиным, [Савелием] Прокофьевым, с Васильем Ере[тчени]ном, Иваном Плешивым, с Петром [Г]убаном, Андреем Смирным, Леонтьем Курсаковым, Андреем Федуловым, а других товарищей как зовут, не упомнит, и каких они чинов, не знает, толко в лицо признать может. И с ними, будучи в Москве и в протчих городех, мошенничал денно и ночью: будучи в церквах и в разных местах, у господ, и у приказных людей, и у купцов, и всякого звания у людей вынимал ис карманов денги, платки шелковые, часы, ножи и табакерки. Да на Макарьевской ярмонке он, Иван, с вышеписанными товарищи был в четыре пойма, да в городе Тихфине один поем, в городе ж Кашине один поем, да в городе Устюжине один поем, да в городе Гороховце один поем, в городе Везниках один поем, да в городе Нижнем один поем, в городе Володимере один поем, у Троицы

историко-архитектурной среды второй половины XVII–XVIII в. // *Историография, источниковедение, история России X–XX вв. Сб. статей в честь Сергея Николаевича Кистерева*. М., 2008. С. 407–409; *Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира...* С. 110–124.

Сергиева монастыря в пять поимов, да в городе Дмитрове в два поима. И в тех городех он, Иван, мошенничал же: вынимал у купецких людей ис карманов кошелки з денгами, и платки (Л. 4) шелковые, и ножи, и продавал в тех же городех разным людем. А идучи по доро[ге] он, Иван, на разбоях нигде не бывал и см[ертных] убивств не чинивал. Токмо де в прош[лом] 741-м году летом, а о которую пору, [он] не упомнит, он, Иван, в Москве за Моск[вою] рекою на Пятницкой улице с товарищ[и] с Алексеем Артемьевым, с Максимом [Боро]вковым, Сергеем Чижиком ходили незнаемо к чьему двору для кражи пожитков, токмо в том доме покрасть ничего не нашли. А ныне он, Иван, мошенничать перестал и воровать не будет, а товарищи ево и поныне воруют, и в разных домех крадут пожитки, которых он, Иван, всех укажет. А которых имена он, Иван, не знает, и тех в лицо знает и укажет. И в сем роспросе он, Иван, сказал суцую правду.

Помета по листам: Сей роспрос означенному Ивану Каину пред присудствующими чтен, и он, Каин, утвердился на сем роспросе. За секретаря Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 3–4. Подлинник.

№ 3

1741 г. декабря 29. — Доезд протоколиста Сыского приказа П. Донского о тридцати трех человеках, взятых им в ночь с 28 на 29 декабря 1741 г. в притонах Зарядья и Москворецкой улицы по указыванию доносителя И. Каина.

Помета: (Л. 6) № 1803. Подан декабря 29 д[ня] 1742 году.

1741 декабря 28 дня ПО УКАЗУ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и по данной мне, протоколисту Петру Донскому, инструкции велено мне с явшимся доносителем Иваном Каиновым, которой в воровствах

своих принес извинение, итти, где он, Каин, покажет таких же воров, и тех воров забрать всех. И по тому ево показанию я, Донской, с салдаты ходил, и он, Каин, указал мне в Китае городе, в Зарядье, незнаемо чей двор, а сказал, что де в том доме живут товарищи ево, мошенники²⁴. И в том доме взяли по указыванью ево, Каинову, становщика слепого Андрея Федулова сына Букатенка, Кизяка он же, да жену ево Пелагею Никитину дочь, да мошенников: Журавлевой фабрики ученика Кандратя Федорова сына Безрукова, Алексеевской слободы Степана Гаврилова сына Жижина, Коломенского полку беглого салдата Ивана Елисеева сына Буханова, Хорохорка он же, Казенной слободы купецкого человека Михайла Васильева сына Рубцова, Голован он же, беглого салдата Максима Родионова сына Попова, Журавлевой фабрики ученика Ивана Алексеева сына Дикова, Садовой большой слободы купца Ивана Михайлова сына Батыгина, Гарицкого монастыря крестьянина Максима Лылова. Да в том же доме взял женского полу: Семеновского полку салдацкую жену Аксинью Иванову, дочь ее девку (Л. 6 об.) Степаниду Иванову, Садовой большой слободы купецкого человека Ивана Васильева жену Катерину Васильеву дочь, Хамовой слободы купца Ивана Смирнова жену Матрену Данилову дочь, салдацкую дочь девку Анну Иванову, пушкарскую жену

²⁴ Некоторые арестованные на допросах показали, что этот воровской притон находился в Зарядье на территории двора Петра Сабурова (см. № 6. Л. 14, 15 об., 23). Однако ни по переписи зарядских дворов 1742 г., ни по исповедным ведомостям Китайгородского сорока 1740-х гг. владения Петра Сабурова в Зарядье не прослеживается (Переписные книги города Москвы, составленные в 1737–1745 годах. Т. 1. Книги по первой команде. М., 1885; ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 142). Поэтому, скорее всего, речь идет об одном из брошенных после майского пожара 1737 г. дворов, возможно, ранее принадлежавшем Петру Сабурову (по переписи 1742 г. в Зарядье насчитывалось семь таких мест общей площадью около 2,500 кв. саж.: Переписные книги города Москвы... С. 19–25, 102–103). На это указывает и «доезд» Петра Донского, в котором владелец двора, где был обнаружен воровской притон, не называется («указал мне в Китае городе, в Зарядье, незнаемо чей двор, а сказал, что де в том доме живут товарищи ево, мошенники»). Это еще раз свидетельствует о заброшенности этого двора, иначе Петр Донской уточнил бы его принадлежность.

Ирину Федосееву дочь, салдацкую дочь девку Марфу Васильеву. Да в том же доме взяли на наистоппе два полаша без ножек, да кортик. Он же, Каин, близ Москворецких ворот указал дом церкви Всемилоствиваго Спаса, что словет Мокрой, дьякона Алексея Екимова²⁵, а сказал, что де в том доме живут мошенники, и я, Донской с салдаты, в том доме взял мошенников: Коломенского полку беглого салдата Тимофея Васильева сына Чичова, Хамового двора матроза Дениса Иванова сына Криворотова. Он же, Каин, близ же Москворецких ворот указал дом церкви Николая Чудотворца священника Ильи Елисеева²⁶, а сказал, что де в том доме живут мошенники, и я, Донской, в том доме взял мошенников: Болшаго суконного двора ученика Тихона Степанова сына Боброва, Белой он же, Журавлевой фабрики ученика Матвея Дмитриева сына Тарыгина, да жонок: Иверского монастыря крестьянскую жену Татьяну Иванову, салдацких жен Прасковью Васильеву, Варвару Нестерову. Он же, Каин, близ Москворецких ворот указал дом церкви Всемилоствиваго Спаса священника Ивана (Л. 7) Леонтьева²⁷, а сказал, что де в том доме (живут, мо-

²⁵ Двор дьякона церкви Всемилоствиваго Спаса Алексея Акимова имел длину вдоль по Москворецкой ул. 6,5 саж. (Переписные книги города Москвы... С. 18). По исповедной ведомости 1744 г., в этом дворе, кроме дьякона Алексея Акимова и его детей, никто не числился (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 142. Л. 125).

²⁶ Двор священника церкви «Николы Москворецкого» Ильи Елисеева был обмерен осенью 1742 г. во время переписи московских дворов. Он тянулся вдоль Москворецкой улицы на 7,5 саж., а в глубину, по направлению к кремлевскому рву, на 10,5 саж. По данным исповедных ведомостей 1748 г., здесь проживали, кроме самого 43-летнего священника Ильи Елисеева и его домочадцев (он жил вместе с матерью и двумя сыновьями), более 20 жильцов – оброчные крестьяне, солдатские жены и вдовы, фабричные, отставные солдаты (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 142. Л. 89–89 об.)

²⁷ Из переписной книги московских дворов 1742 г. следует, что этот двор был неправильной формы и с северной стороны граничил с острогом Сысского приказа, с западной – с церковным кладбищем, а с южной – с маленькими двориками дьячка той же церкви Алексея Акимова и пономаря Василия Семенова. Известен также приблизительный размер двора: 12 саж. в ширину (по Москворецкой ул.) и 16 саж. в длину (Переписные книги города Москвы... С. 18). Согласно исповедной ведомости этого прихода 1744 г., в этом дворе официально проживали 30 человек. Сам 43-летний «поп» Иоанн Леонтьев жил с женой, 46-летней Евдокией Спиридоновой, и 12-летним племянником

шенники, и я в том же) взял мошенников: салдацкого сына Ивана Данилова сына Тареева, Зубарев он же, ассесора Афонасья Сыгина человека Петра Иванова сына Ачку, Рябинин он же, да в том доме хозяйку, салдацкую жену Марфу Дмитриеву дочь, да полотняной фабрики ученика Михайла Васильева сына Стулникова, Киска он же, которой показал, что он бежал ис корчемной канторы, да салдацкую жену Ирину Иванову дочь²⁸. Он же, Каин, близ

Иваном Спиридоновым, служившим при церкви пономарем. Все остальные обитатели двора были жильцами священника: купеческая вдова, 53-летняя Ирина Селиверстова, оброчный крестьянин Андрей Иванов с женой и тремя детьми, 40-летний купец 2-й гильдии Тимофей Анисимов с 21-летней женой Ксенией, оброчный крестьянин, 60-летний Михаил Иванов, с 30-летней женой Татьяной, «фабричный» Суконного двора 45-летний Егор Алексеев со своей женой Анной, солдатская вдова, 50-летняя Устинья Максимова, оброчный крестьянин, 30-летний Андрей Макаров, с 24-летней женой Ксенией, 35-летняя крестьянская вдова Татьяна Иванова с 10-летним сыном Петром, «фабричный» суконной мануфактуры Гаврилы Журавлева 31-летний Филипп Дмитриев с женой и двумя малолетними детьми и др. (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 142. Л. 124–128).

²⁸ В 1749 г., уже будучи под следствием, Каин сообщил следующие подробности о притоне Марфы Дмитриевой: «Ныне де тому лет с пять или больше, подлинно сказать не упомнит, когда он, Каин, еще в Сыском приказе не явился и жил в Зарядье у заплочного мастера Алексея Иванова, а близ двора ево жила женка Дмитриева дочь, у которой приставали мошенники, да у нее ж жила вдова Арина Иванова дочь, которая ныне имеетца в замужестве за ним, Каином, которую он тогда только по одному соседству знал и в тот дом, к означенной Дмитриевой дочери, прихаживал и начевывал времянно, а дальняго знакомства никакого у него с ней не было и в замужество намерения за себя взять никакого не имел. А потом вскоре он, Каин, явился в Сыской приказ и объявил о всех своих воровствах и кого воров и мошенников знает, почему ис того приказу послана была для забраня тех воров и мошенников команда, коих и забрано было немалое число, в том числе означенной Дмитриевой дочери взяты были мошенники Лев Юдин, да школьники, а имянно, не знает, да подозрительной битой кнутом суконщик Михайла Максимов сын Стулников, тако ж и оная Дмитриева и вышеписанная жена ево Ирина Иванова дочь, и хотя оная жена тогда в ведомстве про мошенничество и запиралась, но он, Каин, по злобе с нею, Ариною, что она в одно время в бытность ево, Каинову, в том доме с ним бранилась, доказывал, что она подлинно про мошенничество ведала, может быть и жила с теми мошенниками блудно... А по следствию того было учинено ей, Арине, наказание кнутом и свобожена с роспискою, а по свободе он, Каин, взял ее, Арину, к себе в квартиру, которую он имел в Зарядье на Воронежском подворье у дворянина Ивана Семенова и жил с нею, Ириною, блудно, а потом он, Каин, ей, Ирине, говорил, чтоб она с ним обвенчалась, и по общему с нею, Ириною, согласию он, Каин, взяв вечную память, в церкви Варвары мученицы обвенчались,

Москворецких ворот указал пещеру²⁹, а сказал, что де в той пещере живет мошенник, Казанского полку беглой извощик Алексей Иванов сын Соловьев, и в той пещуре одного Соловьева взяли, у него ж, Соловьева, взяли ис кармана доношение, в котором написано рукою ево, что он знает многих мошенников, и при том написан оным мошенником реэстр. Да в той же пещуре взяли хояина, Басманой слободы купца, Степана Иванова сына Болховитинова. И вышеписанных всех, и при них два полаша, и кортик, и доношение с реэстром предъявляю при сем доезде. А при том были (Л. 7 об.) салдаты Дмитрией Андреев, Василей Коробов, Иван Ушаков, Иван Дакорин, Василей Попов, Савелей Поспелой, Егор Ламкин, Василей Веселой, Максим Бормотунов, Осип Лягузов, Федор Раманов, Логин Клоков, Андрей Макаров, Иван Ракитин.

Подписи: К сему доезду протоколист Петр Донской руку приложил / К сему доезду Сысского приказу копеист Федор Дружинин вместо вышеписанных салдат, кои писаны в сем доезде выше сего, по их прошению руку приложил.

Помета: К записке отдан декабря 31 дня.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 6–7 об. Подлинник. Подписи — автографы.

и с того времени он, Каин, с нею, Ириною, жил и поныне, токмо она, Ирина, воровства за ним, Каином, никакого не знала, и он ей ни о чем не сказывал» (РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2310. Л. 48–49).

²⁹ Пещуры – широкие камеры с внутренней стороны Китайгородской стены для установки тяжелых артиллерийских орудий (См.: Казакевич И.И. Московское Зарядье. История архитектурных памятников. М., 1977. С. 166–172). В XVIII–XX вв., когда Китайгородская стена уже потеряла свое реальное оборонительное значение, эти пещуры, устроенные в толстой 6-метровой стене, забивались с уличной стороны досками или другим материалом и служили москвичам в качестве складских, хозяйственных и даже жилых помещений. Так, просвирня церкви Зачатия Анны, что в Углу, Ксенья Юдина проживала в пристройке, приделанной к пещуре Китайгородской стены (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 142. Л. 82–83; см. также: РГАДА. Ф. 931. Оп. 2. Д. 2447. Л. 2 об.–3). Согласно исповедным ведомостям Китайгородского сорока 1748 г., в приходе церкви Иоанна Богослова, что под Вязом, «после пожару» в пещуре обитал наборщик Московской типографии, 56-летний Василий Андреев, с 44-летней женой Евдокией Михайловной и дочерьми — 17-летней Анной и 7-летней Марией (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 142. Л. 92).

№ 4

[1741 г. декабря]. — Повинное доношение беглого солдата А. Соловьева московскому главнокомандующему С.А. Салтыкову о розыске беглых солдат, «мошенников», «раскольников» и торговцев краденым.

(Л. 8) Доносит Казанского пехотного полку извозчик [Алексей] Иванов сын Соловьев, а о чем, тому следуют пункты:

1.

Из одного полку был я от службы в укрывательстве, а [сколко] числом, о том значит в деле. А, пришет в Моск[ву], жил я в Олексеевской слободе у посацкого человека, и прознал я из воров, которые просили у меня, чтоб я [промыслил] им пистолет на разбойное дело, о которых доносил я В[аше]му Высоко Графскому Сиятельству, которые мною пойманы и в Сыскной приказ приведены и, по приводу, ро[зы]сканы^а, и в розысках винились в разных разбоях, о чем значит в деле. А мне, нижеименованому, и поныне реш[ения] не учинено, токмо освобожден из Сыскнова приказу и доньне живу празно.

2.

Жив празно в Москве, и усмотрил беглих салдат, драгун, матрос и празноживущих, которые, отбывая^б от [слу]жб[ы] и подушного оклада, укрываются.

3.

Много разных чинов люди^в имеют за собою разкол[л], о которых именуую роспись подам, а (и)мено 607 чел[овек]³⁰.

³⁰ Скорее всего, А. Соловьев здесь говорит о христовской секте, имевшей в Москве того времени много последователей. Если в данный момент представители власти не обратили должного внимания на это заявление Соловьева, то в феврале 1745 г. благодаря Ивану Каину была обнаружена община сектантов в Ивановском монастыре и началось второе крупное дело о христовщине. Подробнее см.: Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. С. 148 и далее.

4.

Много купечество празноживущих, а другия и в подуш[ном] окладе, много женска полу имеют купечество на ...¹ и на Неглиной, однако ш, не боясь Божия страха, ...ству покупают крадиное заведомо всакие в[ещи], в лакамство и в погибель приходят, а нас, шетающ[ихся], х каторжной работе, но и к смертной казне прив[одят].

(Л. 8 об.)

5.

Дабы высочайшим Вашего Императорского [Ве]личества указам¹ повелено было по объевлению моему мною сыскивать.

Реэстр.

Алексей Емелин	Федор Раманов
Казма Легас	Иван Кувай
Михайло Жужла	Афонасей Столар
Иван Яковлев	Максим Рыжей
Григорей Удалой	Григорей Расасадин
Петр Нухала	Микита Глухой
Андреян	Петух
Иван Метла	Иван Сердитка
Иван Лукьянов	Дмитрей Таракан
Петр Сулой	Петр Волк
Алексей Майдан	Кандратей Безрукой
Матвей Дмитриев	Дмитрей Вастрок
[Пет]р Камчатка	Иван Медной
Аникей Федосеев	Гаврила Котур
Клим	Иван Лебедев
Михайла Воструха	Иван Спиридонов
[Ива]н Глухой	Микита Тарин
(Л. 9) Алексей Емелин	Федор Раманов
Кузма Легас	Иван Кувай
Михайло Жужла	Афонасей Столар
	*-Максим Риж[ой] ^с
Иван Яковлев	Андреян
	*-Григорей Слепой ^ж
Петр Нухала	Григорей Удалой

Петух³
Иван Метла
Митрей Таракан
Петр Сулой
Алексей Майдан
Федор Манаст
Петр Камчатка
Аникей^н Федосев
Иван Спиридонов
Микита Татарин
Тимофей Чичев
Иван Каин
(Л. 9 об.) [Ми]хайла Онучин
Тихан Степанов
[Ан]дрей Вастрак
Семен Скуребра
Семен Панфилов
Савелей Пушкарской
Максим Полак
Матвей Зуи
Иван Шибачинок
Митрей Семенов
[Ив]ан Жарав
Андрей Криворотой
Степан Чей
[Коз]ма Кал
[Женка А]кулина
[Жен]ка Полагая

[Женк]а Домна
[Женка] Дарья
(Л. 10) Тимофей Чичев
Михайло Онучин
Семен Скуребра
Кирила Рубец
Федор Манастырской
Тихан Степанов

Матвей Дмитриев
Иван Сердитка
Иван Плешивой
Петр Волк
Кандратей Безруков

Иван Медной
Михайло Воструха
Иван Глухой
Иван Лебедев
Данила Петла
Петр Ачка
Михала Беберца
Денис Иванов
Федор Скуребра
Иван Ермалаев
Гур Латинской школы
Алексей Труфалав
Степан Плешивой
Микита Авсаников
Кирила Рубец
Реэстр
разным людем, которые
имеют за собою
разные варавства, а
чем я, Алексей
Соловьев, докажу
60^к человек
абвгд

Данила Петла
Михайло Беберца
Микита Овсан[ин]
Петр Шибай
Денис Иванов
Иван Каи[н]

Петр Иванов
Савелей Пушарской
Иван Голай
Иван Шибаченок
Левонтей Марков
Степан Завьялов
Гур Латысной
Максим Полак
Иван Жаров
Иван Швет
Андрей Мурза
Савелей Плохой

Семен Панфилов
Алексей Труфалов
Андрей Криворотай
Григорей Смазной
Иван Блиников
Семен Черносвитов
Степан Плешивой
Клест
Степан
Петр Асетрина
Прокофей Кримоф

В понедельник взято (в) Всесвяцкой бане *штаны козвые^а, ввечеру 7 гривен. В четверк 50 копеек, штаны восилковые. В Кузнецкой бане вз[а]то в четверк рубаха тафтана, штаны нижегоро[цкие], камзол китайчитой, крест серебряной. На Камен[ном] мосту 16 алтын. В субботу штаны, кол[цо], денег 1 рубль 20 копеек. Воскресенья 1 р[убль]. В понедельник в Ямских взято 15..., в городе 1 рубль 6 копеек. (Л. 10 об.) [На нед]ели взято в Москворецкой 2 рубли 15 копеек. [На не]дели 10 рублей, в Ямских 6 рублей 17 копеек³¹.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 8–10 об. Подлинник. Автограф.

Публ.: Акельев Е.В. Преступный мир Москвы. Два «повинных доношения» профессиональных воров. 1741 г. // Исторический архив. 2007. № 6. С. 213–214.

Примечания: ^а После этого зачеркнуто: винил. ^б Вставлено над строкой. ^в Вставлено над строкой. ^г Здесь

³¹ Очевидно, из кармана А. Соловьева вытащили черновой вариант «повинного доношения», который автор намеревался переписать набело. На это указывает небрежность при составлении документа (многие имена в реестре повторяются), а также следующий после реестра текст, который, казалось бы, напрямую к содержанию доношения не относится. Это перечисление украденного в московских банях за последние дни. Можно предположить, что эти сведения А. Соловьев намеревался включить в чистовой вариант своего «повинного доношения».

часть рукописи утрачена. ^а Вставлено над строкой.
^б Вставлено над строкой. ^ж Вставлено над строкой.
^з Затем зачеркнуто: Яков Серя. ^и Перед этим зачеркнуто: Фе. ^к Перед этим зачеркнуто: 49 ^л Вставлено над строкой.

№ 5

[1741 г. декабря 29]. — Определение присутствующих Сысского приказа о следственных действиях по делу «явшагося собою мошенника» И. Каина.

(Л. 11) Записать в книгу, взять по повытью ко отпуску, взятых по указыванию явшагося собою мошенника Каина становщика, и мошенников, и женок против ево, Каинова, показания распросить всех порознь обстоятельно, предъявленные палаши и кортик, описав, отдать под охранение за сержанта Петру Дороновскому с роспискою, показанного извощик[а] Алексея Соловьева против предъявленного доношения, которое взято у него ис кармана, в ко (Л. 11 об.) тором написаны имена вора и мошенникам, распросить обстоятельно, где оных мошенников сыскать и указать может, и кого где покажет, тех, сыскивая, спрашивать, и в спорных словах давать очные ставки, и с прописанием указов доложить неукоснительно.

Подписи: Князь Яков Кропоткин / Андрей Писарев.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 11–11 об. Подлинник. Подписи — автографы.

№ 6

[1741 г. декабря 29 — 1742 января 7]³². — Расспросы в Сысском приказе тридцати трех подозреваемых,

³² Здесь и далее даты расспросов восстановлены на основе определений Сысского приказа, которые содержатся в самих делах и в протокольных книгах.

схваченных в ночь с 27 на 28 декабря 1741 г. по указыванию И. Каина в притонах Зарядья и Москворецкой улицы.

(Л. 14) И по вышеписанной помете приводные тридцать три человека в Сысской приказ приняты и против показания доносителя Ивана Каина розспрашиваны порознь.

А в роспросе первой сказался: Андреем ево зовут Федулов сын по прозванию Кубатенок, Кизяка он же. Алексеевской слободы купецкой человек. Жителство де он имел за Яузскими вороты в приходе церкви Николая Чудотворца, что словет на Студенце, своим двором, кормился собою — торговал мясом. И волею Божию ослеп. И показанной двор свой продав, перешел на Варварскую улицу в дом Петра Иванова сына Сабурова, и жил во особливой палате без найму, токмо со объявлением съезжаго двора, а кормился мирским подаянием. У него ж, Андрея, жили мошенники: Журавлевой фабрики ученик Кандратей Безрукой, Алексеевской слободы купец Степан Жижин, Коломенского полку беглой салдат Иван Елисеев сын Буханов, Хорахорка он же, Казенной слободы купец Михайло Васильев сын Рубцов, Голован он же, Максим Родионов сын Попов, Журавлевой (Л. 14 об.) фабрики ученик Иван Алексеев сын Дикой, Ганчарной слободы купец Максим Иванов сын Клест. Жили заведомо, а имянно: Безрукой недели с четыре, Жижин с неделю, Хорахорка одну ночь, Голован с неделю, Максим Попов два дни, Дикой с неделю, Клест с месяц. У него ж, Клеста, купил он, Андрей, кавтан серой, дал дватцать копеек, заведомо, что краденой. А окроме того у них ничего не покуповал. У него ж, Андрея, жил Садовой большой слободы купец Иван Михайлов сын Батыгин, которой ево, Андрея, водил по миру. У него ж, Андрея, жила салдацкая жена Аксинья Иванова четыре дни, и записана на съездем дворе, а взятая дочь ее, девка Степанида Иванова, не жила, а пришла для сви-

дания к матери своей; салдацкая жена Арина Яковлева жила с месяц по объявлению съезжаго двора; Садовой большой слободы купецкого человека Ивана Васильева жена ево, Катерина Васильева, не жила, а пришла к нему для свидания з женою ево; Хамовой слободы купца Ивана Смирнова жена Матрена Данилова жила с неделю; салдацкая дочь девка Анна Иванова дочь недели з две без объявления съезжаго двора; пушкарская жена Арина Федосеева с полгода со объявлением съезжаго двора; салдацкая дочь девка Марфа Васильева жила з год без объявления по свойству, потому что де она ему племянница; Горицкого (Л. 15) монастыря крестьянин Максим Лылов у него, Андрея, не жил, а пришел де к нему в гости по знакомству для того, что де жена ево строчила на него подрядные сапожные голяницы. А окроме де того воров и мошенников у него, Андрея, не живали, и у них платья и протчаго заведомо не покуповал. А взятые де у него, Андрея, рубашка^а александрйская с кушаком полушелковым положены у него от брата ево двоюродного, Алексеевской слободы купца Андрея Васильева, в закладе в дву рублях, а ныне де он в Питербурхе. Ранец салдацкой, кортик, портупей шелковой положены де у него, Андрея, от присылаемых из Сибири с казною счетчиков Ивана Иванова, Николая Иванова, которые де стояли у него, Андрея, из найму с филиповских заговен с месяц, в закладе в полтине, а обещали де выкупить оное по приезде их в Москву к празнику Рожества Христова или к Новому году. Две рубашки, да два фартучка холстинные децкие жилицы ево, салдацкой жены Варвары Ивановой дочери малолетного ее сына, а муж де ее имеетя в посылке, а куды, не знает. А остаток Ивановского полотна, да два платка бумажные, один крашенной, пять покромей зеленых простого сукна, да холст посконной собственные де ево, Андреевы. Два полаша салдацкие, кто оные положил на наистопок в землю, и для чего, о том он, Андрей, не знает. И в сем допросе сказал сущую правду.

А по осмотру оной Кизяка явился не подозрителен.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказа копейст Василей Тупицын вместо вышеписанного Андрея Кубатенка по ево прошению руку приложил.

(Л. 15 об.) Второй человек женка сказала: Полагеею де ее зовут Никитина дочь. От роду ей дватцать один. Муж де ее Алексеевской слободы купецкой человек Андрей Федулов сын Кубатенок. И жила де она, Палагея, со оным мужем своим за Яузскими вороты в приходе церкви Николая Чудворца, что на Студенце, своим двором, кормились собою — торговал де оной муж ее мясом. И волею Божию ослеп. И показанной двор свой продав, перешли жить на Варварскую улицу в дом Петра Иванова сына Сабурова, и жили де во особливой палате без найму, токмо со объявлением съезжаго двора. А пропитание имеют означенной муж ее Христовым именем, а она, Палагея, везет на продажу чулки шерстяные. И во оном доме жили у них по сему делу приводные мошенники: Журавлевой фабрики ученик Кандратей Безрукой, Алексеевской слободы купец Степан Жижин, Коломенского полку беглой салдат Иван Елисеев сын Буханов, Харахорка он же, Казенной слободы купец Михайло Васильев сын Рубцов, Галаван он же, Кадашевской слободы купец Максим Родионов сын Попов, Журавлевой фабрики ученик Иван Алексеев сын Дикой, Ганчарной слободы купец Максим Иванов сын Клест. А жили у них заведомо, а имянно: Безрукой недели с четыре, Жижин с неделю, Харахорка одну ночь, Голован с неделю, Клест с месяц. И у него де, Клеста, купил оной муж ее кавтан серой, дал дватцать копеек (Л. 16) заведомо, что краденой. А кроме де того у них оной ее муж и она, Палагея, краденого ничего не покупали. У них же де жил Садовой большой слободы купец Иван Михайлов сын Батыгин, которой де мужа ее водил по миру. У них же жила салдацкая жена Аксинья Иванова четыре дни и записана на съезде двора, а взятая дочь ее девка Степанида Иванова дочь не жила, а пришла для свидания к матери своей; салдацкая жена Арина Яковле-

ва жила с месяц по объявлению съезжаго двора; Садовой большой слободы купецкого человека Ивана Васильева жена ево Катерина Васильева не жила, а пришла де к ней для свидания; Хамовой слободы купца Ивана Смирнова жена ево Матрена Данилова жила с неделю со объявлением; салдацкая дочь девка Анна Иванова недели з две без объявления съезжаго двора; пушкарская жена Арина Федосеева с полгода со объявлением съезжаго двора; салдацкая дочь девка Марфа Васильева жила з год без объявления по свойству по тому, что де она мужу ее племянница; Горицкого монастыря крестьянин Максим Лылов у них не жил, а пришел де к ним в гости по знакомству для того, что де она, Палагея, строчила на него подрядные сапожные голяницы. А кроме де того воров и мошенников у них не живали, и платья у них и протчего заведомо не покуповали. А вышеписанные жилцы ее про то, что показанные — мошенники, ведали ль, не знает, (Л. 16 об.) тако ж и они им не сказывали. А взятые де у них рубашка александрйская с кушаком полушелковым положены у них от деверя ее двоюродного, Алексеевской слободы купца Андрея Васильева, в закладе в дву рублях, а ныне де он в Питербурхе; ранец салдацкой, кортик, портупей шелковой положены де у них от присылаемых из Сибири с казною счетчиков Ивана Иванова, Николая Иванова, которые де стояли у них из найму с филиповских заговен с месяц в закладе в полтине, а обещали де выкупить оное по приезде их в Москву к празнику Рожества Христова или к Новому году; две рубашки, два фартучка холстинные децкие, имеющейся у них, жилицы, салдацкой жены Варвары Ивановой дочери, малолетного ее сына, а муж ее имеется в посылке, а куды, не знает; а остаток ивановского полотна, да два платка бумажные, один крашенинной, пять покромей зеленых простого сукна, да холст посконной собственные де мужа ее и ее, Палагеины; два полаша салдацкие, кто оные положил на ноистопок в землю, и для чего, о том она, Палагея, не знает. И в сем распросе сказала сущую правду.

Третьей человек в роспросе сказался: Кандратъем ево зовут Федоров сын Безрукой^б. От роду ему дватцать пять лет. Отец де ево, Федор Савинов сын, (Л. 17) был дворцового села деревни Щитневой, и тому ныне дватцать второй год оной отец ево умре. И после смерти отца своего он, Кандратей, кормился Христовым именем, а наче вал по разным командам в караулных. И тому ныне шестой год он, Кандратей, записался на Суконную фабрику Андрея Еремеева и работает на той фабрике и поныне, и жил на той фабрике. Тому ныне с полгода он, Кандратей, живет в Китае по сему делу у приводного слепого Андрея Федулова и по сей привод. И тому ныне с полгода ж он, Кандратей, умыслил, чтоб в Москве мошенничать, и Журавлевой фабрики с суконщиками Иваном Диким на Москве реке у проезжих мужиков в разные дни крали с возов в мешках овес, и муку, и крупы, и шубы, и кавтаны, а во сколько паймов, того за множеством сказать не упомнит, и продавали оное в разных местах разным деревенским мужикам, а где оных сыскать, не знает. Да с ним же, Кандратъем, мошенничал по сему делу приводной Иван Хорахорка недели с три. А про то, что он, Кандратей, мошенник, оной хозяин ево, слепой Андрей Федулов, и жена его, Палагея Никтина дочь, ведали, потому что он, Кандратей, им о том сказывал. А взятыя с ним у онаго слепова жонки и две девки за ним воровства никакова не знали. А кроме того он, Кандратей, на воровствах и на разбоях нигде не бывал, (Л. 17 об.) пожегов и смертных убийств не чинивал, и в сем роспросе он, Кандратей, сказал сущую правду.

А по осмотру оной Канратей явился не подозрителен.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыскного приказу пищик Иван Аменин вместо вышеписанного Кандратъя Безрукова по ево прошению руку приложил.

Четвертой человек в роспросе сказался: Степаном ево зовут Гаврилов сын Жижин. От роду ему дватцать лет. Отец де ево, Гаврила Андреев сын, был Алексеевской слободы купец, и тому ныне десятой год оной отец ево

умре. И после смерти отца своего он, Жижин, кормился торговал на Гостинном дворе рыбою, а жил де он, Жижин, у брата своего родного Алексея Гаврилова за Яузскими вороты в Алексеевской слободе в приходе церкви Филиппа Апостола. И тому ныне с полгода он, Жижин, жил в Таганке в Пустой улице в приходе церкви Воскресения Христова полотняной фабрики Подсевалщикова у полотнянщика Якова Степанова бес поручной записи. И от него, Якова, он, Жижин, знался с мошенниками — с салдацким сыном Максимом Родионовым, да Большаго Суконного двора с суконщиком Федором Антиповым. И с ними он, Жижин, мошенничал: по Москве реке и на Таганке крали у проезжих деревенских мужиков с возов в мешках овес, муку и крупы, а во сколко паймов, того за множеством сказать не упомнит, (Л. 18) и продавали в Москве в разных местех извощиком, а кому имянно, не знает, а про то, что оное крали с возов у проезжих мужиков, про то им не сказывали. И тому ныне с месяц он, Жижин, переехал жить Алексеевской слободы х купцу Андрею Слепому, и жил у него и по сей привод заведомо, что он мошенник. А кроме их в доме у него, слепова, воровства за ним никто не знает, тако ж и кроме того он, Жижин, на воровствах и на разбоях нигде не бывал. И в сем роспросе он, Жижин, сказал сущую правду.

А по осмотру оной Степан Жижин явился не подозрителен.

Подпись по листам: К сему роспросу Сысского приказу пищик Дмитрий Севергин вместо вышеписанного Степана Жижина по ево прошению руку приложил.

Пятой человек в роспросе сказался: Иваном ево зовут Елисеев сын Буханов, Харахорка он же³³. О роду ему пятнатцать лет. Отец де ево, Елисей Давыдов, бывал Алексеевской слободы купец. И в нынешнем де 741-м году на второй недели Великого поста он, Харахорка, из

³³ Об Иване Харахорке см.: Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира... С. 201–208.

оной Алексеевской слободы отдан в салдаты и определен в Коломенской полк. И ис того полку он, Харахорка, послан был в город Тулу с канвоем для оружейного приему и, быв во оном городе с месяц, и тому ныне недели с три он, Харахорка, пришел в Москву и начевывал под мостом близ Москворецких ворот. И вышеписанные три недели он, Харахорка, мошенничал по сему делу с приводными Кандратьем Федоровым, да Иваном Диким: по Москве реке крали у проезжих деревенских мужиков овес и муку, а во сколько паймов, того за множеством сказать не упомнит. А продавали оное извощиком, (Л. 18 об.) а кому имянно, не знает, не заведомо, что краденое. И сего декабря 21-го дня он, Харахорка, пришел по сему делу к приводному Андрею Слепому и начевал у него одну ночь заведомо, что мошенник. А кроме того слепова, жилцы за ним воровства никто не знал. И в ту ночь, пришел из Сысского приказа подъячей с салдаты, и ево, Харахорку, взяли, и хозяина, и жену ево, и прочих, и привели в Сысской приказ. А кроме де того, он, Харахорка, на воровствах и на разбоях нигде не бывал, и в сем роспросе он, Харахорка, сказал сущую правду.

А по осмотру оной Иван Харахорка явился не подозрителен.

Подпись по листам: К сему роспросу Сысского приказа пищик Иван Аменин вместо вышеписанного Ивана Хорохоркина по ево прошению руку приложил.

Шестой человек в роспросе сказался: Михайлом ево зовут Васильев сын Рубцов, Голованов он же. От роду ему дватцать лет. Отец де ево Василий Родионов сын был Казенной слободы купец. И тому ныне лет с пятью оной отец ево умре. А после смерти отца своего жил он за Орбацкими вороты в приходе церкви Смоленские Богородицы у тетки своей, салдатской жены Марьи Никифоровой дочери. И тому ныне года с полтора он, Голован, живет в Зарядье по сему делу у приводного слепова Андрея Федулова. И тому ныне года с полтора он, Голован, спознался с поляком Максимом, а как ему отечество и

прозвания, не знает, которой ныне имеется в салдатах, да с суконщиком Иваном Диким, да Кондратьем Безруким, да з беглым салдатом Иваном Хорахоркиным, да с салдацким сыном Леонтьем Юдиным, да с салдацким сыном Денисом Криворотовым, да Коломенского полку салдатом Тимофеем Чичовым, да Казанского полка з беглым извощиком Алексеем Соловьевым, и с ними он мошеничал: на площади, и под горою, и на разных (Л. 19) перекрестках вынимали у приезжих, и у посацких людей, и всякого чина у людей ис караманов платки и кошелки з денгами, и на Москве реке у проезжих деревенских мужиков крали с возов в мешках овес, муку и крупы, а во сколько паймов, того за множеством сказать не упомнит, и оные платки продавал под горою торговке женке Настасье, а как ей отечество, не знает, и где живет, не знает же, толко она крива, которая торгует и поныне в том месте под горою. А приводные с ним взятые у слепова жилцы за ним воровства никто не знали. А окроме того он, Голованов, на воровствах и на разбоях нигде не бывал, и в сем роспросе он, Голован, сказал сущую правду.

А по осмотру оной Голованов явился не подозрителен.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыскного приказу пищик Иван Аменин вместо вышеписанного Михайла Рубцова по ево прошению руку приложил.

Седмой человек в роспросе сказал: Максимом ево зовут Родионов сын Попов. Отец де ево Родион Семенов, тако ж и он, Максим, были Кадашевской слободы купцы, и жил де он со отцом своим в приходе церкви Николая Чудотворца, что словоет на Пупушах. И тому ныне пятой год с показанной слободы взят он, Максим, в салдаты и, по взятье ево в салдаты, определен он, Максим, в Таболской пехотной полк, и в том полку служил пять лет. И тому недель з двенатцать и болши вышеписанной полк ис Киева прибыл в Москву, и стояли на Бутырках. И он, Максим, тому недель з двенатцать, умысля, ис того полку бежал. А имеющейя на нем мундир и ружье

положил в палубу. И, положи тот мундир, бежал, и начевывал в Москве по разным гумнам (Л. 19 об.) и по огородам. И, будучи в побеге, он, Максим, мошенничал с Кандратьем Безруким, Степаном Жижиным, Иваном Хорохоркиным, Михайлом Рубцовым, Иваном Диким: в Таганке и на Москве реке в разные дни у проезжих людей с возов крали в мешках овес, и хлебы, и крупы, и протчее, а во сколько паймов, за множеством не упомнит, и продавали разным извощикам, а как их зовут, и где живут, не знает. И сего году в праздник Рождества Христова пришел де он, Максим, в дом к приводному с ним слепому Андрею Федулову к жене ево, Палагее Никитиной, по знакомству, понеже де наперед сего с ним торговали вместе съестным харчом, и жил де у него, у жены ево по сей привод заведомо, что беглой салдат и мошенник. И в тот дом, пришед из Сыского приказу салдаты, и ево, Максима, с показанным Федуловым и з женою ево взяли и привели в Сыской приказ. А кроме того на воровствах и на разбоях он, Максим, не бывал и в сем роспросе сказал сущую правду.

А по осмотру он, Максим Попов, явился не подозрителен.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказу копейист Василей Тупицын вместо вышеписанного Максима Попова по ево прошению руку приложил.

Осмой человек в роспросе сказался: Иваном ево зовут Алексеев сын, прозвище Дикой. Отец де ево, Алексей Федоров сын, и он, Александровой слободы, и живет он, отец ево, в Мещанской слободе в приходе церкви Живоначальные Троицы, что на Капелках. А он, Иван, тому ныне пятой год записался на фабрику Андрея (Л. 20) Еремеева и жил на оной фабрике. А ныне он живет в Китае городе по сему делу у приводного слепова Андрея Федулова тому ныне недели з две бес поручной записи. И тому ныне другой год он, Иван, спознался с мошенниками с Кандратьем Безруким, Степаном Жижиным, Иваном Хорохоркою, Михайлою Рубцовым, Максимом Игольниковым, и с ними

мошенничел з год и болши — крали в разные дни в разных местех у проезжих людей из возов в мешках овес, и крупы, и прочее, а во сколько паймов, того за множеством сказать не упомнит, и тот овес и прочее продавали разным извозчиком, а кому имяны, и где их сыскать, не знает. А окроме того он, Иван, на воровствах и на разбоях нигде не бывал. А про то, что он, Иван, мошенничал приводные с ним взятые у слепова жилцы, и воровства никто за ним не знали, токмо вышеписанной хозяйин ево Андрей Федулов и жена ево Пелагея Никитина ведали. И в сем роспросе он, Иван, сказал сущую правду.

А [по] осмотру оной Иван Дикой явился не подозрителен.

Подпись по листам: К сему роспросу Иван Дикой руку приложил.

Девятой человек жонка сказала: Аксиньей ее зовут Иванова дочь. Муж де ее Семеновского полку салдат Иван Евсевьев, и тому ныне девятой год оной муж ее умре. А она, Аксинья, после смерти мужа своего жила по разным местам, (Л. 20 об.) а ныне она, Аксинья, живет по сему делу у приводного слепова Андрея Федулова тому ныне пятой день бес поручной записи и без записки съезжего двора, а пропитание де имеет шьет на разных людей платье. А машенников она, Аксинья, не знает, и краденого ни у кого ничего заведомо и не заве(домо) не покуповала. И сего де числа пришла к ней, Оксинье, из Страшного монастыря дочь ее, девка Степанида Иванова, для свидания. И, пришед из Сыскного приказа^а салдаты, ее, Аксинью, и дочь ее с показанным хозяином взяли и привели в Сыскной приказ. И в сем роспросе сказала она, Акинья, сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыкного приказу пищик Матвей Атарской вместо вышеписанной жонки Аксиньи Ивановой по ее прошению руку приложил.

Десятой человек в роспросе^г сказал: Иваном ево зовут Михайлов сын Батыгин^д. От роду ему лет с четырнадцать. Отец де ево Садовой большой слободы купец Ми-

хайло Ильин, и оной де отец ево в давних годах умре. И после смерти отца своего он, Иван, остался в малых letech и жил з братом своим Осипом Михайловым в разных местех, а пропитание имели делали женские серги медные и железные на продажу. И оной ево брат тому назад года с три умре. И после смерти того брата ево он, Иван, содержался в Ратуше в подушных денгах года з два, и ходил он, Иван, по миру, кормился Христовым именем. И из Ратуши освобожен, и после свободы он, Иван, жил по сему делу у приводного Андрея Федулова недель з десять, а пропитание ныне имеет наемывается по караулам и онаго Андрея Федулова важивал по миру. А краж никаких и мошенничества он, Иван, не чинивал, воров, и разбойников, и мошенников никого не знает, и в сем роспросе сказал он, Иван, сущую правду.

А по осмотру оной Иван Батыгин явился не подозрителен.

Подпись: К сему распросу Иван Батыгин руку приложил.

(Л. 21) Первой надесять человек, жонка, в роспросе сказала: Ириною ее зовут Яковлева дочь. От роду ей трицать лет. Муж де ее был Вяцкого пехотного полку салдат Ананей Панфилов сын Гнусарев, и тому ныне лет с пять оной муж ее умре. И после смерти онаго мужа своего работала она в Таганке на шелковой фабрике Зотова, а как ему имя и отечества, не упомнит, года з два бес поручной записи, мотала шолк. А с той фабрики она, Ирина, жила в Таганке у мушника Семена Максимова недель с восемь бес поручной записи, работала у него всякую работу. А от него сошед, живет она, Ирина, по сему делу у приводного слепова Андрея Федулова тому ныне с полгода бес поручной записи. И в то время в тот дом приходили ко оному слепому мошенники по сему делу приводные Кандратей Безрукой, Степан Жижин, Иван Харахорка, Михайло Голован, Максим Попов, Иван Дикой, и про то, что они мошенники, она, Ирина, ведала, а о том нигде не доносила простотою своею. А окроме того она, Ирина,

других воров никого не знает, и в сем роспросе она, Арина, сказала сущую правду.

Подпись: К сему роспросу Сыского приказу пищик Иван Аменин вместо вышеписанной женки Ирины Яковлевой по ее прошению руку приложил.

Второй надесять человек, жонка, в роспросе сказала: Матреною ее зовут Данилова дочь. От роду ей девятнадцать лет. Муж де ее Хамовой слободы купец Иван Иванов сын Смирной, и жила она, Матрена, с ним, мужем своим, в селе Покровском на Гаврилове переулке у свекрови своей, посацкого человека у жены Татьяны Ивановой дочери. И тому пятнадцать недель оной муж ее с купцом Иваном Григорьевым поехал в Санктпитебургх (Л. 21 об.) для торговаго промыслу, а она, Матрена, ныне живет за Москвою рекою в Нижних Садовниках у дяди своего, Огородной слободы у Василя Сергеева, и тому ныне шесть недель. И сего декабря 27-го дня по сему делу приводной слепой Андрей Федулов прислал *по нее^с в дом дяди ее, в котором она живет, малолетнюю девуку Ирину, а как ее отечество, того она не знает, *чтоб она пришла к ним^ж для обережи дому ево, понеже он, слепой, ездил з женою своею в Девичей манастырь, по которой прозбе она, Матрена, в тот дом в тот же день и пришла. И в тот день, пришед из Сыского приказу салдаты, и ее взяли во оной приказ. А что в том доме были мошенники, того де она, Матрена, не знает, и за ними воровства никакова не знает же. И в сем роспросе она, Матрена, сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказу пищик Дмитрий Севергин вместо вышеписанной женки Матрены Даниловой по ее прошению руку приложил.

Третьей надесять человек, девка, в роспросе сказала: Анною де ее зовут Иванова дочь. От роду ей осмнатцать лет. Отец де ее, Иван Леонтьев сын Шароп, Псковского пехотного полку салдат. И сего декабря 27 дня она, Ирина, пришла по знакомству х куме своей, *посацкого человека вдове Матрене Васильевой дочери³, которая

живет в доме по сему делу приводного слепого (Л. 22) Андрея Федулова. А в том доме она, Анна, блудно ни с кем не живала, и про то, что в том доме жили мошенники, она, Анна, не знала. И в сем роспросе она, Анна, сказала сущую правду. А жителство она, Анна, имеет за Никицкими вороты в приходе церкви Воскресения Слаущаго в доме тетки своей, вдовы Анны Елифановой, *тому недели з две^н и по сей привод. А напред сего она жила в Семеновской слободе у тетки, салдацкой жены Марьи Андреевой, понеже отец ее имеетца в Санктпитербурхе при полку.

Подпись по листам: Сыскного приказу копеист вместо вышеписанной девки Анны Ивановой по ее прошению руку приложил.

Четвертой надесять человек, девка, в роспросе сказала: Степанидою ее зовут Иванова дочь. Отец де ее был Семеновского полку салдат Иван Евсеев, и тому назад ныне девятой год оной ее отец умре. И после смерти оно-го отца своего живет она, Степанида, в Страшном монастыре у белицы Федосьи Ивановой. И до сего приводу, то есть в праздник Рожества Христова, ис того монастыря пришла она, Степанида, для свидания к матери своей Аксинье Ивановой, которая жителство имеет у приводного с ней в Сыскной приказ слепова Андрея Федулова. И в тот дом пришед из Сыскного приказу салдаты, взяли ее, Степаниду, со оною матерью и привели в Сыскной приказ. А воровских людей и машенников она, Степанида, не знает. И в сем роспросе сказала она, Степанида, сущую правду.

Подпись: К сему роспросу Сыскного приказу копеист Василей Тупицын вместо девки Степаниды Ивановой по ее прошению руку приложил.

(Л. 22 об.) Пятой надесять человек сказал: Катериною ее зовут Васильева дочь. От роду ей дватцать два года. Муж де ее был Садовой большой слободы купец Иван Васильев, и жила с ним, мужем своим, за Стретенскими вороты в Панкратьевской улице в своем доме. И тому

другой год оной муж ее умре. И после смерти одного мужа жила она, Катерина, оной двор продала, и по продаже жила она за Красные ворота на Олховце на фабрике Ивана Иванова сына Панфилова бес поручной записи, работала мотала шолк на пряжу. И с той фабрики она, Катерина, сошла, и живет в Зарядье по сему делу у приводного слепова Андрея Федулова бес поручной записи и без объявления съезжого двора. И, живучи у того Федулова, она, Катерина, блудного дела ни с кем не чинивала. И ко оному Федулову в дом хаживали разных чинов люди, а что они мошенничают, про то она, Катерина, не знает, и краденого у них заведомо и не заведомо ничего не покупывала. И, пришед из Сысского приказу салдаты, и взяв ее, Катерину, привели в Сысской приказ. И в сем роспросе сказала она, Катерина, сущую правду.

Подпись: К сему роспросу Сысского приказу пищик Дмитрий Севергин вместо вышеписанной Катерины Васильевой по ее прошению руку приложил.

(Л. 23) Шестой надесять в роспросе сказала: Марфою ее зовут Васильева дочь. От роду ей семнатцать лет. Отец ее был Преображенского полку салдат, и за старостию от того полку отставлен, и оной ее отец в давных годех умре. А она, Марфа, после смерти отца своего осталась в малых летех и жила у дяди своего, у приводного с ней слепова Андрея Федулова, а пропитание имеет от одного дяди и по сей привод. И в дом одного дяди ее прихаживали разных чинов люди, а что они мащенники, она, Марфа, не знала. И в сем роспросе сказала она, Марфа, сущую правду.

Подпись: К сему роспросу Сысского приказу копест Василей Тупицын вместо вышеписанной девки Марфы Васильевой дочери по ее прошению руку приложил.

Седмой надесять человек жонка в роспросе сказала: Ариною де ее зовут Федосеева дочь. Муж де ее, Иван Алексеев сын Чирков, имелся Главной артиллерии кананером, и тому ныне лет с пять оной ее муж под Ачаковым убит до смерти. А после смерти ево она, Арина, жила у

разных людей. А ныне жителство имеет на Варварской улице в доме Сабурова, а имяни и отчества не знает. А кормитца де она, Арина, моет на разных людей рубахи. А приводные де по сему делу Иван Дикой, Михайло Голован, Степан Жижин, Кандратей (Л. 23 об.) Безрукой к нему, Андрею, хаживали, а про то, что они мошенники она, Арина, ведала. А приносные с ними два палаша принес к нему, Андрею, в дом по сему делу доноситель Иван Каин, про которые сказал, что они те полаши отбили у солдат, а у кого, не сказали, которые она, Арина, приняла с купецкою женою Матреною Даниловою дочерью. И, приняв де те полаши, закопала в землю на наистопах. А она де, Орина, о том их машенничестве не доносила простатой своею. А более того она, Арина, ни за кем воровства никакова не знает, и сама воровства никакова не чинивала, и в приводе не бывала, и у показанного слепова сводства никакова не видывала. И в сем роспросе она, Арина, сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сысского приказу пищик Дмитрий Севергин вместо вышеписанной женки Арины Федосьевой по ее прошению руку приложил.

Осмой надесять человек в роспросе сказался: Максимом ево зовут Тимофеев сын Лылов. От роду ему семнадцать лет. Отец де ево Тимофей Тимофеев сын Лылов, тако ж и он, Максим, Гарицкого монастыря подмонастырной слободы крестьяне, и жителство они имеют с отцом своим в Переславле Залеском того монастыря в осадной слободе. Кормятца де они с отцом своим сапожным мастерством. И тому ныне четвертая (Л. 24) неделя он, Лылов, пришел в Москву для прокормления сапожною работою. И, пришед в Москву, он, Лылов, работает в Кожевниках у купецкого человека Григорья Федорова сына Волкова с пашпортом, делает с прочими работными людьми подрядные сапоги. И сего декабря 27 дня воскресенья, как он, Лылов, будет в Зарядье, и в то время попался ему, Лылову, по сему делу приводной слепой Андрей Федулов и звал ево, Лылова, к себе в гости. И он, Лылов, к нему, слепо-

му, в гости и пошел. И, напившись пьян, у него, слепова, лег спать. И в то время, пришед из Сыскного приказу подъячей с салдаты, и ево, Лылова, взяли, и привели в Сыскной приказ. А в том доме он, Лылов, блудно ни с кем не жил, и мошенников никого не знает. И в сем роспросе он, Лылов, сказал сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыскного приказу пищик Иван Аменин вместо вышеписанного Максима Лылова по ево прошению руку приложил.

Девятой надесять человек в роспросе сказался: Тимофеем ево зовут Васильев сын Чичов, Коломенского полку первой роты салдат. И тому ныне третей год он, Тимофей, ис того полку бежал, и начевывал в Аннин гофе в шалашах. И, будучи де он, Тимофей, в Москве, с товарищи Иваном Каином, с суконщиком Михайлом (Л. 24 об.) Жужлою, Иваном Куваевым, Денисом Криворотым, Тихоном Бобровым, Иваном Жегалою, школьником Леонтьем Юдиным, с Алексеем Соловьевым мошенничал на площади, и под горою, и в крестные хожденки: вынимали у разных людей денги, а во сколько поймов, того за множеством сказать не упомнит. Он же, Тимофей, ходил в два пойма с товарищи Иваном Каином, Михайлою Жужлою, Иваном Куваевым, с Петром Ачкою из Москвы к Макарью на ярмонку, и в той ярмонке мошенничали: вынимали ис карманов у разных людей денги и в банях торговых крали платья и денги, а во сколько поймов, за множеством сказать не упомнит. А кроме того он, Тимофей, на воровствах и на разбоях нигде не бывал. И в нынешнем де 741-м году он, Тимофей, пойман Коломенского полку в полковую канцелярию, и отослан того полку на криксрехт, и ис того криксреста освобожен. И по свободе он, Тимофей, жил близ Москворецких ворот церкви Всемилоствиваго Спаса у дьякона Алексея Якимова с Петрова дни и по привод сего 741-го году, и по сей привод, по объявлению на съезжем дворе, не заведомо, что мошенник. И в сем роспросе он, Тимофей, сказал сущую правду.

А по осмотру оной Тимофей Чичов явился не подозрителен.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказу копеист Василей Тупицын вместо Тимофея Чичова по ево прошению руку приложил.

(Л. 25) Двадесятоу человек в роспросе сказал: Денисом ево зовут Иванов сын Криворотой. От роду ему лет с трицать. Хамоваго де он двора матроз, и на том дворе предет пенку. И напред де сего, сколко тому лет, не упомнит, был он, Денис, в приводе в Сыском приказе в машенничестве, за которое пытан один раз и с наказанием кнутом освобожен, чтоб ему впредь не воровать. А после де того он, Денис, жил на показанной фабрике. И после того тому ныне пять лет он, Денис, с товарищи, с Тимофеем Чичовым, Тихоном Бабровым, Алексеем Ивановым, Иваном Жегалою, школником Леонтьем Юдиным, с Петром Ачкою, мошенничал и поныне: на площади, под горою, * и в крестное хождение в разные дни* вынимали всякого чина у людей ис карманов денги, а во сколко поймов, за множеством не упомнит. А платков и протчаго он не вынимывал, а товарищи ево у кого платки ис карманов вынимали ль, не знает. И тому ныне недель с шесть он, Денис, живет у Москворецких ворот в приходе церкви Всемиловитоваго Спаса у дьякона Алексея Екимова со объявлением съезжаго двора и поныне не заведомо, что мошенник. И, пришед в тот дом из Сыского приказу (Л. 25 об.) подъячей с салдаты, взяв ево, Дениса, привели в Сыской приказ. И в сем роспросе сказал он, Денис, сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказу пищик Иван Аменин вместо вышеписанного Дениса Криворотова по ево прошению руку приложил.

(Л. 26) Дватцать первой человек в роспросе сказался: Тихоном ево зовут Степанов сын Бобров. От роду ему дватцать пять лет. Отец де ево был города Ярославля купецкой человек, и тому ныне восемь лет оной отец ево умре. И, после смерти отца своего, работал он на Большой

суконной фабрике. И тому ныне лет с пять и болши он, Бобров, был в приводе в Сыском приказе в мошеничестве два года и один месяц. *И в роспросе и с одного розыску винился в мошеничестве^а. И, по розыску, он, Бобров, свобожен с порукою. И после того он, Бобров, жил на той же Суконной фабрике. И тому ныне года с три он, Бобров, спознался по сему делу с приводными с матрозом Денисом Ивановым, да с салдатом Тимофеем Васильевым, да со школьником Леонтьем Юдиным, да Коломенского полку с салдатом (Л. 26 об.) Иваном Большуновым, которого не сыскано, да с боярским человеком Петром Ачкою, и с ними мошеничал: в разных местах — в соборе, и на площади, и под горою — вынимал у господ и всякого чина у людей ис карманов платки и кошелки, а во сколько паймов, того за множеством сказать не упомнит. А оное краденое, платки, продавали салдацкой жене вдове Настасье, а чья дочь, не знает, и где живет, не знает, которая торгует под горою. И тому ныне одиннадцать недель он, Бобров, переехал жить Суздолского монастыря к крестьянину Федору Игнатьеву и жил у него по сей привод без объявления на съезжем дворе, который нанимает полату церкви Николая Чудотворца, что у Москворецких ворот, у попа Ильи Елисеева. А окроме того он, Бобров, на воровствах и на разбоях нигде не бывал, и в сем роспросе сказал он, Бобров, сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказу пищик Иван Аменин вместо вышеписанного Тихона Баброва по ево прошению руку приложил.

(Л. 27) Дватцать второй человек в роспросе сказался: Матвеем ево зовут Дмитриев сын Тарыгин. От роду ему лет с триццать. Отец де ево, Дмитрей Григорьев сын, был Алексеевской слободы посацкой человек, и, тому ныне осмой год, оной отец ево умре. А он, Матвей, тому ныне з год записался на фабрику Андрея Еремеева. И в нынешнем 741-м году до сего приводу недель за пять он, Матвей, вышел из заводу к Москворецким воротам, и в вечеренной благовест у прохожего пьяного человека снял

грабежем шапку рускую сермяжную, и в тот же вечер оную шапку продал прохожему человеку за пять алтын, а как ево зовут, и где живет, не знает, и те денги истратил на харч. Да после того на третей день на Москве реке в Судовом ряду незнаемо у какова человека украл с скамьи рукавицы, и те рукавицы продал прохожему деревенскому мужику, взял восемь копеек, и те денги исхарчил. И тому ныне три недели он, Матвей, живет у Москворецких ворот, церкви Николая Чудотворца попа Ильи Елисеева (Л. 27 об.) у жильца ево Федора Игнатъева бес поручной записи. А окроме того он, Матвей, краж никаких не чинивал. Он же, Матвей, напред сего был в приводе в Сыскном приказе по оговору фузелера Ивана Соболева во взятъе у него воровских денег заведомо, за что пытан трижды и с наказанием кнутом освобожен. А сего числа, пришед в том дом ко оному попу из Сыскного приказа салдаты, и ево, Матвея, взяв, привели в Сыскной приказ. И в сем роспросе сказал он сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыскного приказу копеист Егор Ершев вместо вышеписанного Матвея Тарыгина во ево прошению руку приложил.

Двадесять третей человек, жонка, в роспросе сказала: Татьяною ее зовут Иванова дочь. Муж де у нее (Л. 28) был Иверского монастыря крестьянин Петр Иванов, и жила она, Татьяна, с мужем своим в Москве по разным местам. И тому ныне лет с шесть оной муж ее умре, и после смерти онаго мужа своего она, Татьяна, жила по разным местам, кормитца торговала пятинками. И тому ныне недели з две она, Татьяна, живет близ Москворецких ворот в доме церкви Николая Чудотворца у попа Ильи Елисеева * у жильца ево Федора Игнатъева без поручной записи^м. И тому ныне с полгода по сему делу у приводных у Леонтья Юдина, у Петра Ачки, у Ивана Каинова покупала платки шелковые и бумажные заведомо, что краденые, а сколько числом платков купила, и в которые числа, не упомнит. И, купя, (Л. 28 об.) продавала из борыша разных чинов людям. А окроме де она

вышеписанных мошенников у других воров воровскова она, Татьяна, не покуповала.

А по осмотру она, Татьяна, явилась подозрительна: бита кнутом. А сказала, что она была дважды в приводе в Сыском приказе: впервые тому лет с тринадцать по делу купцов Бирюлиных в житье блудно с атаманом Егоровом Михайловым, за что ей и наказание кнутом учинено и освобождена, а дело было в повытье Петра Донскова. Второе в покупке у церковнаго татя серебра, которое дело было у канцляриста Ивана Городкова. А окроме того она, Татьяна, краденого заведомо (Л. 29) и не заведомо не покуповала. И в сем роспросе она, Татьяна, сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказу пищик Дмитрий Севергин вместо женки Татьяны Ивановой по ее прошению руку приложил.

Двадцать четвертой человек, жонка, в роспросе сказала: Прасковьею ее зовут Васильева дочь. Муж де ее, Иван Герасимов сын Черкасов, был морскаго флота солдат, и тому ныне девять лет оной муж ее умре. И после смерти онаго мужа своего она, Прасковья, жила по разным местам, а ныне она, Прасковья, (Л. 29 об.) живет близ Москворецких ворот церкви Николая Чюдотворца попа Ильи Елисеева у жилицы ево, Алены Михайловой дочери, тому года з два бес поручной записи. А торгует де она, Прасковья, на площади походя ветошным таваром. И у показанных, по сему делу приводных, Леонтья Юдина, Петра Ачки с товарищи платки шелковые, бумажные и холщевые она, Прасковья, покупала^а разными ценами заведомо, что краденое, а во сколько паймов, и сколько, и какими ценами, того сказать не упомнит, и продавала разным людем. А более того она, Прасковья, воров и мошенников не знает, и сама краж никаких не чинивала. Она ж, Прасковья, была в приводе в Надворном суде, и за блудное дело бита кнутом, а то дело было у подьячего Степана Голубцова. И в сем роспросе сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сысского приказа пищик вместо вышеписанной женки Прасковьи Васильевой по ее прошению руку приложил.

(Л. 30) Двадцать пятой человек в роспросе сказал: Варварою ее зовут Нестерова дочь. От роду ей тридцать шесть лет. Муж де ее, Агей Петров, Черниговского пехотного полку салдат, и ныне имеетца в Санктпитебурхе при полку. А она, Варвара, жителство имела по разным постоянным квартирам. Да она ж жила в приходе церкви Илии Пророка, что на Воронцовском поле, Семеновского полку шестой роты у салдата Дмитрия Емельянова сына Пичюгина и у жены ево Устиньи Панкратьевой дочери шесть недель бес поручной записи по свойству по тому, что он, Пичугин, отцу ее, Нестеру Иванову, брат двоюродной. И в нынешнем 741-м году, за день (до) праздника Рожества Христова, она, Варвара, от оного салдата сошла, и ныне живет близ Москворецких ворот в приходе церкви Николая Чудотворца у попа Ильи Елисеева у жилицы ево Алены Михайловой дочери бес поручной записи, а пропитание имеет торгует на Красной площади разными платками. Она ж, Варвара, в разные времена покупывала платки бумажные и шелковые у машенников, а как их зовут, не знает, заведомо, что краденые, а во сколько поймов, и сколько числом платков купила, того она, Варвара, не упомнит. А кроме того она, Варвара, у воров других пожитков не покупывала, и в сем роспросе сказала она, Варвара, сущую правду.

Подпись: К сему роспросу Сысского приказу копееист Андрей Полозов вмето вышеписанной женки Варвары Нестеровой по ее прошению руку приложил.

(Л. 30 об.) Двадцать шестой человек в роспросе сказался: Леонтьем ево зовут Васильев сын Юдин. От роду ему четырнатцать лет. Отец де ево, Василей Прокофьев сын Юдин, был Морского флоту салдат, и, тому ныне сколько лет не упомнит, оной отец ево умре. И тому ныне шестой год он, Юдин, записан в Гварнизонную школу, и жил в школе, что у Варварских ворот. И тому ныне года

з два он, Юдин, спознался по сему делу с приводными Петром Ачкою, Иваном Каиновым, да с школьником Логином Васильевым сыном Ноговицыным, да с салдацким сыном Васильем Терновским, да с школьником Алексеем Елаховым, и с ними мошенничал в разные дни в разных местах: в Успенском соборе, в Чудове манастыре, и на Красной площади, и в рядех, и в кресных хождениях вынимали ис корманов разного чина у людей платки * и денги °, а во сколко поймов, того за множеством сказать не упомнит. И оные платки продавал на площади женкам, а как их зовут, не знает, толко в лицо узнает. И тому ныне с полгода он, Юдин, стал жить церкви Всемилоствиваго Спаса, что у Москворецких ворот, у попа Ивана Леонтьева к жилище, по сему делу приводной, Марфе Дмитриевой, у которой жил и поныне. И в том доме жил блудно з женкою, по сему делу с приводною, Ириною Ивановою. И сего декабря 27 дня, пришед во оной дом из Сысского приказу подъячей с салдаты, и ево, Юдина, с показанною женкою взяли в Сысской приказ. А окроме (того) он, Юдин, на воровствах и на разбоях нигде не бывал (Л. 31) и, кроме приводных Петра Ачки, Ивана Каинова, Логины Ноговицына, Василья Терновского, Алексея Елахова, других машенников никого не знает, и в сем роспросе он, Юдину, сказал сущую правду.

А по осмотру оной Леонтей Юдин явился не подозрителен.

Подпись по листам: К сему роспросу Сысского приказу пищик Иван Амения вместо вышеписанного Леонтья Юдина по ево прошению руку приложил.

Дватцать седмой человек, женка, в роспросе сказала: Ириною ее зовут Иванова дочь. От роду ей дватцать два года. Муж де ее, Иван Иванов сын Протопопов, Черниговского пехотного полку салдат, имеетца ныне в службе. И жила на разных постоялых квартерах. Она ж, Ирина, жила в Пушкарях золотой фабрики у фабричника Осипа Родионова две недели бес поручной записи. И тому ныне пятой день она, Ирина, перешла жить в дом церкви

Всемилоствиваго Спаса, что у Москворецких ворот, попа Ивана Леонтьева к жилище Марфе Дмитриевой, и в том доме она, Ирина, жила и по сей привод бес поручной записи. И в доме ее она, Ирина, жила по сему с приводным блудно с школьником Леонтьем Юдиным, и про то, что он мошенник, она, Ирина, ведала. И сего декабря 27-го дня, пришед с салдаты, и ее, (Л. 31 об.) Ирину, взяли и привели в Сыскной приказ. И в сем роспросе она, Ирина, сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыскного приказу копеист Василей Тупицын вместо вышеписанной Ирины Ивановой дочери по ее прошению руку приложил.

Дватцать осмой человек в роспросе сказал: Иваном ево зовут Данилов сын Тареев, Зубарев он же. От роду ему пятнатцать лет. Отец, Данила Никифоров, был салдат, а которого полку, не знает. И тому назад лет с четырнатцать оной отец ево умре, и после смерти оного отца своего взят он, Иван, в школу, в которой и имелся. И тому ныне два года он, Иван, от той школы отходя, той же школы со школьники с Логином Ноговицыным, Алексем Елаховым, Васильем Терновским мошенничал в Успенском, и в Архангельском соборех", и в Чудове, и на площади, и под горою, и в разных рядех, и в кресняя хожденки вынимали у разных господ и у протчих разных же людей платки и денги, а во сколко поймов, того де он за множеством сказать (Л. 32) не упомнит, и вынятые платки он, Иван, с товарищи продавали на площади торговкам, а как их зовут, не знает, заведомо, что краденые. А кроме того он, Иван, на других воровствах не бывал. И сего числа он, Иван, пришел близ Москворецких ворот в дом к сестре своей Наталье Афонасьевой в гости, и ево, Ивана, взяли в Сыскной приказ. И в сем роспросе сказал он, Иван, сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыскного приказу пищик Иван Аменин вместо вышеписанного Ивана Зубарева по ево прошению руку приложил.

Двадцать девятой человек в роспросе сказал: Петром ево зовут Иванов сын Рябинин, Ачка он же. От роду ему осмнатцать лет. Крестьянин де он калезского ассесора Афонася Яковлева сына Сытина, а которого уезду и деревни, того де он, Петр, не знает, для того, что он, Петр, родился в Москве, и жил с отцом своим, Иваном Семеновым сыном Рябининым, за Арбацкими вороты в приходе церкви Николая Чудотворца, что на Щепках, а у кого имянно, не упомнит. И тому ныне сколко лет не упомнит же отец ево умре, а по смерти отца своего он, Петр, жил в Китае городе в купленной своей избе (Л. 32 об.) в приходе церкви Зачатия Иоанна на земле той церкви попа, а как зовут, не упомнит, которой умре. И в случившейся пожар хоромное ево строение згорело. И после того он, Петр, работал понеделно у разных мастеровых людей, шил рукавицы. Да он же, Петр, жил за Московую рекою в Нижних Садовниках по сему делу з доносителем Иваном Каином у подъячего Михаила Васильева сына Друковцова, нанимал у него избу оной Каин, а жили у него недель с двадцать бес поручной записи. А, от него сошед, он, Петр, ныне живет близ Москворецких ворот в доме церкви Спаса Преображения попа Ивана Леонтьева у жилицы ево Марфы Дмитриевой дочери тому ныне недель с тринацать. И тому ныне три года он, Петр, с вышеписанным Иваном Каином, да школьниками Леонтьем, да Логином, да Алексеем Васильевым, да с суконщиком Козмою Григорьевым, и с ними он, Петр, в Москве мошенничел, и по сей привод, а имянно в Успенском, в Архангелском соборех, и в Чудове монастыре, и в кресныя хождени по празником, и на площади, и под горою вынимал у разных людей денги и платки шелковые и бумажные, а во сколко поймов, того за множеством сказать не упомнит, и вынятыя платки продавали на Красной площади торговкам, а как им имена, и где жителство имеют, не знает, толко он, Петр, их в лицо знает и укажет. Да в нынешнем 741-м году после десятой пятницы (Л. 33) спустя дни з два он, Петр, с товарищем Козмою

Григорьевым сыном Легасом в Успенском соборе у приезжева человека вынули ис кармана часы серебряные с цепочкою, и оные часы он, Петр, продал в серебряном ряду купецкому человеку, а как зовут, не знает, толко в лицо знает, и лавку ево укажет, *ценою за пять рублей, не заведомо^р. Он же, Петр, в прошлом 740-м, да в нынешнем 741-м годех в два пойма ходил на Макарьевскую ярмонку с товарищи с Иваном Каиновым, с Михаилом Жужлом, Прокофьем Крымовым, Иваном Куваем, Козмою Григорьевым, Савельем Прокофьевым для мошенничества, на которой ярмонке вынимали ис корманов денги и платки, да в торговых банях крали у разных людей разное платье, а во сколько поймов, того за множеством сказать не упомнит, и продавали на той же ярмонке разным людям не заведомо. А кроме вышеписанного он, Петр, на воровствах и на разбоях нигде не бывал, и в сем роспросе сказал он, Петр, сущую правду.

А по осмотру оной Петр Рябинин явился не подозрелен.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказу копейст Василей Тупицын вместо Петра Рябинина по ево прошению руку приложил.

(Л. 33 об.) Тридесятою человек в роспросе сказался: Михайлоу ево зовут Максимов сын Стулников, Киска он же. Полотняной де он фабрики содержателя Ивана Иванова сына Тамеса ученик, и на оной фабрике он, Стулников, имеется лет с пятнатцать. И тому ныне четыре года жителство он имел близ Москворецких ворот в приходе церкви Всемиловитова Спаса у заплечного мастера Алексея Иванова сына по прозванию Крючка, которой при жизни своей шинковал вином, а продавал он, Михайла, обще с ним, Крючком. И тому ныне года з два приезжали к оному Крючку ис Корчемной канторы для выемки того вина, и в то время ево, Михайлу, взяли во оную кантору, и в той канторе держался недель с тридцать, и за ту продажу ему, Михайле, в той канторе учинено наказание кнутом, и ис той канторы после того

он, Михайла, сидя под караулом, во пьянстве сказывал за собою слово и дело, и содержался под крепким караулом. И, в небытность в той канторе судей, отпущен он был на свяску с салдатом, а как ему имя, не упомнит, и от того салдата с Царицына лугу он, Михайла, ушел. И, ушед, жил у одного заплечного мастера по прежнему, а пропитание имел торговал съесным товаром. А ныне жителство имеет близ Москворецких ворот у женки Марфы Дмитриевой дочери тому дней с пять, без записи, заведомо, что он, Михайла, бежал. И сего декабря 27 дня взят он, Стулников, от оной женки в Сыскной приказ. А он де, Михайла, на воровствах (Л. 34) и на разбоях нигде не бывал, и смертных убивств не чинивал, и в сем роспросе сказал он, Михайла, сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Михайла Стулников руку приложил.

Тридцать первой человек женка в роспросе сказала: Марфою ее зовут Дмитриева. От роду ей сорок четыре года. Муж де ее, Никита Яковлев, Урусова полку салдат, которой имеется в походе. И тому ныне другой год она, Марфа, наняла полатку церкви Всемилостиваго Спаса, что у Москворецких ворот, у попа Ивана Леонтьева, и живет и поныне с поручною записью по объявлению на съезжем дворе. И, живучи в том доме, пустила она к себе жить боярского человека Петра Ачку, школьника Леонтья Удина заведомо, что машенники. Да у ней жил Полотняной фабрики ученик Михайла Стулников дней с пять заведомо, что бежал ис Корчемной (Л. 34 об.) канторы. У ней же жила салдацкая жена Ирина Иванова бес поручной же записи. А кроме оных в дом к себе мошеников не пушала. И сего декабря 27 дня, приехав из Сыскного приказу подьячей с салдаты, и ее, Марфу, взяли и привели в Сыскной приказ. И в сем роспросе она, Марфа, сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыскного приказу пищик Андрей Леонтьев вместо вышеписанной Марфы Дмитриевой по ее прошению руку приложил.

Тритцать второй человек в роспросе сказался: Алексеем ево зовут Иванов сын Соловьев. От роду ему лет сорок. Напред сего он, Алексей, был салдацкой сын. И тому ныне лет з дватцать он, Алексей, записан был в матрозы, и тому лет с семь он, Алексей, определен в ызвощики в Казанской полк. И тому года с четыре ис того полку бежал и, бежав, пришел в Москву, и жил в Алексеевской слободе на постоялом дворе у посацкого Куликова, а как ему имя, не упомнит, недели с три не заведомо, что беглой. И на том постоялом дворе незнаемо (Л. 35) какова чину люди Петр, а чей сын, и других как зовут, не знает, всего восемь человек, говорили ему, чтоб он, Алексей, пошел с ними на разбой, и просили, чтоб он, Алексей, промыслил им пистолет, и он, Алексей, промыслить пистолет обещался. И с того постоялого двора пришел в дом Его Сиятельства генералу кавалеру и обер гофмейстеру и лейб гвардии Преображенского полку подполковнику и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА генерал адъютанту графу Семену Андреевичу Салтыкову, и принес повинную о побеге ис полку, и об означенных разбойниках объявил, что збираютца на разбой. И по тому ево объявлению означенные разбойники переловлены и с ним, Алексеем, отосланы в Сыскной приказ. И во оном приказе держался он, Соловьев, один месяц и свободен с роспискою. И по свободе ис того приказу жил он близ Москворецких ворот в печуре. А ныне он, Алексей, живет в другой печуре у купецкого человека Степана Болховитинова бес поручной записи заведомо, что беглой извощик. И тому ныне года три он, Алексей, стал мошенничеть с Тимофеем Чичовым, Денисом Криворотым, Тихоном Бобровым, Леонтьем Юдиным, с Петром Ачкою: на площади и под горою вынимали у разных людей ис корманов денги и платки, и продавали на площади торговкам, а как их зовут, не знает, заведомо, что краденые. Он же, Соловьев, знает разных чинов людей, которые, ходя по разным местам, мошенничают (Л. 35 об.) и грабят людей, а имянно: Болшаго суконного двора Алек-

сей Емелин, Федор Раманов, Козма Легас, Иван Кувай, Михайла Жужла, Афанасей Сталар, Иван Яковлев, Григорей Удалой, Григорей Расадин, Петр Нюхала, Никита Глухой, Алексей Матас, Иван Матыль; Журавлевой фабрики Иван Метла, Иван Сердитка, Иван Лукьянов, Дмитрией Тарыгин, Петр Волк, Алексей Майдан, Кандратей Безрукой, Матвей Дмитриев; беглые матрозы: Никита Татарин; на фабрике Сериковой: Иван Лебедев, Лепешка он же; Хамового двора матрозы Петр Камчатка, Аникей Федосеев, Гаврила Котюр, Клим Божедомов, отставной матроз Герасим Волоцкой; Сериковой фабрики: Михайла Воструха, Иван Спиридонов, Иван Глухой; беглые салдаты: Тимофей Чичев; пушкари Данила Петля, беглой сталар Семен Скурелбра, Никита Овсяников, Кирила Рубец, Петр Шибай; Девича монастыря крестьяня Федор Монастырской, Семен Панфилов, Тихон Степанов, а какого чину, не знает, Петр Иванов сын Ачка, Савелей Иванов, Пушкарской он же, Алексей Труфанов, Иван Голой, Григорей Смазной, беглой салдат Леонтей Марков, отставные салдаты Иван Блинников, Степан Завьялов, греко-латинской школы ученик Гур, а чей сын, не знает, Степан Плешивой, Максим Поляк, Иван Швет, шетающейся Петр Асетрина, Андрей Мурза, Прокофей Крымов, Савелей Плохой, Василей Зуев, женка Пелагея, а чья дочь, не знает, Акулина, (Л. 36) а чья дочь, не знает же, Дарья Афонасьева, которыя, ходя в городе и па баням, машенничают, да со оными женками ходили Сыскного приказу салдат Ивана Казакова, Степана Завьялова жены Мавра Власьева, Аграфена Данилова, которые ходят со оными женками вместе и краденые денги и протчее делят обще. А где оные машенники жителство имеют, о том он, Соловьев, покажет сам имянно. И об означенной своей вине и о показанных ворах он, Алексей, хотел объявить в Сыскном приказе, и о том он, Алексей, написал с реэстром доношение, токмо он, Алексей, подать не успел. Он же, Алексей, сказал: до отдачи в салдаты, тому лет з десять, во пьянстве сказывал за со-

бою слово и дело, за что в Преображенском приказе ему, Алексею, учинено наказание: бит кнутом и संबожен на росписку. И в сем роспросе сказал он, Алексей, сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Алексей С(о)ловьев руку приложил.

Тритцать третей человек в роспросе сказался: Степаном ево зовут Иванов сын Болховитинов. От роду ему лет сорок. Басманной де он слободы купецкой человек (Л. 36 об.) и подушныя денги платит во оную слободу погодно, а пропитание имеет торгует на площади железом, а жителство имел в Пушкарях у отставного пушкаря Федора Егорова лет шесть с поручною записью. И в нынешнем 741-м году за две недели (до) Рождества Христова он, Степан, живет у Москворецких ворот в приходе церкви Николая Чудотворца — купил в печуре избу у пешника Сметалина, а как зовут, не знает, дал сорок алтын, и жил в той печуре и поныне. Да в той же печуре жил у него, Степана, по сему делу приводной Казанского полку извощик Алексей Иванов сын Соловьев четыре дни без поручной записи и без объявления съезжого двора из найму по алтыну на неделю. И оной Соловьев, ходя от него, машенничел ли, и ис карманов платки и денги вынимал ли, не знает, и краденого в дом к нему ничего не принашивал. А он, Степан, на воровствах и на разбоях нигде не бывал. Он же, Степан, сказал, что де тому года с три был он, Степан, в Сыскном приказе иноземца Фунгамента в приеме под заклад краденой шубки, и по тому делу пытан он, Степан, трижды, и संबожен с роспискою. А то дело было у подьячего Тимофея Сусолова. И в сем роспросе сказал он, Степан, сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыскного приказу пищик Иван Аменин вместо вышеписанного Степана Болховитенова по ево прошению руку приложил.

Помета по листам: Сии роспросные речи Андрею Кизяке, жене ево Пелагее, Кандратью Безрукому, Гаврилу Жижину, Ивану Хорохорке, Михайлу Головану, Мак-

симу Попову, Ивану Дикому, Аксинье Ивановой, Ивану Батыгину, Ирине Яковлевой, Матрене Даниловой, Анне Ивановой, Степаниде Ивановой, Катерине Васильевой, Марфе Васильевой, Арине Федоровой, Максиму Лылову, Тимофею Чичову, Денису Криворотову, Тихону Боброву, Матфею Тарыгину, Татьяне Ивановой, Прасковье Васильевой, Варваре Нестеровой, Леонтию Юдину, Ирине Ивановой, Ивану Зубареву, Петру Рябинину, Ачка он же, Михайле Стулникову, Марфе Дмитриевой, Алексею Соловьеву, Степану Болхвитуову чтены, и они утвердились на сих роспросех. За секретаря Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 14–36 об. Подлинник. Подписи — автографы.

Примечания: ^а Приписано на полях. ^б Приписано на полях. ^в В ркп.: полку ^г Вставлено над строкой. ^д Приписано на полях. ^е Вставлено над строкой. ^ж Приписано на полях. ^з Приписано на полях. ^и Приписано на полях. ^к Приписано на полях. ^л Приписано на полях. ^м Приписано на полях. ^н В ркп.: Покопала ^о Приписано на полях. ^п Приписано на полях. ^р Приписано на полях.

№ 7

1741 г. декабря 29. — Промемория Московской полицмейстерской канцелярии, с которой в Сыскной приказ был прислан разыскиваемый по делу И. Каина купец М. Клест.

(Л. 37) Помета: № 1792. Подана декабря 29 дня 1741 году.

Промемория.

Из Московской полицместерской канцелярии в Сыскной приказ. Сего декабря 1-го дня в Московскую полицместерскую канцелярию ис первой каманды при репорте адъютанта Сламинскаго прислан Гончарной слободы купецкой человек Максим Иванов. А в репорте об

нем написано: оной де Иванов, будучи в доме Алексеевской слободы купца Андрея Федулова, сказывал за собою слово и дело при свидетелях. А в полицы роспросом оной Иванов показал: минувшего де ноября 30-го числа по зову оного Федулова был он у него в гостях и обедал, понеже де он, Федулов, был именинник, и напился у него пьян, и в то де время прилучившиеся в том же доме суконщики, которья приведены с ним в полицию, ево, Максима, били, и притом он, Максим, слово и дело за собою сказывал ли, того де он, Максим, сказать не упомнит, понеже де он был весьма пьян, но токмо де за ним, Максимом, слова и дела ни ис котораго пункта нет и ни за кем не знает. А Андрей Федулов, да суконщики Федоров, Матвеев, Андрей Перфильев по заповеди святого Евангелия и под страхом смертныя казни порознь в допросех сказали: вышеписанной де Максим в доме оного Федулова кричал за собою слово и дело, чего де ради они и привели ево в съезжей двор, а они де ево не бивали. И декабря 24 дня о вышеобъявленном Максиме Иванове, что он подлинно ль купец, и впредь в купечество надобен ли, (Л. 37 об.) в Московскую ратушу послана справка, по которой не ответствовано. А сего декабря 28 дня присланным из Сысского приказу запросом требовано известия, Гончарной слободы купец Максим Клест в Московской полицы содержитца ль, и буде содержитца, то де он, Максим, потребен для роспросу в Сысской приказ по розыскному делу, причем оной Максим о вышеписанном прозвании спрашиван, и объявил, что де ему прозвания Клест из робячества мирское. И по ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указу и по определению Московской полицьместерской канцеляри велено вышеписанного Максима по требованию Сысского приказу к имеющемуся до него делу отослать в тот приказ при промемори, в которой написать, чтоб с ним, Максимом, и за вышеобъявленное сказывание слова и дела учинено было, как указы повелевают. И Сысскому приказу о приеме оного Максима да благовольть учинить

по ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указу. Декабря 29-го дня 1741-го году.

Подписи: Иван Голохвастов / Яков Фокин / Протоколист Федор Хрущов.

Помета: (Л. 38) Записать в книгу, взять к делу, присланного колодника Максима Клеста, приняв, отдать под караул, и в чем надлежит распросить обстоятельно, а о сказывании слова и дела, выписав, особо доложить.

Подпись: Князь Яков Кропоткин.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 37–38. Подлинник.
Подписи — автографы.

№ 8

[1741 г. декабря 29 — 1742 января 27]. — *Распрос в Сыском приказе присланного из Московской полицмейстерской канцелярии купца М. Клеста о совершенных им «мошенничествах» и его товарищах.*

(Л. 39) И по вышеписанной помете присланной из Московской полицместерской канцелярии в Сыской приказ принят и против показания доносителя Ивана Каинова опрошаван.

А в роспросе сказался: Максимом ево зовут Иванов сын по прозванию Щегол, он же Клест. От роду ему пятнадцать лет. Отец де ево был Иван Гаврилов, тако ж и он, Клест, Ганчарной слободы купцы. И тому ныне лет с пять оной отец ево умре, и после смерти отца своего он, Клест, жил у сестры своей Марьи Ивановой дочери, которая жила (в) надворничестве, а у кого, того он, Клест, за малолетством сказать не упомнит. И тому ныне года з два или болше он, Клест, от вышеписанной сестры своей перешел жить к Воскресенью в Гончары к табашнику Ивану Андрееву, и жил у него один год бес поручной записи и без объявления съезжаго двора. И тому ныне другой год он, Максим, *от показанного табашника^а с товарищи, Алексеевской слободы с посацким Степаном

Жижиным, з беглым салдатом Максимом Родионовым мошенничал по привод ево в полицию, а имянно: в Таганке вынимали из возов овес и крупы, а во сколько паймов, того за множеством сказать не упомнит. Он же, Максим, с теми ж товарищи в нынешнем 741-м году в осень, а о которую пору, не упомнит, в Таганке у проезжих (Л. 39 об.) незнаемо какова чина у людей с возу украл два кавтана серых, и один кавтан он, Максим, продал по сему делу приводному слепому Андрею Федулову, взял дватцать пять копеек, а продал ему заведомо, что краденое, а другой кавтан продал вышеписанному табашнику Ивану Андрееву, взял десять алтын, а продал заведомо, что краденое, и про то, что он, Максим, мошенничел, он, Андреев, ведал. И от показанного табашника он, Максим, сошел и жил у вышеписанного слепова Андрея Федулова один год бес поручной записи и без объявления съезжаго двора заведомо, что мошенник. И тому ныне недель с восьми он, Клест, будучи в доме показанного слепова, во пьянстве сказал за собою слово и дело, и в том он, Клест, взят в полицию, а ис той полиции ныне прислали ево, Максима, в Сыскной приказ. А кроме того он, Клест, на воровствах нигде не бывал, и в сем роспросе он, Клест, сказал сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыскного приказу пищик Дмитрий Резанцов вместо вышеписанного Максима Счеглова по ево прошению руку приложил.

Помета: Сей роспрос оному Максиму Щеголю чтен, и он утверчился на сем роспросе. За секретаря Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 39–39 об. Подлинник.
Примечание: ^a Приписано на полях.

№ 9

1741 г. декабря 30. — Доезд подканцеляриста Сыскного приказа Д. Аверкиева о девятнадцати челове-

ках, взятых днем 29 декабря 1741 г. на Красной площади и в других местах по указыванию доносителя И. Каина.

Помета: (Л. 41) № 1804. Подан декабря 30 дня 1741 году.

1741 году декабря 29 дня по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА по данному из Сысского приказа наказу велено мне, того ж приказу подканцеляристу Дмитрию Аверкиеву, с салдаты итти в Москве в разныя места, где покажет явльшейся из воров Иван Каин, и по указыванью ево брать воров и мошенников, и приводить в Сысской приказ. И по тому наказу я, подканцелярист Аверкиев, с салдаты по указыванью означенного Ивана Каина ходил в разныя места и взял по указыванью ево воров и мошенников, тако ж и торговков, которые покупали у него, Каина, и у товарищев ево воровские пожитки и протчее, а имянно: мошенников — Спаса Ярославского монастыря крестьянина Ивана Ермолаева сына Семенникова, Голой он же, ловчего Савы Ярославцова человека ево Семена Иванова сына Тарташева, Спаса Ярославского монастыря крестьянина Максима Лукьянова сына Боровкова, Сысского приказу салдата Ивана Блинникова, да жену ево Мавру Власьеву, Суконной большой фабрики учеников Афонасья Андреева (Л. 41 об.) сына Сталаренка, Ивана Иванова сына Кувая, Козму Григорьева сына Легаса, Михайла Денисова сына Жужла, Московского драгунского шквадрона драгуна Тихона Петрова сына Широкова, да в сыску суконщика Ивана Яковлева жену ево Федосью Козмину, *а оной Яковлев при поимке бежал^а, салдацкую жену Дарью Богданову, заплечного мастера Ивана Балашова жену Анну Герасимову, салдацких жен вдов Ирину Меркулову, Авдотью Афонасьеву, Матрену Иванову, Алену Степанову, да посацкую жену вдову Марфу Семенову, которых, взяв, привел в Сысской приказ и объявляю при сем доезде.

Подпись: Подканцелярист Дмитрий Аверкиев руку приложил.

Пометы: Записать в книгу, взять к отпуску, взятых оговорных женок, приняв, отдать под караул, и в чем надлежит роспросить обстоятельно, и ежели учинится спор, (Л. 42) давать очные ставки, и на кого будут показывать какой оговор, и тех оговорных, сыскивая, роспрашивать и, по роспросам, с прописанием указов доложить неукоснительно. (Л. 42 об.) / К записке отдан декабря 31 дня.

Подписи: Князь Яков Коропоткин / Андрей Писарев.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 41–42 об. Подлинник. Подписи — автографы.

Примечание: ^a Приписано на полях.

№ 10

[1741 г. декабря 30 — 1742 января 7]. — Расспросы в Сыском приказе девятнадцати подозреваемых, схваченных 29 декабря 1741 г. по указыванию И. Каина на Красной площади и в других местах Москвы.

(Л. 43) Первой человек сказал: Анною ее зовут Герасимова дочь³⁴. От роду ей сорок два года. Муж де ее, Иван Иванов сын Балашев, наперед сего был в Сыском приказе заплечным мастером, и тому лет з десять оной ее муж умре. А она, Анна, после смерти одного мужа своего жителство имела по разным местам. А ныне она живет близ Москворецких ворот в приходе церкви Николая Чудотворца в доме Алены Михайловой дочери недель с пять бес поручной записи и без объявления съезжаго двора. А пропитание имеет торгует на Красной площади разными платками. И в разные времена покупала она платки

³⁴ Об Анне Герасимовой см.: Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира... С. 222–232.

бумажные и шелковые у приводных с ней у машенников Ивана Каинова, Петра Ачки и у товарищев их заведомо, что краденые, разною ценою, а во сколько поймов, и сколько щетом, того за много прошедшим временем сказать не упомнит, и оные платки продавала разным людям. А окроме того других воровских пожитков не покупывала, и в сем роспросе сказала сущую правду.

Подпись: К сему роспросу Сысского приказу пищик Дмитрий Севергин вместо вышеписанной женки Анны Герасимовой по ее прошению руку приложил.

Второй человек в роспросе сказала: Ириною ее зовут Меркульева дочь. От роду ей шездесят лет. Муж де ее был Дербенского полку салдат, и тому ныне лет (Л. 43 об.) с пятнатцать оной ее муж умре, а она де после того мужа своего жителство имеет за Московую рекою в приходе церкви Марона Чудотворца у свойственницы своей, салдацкой жены Мавры Григорьевой дочери, которая живет в надворничестве дворянина Силы Данилова сына Сунбулова без найму по свойству со объявлением съезжаго двора. А пропитание она, Ирина, имеет торгует походя ветошьем. И при взятъе с площади по показанию доносителя Ивана Каинова торговок она, Ирина, с площади от страха побежала в ряды, и в тех рядах поймана и приведена в Сысской приказ, а она де, Ирина, воров и машенников не знает, и у них краденого ничего не покупывала, и в приводе нигде не была, и в сем роспросе сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сысского приказу пищик Андрей Леонтьев вместо вышеписанной женки Ирины Меркульевой по ее прошению руку приложил.

Третьей человек сказался: Авдотьей ее зовут Афонасьева дочь. От роду ей лет сорок. Муж ее, Илья Родионов, был Голутвенной слободы купец, и тому года с четыре оной ее муж с той слободы взят в салдаты, а ныне оной ее муж где, и в котором полку, имеется, о том она не извесна. И после оного мужа жителство имеет за

Москвою рекою в приходе церкви Всемилоствиваго Спаса, что в Наливках, в доме означенного мужа своего, а пропитание имеет торгует на Красной площади разными платками. А у воров и машенников она, Авдотья, платков никаких заведомо и не заведомо не покупывала. И в сем роспросе сказала она, Авдотья, сущую правду.

Подпись: К сему роспросу Сысского приказа копееист Василей Тупицын вместо Авдотьи Афонасеевой по ее прошению руку приложил.

(Л. 44) Четвертой человек в роспросе сказался: Матреной ее зовут Иванова дочь. От роду ей з дватцать семь лет. Муж де ее, Иван Федоров, был Лафертовского полку салдат, и тому ныне восим лет оной ее муж послан ис полку, а куды, того она, Матрена, не знает. И после отъезду мужа своего она, Матрена, работала на Посолском дворе, мотала шолк, а жительство она имеет в Лафертовой слободе у тетки своей, салдацкой жены вдовы Авдотьи Ивановой. И тому ныне с полгода она, Матрена, стала торговать на площади ветошьем. И тому ныне сколько времени не упомнит она, Матрена, по сему делу у приводного Петра Ачки в два пойма купила два платка, один дала три копейки, другой пять копеек заведомо, что краденые. И, купя, продала разного чина людям, а кому имянно, не знает. А кроме того она, Матрена, воровских платков заведомо и не заведомо не покупывала. (Л. 44 об.) И в сем роспросе она, Матрена, сказала сущую правду.

Подпись: К сему роспросу Сысского приказа копееист Андрей Полозов вместо вышеписанной женки Матрены Ивановой по ее прошению руку приложил.

Пятой человек женка в роспросе сказала: Марфою ее зовут Семенова дочь. От роду ей сорок лет. Муж де ее Иван Васильев сын Крылов был Хамовой слободы купец, и тому ныне шестой год оной муж ее умре. И после смерти оногo мужа своего она, Марфа, жила на Пречистинской улице в приходе церкви Воскресения Христова, что слово Старое, у зятя своего, суконщика Потапа Фе-

дорова, кормилась мывала разного чина на людей платье. И тому ныне года с три она, Марфа, торгует (Л. 45) на площади яблоками. И тому ныне з год она, Марфа, покупала по сему делу у доносителя Ивана Каинова, да у товарищев ево Петра Ачки с товарищи платки^а в разный числа, в во сколько паймов и сколько платков числом, того сказать не упомнит, а покупала платки заведомо, что краденья, и продавала разного чина людем, а где тех людей сыскать, не знает. А окроме того она, Марфа, воровских платков заведомо и незаведомо не покупывала, и в сем роспросе сказала она, Марфа, сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыскаго приказу пищик Андрей Леонтьев вместо вышписанной женки Марфы Семеновой по ее прошению руку приложил.

Шестой человек в роспросе сказался: Устиньею ее зовут Иванова дочь. От роду ей сорок (Л. 45 об.) четыре года. Муж де ее, Гаврила Федоров сын Плешивой, был Болшаго суконного двора ученик, и тому ныне два года оной ее муж умре. И после смерти оного мужа своего она, Устинья, жила за Покровскими вороты в приходе церкви у Воскресенья в Барашах у сестры своей, салдатки Марфы Ивановой дочери, которая ныне до праздника Рождества Христова за три дни уехала в Санкт Питербурх. А ныне она, Устинья, живет в Пушкарях у сестры ж своей Авдотьи Захарьевой дочери и поныне. Кормитца она, Устинья, скупает по площади выжегу. И тому ныне с полгода и более она, Устинья, на площади купила по сему делу у доносителя Ивана Каинова, да у приводного Петра Ачки в один поем два платка, бумажной, да крашенинной, дала десять копеек, а купила заведомо, что краденья, и, купя, продала мимохожему салдату, а которого полку, и как ему имя, и отечество, и прозвание, не знает, взяла четыре алтына, (Л. 46) а продала зачисто, бес порук. А окроме того она, Устинья, краденых платков ни у кого заведомо и не заведомо не покупывала. Она ж, Устинья, сказала, что она, Устинья, была в приводе в

Сыскном приказе дважды: первое тому лет з десять по делу Апраксина, а как ему имя и ранг, не знает, по оговору вора Родиона Плешивого в покупке краденого платья заведома, за что пытана однажды, и с наказанием кнотом освобождена, а дело было у подьячего Степана Голубцова; второе тому ныне другой год по делу вдовы Голицыной, а как ей имя, не упомнит, по оговору человека ее в покупке краденой лошаки зачисто бес порук, за что учинено наказание плетми, и освобождена на росписку. И в сем роспросе она, Устинья, сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сысского приказа копеист Андрей Полозов вместо вышеписанной Устиньи Ивановой по ее прошению руку приложил.

(Л. 46 об.) Седмой человек женка в роспросе сказала: Аленю ее зовут Степанова дочь. От роду ей семдесят лет. Муж де ее был салдат Петр Никифоров сын Мелников, а которого полку, не знает. И тому назад лет з дватцать оной ее муж в службе убит. А она, Алена, после смерти мужа своего жила по разным местам, а ныне она, Алена, живет близ Москворецких ворот церкви Николая Чюдотворца у попа, а как ему имя, не упомнит, у жилицы ево салдатки Федоровой дочери, а как имя, не упомнит, тому другая неделя бес поручной записи. Пропитание имеет торгует под горою всяким мелочным ветошьем. И тому назад недели з две купила она, Алена, у мошеников Петра Ачки два платка холстинные ценою за две копейки заведома, что краденые. А кроме того она, Алена, платков ничего ни у кого заведома и не заведома не покупывала, и в сем (Л. 47) роспросе она, Алена, сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сысского приказа пищик Андрей Леонтьев вместо вышеписанной женки Алены Степановой по ее прошению руку приложил.

Осмой человек в роспросе сказала: Дарью ее зовут Богданова дочь. Муж де ее, Яков Абрамов сын Шурников, Бутырского полку салдат. Жителство де она, Дарья, имеет в Ямской Тверской улице у купецкого чело-

века Ивана Иванова сына Шишкина в собственном ево доме по билету, а пропитание де она имеет торгует походя ветошьем. И сего де декабря 27-го дня, как взяты были по показанию доносителя Ивана Каинова такие ж торговки, и то де она, Дарья, видя, и от страха с площади побежала (Л. 47 об.) в ряды, и бывшие при том взятые салдаты, догнав ее, Дарью, поймали и привели в Сыскной приказ. А она де, Дарья, воров и мошенников не знает и краденого ни у кого ничего не покупывала. Она ж, Дарья, была в приводе в Сыском приказе по оговору в покупке краденого серебра и наказана плетми, а то дело было у подьячего Ивана Попова, и в сем роспросе она, Дарья, сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказу копейист Андрей Полозов вместо вышеписанной женки Дарьи Богдановой по ее прошению руку приложил.

Девятой человек в роспросе сказался: Федосьею ее зовут Козмина дочь. Муж де ее, Иван Яковлев сын Серков, Слепой он же, имеетца Болшого суконного двора (Л. 48) суконщик. Жителство де с мужем своим имеет за Арбацкими вороты в приходе церкви Николая Чюдотворца, что в Плотниках, в своем дворе. И сего де декабря 28-го дня по показанию доносителя Ивана Каинова оной ее муж взят салдатами, а куды повели, и где дедали, того она, Федосья, не знает, токмо те посланные в то ж время возвратились и взяли ее, Федосью, и привели в Сыскной приказ. А она де, Федосья, за мужем своим и ни за кем воровства никакова не знает, и сама воровством никаким не ворует, и в приводе нигде не бывала. И в сем роспросе она, Федосья, сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказу копейист Василей Тупицын вместо женки Федосьи Козминой по ее прошению руку приложил.

(Л. 48 об.) Десятой человек в роспросе сказался: Иваном ево зовут Ермолаев сын Семенников, Голой он же. От роду ему сорок лет. Отец де ево, Ермолай Леонтьев, был Спаса Ярославского монастыря крестьянин, и

тому ныне лет с сорок оной отец ево умре, и после смерти отца своего он, Голой, остался в малых летах, и жил по разным местам. А ныне он, Голой, живет за Арбацкими вороты на штапном дворе тому ныне девятой месяц бес поручной записи, а пустил ево жить дворцовой канцелярии капрал Иван Романов. И тому ныне лет з десять он, Голой, (был) в приводе в Сыскном приказе по мошенническому делу, и в роспросе и с розыску винился в мошенничестве, и за то ему, Голому, учинено наказание кнутом, и свобожен на росписку. И по свободе он, Голой, работал по разным местам. И тому ныне з год он, Голой, спознался Болшаго суконного двора с учениками Козмою Григорьевым сыном Легасом, которой живет (Л. 49) на Суконном дворе, да с Михайлою Денисовым сыном Жужлою, Иваном Ивановым сыном Куваевым, Афонасьем Андреевым сыном Сталаревым, которыя живут в Верхних Садовниках на дворе Батурина, а как имя и отчество, не знает, Андреяном Васильевым, которой живет за Арбацкими вороты на штапном дворе, с Алексеем Васильевым сыном Емелиным, Маленькой он же, которой живет на Полянке у подьячего, а как ему имя, и отчество, и прозвание, не знает, Иваном Яковлевым, которой живет в Хлебной улице своим двором, Сыскного приказу с салдатами Иваном Блитниковым, Степаном Завьяловым, которая живут в Тверской Ямской слободе на Опалном дворе, Борисоглебского монастыря с крестьянином Григорьем Степановым сыном Смазным, а где оной Смазной живет, того он, Голой, не знает, Троице Сергиева монастыря с крестьянином Савельем Прокофьевым сыном Ситниковым, которой называется Плохой, которой ныне содержится в Сыскном приказе, Журавлевой фабрики с суконщиком Иваном Метлою, (Л. 49 об.) а где он, Метла, живет, того он, Голой, не знает, той же фабрики с суконщиком Иваном Плешивым, да с рекрутом Дмитрием Дорофеевым сыном Востряковым, которыя живут в живодерной у богаделенного нищаго слепого Никиты Иванова, с артиллерискими служители Дмитрием

Таракановым, а чей сын, не упомнит, которой живет на Коптелке у тестя своего, а как зовут, не знает, Семеном Афонасьевым сыном Скуреброю, которой живет за Арбацкими вороты на штапном дворе, да по сему делу с приводным Коломенского полку с салдатом Тимофеем Чичовым, того ж полку с салдатом Иваном Яковлевым сыном Жегалою, а где он, Жегала, живет, того он, Голой, не знает, того ж полку с профосом Пучковым, а как ему имя и отчество, и где живет, не знает, которыя дворы он, Голой, знает и указать может. И оныя товарищи ево с ним, Голым, ходили мошенничать: в разных местах *вынимали платки и денги^б, и у них он, Голой, брал пай свой. Он же, Голой, ходя по разным (Л. 50) баням, и крал платья и денги, а во сколько поймов, того за множеством сказать не упомнит. И из оного краденого он, Голой, продавал в два пойма две рубашки Денежного двора манетчику Михайле Павлову заведомо, что краденыя, которой живет за Арбацкими вороты на Сивцовом вращке. Он же, Голой, в нынешнем 741-м году летом ездил на Макарьевскую ярмонку по сему делу с приводными Иваном Каиновым, Петром Ачкою, да с Савелем Прокофьевым, которого не сыскано, да с Иваном Яковлевым, на которой ярмонке оныя товарищи ево с ним, Голым, мошенничали: разного чина у людей вынимали ис карманов платки и кошелки з денгами, а он, Голой, брал у них пай, тако ж и в банях крали платье, *а во сколько поймов, того за множеством сказать не упомнит^в, и то краденое продавали на той же ярмонке прохожим людем, а кому имянно, не знает. А окроме того он, Голой, на воровствах и на разбоях нигде не бывал, и в сем роспросе сказал он сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыскного приказу копеист Андрей Полозов вместо вышеписанного Ивана Голова по ево прошению руку приложил.

(Л. 50 об.) Первой надесять человек сказал: Семеном ево зовут Иванов сын Таргашев, да по мирскому званию Кадык. От роду ему дватцать четвертой год. Дворовой де он человек дворцового ловчего Савы Пар-

фентьева сына Ярославцова и живет в доме ево в Семеновской салдацкой слободе. И в нынешнем 741-м году перед Рождеством Христовым за неделю он, Семен, от одного помещика своего приходил в город для покупки на Мытном дворе мяса, и с того Мытного двора он, Семен, ходил за Москву реку близ церкви Георгия, что в Ендове, на кабаке для питья вина, и у того кабака сошлись с ним Журавлевой фабрики Петр Волков, Алексей Майгдан, Большаго суконного двора Матвей Цыганов, Парусной фабрики матроз Осип Силин по знакомству по тому, что с ними бивался в кулачки. И в то время в вечеру шел мимо их незнаемо какой пьяной, и он, Семен, с показанными товарищи с того человека взяли грабежом шапку, да вареги, да рукавицы новыя, и продали их мимохожему человеку, а как зовут, не знает, ценою за шесть копеек, и те денги пропили, а кроме (Л. 51) того он, Семен, никого не грабивал, и на других воровствах и разбоях нигде не бывал, и в сем роспросе он, Семен, сказал сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказу пищик Иван Аменин вместо вышеписанного Семена Тарташева по ево прошению руку приложил.

Помета: А по осмотру оной Семен Тарташов явился не подозрителен.

Второй надесять человек в роспросе сказался: Максимом ево зовут Лукьянов сын Боровков. От роду ему тридцать лет. Отец де ево, Лукьян Григорьев, тако ж и он бобыльские Спаса Ярославского монастыря Ерославского уезду села Благовещенского деревни Антоновской крестьяне, и жили они с отцом своим на оброке в Москве в Ямской Коломенской слободе в своем хоромном строении. И тому ныне года с четыре оной отец (Л. 51 об.) ево умре. И после смерти отца своего он, Максим, жил в доме отца своего, торговал в Замошном ряду замками. И тому ныне пять лет он, Максим, был в приводе в Сыском приказе с товарищи своими, с калуженином Иваном Петровым, да незнаемо какого чину с Алексе-

ем Абросимовым, с отставным салдатом Иваном Маремьяновым, и в роспросе и с трех розысков винился в краже у купецкого человека Ивана Лакомкина из дому серебряной посуды, и с наказанием кнутом он, Максим, из Сысского приказа освобожден. И по свободе ис того приказа и поныне жил он, Максим, в показанном своем доме, и кормился работою своею — работал у разных людей всякую работу. И в нынешнем 741-м году летом, а о которую пору, не упомнит, он, Максим, показанной двор свой продал и, продав, он, Максим, жил за Москвою рекою на Ордынке в доме секретаря Василья Маркелова, у человека ево, Алексея Артемьева, и по сей привод *бес поручной записи и без объявления съезжого двора^г. И, до сего приводу тому ныне другой год, летом, а о которую пору, того не упомнит, приходили к нему (Л. 52) в вечеру по сему делу доноситель Иван Каинов, да Содовой слободы купец Сергей Чижик, и звали ево, Максима, да показанного Алексея Артемьева с собою для кражи на Пятницкой улице у калашника пожитков. И он, Максим, с показанными Каином, и Артемьевым, и Чижиком, взяв с собою бурав, и, дождався ночи, пошли на показанную Пятницкую улицу часу в четвертом ночи. И, пришед с ними на той Пятницкой улице к калашной избе, и он, Максим, влез на калашную избу на кровлю, и тем буравом проломал кровлю и влез на наиступок, а с наиступку сошел в сени, и с сеней вошел в ызбу и искал, чтоб что украсть. А товарищи Каин, и Чижик, и Артемьев у той избы стояли в саду на карауле. И в той избе платья и ничего не нашел. И ис той избы он, Максим, вышел в означенную скважню на кровлю и слез к товарищем своим. И от той избы он, Максим, с товарищем Алексеем Артемьевым пришли в дом свой по прежнему, а оныя Каин и Чижик пошли от них незнаемо куды. А окроме того он, Максим, на воровствах (Л. 52 об.) и на разбоях нигде не бывал, и окроме других воров и мошенников он, Максим, не знает, и в сем роспросе он сказал сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сысского приказа пищик Дмитрий Резанцов вместо вышеписанного Максима Лукьянова по ево прошению руку приложил.

Третьей на десять человек в роспросе сказался: Иваном ево зовут Андреянов сын прозвище Казаков, Блитников он же. От роду ему сорок лет. Отец де ево, Андрей Кондратьев сын, был Калычова полку салдат, и тому ныне лет тридцать и более оной отец ево умре. И после смерти отца своего он, Блитников, записался в салдаты в Земской приказ. А ныне он, Казаков, имеетца (Л. 53) при Сысском приказе розсыльщиком, и жителство он, Блитников, имеет в Ямской Тверской слободе на отписном от Сысского приказу опальном дворе з женою своею. Да у него ж жили по сему делу приводныя суконщикова жена Акулина Иванова, салдацкая жена Палагея Федорова по знакомству без записки съезжаго двора заведома, что они мошенничают. И тому ныне года з два он, Блитников, спозналса по сему делу с приводными Иваном Голым, Иваном Куваевым, и что они мошенники, ведал, а с ними не мошенничал, толко когда они ему попадутца на дороге, брал с них по алтыну и по две копейки на вино, а в приказ их не привел простотою своею. И в той ево вине воля ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА. А на воровстах и на разбоях он, Блитников, нигде не бывал, и других мошенников никого не знает, и в сем роспросе он, Блитников, сказал сущую правду.

*А по осмотру оной Блитников явился бит кнутом, а сказал: тому де лет с пять он, Блитников, в Сысском приказе содержался по оговору того ж приказу салдата Степана Завьялова в краже с ним, Завьяловым, в московецких банях муской рубахи, за что пытан однажды, и с наказанием кнутом освобожен с роспискою, а то дело было у Петра Челищева^а.

Подпись по листам: К сему роспросу Сысского приказа пищик Дмитрий Резанцов вместо вышеписанного Ивана Казакова по ево прошению руку приложил.

(Л. 53 об.) Четвертой человек в роспросе сказала: Маврою ее зовут Васильева дочь. От роду ей лет с сорок. Муж де ее Иван Казаков, Блинные он же, имеетца в Сыском приказе розсыльщиком, и живет она, Мавра, с оным мужем в Тверской Ямской слободе на опальном дворе Сыского приказа. И, ходя она, Мавра, по площади мошенничает з год с салдацкою женою Палагеею Парфентьевою, да Сыского приказа ходока Степана Завьялова з женою Аграфеною Даниловою и вынимали у всякого чина женского полу ис караманов денги, а она, Мавра, не вынимала, толко за ними ходила, и что оные Пелагея и Аграфена вынут, и то делили вместе, а во сколько паймов они денги вынимали, того она за множеством сказать не упомнит. А оныя женки жителство имеют: Аграфена Данилова живет с ней, Маврою, в показанном опальном доме, вместе, а салдацкая жена Пелагея Парфентьева живет за Воскресенскими вороты в приходе церкви Георгия (Л. 54) Чюдотворца в доме Болшого суконнаго двора ученика Кузмы, а чей сын, не знает, у жены ево Катерины Сергеевой дочери Крылахи в наемном углу. А окроме того она, Мавра, других краж не чинивала, и мошенников никого не знает. Она ж, Мавра, была в приводе тому лет з дватцать в Надворном суде по оговору вора Ивана Склава в ведомстве за ним воровства, за что пытана трижды и с наказанием освобождена. И в сем роспросе она, Мавра, сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказа пищик Андрей Леонтьев вместо вышеписанной женки Мавры Власьевой по ее прошению руку приложил.

Пятой надесят человек в роспросе сказал: Иваном ево зовут Иванов сын по прозванию (Л. 54 об.) Кувай. От роду ему тритцать пять лет. Болшого де он суконнаго двора суконщик. Напред сего, тому лет с семь он, Иван, был в приводе в Сыском приказе *за снятие* у капитана Ивана Ильина сына Литвинова привязанного позад коляски ево с платьем чемадана, в чем по розыскам винился

и, по розыску, свобожен с наказанием. И, по свободе из Сыскаго приказа, работал он на показанном Суконном дворе. И тому ныне год он, Иван, Спаса Ярославского монастыря с крестьянином Иваном Голым, да Суконного двора с ученики Афонасьем Столаренком, Михайлою Денисовым в разныя дни в банях, а имянно Всесвяцких, Москворецких, в Кузнецких, что за Петровским кружалом, в Тверских Ямских у разных парелщиков крали рубахи, * и порты, и штаны^ж, а во сколько паймов, того сказать за множеством не упомнит. И оное платье продавал товарищ Иван Голой, а кому продавал, того де он, Иван, не знает, толко давал им паю по гривне и по пяти копеек. Он же, Иван, с теми ж товарищи на Каменном мосту и по праздникам в кресныя хождении у разных людей (Л. 55) вынимали денги, а во сколько паймов, того за множеством сказать не упомнит. Он же, Иван, в нынешнем 741-м году летом с товарищи Иваном Каином, Иваном Голым, Михайлою Денисовым, Кузмою Легасом, Петром Ачковым ходили к Макарью на ярмонку, и на той ярмонке вынимали у разных людей денги, а в банех крали у парелщиков платье, а во сколько паймов, того за множеством сказать не упомнит, и краденое платье, рубахи, и порты, и штаны продавали на той же ярмонке разным людем. А окроме того он, Иван, на воровствах и на разбоях нигде не бывал и в сем роспросе сказал сушую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыскаго приказа копейст Федор Дружинин вместо Ивана Кувая по ево прошению руку приложил.

(Л. 55 об.) Шестой надесять человек в роспросе сказался: Афонасьем ево зовут Андреев сын Сталарев. От роду ему тритцать лет. Отец де ево, Андрей Лукьянов сын, был Болшаго суконнаго двора сталар, тако ж и он, Афонасей, был записан на оную фабрику в ученики, и тому ныне лет с пять и болши оной отец ево умре, и после смерти отца своего он, Сталарев, работает и живет на той фабрике и поныне. И тому ныне год он, Сталарев, спознался той же фабрики с суконщиками Михайлою Жуж-

лою, Иваном Куваевым, Иваном Матылем, Алексеем Васильевым сыном Емелиным и на Каменном мосту и по праздником в кресное хождение мошенничали и поныне: в разныя времена вынимали у прохожих людей ис карманов платки и денги, а во сколько паймов, того за множеством сказать не упомнит, и оные платки продавали обще прохожим людем. Да он же, Сталарев, с показанными товарищи в разных банях, а имянно Всесвяцких, в Москворецких, в Кузнецких, что за Петровским кружалом, да в Тверских Ямских у парелщиков крали рубахи, и порты, и штаны, а во сколько паймов, того за множеством (Л. 56) сказать не упомнит, и то платье продавал товарищ ево Иван Голой, а кому продавал, не знает, давал ему паю по гривне и по пяти копеек. А окроме того он, Сталарев, на воровствах и на разбоях нигде не бывал, и окроме показанных мошенников других никого он, Сталарев, не знает, и в сем роспросе он, Сталарев, сказал сущую правду.

А по осмотру оной Афанасей Сталарев явился не подозрелен.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказу пищик Дмитрей Резанцов вместо вышеписанного Афонася Андреева сына Сталарева по ево прошению руку приложил.

Седмой на десять человек в роспросе сказался: Кузмою ево зовут Григорьев сын по прозванию Легас. От роду ему сорок лет. Отец де ево, Григорей Степанов сын, Невского драгунского (Л. 56 об.) полку салдат. И тому ныне лет с триццать он, Легас, записался на Большую суконную фабрику в ученики, на которой живет и работает он, на той фабрике, и поныне. И тому ныне года с четыре он, Легас, спознался той же фабрики с суконщиками Иваном Куваевым, Михайлою Жужлою, и с ними мошенничал по разным местам в разныя дни, и жил на том Суконном дворе, отлучаясь от фабрики, в соборе, и в Чюдове монастыре, и в крестных хождениях у праздников вынимал разного чина у людей ис карманов платки

и кошелки з денгами, а во сколько паймов, того сказать за множеством не упомнит, и вынятыя платки продавали прохожим людем. Да он же, Легас, с показанными товарищи своими по баням, а имянно в Тресвяцкие, в Москворецкие, в Кузнецкия, что за Петровским кружалом, в Тверския Ямския, и оное товарищи ево в тех банях у парелщиков крали денги и платье, а он, Легас, сам не крал, толко брал пай, а что чего (Л. 57) порознь, и во сколько паймов, того он, Легас, за множеством сказать не упомнит, и оное краденое продавали разных чинов людем. И тому ныне с полгода он, Легас, с товарищи своими Иваном Каином, Иваном Гольм, Иваном Куваевым, Михайлою Жулою, Петром Ачкою ездили на Макарьевскую ярмонку, и на той ярмонке с оными товарищи он, Легас, разного чина у людей вынимали ис карманов кошелки з денгами, а во сколько паймов, того за множеством сказать не упомнит. Он же, Легас, с оными ж товарищи своими на той ярмонке ходили в торговые бани и крали у парелщиков денги и платье, а во сколько паймов, того за множеством сказать не упомнит, и оное краденое продавали на той же ярмонке разного чина прохожим людем, а во сколько паймов, того он сказать не упомнит. Да он же, Легас, в нынешнем 741-м году после десятой пятницы с товарищем Петром Ачкою в Москве в Успенском соборе у приезжаго купецкого человека выняли (Л. 57 об.) ис кармана часы серебряная карманная с цепочкою, и оные часы товарищ ево Петр Ачка продал в Серебреном ряду, а кому, того он, Легас, не знает. А кроме того он, Легас, на воровствах и на разбоях не бывал, и в сем роспросе он, Легас, сказал сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказу копейист Василей Тупицын вместо вышеписанного Козмы Легаса по ево прошению руку приложил.

А по осмотру он, Легас, явился подозрителен — бит кнутом. А сказал, что он бит в Преображенском приказе за сказывание слова и дела ложно и во пьянстве, и по наказании свобожен с роспискою.

Подпись: К сему осмотру Сыского приказу копеец Василей Тупицын вместо Козмы Легаса по ево прошению руку приложил.

Осмой на десять человек в роспросе сказал: Михайло ево зовут Денисов сын Жужла. От роду ему лет с сорок. Отец ево был Панкратьевской слободы купец Денис Абрамов. И оной ево (Л. 58) отец в давных годах умре, а он, Михайла, остался в малых летех и записался на Большой суконной двор, на котором имеетца и поныне. И тому ныне пять лет он, Михайла, стал мошенничать, и мошенничал с товарищи Иваном Каином, Троицы Сергиева монастыря крестьянином Савельем Плохим, Большаго суконного двора с Иваном Ивановым сыном Куваевым на Каменном мосту и в кресныя хождении вынимали у разных людей денги и платки, а во сколко паймов, сказать не упомнит. Он же, Михайла, с товарищи ж ходили по баням, а имянно в Тресвяцких, в Москворецких, в Кузнецких, в Тверских и крали кафтаны и рубахи, и продавали разным прохожим людям. Он же, Михайла, с оными товарищи ходил в три пойма на Макарьевскую ярмонку с Иваном Каином, Иваном Куваевым, Козмою Легасом, с Петром Ачкою, и на той ярмонке мошенничали и вынимали у разных купецких людей денги и в торговых банях (Л. 58 об.) крали платье и денги, которые делили по себе. И, пришед с той ярмонки, тому з год он, Михайла, мошенничал по баням один, а имянно в Тресвяцких банях украли рубашку мускую, которую он, Михайла, износил сам. А ис карманов, ходя по рядам и на площади, он, Михайла, платков и денег не вынимал, и кроме оных мошенников других никого не знает. А оные ево товарищи где жителство имеют, он, Михайла, не знает. А он, Михайла, жителство имеет за Москвою рекою в приходе церкви Николая Чюдотворца, что в Берсеневке, в доме Батурина, а какого он рангу, и как имя и отчество, не знает, в наемной избе с поручною записью. А окроме того он, Михайла, на воровствах и на разбоях нигде не бывал, и в сем роспросе он сказал сущую правду.

А по осмотру оной Михайло Жужла явился не подозрителен.

Подпись по листам: К сему роспросу Сысского приказа копееист Алексей Леонтьев вместо вышеписанного Михайлы Жужлы по ево прошению руку приложил.

(Л. 59) Девятой на десять человек в роспросе сказался: Тихоном ево зовут Петров сын Широкой. От роду ему дватцать шесть лет. Московского де он драгунского шквандрона драгун³, и в том полку служит тому ныне шестой год. И в нынешнем 741-м году с осени стал он, Тихон, мошеничить с товарищи, с салдатом Тимофеем Чичовым, Коломенского полку с салдатом Иваном Жегалою, и ходили в городе на площади, и по сей привод, и под горою оныя Чичов и Жегала вынимали всякого чина у людей ис карманов денги, а он, Тихон, ходил за ними, а сам не вынимывал, и те денги делили они вместе. А окроме того он, Тихон, краж никаких не чинивал, и кроме оных Чичова и Жегалы других мошеников никого не знает, и в сем роспросе он, Тихон, сказал сущую правду.

Подпись: К сему роспросу Сысского приказа копееист Андрей Полозов вместо вышеписанного Тихана Широкова по ево прошению руку приложил.

Помета по листам: Сии роспросные речи Анне Герасимовой, Ирине Меркульевой, Авдотье Афонасьевой, Матрене Ивановой, Марфе Семеновой, Устинье Ивановой, Алене Степановой, Дарье Богдановой, Федосье Козминой, Ивану Ермолаеву сыну Семеникову, Максиму Лукьянову сыну Боровкову, Ивану Казакову, Мавре Васильевой, Ивану Куваю, Афонасью Столярову, Козме Легасу, Михайле Жужле, Тихону Широкому чтены, и они утвердились на сих своих роспросех. За секретаря Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 43–59. Подлинник. Подписи – автографы.

Примечания: ^а Приписано на полях. ^б Приписано на полях. ^в Вставлено над строкой. ^г Приписано на полях.

^а Приписано более мелким почерком. ^б Приписано на полях. ^в Приписано на полях. ^г Приписано на полях.

№ 11

1741 г. декабря 30. — Доезд подканцеляриста Сыскного приказа Д. Аверкиева о девяти человеках, схваченных в ночь с 29 на 30 декабря 1741 г. по указыванию И. Каина в различных местах Москвы.

Помета: (Л. 66) № 1808. Подан декабря 30 дня 1741 году.

1741 году декабря 29 дня по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и по данному из Сыскного приказа наказу велено мне, того ж приказу подканцеляристу Дмитрию Аверкиеву, с салдаты итти в Москве в разныя места, где покажет явльшейся из воров Иван Каин, и по указыванью ево брать воров и мошеников и приводить в Сыскной приказ. И по тому наказу я, подканцелярист Аверкиев с Коломенского полку десятой роты с салдатом, которой правит сержанскую должность, Егором Солохиным, да с салдаты по указыванью означенного Ивана Каина в разныя места ходил, а имянно за Трухмалныя ворота в приход церкви Ермолая Чюдотворца в дом салдатскова сына слепова Никиты Иванова, и в том доме взяли ево, Иванова, да беглого салдата Дмитрия Востряка, содержателя Андрея Еремеева ученика Ивана Лукьянова сына Гуся, салдацкого сына Андрея Щербакова. Да в доме Сыскного приказа салдата (Л. 66 об.) Ивана Блинникова означенного суконщика Гуся жену Акулину Ларионову, Пушкарскую жену Пелагею Федорову, Колязина монастыря крестьянина Ивана Федорова, да по указыванью означенной женки Акулины Ларионовой драгунскую жену вдову Дарью Семенову, да в сыску салдацкой жены Софьи Семеновой дочь ее девку Софью ж Семенову, которых, взяв, я привел в Сыскной приказ и объявляю при сем доезде.

А сей доезд писал я, подканцелярист Дмитрий Аверкиев, и вместо означенного за сержанта Егора Солохина и салдат руку приложил.

Пометы: К записке отдан декабря 31 дня / Записать в книгу, взять к отпуску, приводных колодников отдать под караул и в чем надлежит роспросить обстоятельно, и на кого будут показывать (Л. 67) какое воровство или покупку и продажу краденому, тех оговорных, сыскивая, спрашивать и в спорных словах давать очные ставки по указом, и с прописанием указов доложить неукоснительно.

Подписи: Князь Яков Коропоткин / Андрей Писарев.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 66–67. Подлинник. Подписи — автографы.

№ 12

[1741 г. декабря 30 — 1742 января 7]. — Расспросы в Сыском приказе девяти подозреваемых, схваченных в ночь с 29 на 30 декабря 1741 г. по указыванию И. Каина в различных местах Москвы.

(Л. 68) И по вышеписанной помете приводные колодники девять человек в Сыскаго приказ приняты и спрашиваны порознь.

Первой в роспросе сказался: Дмитрием ево зовут Дорофеев сын Козырев, Востряк он же. От роду ему дватцать пять лет. Отец де ево, Дорофей Алексеев, имелся Большой казны ходок, и тому ныне лет с восим оной отец ево умре. Он же, Дмитрий, по смерти отца своего жителство имел с матерью своею Агрофеною Ивановою дочерью своим двором. А ныне тот двор продан, а по продаже того двора жил у салдацкой жены Дарьи Семеновой дочери, которая кормит детей зазорных, недель с шесть в собственном ее доме на Сивцове вражке бес поручной записи. И в прошлом 740-м году летом он, Дмитрий, с

товарищи Иваном Каином, Иваном Куваем, Петром Ачкою, (Л. 68 об.) Троицы Сергиева монастыря, а которой деревни, не знает, с крестьянином Савельем Прокофьевым, с Тимофеем Чичовым ходили из Москвы на Мокарьевскую ярмонку для мошенничества, и на той ярмонке вынимали у разных людей платки и денги, в торговых банях крали у парелщиков разное платья, и продавали на той же ярмонке разным людям, а во сколько паймов, того за множеством сказать не упомнит. И в нынешнем 741-м году, а о которую пору, не упомнит, взяли ево, Дмитрея, на Тверской улице в драке в полицию, и сидел в той полиции недель з десять, и отослан в Военную кантору, а ис той канторы отослан в Московскую губернаменскую канцелярию к рекруцкому набору для написания в салдаты, и от той канцелярии отдан в команду Ивана Федорова сына Мальгина, а которого он рангу, не знает, и стоял на квартире у Смоленской у Кузмы Михайлова сына Арешникова, а какова он чину, не знает, и выписан с прочими рекруты (Л. 69) на Воронеж в гварнизон, и, прослышав он тою посылку, тому недель с восим с той квартиры бежал и, бежав, жил у вышеписанной кормилицы Дарьи Семеновой дочери недели с три без записки и без объявления съезжаго двора заведома, что беглой рекрут. И, будучи в бегах, он, Дмитрей с товарищем Иваном Голым, да Иваном Куваевым ходили по баням, в Тверския и Всесвяцкие, и в тех банех у разных людей крали денги, рубахи и порты, а во сколько паймов, и что чего порознь, того за множеством сказать не упомнит. Он же, Дмитрей, в Тверских банях незнаемо у какова человека украл ис шайки крест, да перстень серебряный, и тот перстень и крест продал на Козьем болоте в приходе церкви мученика Ермолая кваснику Герасиму Савельеву заведома, что краденое, ценою за рубль. А более того он, Дмитрей, воров и мошенников не знает, и смертных убивств не чинивал, и в приводе, кроме вышеписанного, не бывал, и в рекруты собою не наيمывался, и в сем роспросе он, (Л. 69 об.) Дмитрей Востряк, сказал сущую правду.

А по осмотру оней Дмитрей Востряк явился не подозрителен.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказу копейист Алексей Леонтьев вместо вышеписанного Дмитрия Востряка по ево прошению руку приложил.

Второй человек в роспросе сказался: Андреем ево зовут Афонасьев сын Щербаков, Криворотой он же. От роду ему дватцать лет. Отец де ево, Афонасей Иванов, артиллерии пушечного двора кананер, и тому ныне лет з дватцать оной отец ево умре. И после смерти отца своего он, Щербаков, из Москвы сошел в Казань и жил в той Казани на рыбной ловле. И тому ныне другой год он, Щербаков, пришел в Москву и жил (Л. 70) на опальном дворе по сему делу у приводного салдата Ивана Блиникова бес пашпорту недель з дватцать, кормился — работал в Лафертове на канале, таскал землю с полгода. И, сошед с той канавы, он, Щербаков, (жил) у дяди своего, по сему делу у приводного слепого Никиты Иванова, и, от него из дому отходя, он, Щербаков, под пушками сорвал грабежем разного чина у людей в три пойма две шапки: одна немецкая суконная карабlichem, а другая суконная ж русская, да одни рукавицы бараньи с вареги, и из оных шапку суконную карабlichem продал в Тверской Ямской слободе лавошнику Федору Гаврилову заведома, *что краденая^а, за тритцать пять копеек, и за тое шапку он, Федор, дал ему денег — толко вина на пять денег, а достальных денег ему не отдал и поньине, а достальную шапку с рукавицами продал прохожим людям, а кому, не знает. А окроме того он, Щербаков, з других шапок, и ни с кого, не грабил, и на воровствах (Л. 70 об.) и на разбоях нигде не бывал, и в сем роспросе он, Щербаков, сказал сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказу пищик Иван Аменин вместо вышеписанного Андрея Щербакова по ево прошению руку приложил.

Третьей человек в роспросе сказался: Иваном ево зовут Федоров сын. От роду ему дватцать второй год.

Отец де ево был Колязина монастыря крестьянин, тако ж и он, Иван, того ж монастыря крестьянин же, а жителство он, Иван, имеет в Москве близ Моисеевских богаделен подпрапорщика Василья Александрова сына, а как ему прозвание, не упомнит, у крестьянина ево Власа Борисова по поручной записи и с объявлением (Л. 71) съезжого двора, а кормитца он торгует мясом. И сего декабря 29 дня он, Иван, ходил к брату брату своему родному, Григорью Андрееву, которой живет по сему делу у приводного салдата Ивана Блиникова, для свидания, понеже он имеетца болен, и того ж дня, пришед из Сысского приказу подьячей с салдаты, и ево, Ивана, взяли и привели в Сысской приказ. А он, Иван, человек доброй, и никаким воровством не ворует, и воров и разбойников никого не знает, и в сем роспросе он, Иван, сказал сущую правду.

Помета по листам: К сему роспросу Сысского приказу копеист Алексей Леонтьев вместо вышписанного Ивана Федорова по ево прошению руку приложил.

(Л. 71 об.) Четвертой человек, *салдацкой сын⁶, в роспросе сказался: Никитою ево зовут Иванов сын Ушаков. От роду ему лет с пятьдесят. И с малолетства он, Никита, волею Божию ослеп. И, по возрасту, он, Никита, женился на девке Афросинье Ивановой дочери. А пропитание имеет кормится Христовым именем. А жителство имеет за Тверскими вороты в приходе церкви Ермолая Чюдотворца своим двором. И тому назад недели з две во оной ево дом переехал к нему жить приводной по сему делу Иван Лукьянов сын Гусев, и жил у него в наемном углу без объявления съезжого двора. А про то, что он, Гусев, мошеничает, про то он, Никита, не знает, и воровского он, Гусев, в дом к нему ничего не принашивал. А он, Никита, воровских людей и мошеников не знает и в сем роспросе сказал сущую правду.

Подпись: К сему роспросу Сысского приказу копеист Андрей Полозов вместо вышписанного Никиты Ушакова по ево прошению руку приложил.

(Л. 72) Пятой человек в роспросе сказался: Иваном ево зовут Лукьянов сын Гусев. От роду ему дватцать три года. Отец ево был дворцовой повар Лука Алексеев, и в давних годех оной ево отец умре. А он, Иван, после смерти оногo отца своего работал по разным фабрикам и тому лет с пять записался на новозаведенную Андрея Еремеева фабрику. А жителство имел с женою своею Акулиною Ларионовою дочерью за Пречистинскими вороты у суконщиковой жены Катерины Сергеевой з год бес поручной записи. И, от нее сошед, жили на Сивцове врашке у салдацкой жены Дарьи Семеновой, а сколко время, не упомнит, бес поручной же записи. А, от нее сошед, жили они у розсылщика Ивана Казакова без объявления ж съезжаго двора. И в нынешнем 741-м году летним временем держался он, Иван, в Московской полициии в сказывании слова и дела, и за то сказывание учинено ему наказание кнутом и свободжен (Л. 72 об.) с роспискою. И тому ныне недели з две он, Иван, жил за Тверскими вороты в доме салдацкого сына Никиты Иванова сына Ушакова, которой имеетца слеп, а жил без объявления съезжаго двора. И тому с полгода он, Иван, мошенничал и поньне: ходя на площади и под горою с товарищи Болшаго суконного двора Тихоном Степановым сыном Бобровым, а других как зовут, не знает, токмо из салдат, знает всего шесть человек, вынимали оные ево товарищи всякого чина у людей ис карманов денги и платки, а во сколко паймов, того за множеством сказать не упомнит, а он, Иван, сам не вынимывал, толко ходил с ними вместе и брал пай. И те краденые платки продавал показанной Тихон Степанов на площади торговкам, а кому имянно, и как зовут, не знает, толко в лицо признать может. А окроме де того он, Иван, других мошенников никого не знает и на воровствах, и на разбоях нигде не бывал, и в сем роспросе он, Иван, сказал сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыскного приказу копейист Алексей Леонтьев вместо вышеписанного Ивана Гусева по ево прошению руку приложил.

(Л. 73) Шестой человек женка в роспросе сказалась: Акулиною де ее зовут Ларионова дочь. Муж де ее, Иван Лукьянов сын Гусь, Суконной фабрики содержателя Андрея Степанова сына Еремеева суконщик. Жителство де она с мужем своим имеет за Тверскими вороты в приходе церкви Василия Кесариского в доме Сыскного приказу у салдата Ивана Блинникова без объявления съезжого двора. А пропитание имеет везет чулки валеные на продажу. И в нынешнем де 741-м году с июня месяца с прочими женками, салдацкими женами Дарьєю, Авдотьєю, Дарьей, да с салдацкою дочерью Софьей Семеновыми детми, со вдовою Матреною Исаевою, Агрофеною Даниловою мошенничали: по площади и в рядех вынимали у разных людей платки и денги, и поныне, а во сколько паймов, того за множеством сказать не упомнит. Да в Москворецких банях украли они рубашку, да гребень роговой, и оную рубашку продала она, Акулина, на площади прохожей (Л. 73 об.) женке, а как ее зовут, и чья дочь, и где жителство имеет, не знает, взяла шесть копеек, а гребень продала на площади прохожей жонке, взяла одну денгу. Она ж, Акулина, с теми ж товарищи в Панском ряду с прилавка укарли шесть платков шелковых красных, и те платки продала товарищ ее Дарья Семенова Рябая за сорок копеек, а кому, того она, Акулина, не знает, и те денги розделили по себе. А окроме того она, Акулина, другова воровства не чинила. Она ж, Акулина, была в приводе в Полицеместерской канцелярии за сказывание во пьянстве слова и дела, за что наказана кнутом и свобожена с роспискою. И в сем роспросе она, Акулина, сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыскного приказу пищик Иван Аменин вместо вышеписанной женки Акулины Родионовой по ее прошению руку приложил.

(Л. 74) Седмой человек в роспросе сказалась: Палагею ее зовут Федорова дочь. От роду ей лет с шездесят. Муж де ее, Семен Афанасьев сын Смирной, имелся Глав-

ной артиллерии пушкарь, и имеетца в Санкт Питербурхе, а ныне где оной ее муж имеетца, того она, Пелагея, не знает. Пропитание имеет везет на продажу чулки, а жителство имеет за Тверскими вороты в приходе церкви Василия Кесариского в доме Сысского приказу розсылщика Ивана Блинникова с полгода без объявления съезжаго двора. И в нынешнем 741-м году летним временем ходила она, Палагея, в Тресвяцкие бани для кражи платья два раза, в которых украла две рубахи и продала в городе под горою мимохожим женкам: за одну взяла две копейки з денешкою, за другую две ж копейки с денешкою. А что она, Палагея, мошенничает, и то означенной Блинников и жена ево ведали. А окроме того она, Палагея, других краж не чинивала, мошенников и мошенниц (Л. 74 об.) никого не знает, и в сем роспросе она, Пелагея, сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сысского приказу пищик Андрей Леонтьев вместо вышлеписанной женки Пелагеи Федоровой по ее прошению руку приложил.

Осмой человек женка в роспросе сказалась: Дарьею ее зовут Семенова дочь. От роду ей тритцать лет. Муж де ее, Петр Афонасьев сын Аксаков, был Резанского драгунского полку драгун, и тому другой год оного ее мужа на баталии убили. А жителство она, Дарья, имеет за Пречистинскими вороты в приходе церкви Афанасия и Кирилла в доме матери своей, вдовы Дарьи Семеновой. И в нынешнем 741-м году с Петрова дни стала она, Дарья, мошенничать Журавлевой фабрики ученика Ивана Лукьянова з женою Акулиною Ларионеовою, с салдацкою женою Аграфеною Даниловою, (Л. 75) вдовы Настасьи Никоновой дочери Стрекаловой, с крестьянскою женою Матреною Исаевою, и мошенничала и поныне: ходили по рядам и на площади, вынимали у разных женщин ис карманов денги и платки, а во сколько паймов, того за множеством сказать не упомнит. Да они ж в Панском ряду с прилавка украли шесть платков шелковых красных, и те платки продавали они на площади жонке, а как ее зовут, и где живет, не знает, взяли сорок копеек, и те денги розделили по себе.

А кроме оных женок других мошенниц никого не знает, и другова воровства она, Дарья, не чинивала, и в сем роспросе она, Дарья, сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказу копейист Андрея Полозов вместо вышеписанной женки Дарьи Семеновой по ее прошению руку приложил.

Девятой человек в роспросе сказался: Софьею ее зовут Семенова дочь. От роду ей лет з дватцать. Отец де ее, Семен Сергеев, был салдат, а которого полку, не упомнит, (Л. 75 об.) и оной ее отец в давних годах умре. И после смерти отца своего она, Софья, осталась в малых летех. Жителство она имеет с матерью своею, Дарьею Семеновую дочерью, за Арбацкими вороты в приходе церкви Афанасия и Кирилла, что на Сивцове вращке, в своем дворе. И оная ее мать тому с неделю поехала в город Клин к брату своему двоюродному в гости, которой имеетца в том городе священником. А оная ее мать мошенничала ль, не знает. И оной ее матери подлинно в Москве не имеетца, а имеетца в показанном городе Клине. А она, Софья, воровством не промышляет, и других мошенников и мошенниц не знает, и в сем роспросе она, Софья, сказала сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыского приказу пищик Андрей Леонтьев вместо вышеписанной женки Софьи Семеновой по ее прошению руку приложил.

Помета по листам: Сии роспросные речи Дмитрею Козыреву, Андрею Щербакову, Ивану Федорову, Никите Ушакову, Ивану Гусеву, Акулине Ларионовой, Пелагее Федоровой, Дарье Семеновой, Софье^г Семеновой чтены, и они утвержались на сих своих роспросех. За секретаря Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 68–75 об. Подлинник. Подписи — автографы.

Примечание: ^а Приписано на полях. ^б Вставлено над строкой. ^в В ркп. написано дважды. ^г В ркп. ошибочно написано: Федосье.

1741 г. декабря 30. — Доезд подканцеляриста Сыскного приказа И. Фомина о сыске «мошенника» М. Цыганова, в ходе которого были арестованы его соседи и обнаружены «семь харь в волосах лошадиных с усами», «два хвоста лошадиных», «два парика» и пр.

(Л. 76) Помета: № 1810. Подан декабря 30 дня 1741 году.

1741 году декабря ...^a дня по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА по данному мне из Сыскного приказа наказу велено мне, того ж приказу подканцеляристу Ивану Фамину, взяв с собою салдат восемь человек, да содержащагося колодника Петра Губанова, и с ним итти близ Авчиннков на двор Журавлевой фабрики ученика Осипа, а чей сын, не знает, и в том доме взять того Осипа, да суконщика Максима Цыганова, и, взяв, привести в Сыскной приказ. И я, Фамин, взяв с собою обретающихся при Сыском приказе капрала Тимофея Еремеева с товарищи, всего восемь человек, да объявленного колодника Петра Губанова, и, по указыванию ево, на двор вышепоказанного Журавлевой фабрики ученика Осипа, которой имеетя за Москвою рекою, близ Овчинников, в Татарской улице, ходили, токмо вышеписанного суконщика Максима Цыганова в том дворе не получили, и для того в сыску ево, Цыганова, взял показанного Журавлевой фабрики суконщика Осипа Федорова, да того ж двора жилаца, у которого оной Цыганов спал в ызбе, Большого суконного двора (Л. 76 об.) ученика Михайла Коровина. Да при том же у оног Осипа Федорова взял незнаемо какова мускова убору з золотною бумагою и шумихою уброного, два хвоста лошединых, два порика — один белой, другой русой, семь харь убраны в волосах лошединых с усами. И вышеобъявленных колодников и упоминаемое незнаемо какое платье и хари объявляю при сем доезде. Сей доезд писал Фомин и руку приложил.

Пометы: Записать в книгу, взять к отпуску, приносное платье бумажное и хари описать, а приводных суконщиков, приняв, отдать под караул, и в чем надлежит спросить обстоятельно и с прописанием указов доложить неукоснительно. / К записке отдан декабря 31 дня.

Подпись: Князь Яков Коропотнин / Афанасей Сытин / Андрей Писарев.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 76–76 об. Подлинник. Подписи — автографы.

Примечание: ^a В ркп. оставлено место для числа.

№ 14

[1741 г. декабря 30 — 1742 января 21]. — Расспросы в Сыскном приказе фабричных О. Федорова и М. Коровина о местонахождении «мошенника» М. Цыгана и обнаруженных в их доме «харях».

(Л. 77) И по вышеписанной помете приводные два человека с харями и с платьем в Сыскной приказ приняты и ропрашиваны.

А в роспросе первой человек сказал: Осипом ево зовут Федоров. От роду ему дватцать один год. Отец де ево, Федор Иванов, был Бронной слободы купец, и тому лет с двенатцать оной ево отец умре. А он после смерти отца своего тому шестой год записался на Суконной двор Журовлевои фабрики и работает на той фабрики и поныне. А жителство имел с матерью своею Степанидою Ивановою за Москвою рекой в приходе церкви Николая Чудотворца, что словет в Пыжове, своим двором. И тот двор продали, и, по продаже того двора, тому ныне недель с пять он, Осип, живет на Пятницкой улице в доме Преображенского полку сержанта Федора Федорова сына Павлова в надворничестве бес поручной записи. А по сему делу оговорного Матвея Цыганова знает он потому, что он Болшаго суконного двора ученик. И до

сего приводу за два дни оной Цыганов приходил к нему, Осипу, и играл с суконщиками игрище одну ночь. А сего де числа он, Цыганов, в доме ево в верху у жилаца ево, Михаила Коровина, спал на печи и, встав, пошел незнаемо куды. И после ево, пришед из Сысского приказа подъячей с салдаты, и ево, Осипа, с показанными харями и с платьем взяли в Сысской приказ. (Л. 77 об.) А означенное де приносное с ним бумажное золотное платье, калпаки и семь харь не ево, а принесли де к нему, Осипу, Журовлевоу фабрики Петр Волков, Петр Кобыла, Иван Антонов сын Жижин, да показанной Матвей Цыганов. И, надев те хари, играли по дьявольски и приговаривали всякие мерзкие речи. И в сем роспросе сказал он, Осип, сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сысского приказа копейист Андрей Полозов вместо вышеписанного Осипа Федорова по ево прошению руку приложил.

Второй человек в роспросе сказал: Михайлом ево зовут Васильев сын Коровин. От роду ему дватцать один год. Отец де ево, Василей Федоров сын Коровин, был Орловского пехотного полку салдат, и тому лет з дватцать оной ево отец умре. А он, Михайло, после смерти отца своего, тому лет с тринацать, записался он, Михайло, на Большую суконную фабрику и жил на той фабрике. И тому назад недели с полторы перед празником Рождества Христова с той фабрики перешел жить к приводному с ним в Сысской приказ Журавлевоу фабрики к ученику Осипу Федорову, и жил у него и по сей привод без объявления съезжаго (Л. 78) двора. И в том доме показанной Осип Федоров собрал игрище, и играли по два вечера суконщики, и нарежались в хари, а кто имяны, не знает. И на том игрище для смотрения были разных чинов люди. На то ж игрище прихаживал по сему делу оговорной суконщик Матвей Цыганов, и нарежался с товарищи в хари, и играли по дьявольски, и, играючи, приговаривали всякие мерзкие речи. И, как пришел из Сысского приказа подъячей с салдаты, и в то время показанного Цыганова у них в доме

не было, а был до оных посланных подьячаго с салдаты: у него, Михайла, спал на печи, и от него, Михайла, из дому пошел, а куды, не знает, и где оной Цыганов жителство имеет, не ведает. А показанное приносное в Сыскной приказ бумажное золотное платье и хари показанного хозяина ево, Осипа Федорова. А показанного по сему делу оговорного Матвея Цыганова где сыскать, не знает, и воровских людей он, Михайло, никого не знает, и сам на воровствах и на разбоях нигде не бывал, и в сем роспросе сказал он, Михайло, сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сысского приказа пищик Дмитрей Севергин вместо вышеписанного Михайла Коровина по ево прошению руку приложил.

Помета по листам: Сии роспросы Осипу Федорову, Михайле Коровину чтены, и они утвержались на сих роспросех. За секретаря Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 77–78. Подлинник. Подписи — автографы.

№ 15

1741 г. декабря 30. — Доезд копииста Сысского приказа А. Матвеева о торговце краденым Т. Никитине, схваченном на Мытном дворе по указыванию И. Каина.

(Л. 80) *Помета:* № 1805. Подан декабря 30 дня 1741 году.

1741 декабря 30 дня по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и по данному из Сысского приказа наказу велено мне, того ж приказу копеисту Алексею Матвееву, взяв с собою салдат четырех человек, да явшаго доносителя Ивана Каинова, и по указыванию ево итти к Москворецким воротам на Мытной двор, и на том дворе взять лавочного торговца Тимофея Никитина, и, взяв, привезть в Сыскной приказ. И по тому наказу я, Матвеев, с салдаты четырема человеки, да с показан-

ным Каиновым на тот Мытной двор ходил, и по указыванию одного Каинова взял торговца Тимофея Никитина и привел в Сыскной приказ, которого объявляю при сем доезде.

Доезд писал я, Алексей Матвеев, и руку приложил.

Помета: Записать в книгу, взять к делу, приводного, приняв, отдать под караул и против показания роспросить, и с прописанием указов доложить / К записке отдан декабря 31 дня.

Подписи: Князь Яков Кропоткин / Андрей Писарев.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 80. Подлинник. Подписи — автографы.

№ 16

[1741 г. декабря 30 — 1742 марта 17]. — Расспрос в Сыском приказе торговца Т. Никитина, пойманного по указыванию И. Каина по обвинению в торговле краденым.

(Л. 81) И по вышеписанной помете приводной человек в Сыскной приказ принят, и против показания доносителя Ивана Каина оной приводной роспрашиван.

А в роспросе сказался: Тимофеем ево зовут Никитин. От роду ему лет с дватцать. Николаевского де он Угрежского монастыря служней сын, а жителство имеет в Москве за Москвою рекою в приходе церкви Михаила Архангела, что словоет в Овчинниках, в доме зятя своего, первой гилдии купца Ильи Антонова сына Соловьева, а пропитание имеет торгует от одного зятя на Мытном дворе всяким мелочным товаром — маслом и протчим. И тому ныне года с три он, Тимофей, по сему делу у доносителя Ивана Каинова купил платок, а какой цветом, того сказать не упомнит, ценою за пятнатцать копеек не заведомо, что краденый. И показанному, ему ж, Ивану Каино-

ву, при той покупке другова платка принести не приказывал. А что он, Каин, мошенник, он, Тимофей, ведал. А в привод ево не поймал для того, что оной Каин ходил с великим собранием, и опасался он, Тимофей, чтоб ево не убили. А кроме того он, Тимофей, у него, Каинова, платков никаких не покупывал, и в сем роспросе сказал сущую правду.

Подпись: К сему роспросу Тимофей Никитин руку приложил.

Помета: Сей роспрос Тимофею Никитину чтен, и он утвердился на сем роспросе. За секретаря Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 81. Подлинник. Подпись — автограф.

№ 17

1741 г. декабря 30. — Доезд копииста Сысского приказа С. Молчанова о торговце В. Ашине, схваченном на Мытном дворе по обвинению в покупке у «мошенников» краденого.

(Л. 82) *Помета:* № 1806. Подан декабря 30 дня 1741 году.

1741-го году декабря 30 дня по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и по данному из Сысского приказу наказу велено мне, того ж приказу копейисту Степану Молчанову, взяв с собою салдат пять человек, да содержащагося колодника Петра Иванова сына Рябинина, Ачка он же, и по указыванью ево итти в Серебряной ряд, и в том ряду взять купецкого человека, кого он укажет, и, взяв, привести в Сысской приказ, а имеющуюся у него лавку запечатать. И по тому наказу я, Молчанов, с салдаты пятью человеки, да с показанным Ачкою в тот Серебряной ряд ходил, и по указыванью ево, Ачки, того купца в лавке ево взял, а оную лавку запечатал

и приказал того ряду старосте Федору Иванову, а ево, Ашина, при сем объявляю. Доезд писал я, Степан Молчанов, и руку приложил.

Пометы: К записке отдан декабря 31 дня / Записать в книгу, взять к делу, приводного, приняв, отдать под караул, и в чем по делу надлежит, роспросить обстоятельно, и на кого будет показывать какой оговор, и тех оговорных, сыскивая, спрашивать, и в спорных словах (Л. 82 об.) давать очные ставки по указу и с прописанием указов доложить неукоснительно.

Подписи: Князь Яков Кропоткин / Андрей Писарев.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 82–82 об. Подлинник. Подписи – автографы.

№ 18

1742 г. января 9. – Расспрос в Сыском приказе торговца В. Ашина, пойманного по указыванию товарища И. Каина П. Ачки по обвинению в покупке у «мошенников» краденого.

(Л. 83) 1742 генваря в 9 де(нь) в Сыской приказ приводной дворцового села Покровского оброчной крестьянин Васи[лей] Ашин (принят) и против показания мошенников Леонтия Юдина с товарищи спрашиван:

А в роспросе сказался: Василем ево зовут Иванов сын, призвище Ашин. От роду ему дватцать лет. Отец ево Иван Тимофеев, тако ж и он, Васил[ей], дворцового села Покровского оброчные крестьяне. И тому назад лет с восемь оной ево отец умре, и после смерти оного отца своего он, Василей, жителство имел в доме купецкого человека Ивана Иванова сына Лакомкина, и от него, Лакомкина, он, Василей, торговал в Серебренем ряду. И тому ныне з год, зимою, а о которую пору, не упомнит, купил он, Василей, по сему делу у доносителя Ивана Каина у товарища Петра Ачки слиток золота, которого по весу явилось дватцать два золотника, ценою за сорок

за пять рублей, а купил у него не заведомо, что краденое, токмо бес порук. И, купя оное золото, продал того ж Серебряного (Л. 83 об.) ряду купецкому человеку Василью Ларионову ценою за сорок за шесть рублей, а продал ему зачисто. А окроме того он, Василей, у него, Каинова, и у других машенников золота и серебра не покупывал, и в сем роспросе он, Василей, сказал сущую правду.

Подпись: К сему роспросу Василей Ашин руку приложил. *А о том золоте нигде и никому до продажи не объявил простотою своею^а.

Помета: Сей роспрос Ивану Ашину чтен, и он утверждался на сем роспросе. За секретаря Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 83–83 об. Подлинник. Подпись – автограф.

Примечание: ^а Приписано другими чернилами рукой В. Ашина.

№ 19

1741 г. декабря 31. — Извет доносителя Сысского приказа И. Каина на пойманных им в различных местах Москвы «мошенников» дворового человека А. Сухарукова, фабричных П. Губана и О. Соколова.

Помета: (Л. 90) № 1809. 1741 году декабря 31 дня.

1741 году декабря в 31 день в Сысском приказе явшея доноситель Иван Каин извещал словесно: сего де числа он, Каин, ходил с салдаты из Сысского приказа для сыску воров, и за Москвою рекою на Ордынской улице поймал он, Каин, дому секретаря Василья Леонтьева человека Алексея Сухарукова, которой де в Москве по начам с товарищи в разных домех во окна и в протес крадут платья. Да он же, Каин, на Москве реке поймал Журавлевой фабрики ученика Петра Губанова, которой знал за ним, Каином, мошенничество: как он, Каин, в по-

люю воду на Москве реке на перевозе и в лотках у разных людей вынимал платки и денги, он, Губан, видел, и за то он, Губан, брал у него, Каина, пай по пяти, и по три, и по две копейки. Он же, Губан, на Москве ж реке ночью, как прогоняют лес, кражею отрубал бревна по пети, и по четыре, и по три, и продавал разным людям. Он же, Губан, на Балчуге в ровушке у квасника украл кафтан серой. Да на Москве ж реке он, Каин, поймал Парусной фабрики матроза Осипа Соколова, которой с товарищи близ Москворецких бань у прохожева человека снял шапку, да рукавицы, которых он, Каин, объявляет при сем извете.

Подпись: К сему извету Сысского приказу пищик Лазарь Зверев вместо вышеписанного Ивана Каинова по ево прошению руку приложил.

Помета: Записать (Л. 90 об.) в книгу, взять к делу, приводного, приняв, отдать под караул, и против Каинова показания роспросить обстоятельно, и с прописанием указов доложить неукоснительно.

Подписи: Князь Яков Кропоткин / Андрей Писарев.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 90–90 об. Подлинник. Подписи — автографы.

№ 20

[1741 г. декабря 31 — 1742 января 7]. — Распросы «мошенников» А. Сухорукова, П. Губана и О. Соколова, схваченных И. Каином в различных местах Москвы.

(Л. 91) И по вышеписанной помете приводные три человека в Сысской приказ приняты и против показания доносителя Ивана Каинова спрашиваны порознь.

А в роспросе первой человек сказался: Алексеем ево зовут Артемьев сын Сухорукой. От роду дватцать три года. Отец де ево Артемей Абросимов, тако ж и он, Алексей, имеютца дому секретаря Василья Маркелова сына Леонтьева дворовые люди. А оной де помещик ево

имеется в городе Глухове у дел. А он, Алексей, жителство имеет с матерью своею Аксиньею Семеновою в доме онаго помещика своего, которой имеется за Москвою рекою в приходе церкви Покрова Пресвятыя Богородицы. И тому года з два держался он в полиции в сказывании слова и дела, и за то учинено ему наказание кнутом и освобожен с роспискою. И, по свободе, жил в доме онаго ж господина своего. И в нынешнем 741-м году летом до праздника Донские Богородицы за месяц он, Алексей, пустил к себе жить по сему делу приводного Максима Лукьянова, которой жил у него, Алексея, с месяц. И, от него сошед, он, Максим, где жил, того он, Алексей, не знает. И в нынешнем же 741-м году, после праздника Донские Богородицы спустя с месяц, а в кою пору, не упомнит, как он, Алексей, у двора своего чистил канал, (Л. 91 об.) и в то время шел мимо ево вышеписанной Максим Лукьянов, и остановился у двора ево, а потом ко двору ево пришли по сему ж делу доноситель Иван Каин, да соцкой Сергей Чижик, и говорили ему, Алексею, и показанному Максиму Лукьянову, чтоб де они пошли с ними на Пятницкую улицу в доме покрасть пожитки, а в чей дом, не сказал. И он де, Алексей, и Максим Лукьянов с ними для кражи пожитков пошли. И на Ленивом торжку на кабаке пили вино и дожидались ночи. И ночью, в десятом часу, с того кабака сошли, и пришли на той Пятницкой улице на двор, а чей, не знает, которой насупротив двора купца Козмы Замятина. И у оного Максима было напарье. И он, Маским, того двора влез на избную кровлю и близ трубы разломал на наистопок кровлю и вошел в тое избу, а они стояли на карауле близ той избы. И, помешкав с четверть часа, он, Максим, с той избы сошел к ним и сказал, что де в той избе покрасть ничего не нашел, и от той избы он, Алексей, прошел в дом свой, а показанные товарищи ево куды пошли, того он, Алексей, не знает. А окроме де того он, Алексей, на воровствах и на разбоях нигде не бывал, и других мошенников никого не знает, и в сем роспросе он, Алексей, сказал сущую правду

Помета по листам: К сему роспросу Алексей Сухорукой руку приложил.

(Л. 92) Второй человек в роспросе сказался: Петром ево зовут Михайлов сын Ускин, Губан он же. От роду ему дватцать один год. Отец де ево, Михайла Петров, был Болшаго суконного двора ученик, и в давних годех умре. И после смерти отца своего он, Губан, записался на Журавлевую фабрику в ученики, на которой он, Губан, работал, и живет на той^а фабрике. И сего 741 году летом спознался он по сему делу з доносителем Иваном Каиновым и, как была полая вода, и в то время он, Губан, в лодках перевозил разных чинов людей чрез Москву реку, и в то время он, Губан, видел, как он, Каин, вынимал на пороме и в лотках у разных людей ис корманов платки и денги, а сам он, Губан, ничего не вынимывал, толко брал у него, Каина, пай по пяти копеек, и по три, и по две копейки. Он же, Губан, в то ж лето ночными временами, как прогоняли лес чрез Живой мост, и от того лесу кражею отрубал бревна по три, и по четыре, и по пяти, и отдавал на выкуп тем же хозяевам, и с них брал денег по алтыну и по пяти копеек, а ежели не выкупят, то продавал разным людям, а во сколько поймов, того де он, Губан, сказать не упомнит. Он же, Губан, в то ж лето один на Балчуге в Ровушке украл у квасника кафтан, и в тот же день он, Губан, оной кафтан отдал оному кваснику обратно, и за тот кафтан взял со оног (Л. 92 об.) квасника денег дватцать пять копеек. А кроме того он, Губан, на воровствах и на разбоях нигде не бывал, и в сем роспросе он, Губан, сказал сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыскного приказу копейист Андрей Полозов вместо вышеписанного Петра Губана по ево прошению руку приложил.

Третьей человек в роспросе сказался: Осипом де ево зовут Силин сын Соколов. От роду ему дватцать три года. Отец де ево, Сила Ларионов сын, и он, Осип, Парусной фабрики матрозы. Жителство де он имеет на оной же фабрике с матрозом Федором Барзовым. И за неделю де до праздника Рождества Христова он, Соколов, той же фабрики с

матрозом Антоном Васильевым сыном Кавровым зашли по сему делу к доносителю Ивану Каину в гости, понеже де он, Ковров, с ним, Каином, между собою знаютца. И, быв де он, Соколов, с тем Ковровым у него, Каина, от него пошел на Москву реку для гулянья, и сошлись с приводными по сему делу с Семеном Кадыковым, да с Матвеем Цыганом, и близ Москворецких бань шел мимо их незнаемо какой человек, и он, Осип, с показанными товарищи с того (Л. 93) человека с пьяного сняли шапку карабиком, да рукавицы с vareги, и оную шапку по сему делу у приводного Андрея Федулова сына Кизяки пропили за пять алтын, понеже де он шинкует вином. И, выпив де то вино, он, Соколов, пошел на помянутую фабрику по прежнему, а рукавицы остались у них, товарищев ево. И сего де декабря 27-го дня, как он, Соколов, шел по Москве реке, и посланные из Сыскного приказу салдаты, взяв ево, привели в Сыскной приказ. А кроме де вышеписанного он, Осип, на воровствах и на разбоях нигде не бывал и не мошенничал, и в сем роспросе он, Осип, сказал сущую правду.

Помета по листам: Сии роспросные речи Алексею Сухорукову, Ивану Губану, Осипу Силину чтены, и они утвердились на сих роспросех. За секретаря Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 91–93. Подлинник. Подписи — автографы.

Примечание: ^a Далее другими чернилами.

№ 21

1742 г. января 4. — Извет доносителя И. Каина на пойманного возле острога Сыскного приказа «мошенника» Алексея Елахова.

Помета: (Л. 98) № 5. Подан генваря 4 дня 1742 году.

1742-го году генваря 3-го дня в Сыскном приказе явшея доноситель Иван Каин извещал словесно: се-

го де числа он, Каин, с протчими колодничи из Сысского приказы посылан был на Москву реку для взятя ко оному приказу на топление печей бревен. И, как он, Каин, вышел из острогу, и у Большого острогу усмотрил он школьника Алексея Иванова сына Елахова, которой показан при доношении ево в реэстре, и онаго Елахова он, Каин, взяв, привел в Сысской приказ, понеже де он, Елахов, мошенничает с товарищи в Успенском, и в Архангелском, и прочих соборах, и в Чюдове, и на площади, и под горою, и в рядех, и в крестные хождении, и по празником вынимали у разных людей платки и денги.

Подпись: К сему извету Сысского приказы пищик Иван Аменин вместо вышеписанного доносителя Ивана Каинова по ево прошению руку приложил.

Помета: Записать в книгу, взять к делу, прдъявленного школьника Алексея Елахова отдать под караул, и против показания Ивана Каинова в мошенничестве роспросить обстоятельно, и с прописанием указов доложить неукоснительно.

Подписи: Князь Яков Кропоткин / Андрей Писарев.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 98. Подлинник. Подписи — автографы.

№ 22

[1742 г. января 4 — февраля 19]. — Расспрос в Сысском приказе школьника А. Елахова о совершенных им «мошенничествах» и его товарищах.

(Л. 98 об.) И по вышеписанной помете приводной человек в Сысской приказ принят и против показания доносителя Ивана Каинова опрошыван.

А в роспросе сказался: Алексеем ево зовут Иванов сын Елахов. От роду ему пятнатцать лет. Отец де ево, Иван Иванов, был Латмилицкого полку салдат. И, тому

ныне сколко лет, не упомнит, оной отец ево умре. И тому ныне девятой год он, Алексей, записан в Гварнизонную школу, и жителство он имеет во оной школе и поныне. И тому ныне с полгода спознался де он, Алексей, по сему делу з доносителем Иваном Каином, с школьником Ларионом Ноговицыным, да с салдацким сыном Васильем Терновским, которой жителство имеет со отцом своим в Спасской улице на Коптелке своим двором, и с ними мошенничел: в Успенском и Архангелском соборах, и на площади, и под горою в кресныя хождени и в праздники вынимали у разных людей платки и денги, а он, Алексей, не вынимывал, толко стеснял народ, чтоб товарищем ево вынимать было способно, а что товарищи ево вынут, за то он, Алексей, брал у них пай, а во сколко поймов платков и кошелков з денгами вынимали, и кому (Л. 99) продавали, того за множеством сказать не упомнит. А более того он, Алексей, воров и машенников не знает, и сам окроме того не воровал. И сего числа пришел он, Алексей, Сыского приказу к острогу для свидания с содержащимся в том остроге колодником школьником Леонтьем Юдиным, и, у того острогу увидя, доноситель Иван Каин ево, Алексея, взял и привел в Сыской приказ. И в сем роспросе сказал он, Алексей, сущую правду.

Подпись: К сему роспросу Сыского приказу пищик Дмитрий Резанцов вместо вышеписанного школьника Алексея Елахова по ево прошению руку приложил, понеже он сам писать не умеет.

Помета: Сей роспрос Алексею Елахову чтен, и он утвердился на сем роспросе. За секретаря Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 98 об.—99. Подлинник. Подпись — автограф.

№ 23

[1742 г. января 4 — 27]. — Расспрос в Сыском приказе присланного из Московской полицмейстерской кан-

целярии купца С. Чижика о знакомстве с «мошенниками» и участии в их преступлениях.

(Л. 101) И по вышеписанной помете присланной из Московско́й полице́местерско́й канце́лярии коло́дник в Сы́скной приказ принят и против показания доносителя Ивана Каина и товарищев ево ропрашиван.

А в роспросе сказался: Сергеем ево зовут Васильев сын по прозванию Чишихин, Чижик он же. От роду шестнатцать лет. Отец де ево, Василей Епифанов, Садовой Большой слободы купец. Жителство де он имеет в доме показанного отца своего и поныне. А пропитание оной отец ево имеет торгует в Охотном ряду в лавке. И в прошлом де 741-м году с Перова дни он, Чижик, нанялся ходить второй надесять команды в соцкия за купецкого человека Ивана Максимова, которой жителство имеет в Нижних Садовниках в приходе церкви Козмы и Демьяна. И в том же году летом, после праздника Донския Богородицы, а сколко спустя, не упомнит, а о которую пору, того сказать не упомнит же, приходил к нему по сему делу доноситель Иван Каин на съезжей двор по знакомству, по тому что он, Каин, жил в их сотни, и звал ево с собою на Ордынку в гости по сему делу к приводному Алексею Артемьеву. И он, Чижик, с ним, Каином, к оному Алексею ходил и, как пришли ко двору оно́го Алексея, и оной Каин пошел к оному Алексею в ызбу, а он, Чижик, (Л. 101 об.) стоял у ворот и, погодя малое время, ис той избы вышли к нему показанныя Каин, да по сему делу приводныя Алексей Артемьев, Максим Лукьянов, и, вышед, оной Каин с показанными товарищи говорили ему, Чижикю, чтоб он, Чижик, пошел с ними для кражи на Пятницкой улице пожитков, а у кого именно, не сказал. И он, Чижик, с ними пошел, и, пришед, на Пятницкой улице на кабаке дожидались ночи. И, дождався ночи, часу в четвертом все они четверо пришли близ двора купца Козмы Замятина незнаемо к чьему двору для кражи пожитков. И, пришед к тому двору, ево, Чижика, поставили стоять близ той избы

у караулни, и он, Чижик, у той караулни разговаривал с караульным часовым, чтоб де он, часавой, их, товарищей ево, не видал. А они, троя, пошли ко избе для кражи пожитков. И, погодя малое время, оныя Каин, и Алексей, и Максим пришли к нему, Чижик, и сказали ему, что де в той избе ничего не нашли, понеже в той избе никто не живет. И с той Пятницкой улицы разошлись врознь. А окроме того он, Чижик, на воровствах и на розбоях нигде не бывал. И в прошлом 741-м году декабря 30 дня ево, Чижика, задержали той команды в съезде двора, а ис того двора взят в полицью, а ис той (Л. 102) полицьи ево, Чижика, прислали в Сыскной приказ. И в сем роспросе он, Чижик, сказал сущую правду.

Подпись: К сему роспросу купец Сергей Васильев сын Чижик руку приложил.

Помета: Сей роспрос Сергею Чижик, и он утверждался на сем роспросе. За секретаря Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 101–102. Подлинник. Подпись — автограф.

№ 24

1742 г. января 7. — Извет доносителя И. Каина на пойманных им в Чудове монастыре «мошенников».

Помета: (Л. 105) № 87. Подан генваря 7 дня 1742 году.

1742-го году генваря 6 дня в Сыском приказе явшея доноситель Иван Осипов сын Каин извещал словесно: сего де числа он, Каин, с салдаты хадил для сыску воров и мошенников, и в Чудове монастыре поймал он, Каин, Семеновского полку отставного солдата Петра Тулубьева, Денежного двора Артемья Рудакова, пушкаря Василья Вербицкого, князь Алексея Хилкова человека ево Матвея Сухарева, которые во оном монастыре и в протчих местах мошенничают, да подьячаго Василья

Шевелкина, которой с ними стоял вместе, и оных объявляет при сем извете.

Подпись: К сему извету Сысского приказа пищик Андрей Леонтьев вместо вышеписанного Ивана Каина по ево прошению руку приложил.

Пометы: Записать в книгу, взять к делу, приводных, приняв, отдать под караул и в чем надлежит респросить всех порознь, и, по респросам, выписав из указов, доложить неукоснительно. / (Л. 105 об.) К записке отдан генваря 21 дня.

Подписи: Князь Яков Кропоткин / Андрей Писарев.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 105–105 об. Подлинник. Подписи – автографы.

№ 25

[1742 г. января 7 – февраля 9]. – Расспросы в Сысском приказе четырех подозреваемых в «мошенничестве», схваченных И. Каином в Чудове монастыре.

(Л. 105 об.) И по вышеписанной помете приводные в Сысской приказ приняты, и против показания доносителя Ивана Каина оные пиводные респрашиваны порознь.

А в респросе первый сказался: Петром ево зовут Афанасьев сын по прозванию Тулубьев, Стрелков он же. От роду ему лет с семдесят. Служил де он в гвардии Семеновского полку в салдатах, и тому ныне лет с десять ис того полку отставлен с пашпортом, которой имеется у него и поныне. Напред де сего жителство он имел в Мещанской слободе в приходе церкви Филиппа митрополита в доме посацкого человека Напрудной слободы Евдокима Маторина недель з десять, которой торгует в Охотном

ряду живностью. А от него отшел, жил Сыскного приказу у старосты Ивана Федорова болши десяти недель. И тому ныне года с три жителство де он имеет за Московую рекою в приходе церкви Григория Кесарийского, что на Полянке, в Кузмодемьянской улице в доме отставного капитана Афанасья Иванова сына Левшина у человека ево, а как ему имя и прозвание, не упомнит, толко по отчеству Прокофьев сын, у котораго жил по сей привод с пашпортом бес поручной записи и без объявления съезжаго двора. Пропитание имеет лечит разных чинов людей от французской и от волосатиковой болезней. И тому ныне недель з десять он, Тулубьев, стал мошенничать один, и вынял на проходе у разных людей платки крашенные в четыре пойма, и оные платки продал прохожим людям, а каких чинов, и где живут, не знает. А о том, что он, Тулубьев, мошенничал, оные Евдоким Маторин, Иван Федоров и Левшина человек Прокофьевич не знали. Также и он, Тулубьев, других воров и мошенников не знает, и сам краж более того не чинивал, и в сем роспросе сказал он, Тулубьев, сущую правду.

(Л. 106) Второй человек в роспросе сказался: Артемьем ево зовут Дорофеев сын Рудаков. От роду ему шестдесят пять лет. Отец де ево, Дорофей Сафронов, и он, Артемей, были записаны на Денежной двор в работниках, и от того дела отставлен года с четыре. Жителство де он имеет за Арбацкими вороты в приходе церкви Воздвижения Честнаго Креста Господня, что на Пометном вражке, у дочери своей родной вдовы Натальи Артемьевой. Пропитание имеет торгует на Неглинной ветошьем. И тому ныне года з два он, Рудаков, мошенничал одно лето: в соборе вынимал платки у разных людей, а во сколько паймов, того за множеством сказать не упомнит, и оные платки продавал на площади прохожим людям, а каких чинов, и где живут, не знает. И тому ныне другой год был он, Рудаков, в разслаблении близ года, и для того обещался впредь не мошенничать. И, свободясь от той болезни, ездил для провожания сестры своей двою-

родной Полагей Андреевой дочери в Чебоксары к дочери ее, которая имеетя за купецким Козмою Федосеевым, бес пашпорту. А более после болезни своей он, Рудаков, не мошенничал, и воров и мошенников не знает. И сего генваря 6 дня был он, Рудаков, в Чюдове монастыре у обедни, и, пришед подьячий с солдаты, взяв ево, привели в Сыскной приказ. И в сем роспросе он, Рудаков, сказал сущую правду.

(Л. 106 об.) Третьей человек в роспросе сказал: Васильем ево зовут Павлов сын Вербицкой. От роду ему лет сорок. Напред сего был он Главной артиллери пушкарь, и тому лет с тринадцать он, Василей, отставлен. И, по отставке, жителство имел за Московю рекою у Серпуховских ворот в доме брегадира Василья Еремеева сына, а прозвания не упомнит, у жица ево отставного солдата Федора Васильева бес поручной записи и без объявления съезжего двора. И тому назад недель с восемь он, Василей, от оного Федора Васильева съехал и жил на Воздвиженской улице в доме Платона Иванова сына Мусина Пушкина у жица ево, дворцоваго каменщика Радиона Яковлева сына Каменщикова, бес поручной записи и без объявления съезжего двора. И тому ныне з год он, Василей, стал мошенничать, и ходил в Успенском соборе, и в Архангелском, и в Чюдове монастыре, и по празником в крестное хождение вынимал у господ, и у приезжих людей, и всякого чина у людей ис караманов платки шелковые и бумажные, а во сколко паймов, того за множеством сказать не упомнит, и продавал разным прохожим людям. А окроме того он, Василей, на воровствах и на разбоях нигде не бывал, и мошенников никого не знает, и в сем роспросе сказал он, Василей, сущую правду.

(Л. 107) Четвертой в роспросе сказал: Васильем ево зовут Никифоров сын Шевелнин. От роду ему лет с шездесят. Служил де он подьячим в разных приказах, и от той приказной службы отставлен по определению Главной дворцовой канцелярии за старостию. И после того прислан был он из Сенацкой канторы в Сыскной приказ

для следствия в состовлении воровской челобитной, за что во оном приказе розыскиван трижды и, по наказании, свободен с роспискою, то дело было у подканцеляриста Ивана Попова, и после того жил в разных местах. И тому ныне месяца з два жителство де он имеет за Пречистинскими вороты в приходе церкви Николая Чюдотворца, что в Хомовниках, тоя ж церкви у сторожа Ивана Алексеева в собственных ево доме в углу из наем ценою по два рубли на год бес поручной записи, токмо со объявлением съезжаго двора. Пропитание имеет наимается у разных господ в разных приказах, списывает разные дела. И сего де генваря 6-го дня, как он пришел в Чудов монастырь к радней обедни, не отставя раннюю обедню, в позной обеденной блавест в церкви Алексея Митрополита взял ево подьячий с салдаты и привели в Сыскной приказ, а для какого дела, и за что, не знает. Воров и мошенников никого не знает же, и сам воровства не чинивал, и в сем роспросе сказал сущую правду.

Подпись: К сему роспросу Василей Швелрин руку приложил.

Помета: Сии роспросные речи Петру Тулубеву, Артемию Рудакову, Василью Павлову, Василью Никифорову чтены, и они утверждались на сих роспросех. За секретаря Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 105 об.—107. Подлинник. Подпись — автограф.

№ 26

1742 г. июля 21. — Извет доносителя И. Каина на «мошенника» В. Терновского, пойманного возле Москворецких ворот.

Помета: (Л. 1) № 1024. 1742 году июля 21 дня.

1742-го году июля 21 дня в Сыском приказе явльшейся доноситель Иван Каин извещал словесно: сего де

числа ходил он для сыску воров и мошенников, и близ Московрецких ворот поймал он мошенника Василья Савина сына Терновского, которой в разных местах мошенничает, и оного объявляет при сем извете.

Подпись: К сему извету Главного камисариата подканцелярист Петр Емельянов вместо означенного доносителя Каина по ево прошению руку приложил.

Помета: Записать в книгу, взять к следственному о мошенниках делу, приводного, приняв, отдать под караул и против сего извету в мошенничестве роспросить обстоятельно, и на кого будет показывать в мошенничестве ж или в каком воровстве оговор, и тех оговорных сыскивать, и роспрашивать, и в спорных словах давать очные ставки, и с прописанием указов доложить неукоснительно.

Подпись: Князь Яков Кропоткин.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 824. Л. 1. Подлинник. Подписи — автографы.

№ 27

[1742 г. июля 21 — августа 2]. — Расспрос в Сыском приказе В. Терновского о совершенных им «мошенничествах».

(Л. 2) И по вышеписанной помете означенной приводной в Сыской приказ принят и роспрашиван.

А в роспросе сказал: Васильем ево зовут Савинов сын Терновской. От роду ему четырнатцать лет. Отец де ево, Сава Афонасьев сын Терновской, Иностранной коллегии вахмистр, которой имеется при той коллегии и поныне, и живет он, Василей, с отцом своим за Стретенскими вороты в Спасской улице в приходе церкви Всемилостиваго Спаса, что в Спаской, своим двором. И тому ныне недель з десять он, Василей, мошенничал, а имянно

в Успенском и в Архангелском соборах вынимал разных чинов у людей ис карманов платки шелковые и бумажные и кошелки з деньгами, а во сколько поймов, того сказать не упомнит. И те вынятыя платки он, Терновской, продавал в городе на площади торговкам, а как зовут, не знает, не заведомо, что краденые. И сего июля 20 дня, то есть в праздник Ильи Пророка, был он, Терновской, на Спасском мосту в билияре, и в то ж балияру пришел явшея доноситель Иван Каин и, взяв ево, привел в Сыскной приказ. А окроме того он, Терновской, не мошенничал, и воров и мошенников он никого не знает, (Л. 2 об.) и в сем роспросе он, Терновской, сказал сущую правду.

Подпись: К сему роспросу Василей Терновской руку приложил.

Помета: Сей роспрос означенному колоднику Василею Терновскому чтен, и он утверждался на сем роспросе.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 824. Л. 2–2 об. Подлинник. Подпись — автограф.

№ 28

1742 г. июля 23. — Извет доносителя И. Каина на «мошенника» Л. Наговицына, пойманного на Спасском мосту.

Помета: (Л. 3) № 1146. Подан июля 23 дня 1742 году.

1742 году июля 21 дня в Сыском приказе явшея доноситель Иван Каин извещал словесно: сего де числа ходил он для сыску воров и мошенников, и на Спасском мосту поймал он мошенника салдацкого сына Логина Ноговицына, которой напред сего по показанию ево, Каинову, держался в Сыском приказе в мошенничестве, и оногo Ноговицына объявляет при сем извете.

Подпись: К сему извету Главного камисариата подканцелярист Петр Емельянов вместо означенного доносителя Каина по ево прошению руку приложил.

Помета: Записать в книгу, взять к следственному о мошенниках делу, приводного, приняв, роспросить обстоятельно, и с прописанием указов доложить неукоснительно.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 824. Л. 3. Подлинник. Подпись — автограф.

№ 29

[1742 г. июля 23 — августа 2]. — Расспрос в Сыском приказе школьника Л. Наговицына о совершенных им «мошенничествах».

(Л. 4) И по вышеписанной помете приводной человек в Сыской приказ принят и в чем надлежит роспрашиван.

А в роспросе сказался: Логином ево зовут Васильев сын Ноговицын. От роду ему семнатцать лет. Отец де ево, Василей Трофимов, Семеновского полку салдат, и оной отец имеетца в том полку и поныне. И тому ныне года з два он, Логин, записан в Гварнизонную школу, а жителство он, Логин, имеет с отцом своим на квартере на Гороховом поле в доме оконнишника, а какой он человек, и как ево зовут, не упомнит. И в нынешнем 742-м году в генваре месяце держался он, Логин, в Сыском приказе по присылке из Московской полицмейстерской канцелярии по оговору доносителя Ивана Каина в мошенничестве, а в роспросе он, Логин, в Сыском приказе в том мошенничестве винулся, и показал, что де он мошенничел с полгода. И в нынешнем же 742-м году в Великой пост на второй неделе он, Логин, из Сыского приказу со учинением наказания плетми отослан в Московской гарнизон, а ис того гарнизона он, Логин, отослан был в школу. И тому ныне недели з две он, Логин, по прошению отца ево ис школы взят и определен гварди в Семенов-

ской полк, и в том полку он, Логин, имеетца за камплетом и поныне. По сему делу приводного с ним Иностранной коллеги вахмистра Савы Терновского сына ево Василья Терновского знает он, Логин, потому, что он живал с ним за Сухаревою башнею (Л. 4 об.) в Спасской водной улице, а с ним, Терновским, он, Логин, после свободы из Сыскного приказу и ни с кем не мошенничает, и в воровством никаким он, Логин, не промышляет. И сего июля 20 дня, то есть в праздник Ильи Пророка, был он, Логин, с показанным Терновским на Спасском мосту в балиаре, и в той же балиар пришел явшей доноситель Иван Каин, и, взяв ево, Логина, с показанным Терновским привел в Сыскной приказ. А он де, Логин, ныне подлинно не мошенничает и мошенников никого не знает, и в сем роспросе сказал он, Логин, сущую правду.

Подпись: К сему роспросу цехового портного мастера сына Дмитрий Резанцов вместо вышеписанного Логина Наговицына по ево прошению руку приложил.

Помета: Сей роспрос Логину Наговицыну чтен, и он, Наговицын, утвердился на сем роспросе. Правящей секретарскую должность Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 824. Л. 4—4 об. Подлинник.

№ 30

1742 г. ноября 26. — Извет доносителя И. Каина на «мошенника» беглого из ссылки И. Шибая, пойманного в кабаке у Ильинских ворот.

Помета: (Л. 1) № 1674. Подан ноября 26 дня 1742 году.

1742 году ноября 26 дня в Сыскном приказе явшейся доноситель Иван Каин извещал словесно и сказал: сего де числа ходил он для сыску воров и мошенников, и как будет близ Ильинских ворот на кружале, и на том

кружале увидел он ссылочного утеклца Ивана Шибаява, которого он, взяв, привел в Сыскной приказ и объявляет при сем извете.

Подпись: К ему извету подьяческой сын Дмитрий Севергин вместо вышеписанного доносителя Ивана Каина по ево прошению руку приложил.

Пометы: Записать в книгу, взять к следственному по доносу о Каине делу, приводного, приняв, отдать под караул и с прописанием указов доложить неукоснительно / Слушано генваря 12 дня 743 году.

Подпись: Князь Яков Кропоткин.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 871. Л. 1. Подлинник. Подписи — автографы.

№ 31

[1742 г. ноября 26 — декабря 22]. — Расспрос в Сыском приказе беглого из ссылки И. Шибая о совершенном побеге.

(Л. 2) И по вышеписанной помете приводной человек в Сыскной приказ принят и опрошан.

А в роспросе сказался: Иваном ево зовут Иванов сын, прозвище Шибайченок. От роду ему дватцать три года. Отец де ево, Иван Никитин сын прозвище Хрещев, Тайной канторы Козлова полку шибай, и в прошлом 737-м году летом оной отец ево умре. И в том же году он, Иван, записался на новозаведенную фабрику компанейщиков Андрея Еремеева с товарищи, и работал он, Иван, на той фабрике лет с семь, и жил он, Иван, на той фабрике. И в прошлом 741-м году летом он, Иван, был в приводе в Сыском приказе в краже с товарищем Петром Сулоем у зенгорцов пожитков, в чем и пытан трижды, и с наказанием кнутом послан в ссылку в Оренбурх летним путем на стругу. И, приехав в город Самару, и в том городе он, Иван, работал всякую работу. И в нынешнем 742-м году в

Петров день, умысля, он, Иван, с ссылочным же Иваном Черкасовым ис того города бежали, и дорогою до Москвы (Л. 2 об.) кормился Христовым именем, и вышеписанной Черкасов от него, Ивана, отстал в городе Синбирске, а куда пошел, не знает, и ныне где он, не ведает. А он, Иван, пришел в Москву, и в Москве жил, работал в Аннингофе — пилил дрова и брал заработные денги по алтыну на день, и жил в том же Аннингофе в работных избах и близ Покровского села в поле в ометах и поныне. И сего ноября 26 дня был он, Иван, на Ильинском кружале для питья вина, и в то время пришел доноситель Иван Каин и, взяв ево, привел в Сыскной приказ. А как из Сыскного приказа была присылка для взятъя ево, и в то время он в тех ометах не начевал для того, что того села Покровского крестьяня, а как зовут, не знает, сказали ему, чтоб он, Иван, скрылся, понеже де будут ис канторы села Покровского салдаты для сыску воров, и он, Иван, ис тех ометов вышел и начевал в том же поле в соломе. А, будучи в бегах из сылки, он, Иван, на воровствах и на разбоях нигде не бывал, и в сем роспросе он, Иван, сказал сущую правду.

Помета: Сей роспрос Ивану Шибаченку чтен, и он, Шибаченок, утверждался на сем роспросе. В должности секретаря канцелярист Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 871. Л. 2—2 об. Подлинник.

№ 32

1743 г. августа 18. — Извет доносителя И. Каина на школьника А. Адолимова, пойманного с поличной бритвой, которой он «мошенничал».

Помета: (Л. 1) № 898. Подан августа 18 дня 1743 года.

1743 году августа 18 дня в Сыском приказе явшея доноситель Иван Каин извещал словесно: ходил де он для сыску воров и мошенников, и в городе Китае

близ Москворецких ворот поймал он школьника Алексея Адалимова с поличным ножом, да бритвою, которая без черена, которой в разных местах мошенничает, и означенной нож вынул у крестьянского мужика, и оного мошенника Адалимова объявил он при сем извете.

Подпись: К сему извету подъяческой сын Андреян Лошаков вместо доносителя Ивана Каина по ево прошению руку приложил.

Пометы: К записке отдан августа 22 дня / Записать в книгу, взять по повытью приводного школьника, приняв, отдать под караул, и против сего извету роспросить обстоятельно, и притом спрашивать и в других воровствах, и на кого будет показывать какой о воровствах оговор, тех оговорных, сыскивая, роспрашивать, и в спорных словах (Л. 1 об.) давать очные ставки, и с прописанием указов доложить.

Подписи: Князь Яков Кропоткин / Семен Любученинов.

*РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 989. Л. 1–1 об. Подлинник.
Подпись — автограф.*

№ 33

[1743 г. августа 18 — ноября 17]. — Расспрос в Сыскном приказе школьника А. Адалимова о совершенных им «мошенничествах».

(Л. 2) И по вышеписанной помете приводной человек школьник в Сыскной приказ принят и роспрашиван.

А в роспросе сказал: Алексеем ево зовут Николаев сын, прозвище Адалимов. От роду тринадцатый лет. Отец де ево, Михайла Никитин сын Адалимов, был Монастырского приказу подъячей, и тому ныне пятой год оной ево отец умре. И после смерти отца своего он, Алексей, жителство имел с матерью своею Марфой Ермолаевою дочерью за Арбацкими вороты в приходе церкви Неопалимая купины в наемной избе, а у какого человека, не

знает. И тому ныне недель з дватцать он, Алексей, записался для учения в Гварнизонную школу, в которой и жителство имеет, во оной же школе, и поныне, а учил он, Алексей, часослов. И тому ныне недель з десять, как он, Алексей, стал мошенничать один: на Красной площади, и в рядах, и у Москворецких ворот, у Соляного ряду вынимал разного чина у людей ис карманов ножи и приносяю с ним бритвою отрезывал у деревенских мужиков ножи в ножнах, и прорезал у одного мужика мешек, вынял денег два алтына. А сколько он, Алексей, обрезывал и вынимал ис кормана ножей, того за множеством не упомнит, понеже мошенничает недель з десять. И оные ножи продавал на площади прохожим незнаемым людем. Да он же, Алексей, знает мошенников: Ивана по прозванию Корташева, которой ево, Алексея, и мошенничать выучил, а где оной Корташев живет, не знает, да школьников человек з дватцать, которые мошенничают же, а как их зовут, не знает, токмо в лицо знает и указать (Л. 2 об.) может. А мошенничал он, ходя из школы поутру до обеден, понеже у них до обеден учения не бывает, а после обеден он, Алексей, учился с протчими в школе. И в сем роспросе он, Алексей Адолимов, сказал сущую правду.

Помета: Сей роспрос означенному Алексею Адалимову чтен пред присутствующими, и он, Адалимов, утверждался на сих роспросах. В должности секретаря Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 989. Л. 2–2 об. Подлинник.

№ 34

1743 г. августа 22. — Извет доносителя Сыскаго приказа И. Каина на пойманных им на Красной площади «мошенников» А. Емелина и Д. Злобина.

Помета: (Л. 3) № 896. Подан августа 22 дня 1743 года.

1743 августа 21 дня в Сыском приказе являющейся доноситель Иван Каин извещал словесно: сего де числа ходил он для сыску воров и мошенников, и в городе на площади поймал он мошенников дву человек: Болшаго суконного двора ученика Алексея Емелина, Гварнизонной школы ученика Дмитрия Злобина, которые в разных местах мошенничают, и оных объявляю при сем извете.

Подпись: К сему извету подъяческой сын Григорей Полозов вместо вышеписанного Ивана Каина руку приложил.

Пометы: Записать в книгу, взять по повытью, приводных, приняв, отдать под караул, и против сего извету в мошенничествах роспросить обстоятельно, и на кого будут показывать какой оговор, и тех оговорных, сыскивая, спрашивать, и в спорных словах давать очные ставки / Слушано февраля 29 дня 1744 году.

Подписи: Князь Яков Коропоткин / Семен Любученинов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 989. Л. 3. Подлинник.

№ 35

[1743 г. августа 22 — ноября 17]. — Расспросы в Сыском приказе фабричного А. Емелина и школьника Д. Злобина о совершенных «мошенничествах».

(Л. 4) И по вышеписанной помете означенные приводные в Сыской приказ приняты и спрашиваны порознь.

А в роспросе первой сказался: Алексеем ево зовут Васильев сын прозвище Емелин. От роду ему тридцать лет. Отец де ево, Василей Иванов сын, был лейб гвардии Преображенскаго полку салдат, и тому ныне лет с тридцать оной отец ево умре, а он, Алексей, после отца своего остался в малых летех, и жил с матерью своею Устиньею Ивановою дочерью в Преображенской слободе в своем дворе. И тому ныне лет с семнатцать, а подлинно ска-

зять, не упомнит, записался он на Большой суконной двор в прядилщики, и жил на том Суконном дворе при работе. И тому ныне шесть лет он, Алексей, женился дворцоваго записного каменщика Андрея Гаврилова на дочери ево Акулине Андреевой, с которой жил в доме онаго тестя своего, которой живет в Екатерининской слободе своим двором. И сего августа 21 дня ис показаннаго Большаго суконнаго двора ходил он, Емелин, к Моисеевским богоделням для покупки себе лаптей и шел обратно на тот Суконной двор, и как он будет близ Моисеевских богоделен, и в то время, увидя ево доноситель Иван Каин и, взяв, привел в Сыскной приказ. А он, Алексей, нигде ни с кем не мошенничал и мошенников никого не знает, тако ж и на воровствах и на разбоях нигде не бывал, и воров и мошенников никого не знает, и в сем роспросе он, Емелин, сказал сущую правду.

(Л. 4 об.) Он же, Алексей Емелин, явился подозрителен — бит кнутом. А показал, что де тому ныне шестой год летом, а о которую пору, не упомнит, как он был на том Суконном дворе при работе, напился пьян и подрался той же фабрики с суконщиком Иваном Осиповым, и в той драке кричал слово и дело ложно, и в том содержался в Тайной канторе десять дней, и, по следствию, за ним того не явилось, и потом ис той Тайной канторы прислан для наказания на помянутую фабрику, при которой ему, Алексею, за показанное слово и дела ложное сказывание учинено наказание кнутом. А кроме нигде в приводах не бывал. А ростом он, Алексей, средняго, лицом круглолиц, глаза карие, волосы темно русые, борода небольшая.

(Л. 5) А по справке в Сыском приказе по делу доносителя Ивана Каина приводные мошенники, которые посланы в сылку, а имянно беглой полковой погонщик Алексей Соловьев, суконщик Афонасей Сталярев, которые в роспросех и с розысков винулись в мошенничестве, и на означеннаго Алексея Емелина показали, а имянно:

Алексей Соловьев сказал, что де он, Соловьев, знает разных чинов людей, которые ходят по разным местам,

мошенничают и грабят людей, а имянно Болшого суконного двора ученик Алексей Емелин с товарищи.

Афонасей Сталарев сказал, что де он с товарищи, Михайлою Жужлою, Иваном Куваевым, Иваном Мотылевым, Алексеем Емелиным мошенничали на Каменном мосту и по празнику в крестное хождение вынимали разнаго чина у людей ис карманов платки и денги.

Второй человек в роспросе сказался: Дмитрием ево зовут Иванов сын по прозванью Злобин. От роду ему четырнатцать лет. Отец де ево, Иван Злобин, был Ингермоланскаго пехотнаго полку салдат, и тому года с три оной отец умре. А он, Дмитрий, записался в Гварнизонную школу и был в той школе один год. А ис той школы за непонятем наук отослан с прочими, всего сто человек, для науки слесарнаго мастерства в Тулу, и был в том городе Туле у того слесарнаго мастерства два года под командою брегадира Андрея Ведениктова сына, а прозвания не упомнит, и получал с протчими жалованье и провиант. И в нынешнем 743-м году июля в первых числех ис того города Тулы он, Дмитрей, бежал один и пришел в Москву того ж июля в осмы день в празник Казанские (Л. 5 об.) Пресвятые Богородицы и, пришед, начевал близ той Гарнизонной школы в городской стене две ночи. А на третей день он, Дмитрей, написал себе доношение, чтоб ево определить в военную службу, и оное доношение подал в Военной канторе. И в той канторе то доношение у него не приняли, а отослали ево, Дмитрия, в Гварнизонную школу для содержания под караулом, доколе об нем ис показанного города Тулы справка прислана будет. И в той школе он, Дмитрей, под караул и отдан, в которой содержался и по приводе ево. И ис той школы он, Дмитрей, ходил за поруками имеющагося при той школе капрала Романа Михайлова и, отходя от той школы, он, Дмитрей, не имея себе пропитания, ходил на площадь и мошенничал один — вынимал разнаго чина у людей платки бумажные и крашенинные, а сколько щетом, не упомнит, и продавал те платки разным прохожим людям, а кому

имянно, не знает, и сколько за которой платок взял, того не упомнит же. А кроме того он, Дмитрий, ни с кем не мошенничал и воровских людей и мошенников никого не знает, и в сем роспросе он, Дмитрий, сказал сущую правду. Грамоте и писать не умеет. Он же, Злобин, в прошлом 742-м году приведен был в Сыскной приказ доносителем Иваном Каином в побеге из школы и отослан в помянутую школу по прежнему.

Пометы: Сии роспросные речи Алексею Васильеву сыну Емелину, Дмитрию Иванову сыну Злобину чтены пред господами присутствующими, и он утверждались на сих роспросех. В должности секретаря Сергей Попов / А по справке з делом означенного Емелина в 742-м году по многим посылкам не было сыскано. Протоколист Петр Донской.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 989. Л. 4–5 об. Подлинник.

№ 36

1743 г. сентября 16. — Извет доносителя И. Каина на пойманного им на Красной площади «мошенника» С. Зотова.

Помета: (Л. 11) № 988. Подан сентября 16 дня 1743 году.

1743 году сентября 15 дня в Сыском приказе являющейся доноситель Иван Каин извещал словесно: сего де числа ходил он для сыску воров и мошенников, и в городе на площади поймал он школьника Сергея Зотова, (который) в разных местах мошенничает, и, оного Зотова, взяв, привел в Сыскной приказ и объявил при сем извете.

Подпись: К сему извету Сыского приказу пищик Матвей Атарской вместо вышеписанного Ивана Каина по ево прошению руку приложил.

Помета: Записать в книгу по повиытью, приводного, приняв, отдать под караул и роспросить обстоятельно и, по роспросе, с прописанием указов доложить.

Подписи: Князь Яков Кропоткин / Егор Непеин / Афанасий Съгин.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 989. Л. 11. Подлинник. Подписи — автографы

№ 37

[1743 г. сентября 16 — ноября 17]. — Расспрос в Сыском приказе школьника С. Зотова о совершенных им «мошенничествах» и его товарищах.

(Л. 12) И по вышеписанной помете^а означенной приводной в Сыской приказ принят и роспрашиван.

А в роспросе сказала: Сергеем ево зовут Федоров сын, прозвище Зотов³⁵. От роду ему 12 лет. Отец де ево был Федор Иванов сын Зотов, был Астраханского полку салдат, и тому лет з десять оной^б ево отец умре. И после смерти отца он, Сергей, жил у тетки своей родной, салдацкой жены Натальи Яковлевой дочери. И тому ныне пятой год ево, Сергея, бабка ево родная отдала для учения в Варварскую школу, которой учился и живал в той школе и поныне. И, тому ныне з год, он, Сергей, той же школы с школьниками с салдацкими детми Васильем Крепким, Федором Зоворум, Алексеем Адалимовым, Алексеем Михайловым, Никитою Филиповым, Ильей Собольщиковым, ходя ис той школы, мошенничал и по сей привод: в Успенском соборе, и в Чюдове монастыре, и на Красной площади, и в редах, и в крестных хождении вынили разного чина людей ис карманов платки, и кошелки з денгами, и ножи, а во сколько поймов, за множеством сказать не упом-

³⁵ О Сергее Зотове см.: Акельев А.В. Повседневная жизнь воровского мира... С. 209–232.

нит, и оное краденое продавали на Красной площади прохожим людям, а кому поимянно, не знает. Они ж поймов з десять продавали краденная ж платки драгунской жене Анне Осиповой по прозванию Жирнихе заведомо, а более того никому не продавали, а за сколько ценою кому что продавали, того сказать не упомнит же. А вышеупоминаемые школьники Крепкой, Зоворуев, Адалимов, Михайлов, Филипов, Саболшаков имеются и поныне в той в Варварской школе. А окроме того он, Сергей, ни с кем нигде не мошенничал, и на воровствах нигде не бывал, и воров (Л. 12 об.) и воровских пристаней нигде не знает, и в сем роспросе он, Сергей, сказал сущую правду.

Помета: Сей роспрос означенному Сергею Зотову чтен пред присудствующими, и он, Зотов, утверждался на сем роспросе. В должности секретаря Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 989. Л. 12–12 об. Подлинник.

Примечание: ^а Приписано на полях. ^б В ркп. ошибочно: атой.

№ 38

1743 г. декабря 10. — Извет доносителя И. Каина на пойманных им Д. Артемьева, А. Хахулина и Д. Кутилина, обвиняемых в грабеже посадского человека.

Помета: (Л. 1) № 1557. Подан декабря 10 дня 1743 году.

1743 году декабря 10 дня в Сыском приказе являющейся доноситель Иван Каин извеждал словесно: сего де числа приходил к нему из Яфотного ряду купец, а как ево зовут, и где живет, не знает, и сказывал ему, что де ево ограбили Болшаго суконного двора ученики Данила Артемьев, Александр Семенов сын Хахулин, да Красноселской слободы посацкой Дмитрий Кутилин, а грабежем у него взяли денег тридцать один рубль, и просил ево, Каина, чтоб тех грабителей ево сыскать. И он, Каин, по прозбе того купца

показанных Данилу Артемьева, Александра Хахулина и Дмитрия Кутилина, поймав, привел в Сыскной приказ.

Подпись: К сему извету подьяческой сын Михайло Рыпкин вместо доносителя Ивана Каина по ево прошению руку приложил.

Помета: Записать в книгу, взять к делу, приводных, приняв, отдать под караул и против сего объявления роспросить порознь и, по роспросам, (Л. 1 об.) ежели учиница спор, давать очные ставки и с прописанием указов доложить неукоснительно.

Подписи: Князь Яков Кропоткин / Егор Непеин.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1033. Л. 1–1 об. Подлинник. Подписи — автографы.

№ 39

[1743 г. декабря 10 — 1744 г. октября 26]. — *Роспросы в Сыском приказе фабричных Д. Артемьева, А. Хахулина и Д. Кутилина о грабеже посадского человека.*

(Л. 2) И по вышеписанной помете оные приводные в Сыскной приказ приняты и роспрашиваны порознь.

А в роспросе первой сказал: Данилою ево зовут Артемьев сын прозвище Беляцкой. От роду ему дватцать девять лет. Отец де ево, Артемей Андреев сын, был Екатерининской слободы посацкой, и жил он, Данила, при оном отце своем в Пушкарской слободе в наемном углу. И, тому ныне дватцать лет, он, Данила, записался на Большой суконной двор в ученики, на котором имелся и по сей привод, и жил на оной фабрике при работе. И сего декабря седмаго дня был он, Данила, по сему делу у доносителя Ивана Каина в гостях, и от него, Каина, из дому пошел и пришел на фартину, что в Зарядье, на котором прилучились быть приводные с ним Александр Хахулин, Дмитрий Кутилин. И он, Данила, на той фартине выпил вина на две копейки, и с той фабрики он, Данила, пошел было на

показанную фабрику, и, как он ис той фартины вышел, и усмотрил близ той фартины приехал незнаемо какого чину человек, по видимому посадкой, которой весма был пьян, и в то ж время ис той фартины вышли и помянутые Дмитрией Кутилин, Александр Хахулин, и оной Дмитрией, пришед к тому пьяному человеку, и стал с ним незнаемо что говорить, и потом махнул к нему, Даниле, рукою, чтоб и они к нему пришли, и он, Данила, с показанным Александром Хахулиным к тому Дмитрию и к оному человеку и пришли, и оной Дмитрией сказал им, что де он приметил у того пьяного человека за пазухою денег немало, и что б де как можно (Л. 2 об.) те денги у того человека вынуть, и с согласия их оной Дмитрией показанные денги у того пьяного человека и вынул. И потом оной человек от той фартины поехал к Варварским воротам, а он, Данила, с теми денгами пришли близ Лубянки, и на Москве реке у струга оные денги сочли, которых явилось рублевою манетою тритцать один рубль, и оные денги они трое розделили, а имянно: он, Данила, да Дмитрией Кутилин взяли одиннатцать рублей, а Александре Такулину они дали девять рублей. И из оных денег он, Данила, купил шубу баранью новую — дал два рубли семьдесят пять копеек, которая с ним принесена в Сыскной приказ, да два кафтана сермяжных поношенные — за один дал дватцать копеек, а за другой пятнатцать копеек, шапку — дватцать пять копеек, чулки — дал дватцать пять копеек, кушак — дал сорок семь копеек. Да как ево доноситель Иван Каин поймал, и привел ево в дом свой, и хотел вести в Сыскной приказ, и в то время он, Данила, за то, чтоб ево не водил в Сыскной приказ, дал тому Каину два рубли, а протчие досталные денги он, Данила, до поимки, также и при поимке ево в доме Каинове пропил на вине и харчил на разные харчи. И сего декабря десятого дня оной Каин, взяв ево, привел в Сыскной приказ. А он де, Данила, акроме вышеписанного на воровствах и на разбоях нигде не бывал, и воровских людей никого (Л. 3) не знает, и в приводах нигде не бывал, и в сем роспросе он, Данила, сказал сущую правду. Грамоте и писать не умеет.

Второй человек в роспросе сказал: Александром ево зовут Алексеев сын Такулин. От роду ему дватцать пять лет. Отец де ево Алексей Прокофьев сын был вотчины Троицы Ипацкого монастыря, что в Костроме, села Бабина крестьянин, [и жил] оной отец ево в Москве от одного монастыря на оброке за Москвою рекою церкви Успения Пресвятыя Богородицы, что в Кожевниках, на наемной поповой земле своим хоромным строением, и он, Александр, родился в Москве. И тому ныне лет с дватцать оной отец ево умре, а он остался с матерью своею Татьяною Игнатъевою, и оное хоромное строение продал и переехал жить в Овчинники, и живет он, Александр, с матерью ево в доме бабки своей родной салдацкой жены вдовы Прасковьи Степановой в углу по свойству без записи. И тому ныне осмой год он, Александр, записался на фабрику Андрея Еремеева в ученики, и определен в канторщики, при которой работе имелся и по сей привод. По сему делу приводных с ним Данилу Артемьева, Дмитрия Кутилина он, Александр, (Л. 3 об.) знает потому, что де оной Данила Большаго суконного двора ученик, а з Дмитрием Кутилиным наперед сего торговал вместе яблоками. И до сего приводу дня за три ходил он, Александр, в город Китай на фартину, что словет в Зарядье, для питья вина, и в то время прилучились быть на той фартине и помянутые приводные с ним Данила Артемьев, Дмитрей Кутилин, и оной Артемьев стал ево, Александра, звать в город для гуляния, и все они трое ис той фартины вышли. И в то время к той фартине приехал на извозчике незнаемо какого чину человек, по видимому посацкой, весьма пьян, и оные Данила Артемьев, Дмитрей Кутилин, пришед к тому человеку, и сели на сани, а потом призвали и ево тут же, и оной Дмитрей вынул в холстинном мешечке денег рублевою манетою тритцать один рубль, и с теми денгами пришли они близ Лубянки, на Москве реке у струта те денги розделили, ис которых оные товарищи ево дали ему, Даниле, девять рублей, а себе оные товарищи ево взяли по одиннатцати рублей. И, пришед на той Лубянке на кружале, и, покупая на те денги, пили вино, и пиво, и мед.

И он, Александр, на те денги купил себе шубу баранью новую — дал два рубли, шапку суконную зеленую — дал девяносто пять копеек, чулки — дватцать семь копеек, да ис тех же денег он, Александр, идучи дорогою, потеряль рубль пятьдесят копеек, а достальные все пропил и исхарчил на разные харчи. И сего декабря десятого дня, пришед к нему в жителство ево (Л. 4) доноситель Иван Каин и, взяв ево, Александр, привел в Сыскной приказ. А он де, Александр, кроме вышеписанного на воровствах и на разбоях, также и в приводах, нигде не бывал и воровских людей никого не знает, и в сем роспросе он, Александр, сказал сущую правду.

Третей человек в роспросе сказал: Дмитрием ево зовут Родионов сын, прозвище Кутилин. От роду ему дватцать восемь лет. Отец де ево, Родион Иванов, тако ж и он, Дмитрий, московского купечества Красноселской слободы посацкие. И тому ныне лет с пятнатцать оной отец ево умре, а он, Дмитрий, отцовской двор, которой имелся в приходе церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы, что на Берешках, продал дворцовому подьячему, а как зовут, запамятовал, и пришел Вологоцкого пехотного полку, которой в том время был в Москве, к полковому попу Василью Леонову в работники из найму по рублю на месяц без записи, и жил у того попа с данным от Московскоя ратуши пашпортом в Москве одно лето. И как оной полк пошел в поход под Ачаков, и оной поп, взяв ево, Дмитрея, с собою, и жил он, Дмитрий, у того попа в армии четыре года. А потом, от того попа отшед, жил при армии, торговал всяким харчем. И тому ныне другой год он, Дмитрий, пришел в Москву и жил за Москвою рекою в приходе церкви Преподобного (Л. 4 об.) Варлаама в доме Журавлевой фабрики суконщика Прохора Вечерника, которой ныне содержится в Сыском приказе, без записи, а пропитание он, Дмитрий, имел работал при церкви Николая Чудотворца, что словоет Заяцкого, толкли извесь, и другую работу работал. И до сего приводе дня за три пришел он, Дмитрий, в город Китай на кружало, что в Зарядье. На том кружа-

ле прилучились быть приводные с ним Данила Артемьев, Александр Кутилин, и он, Дмитрий, выпил на свои денги вина с полушкою на копейку, и с того кружала с теми Данилою и Александром вышел. И в то время к тому кружалу приехал на извошике незнаемо какого чину человек, по видимому посажкой, весьма пьян, и он, Дмитрий, вместе с показанным Данилою пришли к тому человеку, которой сидел в санях, и они близ того человека на тех санях сели, и усмотрели у того пьяного человека за пазухою в холщевом мешечке денги, и оные денги он, Дмитрий, у того человека из запазухи вынял, которых по щету явилось тридцать один рубль, и обще те денги с показанныи приводными, с ним, Данилою Артемьевым, Александром Кутилиным разделили, а имянно он, Дмитрий, взял одиннадцать рублей, а Данила Артемьев то ж число, Александр Кутилин дали девять рублей. И помянутые денги он, Дмитрий, пропил на вине и исхарчил на разные харчи. И сего декабря десятого дня, пришед в показанное жилище ево, взяв ево, Дмитрея, привел в Сыскной приказ. А окроме вышешписанного он, Дмитрий, на воровствах, и на разбоях, и в приводах (Л. 5) нигде не бывал, и смертных убивств не чинивал, и в сем роспросе он, Дмитрий, сказал сущую правду. Грамоте и писать не умеет.

Помета по листам: Сии роспросные речи Даниле Беляцкому, Александру Такулину, Дмитрею Кутилину чтены, и они утверждались на сих роспросех. В должности секретаря Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1033. Л. 2–5. Подлинник.

№ 40

1744 г. марта 6. — Извет доносителя И. Каина на пойманного им «мошенника» И. Стрельникова.

(Л. 1) № 334. Подана марта 6 дня 1744 году.

1744-го году марта 6 дня в Сыском приказе явшей доноситель Иван Каин сказал: сего де марта 1 дня ходил

он, Каин, на Ивановскую площадь для сыску воров и мошенников, и на той площади незнаемо которого полку афидер Николай Васильев сказывал ему, Каину, что де в Вотчинной коллегии у него, Николая, вынули мошенники досконь серебряную вызолоченую, и просил ево, Каина, ежели он, Каин, увидит на площади, как станут продавать доскань серебряную, чтоб он, Каин, поймав, объявил ему, Николаю. А о себе объявил, что он живет за Московою рекою в приходе церкви Иоанна Воиственника. И он, Каин, с той Ивановской площади ходил на Красную площадь на Жемчужной перекресток и спрашивал выжежника Михаила Никитина, которой напредь сего содержался в Сыском приказе, и оной Никитин сказал ему, Каину, что де сего числа продавал на площади подъяческой сын Иван Стрелков табакерку серебряную вызолочену, токмо он, Никитин, не купил. И он, Каин, оного подъяческого сына Стрелкова искал. И сего марта 6 дня оного подъяческого сына Стрелкова поймал за Яускими вороты, близ церкви Николая Чудотворца, что на Болвановке, и спрашивал ево, что он, Стрелков, на площади какую доскань серебряную продавал? И он, Стрелков, сказал ему, Каину, что он, Стрелков, доскань серебряную вызолоченую вынял в Вотчинной коллегии с мошенником Данилою Ечменевым ис кармана незнаемо у какого афидера и продал, а кому, не сказал. (Л. 1 об.) И он, Каин, взяв ево, Стрелкова, привел в Сыской приказ, и о том Сыской приказ, что повелит.

Подпись: К сей скаске Сыского приказу пищик Матвей Атарской вместо вышеписанного Ивана Каина по ево прошению руку приложил.

Пометь: Записать в книгу, взять по повытью, приводного, приняв, отдать под караул и против объявления распросить с обстоятельством и доложить / К записке отдан марта 13 дня.

Подписи: Князь Яков Кропоткин / Егор Непеин.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1048. Л. 1–1 об. Подлинник. Подписи — автографы.

[1744 г. марта 6 – 8]. — *Распрос в Сыском приказе И. Стрельникова о совершенных им «мошенничествах».*

(Л. 2) И по вышеписанной помете приводной в Сыской приказ принят и ропрашиван.

А в роспросе сказался: Иваном ево зовут Васильев сын, прозвище Стрелков. От роду одиннатцать лет. Отец де ево, Василей Петров сын Стрелков, был Полицымейстерской канцелярии подьячим, и тому сколько время, не упомнит, он, отец ево, ис той полиции отстал, и содержался в Московской губернской канцелярии в драке, и ис той губернской канцелярии отослан в геролдию, и ис той геролдии никуда к делам не определен. А жителство он, отец ево с матерью ево, Аграфеною Захарьевою дочерью, имеют за Яускими вороты в приходе церкви Николая Чудотворца, что словет на Болвановке, у купецкого человека Василья Афонасьева сына Володимерцова в наемном углу, тако ж и он, Иван, живет с ним же, отцом своим. И тому ныне недель с пять он, Иван, с отцом своим не начует, а начует он, Иван, в том же дворе в особой избе у отставного салдата Федота Иванова для того, что где отец ево живет, поставлен постой. И тому ныне год, зимою, как ево, Ивана, отец отдал учить словесному церкви Николая Чудотворца к пономарю Андрею Максимову, и от него, мастера, он, Иван, не хотя учитца, бегал, и на площади, близ питейных погребов, с веков у разных людей крал перстни и кресты медные, и продавал разным людям, а во сколько поймов, не упомнит. А потом он, Иван, спознался на площади с мошенниками Варварской (Л. 2 об.) школы школьником Сергеем Зотовым, да з башмашниковым сыном Данилою Ечменевым, и с ними мошенничал на площади, и в разных рядах, да в Вотчинной коллегии у разных людей и у господ вынимали платки шелковые и выбойчетыя, а во сколько поймов, того он, Иван, за множеством не упомнит, и оныя платки он, Иван, с теми товарищци продавали

на площади торговке салдацкой жене Григорьевой дочери, а как ей имя, не упомнит, тако ж и где живет, не знает, брали за всякой платок по гривне и по пяти копеек, а продавали ей заведомо, что краденья. И тому ныне месяца с три он, Иван, один ходил в Вотчинную коллегию для мошенничества, и в той Вотчинной коллегии он, Иван, вынял незнаемо у какого афицера ис кафтанного кармана доскань медную с табаком и, вынув, ис той табакерки табак выкинул и принес на площадь, и тое табакерку он, Иван, продал шапошнику Игнатью, а чей сын, не знает, которой торгует мускими шапками в овощном ряду на ларях, взял у него дватцать копеек, а продал ему заведомо, что краденая. Он же, Иван, тому ныне шестой день, а имянно в четверток, на Ивановской площади сошелся с товарищем Данилою Ечменевым, и с ним, Данилою, он, Иван, ходили в Вотчинную коллегию для мошенничества, и в той коллегии оной Данила усмотрил незнаемо какого афицера, а как зовут, не знает, вынял ис кармана кафтанного табакерку серебряную вызолоченую, и из нее (Л. 3) нюхал табак, и положил в корман по прежнему, и того афицера ему, Ивану, он, Данила, указал. И он, Иван, у того афицера ис кармана оную серебряную табакерку вынял, и с тою табакеркою он, Иван, из Вотчинной коллегии ушел, а оной Данила остался в Вотчинной коллегии. И, пришед он, Иван, на площадь, тое табакерку продал вышписанному шапочнику Игнатью, взял один рубль дватцать копеек, а продал ему заведомо, что краденая, и оные деньги все исхарчил. Вышписанной же товарищ ево Данила сказывал ему, Ивану, что де он, Данила, в Вотчинной коллегии незнаемо у какого человека вынул ис кармана деньги два рубля пятнатцать копеек. А окроме де того он, Иван, других мошенников никого не знает, и на других воровствах он, Иван, нигде не бывал. А сего числа он, Иван, из дому, где он живет, вышел на улицу у церкви Николая Чудотворца, что на Болвановке, и на той улице, увидя ево явшею доносителем Иван Каин, и, незнамо по какому признанию, ево, Ивана, поймал и привел в Сыскной приказ. А грамоте и писать он, Иван, не умеет, и в сем роспросе он, Иван, сказал сущую правду.

Помета: Сей роспрос означенному Стрелкову чтен пред господами присутствующими, и он, Стрелков утверждался на сем роспросе. В должности секретаря Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1048. Л. 2–3. Подлинник.

№ 42

1744 г. января 14. — Распрос беглого из ссылки «мошенника» М. Цыганова о совершенном им побеге.

(Л. 2) И сего генваря 14 дня присланные из Главной Полицмейстерской канцелярии в промемории допросныя речи вышеобъявленному колоднику Матвеем Цыганову³⁶ пред присутствующими в должности советника калезским ассесором Петром Богдановым, ассесором Егором Непениным чтены, и оной Цыганов на присланном ис полицы допросе не утверждался, в чем роспрашиван в пополнение.

А вышеобъявленной колодник Матвей Цыганов в Сыском приказе в пополнительном роспросе показал, что де отец ево, Гаврила Самойлов сын Цыганов, Суконного двора суконыйщик компанейщика Ефима Кирилова сына Болотина, которой де отец ево работает на том дворе и поныне. А он, Матвей, работал же на том Суконном дворе при отце своем по семьсот четыредьдесят второй год, и в тот же год, после праздника Рожества Христова, спустя недели з две, взят он, Матвей, был с того Суконного двора в Сыской приказ доносителем Иваном Каином (Л. 2 об.) в грабеже им, Матвеем, ночным временем на Пятницком мосту с прохожева человека шапки, да рукавиц, в чем он, Матвей, в роспросе и с одного розыску винился, и держался он, Матвей, под караулом недель з девять. А то дело было в повыгье протоколиста Петра Донского. И в том же 742-м году по определению Сыского приказу он, Матвей,

³⁶ О Матвее Цыганове см.: Акельев А.В. Повседневная жизнь воровского мира... С. 188–196.

за грабеж с прохожева человека шапки и рукавиц со учинением наказания кнутом послан он, Матвей, с протчими колодники в сылку в Оренбурх, в котором он с протчими ссылочными колодниками был он в работе года с три. И в нынешнем 1744-м году в апреле месяце ис того Оренбурха он, Матвей, с протчими ссылочными колодниками, всего одиннатцать человек, бежал, и, по побеге, (Л. 3) дорогою начевывали они в разных вотчинах у крестьян не заведомо, что они бежали из сылки, а сказывали они о себе, что они работные люди, кормился Христовым именем, а заставы де проходили они ночным временем. И пришел он, Матвей, с означенными беглыми ссылочными в город Синбирск, и в том городе Синбирске оные товарищи ево от него, Матвея, отстали, а куды они пошли, и где ныне, того он, Матвей, не знает. И тому ныне другая неделя ис того города Синбирска пришел он в Москву, и, по приходе в Москву, он, Матвей, ни у кого житьем не живал, потому что де бес писменного виду никто ево, (Л. 3 об.) Матвея, жить не пускал, а начевывал он все в разных ямских слободах в овинах, а как тех хозяев зовут, он не знает. И сего декабря 1 дня, как он, Матвей, шел на Покровскую болшую улицу для смотрения иллюменации, которою он, Матвей, и смотрел, и после того смотрю пошел было он для начевания в Переславскую Ямскую слободу, и, как де будет он промеж Покровских и Яуских ворот, и в то время, нашед на него, Матвея, дозорные десятицкие, и, взяв ево, також и мимошедших дву человек, а как их зовут, и каких чинов люди, не знает, которые де, те мимохожая люди, от тех дозорных ушли, а куды, и где ныне, не знает, а ево де, Матвея, тот дазор, взяв одного, (Л. 4) отвели в съезжей двор, с которого отослан он в Главную полицью, а ис полицы прислан он, Матвей, в Сыскной приказ. А что де он, Цыганов, в Главной полиции в допросе показал, якобы он по всемилостивейшему ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указу ис той сылки свобожен и дан ему из Оренбурха паспорт, с которым он дошел до Нижняго Новагорода, и в том городе оной паспорт в пьянстве утратил, и то де он показал в той поли-

цьи напрасно для того, чтоб ево, Матвея, ис той полицьи свободить. А во время того побегу он, Матвей, идучю дорогою, на воровствах и на разбоях нигде не бывал и воровских пашпортов себе никаких не писывал, (Л. 4 об.) тако ж ссылочных беглых колодников, и которья с ним, Матвеем, бежали, где жителство имеют, не знает, и в сем де роспросе он, Матвей, показывает самую сущею правду.

И после роспросу он, Матвей, осматриван, а по осмотру он, Матвей, явился росту среднего, лицом смугл, шедровит, глаза карие, нос небольшой, бороды и уса нет, волосы на голове чермные. А от роду ему дватцать пять лет, холост.

Подпись по листам: К сему роспросу Коломенского полку солдат Иван Чистяков вместо вышеписанного Матвея Цыганова по его прошению руку приложил.

Помета: Пред присудствующими в должности советника пред ассером Петром Богдановым, пред ассесорами Егором Непеиным, Афонасьем Сытиным чтен, и при чтении утверждался на сем роспросе и ни в чем не спорил. В должности секретаря протоколист Иван Телегин.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1180. Л. 2–4 об. Подлинник.

№ 43

1744 г. декабря 30. — Извет доносителя И. Каина на пойманного им «мошенника» беглого солдата И. Харахорку.

Помета: (Л. 1) № 1701. Подан декабря 30 дня 1744 году.

1744-го декабря в 30 де(нь) в Сыскном приказе явшея доноситель Иван Каин извецал: сего де декабря 30-го дня ходил он, Каин, с салдаты для сыску воров, и уведомился он, что он за Яускими вороты живет в доме Коломенского полку капрала Любовского у десяцкого, Журавлевой фабрики ученика Леонтья Михайлова, беглой матроз Иван Харахорка, которой напред сего содержался в Сыскном приказе в

мошенничестве. И в том доме онго Харахорку взял, да при нем же взял подголовок разломаной, про которой оной Харахорка сказал, что украл с возу за Яускими вороты у монаха, а в том подголовке имеетца два платка выбойчетыя, пять гребней, ножик складной, да в дву бумагах иголки, да две рубахи, да два галстука, два писма, да изрезаная пестредь. Да с ним же, Харахоркою, взял показанного десяцкого жену Степаниду Федорову, да женку Маланью Васильеву, да салдацкую дочь девку Авдотью Иванову. И оная десяцкого жена сказывала ему, Каину, что из онго подголовка в печи сожгла писма, а какия, не сказала. И с вышеписанным поличным их предъявляю при сем извете.

Подпись: К сему извету подьяческой сын Павел Петров вместо вышеписанного доносителя Ивана Каина по ево прошению руку приложил.

Помета: Записать в книгу, взять по повытью, приносной подголовок, и что в нем имеетца, (Л. 1 об.) осмотреть, и описать, и отдать под охранение кому надлежит с роспискою, а приводных, приняв, отдать под караул и против сего извету о показанном подголовке, где взяли, роспросить с обстоятельством, и по роспросам с прописанием указом доложить неукоснительно.

Подписи: Петр Богданов / Егор Непеин / Афонасей Сытин.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1201. Л. 1–1 об. Подлинник. Подписи — автографы.

№ 44

[1744 г. декабря 30 — 1745 г. января 9]. — *Распрос беглого солдата И. Харахорки о совершенных им побегах и «мошенничествах».*

(Л. 2) И по вышеписанной помете приводныя четыре человека в Сыскной приказ с поличным подголовком приняты и роспрашиваны порознь.

А в роспросе первой сказался: Иваном ево зовут Елисеев сын Буханов^а, Харахорко он же. От роду ему дватцать лет. Отец ево, Елисей Давыдов сын Буханов, Алексеевской слободы посацкой человек. И в прошлом 741-м году летом ево, Ивана, ис показанной слободы отдали в салдаты, и определен был в Коломенской полк. И был в том полку с полгода, и ис того полку бежал, и был в бегах четыре дни, и явшим доносителем Иваном Каином пойман был в Сыской приказ. И ис того приказу отослан на криксрехт, и из криксрехта ево, Ивана, в прошлом 742-м году определили в Бакинской полк. И был в том полку з год, и ис того полку ево, Ивана, определили в матрозы в Кронштате. И тому ныне год он, Иван, ис Кронштата из матрозов бежал и пришел в Санкт Питербурх, и начевал в лесу месяца з два, и ис Питербурха пришел в Москву, и начовывал в Пушкарях в разных банях, кормился — работал на канаве. И в прошлом 744-м году летом, а о которую пору, не упомнит, он, Иван, в Москве явился в Адмиралтейской канторе, и в той канторе содержался месяца з два, ис той канторы ево, Ивана, с протчими послали в Кронштат. И з дороги из села Шоши он, Иван, бежал, и пришел в Москву за Яуские ворота в приход церкви Семиона Столпника в дом десяцкого Журавлевой фабрики ученику Леонтью Михайлову, и жил у того десяцкого (Л. 2 об.) и по сей привод тому девять дней, не заведомо, что он беглой матроз, токмо без объявления съезжаго двора. С ним же жил явшеи беглой салдат Моисей Родионов сын Попов, которой машенничает в Таганке — у приезжих мужиков крал с возов всякой хлеб и протчее. В прошлом 744-м году перед праздником Рождества Христова в сочелник от показанного десяцкого ходил он, Иван, на Яуской мост, чтоб у проезжих людей из возов украсть, что ни на есть, и в то время вечеру из за Яуских ворот по Яускому мосту ехал в Таганку незнаемо какого чину человек^б в саях на одной лошади, и он, Иван, у того человека ззади из саней кражею взял войлок белой авечей, подушку полупуховую, да три рубашки

тонкия с манжеты, два галстука, а болши того не бирал. И то все принес в дом показанному десяцкому Леонтью Михайлову, а что покрал, не сказывал. И ис показанных одну рубаху он, Иван, отдал для продажи показанного десяцкого жене Степаниде Федоровой, а она, Степанида, отдала в том же доме жилище своей Моланье Васильевой, а про то, что она рубаха краденая, она жонки не ведали, и она жонка Маланья показанную рубаху продала^в, а кому, и что денег взяла, того он, Иван, не знает, толко ему, Ивану, принесла денег за тое рубаху и отдала ему, Ивану, тритцать копеек, а войлок и подушку он, Иван, продал на Яуском мосту прохожему человеку, взял четыре копейки, а досталныя две рубахи принесены с ним в Сыскной приказ. Он же, Иван, в прошлом 744-м году после праздника Рожества Христова в святые вечера, а имянно с пятницы на субботу, поутру часа за три, ходил (Л. 3) за Яуские ворота, не доходя Вшивой горки, на Большую улицу для кражи из возов у проезжих людей, что попадетца. И по той улице от Яуских ворот в Таганку ехал незнаемо которого монастыря архимандрит, да за ним ехал в саях мужик и сидел на облuku, а те сани были перевязаны веревкою. И он, Иван, умысля, ззади у саней веревки обрезал и ис под роговой ис тех саней вытащил кражею подголовок з небольшим замком. И, украв, принес на двор показанного десяцкого и утайкою тот подголовок спрятал под крылцо, и потом вошел в ызбу. И, погода малое время, вышел из ызбы, * и тот подголовок^г ис под крылца в том же доме отнес под сенья, и у того подголовка замок сломил, и из него взял денег тритцать пять копеек, два аршина пестреди, три платка выбойчетых, ножницы новыя, шурку шелкового черного, сколько аршин, не знает, игол полторы бумашки, три прута, сургучю, да восемь гребней, книшку печатную, три калпака медныя и всякую разную мелочь, а что чего порознь, не упомнит. Ис того ж подголовка взял разныя писма, которых связано было большой сверток, а какыя, она писма, порознь, он, Иван, не знает. И показанной подголовок он, Иван, перенесши

в ызбу, отдал оногo десяцкoгo жене Степаниде Федоровой не заведомо, что краденой. Ей же, Степаниде, он, Иван, отдал вышеписанныя в свертке писма не заведомо ж, что краденья, и велел ей, Степаниде, оныя писма, как станет топить печь, бросить в печь в огонь, а бросила ль их в печь, того он, Иван, не видал, толко после того она, Степанида, (Л. 3 об.) сказывала ему, Ивану, что она вышеписанныя писма бросила в огонь, которыя и згорели, толко де он, Иван, после того усмотрел у оной Степаниды у постели два писма, которыя принесены с ним, Иваном, в Сыскной приказ, и он, Иван, взяв те два писма, отнес на Язузу реку и бросил в пролубь, которыя не утанули, и он, Иван, от пролуби у берегу зарыл в снег. И в тот же день в дом оногo десяцкoгo приходил явшей доноситель Иван Каин с салдаты и съезжаго двора с поруччиком и здесяцкими, и ево, Ивана, с показанным краденым со всем без остатку, тако ж и он, Иван, оныя спрятаные в снег два писма оным Каину, и салдатом, и поручику, и десяцким указал. А вышеписанной хозяйин ево, десяцкой, про то, что он показанной подголовок украл из возу, не ведал, и он, Иван, ему не сказывал. Тако ж приводная с ними девка Авдотья Иванова, что он, Иван, ворует, не ведала. Толко де до сего приводу за день он, Иван, со оною девкою в один поем чинил блудное дело. И с тем поличным привели в Сыскной приказ. И окроме того он, Иван, на воровствах и на разбоях нигде не бывал, и в сем роспросе он, Иван, сказал сущую правду.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1201. Л. 2–3 об. Подлинник.
Примечания: ^а В ркп. ошибочно: Бухинов ^б Приписано на полях. ^в Приписано на полях. ^г Приписано на полях.

№ 45

[1745 г. января 29] — *Распрос в Сыском приказе присланного из Московской полицмейстерской канце-*

ляри «мошенника» И. Метлы, виновном в убийстве своей жены.

(Л. 7) И по вышеписанной помете присланной из Московской полицымейстерской канцелярии колодник в Сыскной приказ принят и в смертном убийстве жены своей и в других убийствах и воровствах роспрашиван.

А в роспросе сказался: Иваном де ево зовут Авдеев сын по прозванию Метла³⁷. От роду де ему двадцать первой год. Отец де ево, Авдей Борисов, и он, Дмитровского уезду вотчины Святотроицкой Сергиевой лавры села Рождествена деревни Нечаевой крестьяня, и отец де ево, Метлы, в подушном окладе положен в той деревни, а он де, Метла, в той деревни в полушном окладе не положен, понеже отец ево привез ис той деревни в малолетстве в Москву, и жили в Москве со отцом своим за Москвой рекой в приходе церкви Николая Чюдотворца, что в Кузнецкой, в доме морскаго флота порутчика Петра Еремеева сына Арсеньева девять лет в надворничестве с поручною записью, и тому лет з двенатцать от того Арсеньева переехали, и ныне живут с отцом своим за Москвой же рекой в приходе церкви Николы ж Чюдотворца, что в Пыжеве, той церкви у диякона Василья Никитина сына на земле того дьякона своим хоромных строением по поручной же записи. И, тому осмой год, записался он, Метла, (Л. 7 об.) кампанейщиков Романа Ильина сына Журавлева с товарищи на Суконную ево фабрику в ученики, которая фабрика имеетца на Кадашевском манетном дворе по указу из Манифактур каллегии. Да тому ж пятой год он, Метла, женился: взял за Москвой же рекой, а в котором приходе, не упомнит, дворцового села коломенского крестьянина Ивана Васильева дочь ево родную вдову Парасковью Иванову дочь, которая была замужем за купецким человеком Петром Васильевым, а которой слободы, не знает, и венчались за Москвой же

³⁷ Об Иване Метле см.: Акельев А.В. Повседневная жизнь воровского мира... С. 153–167.

рекой в церкви Николая ж Чюдотворца, что словет Кузнецкой, священником Тимофеем Михайловым по венчаной памяти. И, тому года с три, приведен он, Метла, был доносителем Иваном Каином в Великой пост на второй недели в Сыскной приказ в мошенничестве, в чем он, Метла, в том мошенничестве не винулся, а держался по повытью протоколиста Петра Донского, и по наказании плетми, свобожен, отдан Свято-Троицкой Сергиевой лавры стряпчему с роспискою. И, после того спустя з год, после Троицына дни с неделю, напився он, Метла, пьян пришел в Сыскной приказ, и в том пьянстве и шумстве роспрашиван и держался недель з десять, и без наказания свобожен, и отдан (Л. 8) на Троицкое подворье с роспискою, которое дело было в повытье канцеляриста Семена Кочюкова. И, после того спустя з год же, приведен он, Метла, был в Сыскной же приказ доносителем же Каином с поличной кисой в крабеже у салдат, и по тому делу пытан трижды, и без наказания кнутом отослан в Государственную Манифактур коллегию, и отдан с роспискою, о чем значит в тех делах имянно. А сего генваря 27 дня в воскресенье был он, Метла, на показанной фабрике и ростребливал шерсть, заготовливал на дело на неделю для предения той шерсти, и пришел в показанное жителство свое к жене своей, означенной Парасковье Ивановой дочери. И, часу в другом ночи, стали они уженать: он, Метла, и жена ево, оная Парасковья, да первого Московского полку третьей роты капрал Иван Ефимов сын Елесов, да жилица их, вдова Матрена Никитина дочь. И сперва ели кашицу свиной, которая кашица была означенной жилицы ее Матрены Никитиной, а не ево, Метлы. И он де, Метла, прошал у жены своей, Парасковьи, чтоб она принесла штей своих. И она де стала отговариватца и в скорости штей не принесла. И он де, Метла, взяв (со) стола нож, которым рушают хлеб, и тем ножом, осердясь за то, что ево оная жена ево не слушает и вскоре штей (Л. 8 об.) не приносит, тем ножом в ту жену свою бросил, которым ножом востреем попало в грудь, и про-

шиб грудь, которой нож она жена ево из груди выдернула и бросила на стол, а сама села на постелю, и сидела на постели з час, и, сидя, охала, а из груди шла кровь. И, посидя, упала на лавку и умре без ысповеди и бес причастия, понеже того в скоропостижной смерти не успели. А то де он поколоние ножем учинил без умыслу в сердцах за показанное непослушание жены своей, что де видели и при том были означенные капрал Елесов и жилища Матрена Никитина, да отставной салдат Ермолай Григорьев, да жена ево Афимья Титова, да извощик жилец Степан Матвеев и жена ево Ульяна Васильева, да брата ево родного, Ивана Авдеева, жена Парасковья Федорова. А отца де ево, Метлы, родного и брата Ивана в том доме не было. И брат де ево, Иван, уведал, что то смертное убивство учинилось, пошед первой надесять каманды к сотскому Осипу Михайлову, и о том убивстве на него, Метлу, объявил. И, пришед тот сотской от рогатки с караулными, и ево, Метлу, и мертвое жены ево тело взяли и привезли на съезжей двор в первую надесять команду, и начевал ночь, и с тем мертвым жены ево телом отослали ево в Московскую полицымейстерскую канцелярию, а ис той канцелярии прислали (Л. 9) в Сыскной приказ. А нож де, которым поколол жену свою, остался в показанном жилище ево, а на съезжую был не взят. А напред сего у него, Метлы, чтоб убить до смерти показанную жену свою Парасковью ни с кем умыслу не было, и кроме вышеобъявленного на воровствах и на разбоях нигде не бывал, и кроме жены своей смертных убивств не чинивал, и воров и розбойников никого не знает, и в сем де роспросе сказал он, Метла, самую сущую правду. А грамоте де и писать он, Метла, не умеет.

Помета по листам: Сей роспрос колоднику Ивану Метле пред присудствующими ассесором Егором Непейным читан и ни в чем не спорил. Секретарь Иван Богомолов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1213. Л. 7–9. Подлинник.

№ 46

1745 г. августа 31. — Извет доносителя И. Каина на пойманных им у Покровских ворот «мошенников» В. Шапошникова и Н. Котенева.

Помета: (Л. 2) № 974. Подан сентября 4 дня 1745 году.

1745 году августа 31 дня в Сыском приказе явльшей доноситель Иван Каин извещал словесно: сего де числа ходил он, Каин, для поимки разбойников, и близ Покровских ворот усмотрел он, Каин, беглых салдата Василья Шапошникова, школьника Николая Котенева, которые в то время у проезжих людей с возу сняли кафтан серой, которых, с тем поличным поймав, он, Каин, привел в Сыской приказ и объявляет при сем извете.

Подпись: К сему извету Московской полицы копиист Сергей Селиуков вместо доносителя Каина по ево прошению руку приложил.

Помета: Записать в книгу, взять по повытью, приводных, приняв, отдать под караул и против сего извета оных приводных распросить с обстоятельством и доложить неукоснительно.

Подписи: Князь Яков Коропоткин / Егор Непеин.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1337. Л. 2. Подлинник. Подписи — автографы.

№ 47

[1745 г. августа 31 — сентября 6]. — Расспросы в Сыском приказе беглого солдата В. Шапошникова и школьника Н. Котенева о совершенных ими побегах и «мошенничествах».

(Л. 3) И по вышеписанной помете означенные приводные два человека в Сыской приказ приняты, и отданы под караул, и в чем надлежит распрашиваны.

1-й человек в роспросе сказал: Васильем ево зовут Григорьев сын по прозванию Шапошников. От роду ему шеснатцать лет. Отец ево был Григорей Петров сын Шапошников же, Садовой большой слободы купецкой человек, и в давных годех умре. И, по смерти отца своего, он, Василей, с той слободы в 740-м году, а в котором месяце не упомнит, отдан в рекруты, и, по отдаче, определен в Коломенской полк в салдаты, в котором служит в десятой роте. И сего августа 14 дня по розводу с Краснова крыльца имелся он, Василей, на карауле у Петровских ворот и стоял на том карауле три дни. И сего ж августа 17 дня к оным воротам в караулю, где он, Василей, имелся на карауле, пришла с посолского двора фабричная девка Авдотья, а чья дочь, не знает, незнаемо которого дому з боярским человеком для блудного дела, которых он, Василей, с товарищами своими, того ж полку с салдатами Николаем Голым, Семеном Мироновым и пустиаи. И в то время, пришед с Красного крыльца дозорные, и оных девку з баярским человеком ис той их караули взяли и отвели на Красное крылцо. И, убоясь, он, Василей, за то себе побои, оставя на том карауле ружье, ледунку и палаш, бежал. И ходил в Москве по разным местам и начевывал в поле^а (Л. 3 об.) у ржаных стогов, и, будучи в бегах, за Покровские ворота у Земляного города, да в Таганке из лавок у хлебников украл он два хлеба, которые и съел. И сего августа 24 дня, то есть в субботу, в вечеру в городе Китае под горою сошелся он с приводным с ним Варварской школы з беглым школьником Николаем Котеневым и пошли с ним, Котеневым, для начевания к Покровским воротам, и в то время за Покровскими вороты у мимоедущаго крестьянина ис телеги украл он, Василей, кафтан серой крестьянской, да мешечик, в котором было хлеб с солью, и с тем Котеневым близ тех Покровских ворот начевали они в печуре. И, поутру встав, пошли к Яуским воротам для продажи онога кафтана, и в то ж время, нашед на них доноситель Иван Каин, с тем поличным привел их в Сыскной приказ. А окроме того он, Ва-

силей, воровства никакова не чинивал, и в сем роспросе сказал он, Василей, сущую правду. А грамоте писать он, Василей, не умеет.

Подпись: К сему роспросу Коломенского полку салдат Андрей Кочевин вместо вышеписанного салдата Василья Шапошникова по ево прошению руку приложил.

(Л. 4) 2-й человек в роспросе сказался: Николаем ево зовут Матвеев сын по прозванию Котенев. От роду ему четырнатцать лет. Отец ево, Матвей Борисов сын Котенев же, Таболского пехотного полку отставной салдат, а он, Николай, тому ныне другой год имеется в Гарнизонной варварской школе для обучения, и жителство имел в доме оногo отца своего, которой имелся за Тверскими вороты в приходе Пимена Чюдотворца, что в Воротниках. И тому ныне пятая неделя оной отец ево тот свой двор за скудостию продал и живет в том доме в наемном углу, а он, Николай, жителство имеет во оной школе. И, живучи в той школе, той школы с учеником Сергеем Зотовым мошенничал: вынимали разных чинов у людей ис корманов платки, ножики, а во сколько поймов, того не упомнит. И сего августа 22-го дня, то есть в четверток, ис той школы он, Николай, бежал, и в городе Китае, под горою, сошелся по сему делу с приводным Коломенского полку з беглым салдатом Василем Шапошниковым и ходили с ним по разным местам, а начевывали близ Покровских ворот в печуре. И в субботу в вечеру означенной Шапошников за Покровскими вороты, близ Лесного ряду, с возу у проезжаго крестьянина снял кафтан крестьянской серой, да хлеба в мешечке малое число, и тот кафтан надел на него, Николая. И начевали с оным Шапошниковым близ тех ворот в печуре и, поутру встав, пошли к Яуским воротам для продажи того кафтана, и в то время, увидя их доноситель Иван (Л. 4 об.) Каин, взяв их с тем кафтаном, привел в Сыскной приказ. А он де, Николай, кроме означенного воровства никакого не чинивал, и в сем роспросе он, Николай, сказал сущую правду. А грамоте и писать он, Николай, не умеет.

Подпись: К сему разпросу Коломенского полку салдат Сергей Серебреков вместо вышеписаннаго Николая Катенева по ево прошению руку приложил.

Помета по листам: Сии роспросы Андрею Кочевину, Матфею Котеневу чтены пред присутствующим ассесором Егором Непеиным, и они, Кочюбин и Котенев, утверждались на сих роспросех. Секретарь Сергей Попов.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1337. Л. 3–4 об. Подлинник. Подписи — автографы.

Примечание: ^а В ркп. написано дважды.

№ 48

1746 г. февраля 19. — Извет И. Каина на «мошенника» и разбойника Г. Рыжего, пойманного им в торговых банях за Покровскими воротами по указыванию его жены Марфы Артемьевой.

(Л. 1) Помета: [Подано февра]ля 19 дня 1746 году.

[1746 году февраля 19 дня] в Сысной приказ явился доноси[тель Иван Каин и объяви]л: сего де февраля 19 дня [1746 году Суконного] двора ученика Гаврилы Рыжева [жена Марфа] Артемьева и сказала ему, что де муж ее, [Гаврила] Рыжей, которого ищут в Сысной приказе по [оговору] вора Якова Зуева, давал ей, Марфе, продавать ефес серебряной, и оная Марфа ему, мужу сво[ему, от]дала по прежнему, а где он тот ефес взял, того она не знает. И ныне оной муж ее, Гаврила, имеетца за Покровскими вороты близ Ехолова в торговых банях. [И он], Каин с салдаты, ходил в показанные [ба]ни, и в тех банях взял онога Гаврилу Рыжева, и при них [вз]ял нож складной, про которой он, Рыжей, сказал, что тот нож взял он с товарищи на Троицкой дороге розбоем с протчими пожитки у проезжаго господина. С ним же, [Ры]жим, в тех банях взял назнаемо какого чину Василья Забалдина,

Михаила Раздрогина, Ивана Авчинникова, Сидора Евдокимова, и с показанным ножом вышеписанных взятых привел в Сысской приказ.

Подпись: К сему извету Сысского приказу пищик Матвей Атарской вместо вышеписанного Ивана Каина по ево прошению руку приложил.

Помета: Записать в книгу, взять по повытью, приводных, приняв, отдать под караул и, справясь з делом, кого в чем надлежит (Л. 1 об.) роспрос[ить] с [обстоятел]ством, [и ежели] у кого учинит[ся спор], давать и о[чные став]ки, а ежели бу[дут] показывать на кого в воровствах о[го]вор, и тех оговорных, сыскивая, спрашивать, и с прописанием указов доложить. Предъявленной нож, приняв, осмотреть, и описать, и отдать под охранение, кому надлежит, с роспискою.

Подписи: Князь Яков Кропоткин / Филип Ягодынский / Егор Непеин.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1440. Л. 1–1 об. Подлинник.

Подписи — автографы.

Примечание: ^a Верхняя часть листа повреждена.

№ 49

[1746 г. февраля 19–21]. — Расспрос в Сысском приказе фабричного Г. Рыжего о совершенных им побеге, «мошенничествах» и разбое.

(Л. 2) И в роспросе первой сказался: Гаврилою ево зовут Никифаров сын прозвание Рыжей³⁸. От роду ему дватцать восемь лет. Отец де ево, Никифор Гаврилов сын, был Малых Лужников, что у Крымского двора, посадкой человек, и тому ныне лет з десять оной отец ево умре. А он, Гаврило, тому лет с семнатцать записался на Большой суконной двор и жил на том Суконном дворе.

³⁸ О Гавриле Рыжем см.: Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира... С. 196–201.

И, тому ныне лет с семь, он, Гаврила, с товарищи незнаемо какого чину Савельем Плохим, прозванием Трухаловым, а как имя, не упомнит, да з Григорьем Смазным Плохим, с суконщиком Андреяном Болваном, да Скуреброю, а как имя, не упомнит, Иваном Яковлевым, да незнаемо которого полку с салдатом Дмитрием Востряком мошеничал: на Болоте и на Каменном мосту вынимали у разных проезжих людей мешки с крупами и с овсом и всякой съесной харч, а во сколько поймов, того он, Гаврила, сказать за множеством не упомнит, и оной харч продавали разным прохожим людем. Он же, Гаврило, с показанными ж товарищи в разных торговых банях у парелщиков разных чинов у людей крали рубахи и денги, а во сколько поймов, за множеством не упомнит. Да в прошлом 745-м году в осень, а о которую пору, не упомнит вышеписанные товарищи ево Савелей Плохой, Андреяном Болван, да Михайло Таракан, да Иван Яковлев в Тверской Ямской слободе (Л. 2 об.) в торговых банях у парелщика, приезжаго человека, [а как] зовут, не знает, украли платье, в том платье взяли складни серебряныя, и оные складни вышеписанной Михайла Таракан (продал), а кому продал, не знает. Он же, Гаврило, в прошлом же 745-м году перед празни[ком] Рожества Христова с товарищи Савельем [Плохи]м, Андреяном Болваном, Иваном Яковлевым, да с салдатом Иваном Долбилиным в Всесвяцких банях, что близ Каменного мосту, у парелщика, незнаемо у какого человека, украли ис платья в черезу кражею взяли денег рублевик и гривенников семь рублей пядесят копейк, и оные денги розделили по себе. Он же, Гаврило с товарищи Савельем Плохим, Иваном Яковлевым за Москвою рекою на Крымском броду в торговых банях украли у парелщика крест серебряной, денег дватцать алтын, и оной крест товарищи ево продали, а кому имянно, того он, Гаврило, не знает. Он же, Гаврило, в то ж время с вышеписанными ж товарищи Савельем^а Плохим, Иваном Яковлевым, Андреяном Болваном, Иваном Долбилюю в Тверской Ямской слободе в торго-

вых банях украли у парелщика две рубахи пестрыя, и оныя рубахи взял себе товарищ ево Савелей Плохой за пятьдесят копеек. Он же, Гаврила, в то ж время с вышеписанными ж товарищи за Пречистенскими вороты на По-метном врашке в торговых банях у парелщика украли ис платья денег сорок алтын, и оныя денги розделили по себе. Он же, Гаврила, с товарищи в то ж время с товарищем незнаемо (Л. 3) какова чину прозвище Трухаловым за Красными вороты, близ житниц, в торговых банях у парельщика украли ис платья денег восемь алтын. Он же, Гаврила, тому ныне з год с товарищи Алексеем Емелею, да прозванием Скурреброю за Москвою рекою близ Ямской Коломенской слободы на Проломе в торговых банях у парелщика ис платья украли в черезу семь гривенников, и оныя денги розделили по себе. Он же, Гаврила, тому ныне з год с товарищи Савельем Плохим, Андреяном Балваном, Иваном Яковлевым, Иваном Долбилою за Москвою рекою на Бабьем городке в торговых банях у парелщика украли денег два рубли пяддесят копеек, и оныя денги розделили по себе. Он же, Гаврила, в прошлом 745-м году перед праздником Рожества Христова в селе Покровском в торговых банях с показанными ж товарищи у парелщика украли шапку серую русскую, да одну рубаху белую, и оное шапку и рубаху взяли товарищи ево, а ему, Гавриле, дали денег четыре копейки. Он же, Гаврила, тому ныне з год в осень с товарищи Савельем Плохим, Андреяном Болваном, Иваном Яковлевым, Иваном Долбилою за Покровскими вороты за Земленным городом в Хомутовских торговых⁶ банях у парелщика ис платья украли денег рубль пяддесят копеек, да штаны козлинные, и оныя денги розделили по себе. Он же, Гаврила, тому года с три с товарищи Савельем Плохим, да с Алексеем Мотасом, да Алексеем Емелею в Тверской Ямской слободе в торговых банях у парелщика, приезжаго человека, ис платья украли (Л. 3 об.) денег семнатцать рублей, и оныя денги розделили по себе. И как он, Гаврило, был на Каменном мосту в приходе церкви Козмы и Де-

миана, и на том мосту у него, Гаврилы, Суконного двора ученик Петр Швелом отнял грабежем денег восемь рублей. Он же, Гаврила, в прошлом 744-м году перед праздником Рождества Христова, а за сколько время, не упомнит, приходил за Петровскими вороты близ трубы, дому покойного князь Ивана Юрьевича Меншого Трубецкого человеку Якову Зуеву, и оной Зуев с товарищи, которые у него были дома, Петром Горюю^в, Матвеем Карташевым, ево, Гаврилу, звали для кражи пожитков, где попадетца, и он, Гаврила, с ними пошел. И пришли они близ Петровского монастыря к дому капитана Ивана Бабарыкина, и отперли у светлицы окошко, и в тое светлицу тем окошком влез товарищ ево Яков Зуев, и кражею им выдал перину пуховую, два балахона выбойчетыя пестрыя, две юпки шерстеныя, одна черная, другая полосатая, и то все принесли они в дом ево, Зуева, и отдали жонке Акулине Леонтьевой дочери заведомо, что краденое, а оная Акулина оную перину и платье кому продала, того де он, Гаврила, не знает, толко де оная Акулина за две юпки принесла денег тридцать копеек, и оныя денги все они обще пропили на вине. И после той кражи он, Гаврила, работал на Суконном дворе и жил на том же дворе. И тому ныне месяцев з девять, как вышеписанного товарища ево Якова Зуева поймали и привели в Сыскной приказ, и он, Гаврила, с показанного двора (Л. 4) Суконного двора бежал, и, по побеге, ночевывал он, Гаврила, под Каменным мостом, да близ Донского монастыря ночевывал в кирпичных сараях, а житьем нигде не живал. И в нынешнем 746-м году на Сырной недели в понедельник он, Гаврила, ходил в Немецкую слободу на рынок, что словоет Ладуга, и на том рынке он, Гаврила, сошелся з беглыми салдатами Иваном прозвище Стромьинским, да с Савельем, а чей сын не упомнит, и оныя Иван и Савелей звали ево, Гаврилу, на Троицкую дорогу для разбою проезжих людей, и он, Гаврила, с ними пошел. И они, Гаврила и Савелей, привели ево, Гаврилу, в селе Покровском в приходе церкви Николая Чюдотворца х крестьянину Григорью, а чей

сын, не знает, которой шинкует вином, и у него, Григорья, покупая на денги вино, пили и начевали у оного Григорья в сарае три ночи заведомо, что они воры. И от него, Григорья, он, Гаврила, с оными Иваном Стромьнским и Савельем на Сырной недели в четверток пошли на Троицкую дорогу для разбою проезжих людей. И по той дороге, за селом Ростокиным, прошед версты с три, дожидались их, оного Стромьнского, товарищи четыре человека, а как им имена, не знает. И все они, семь человек, в лесу ножом вырубил по палке, и в том же месте мимо их от Троицкого монастыря ехал, которой сказывался ассессор Яков Кирилов сын Милюков с людми тремя человеками в одних покрытых саях на трех лошадей. И он, Гаврила, с показанными товарищи оного Милюкова разбили, а разбоем у него взяли трех лошадей, дву меринов вороных, да мерина гнедого с хомутами и узды ременными, да сани, покрытые кожею, двои возжи ременные, да платья — кафтан, камзол, штаны суконныя зеленыя подбиты (Л. 4 об.) стамедом зеленым, шубу суконную алую, мех калмыцкой черной, шубу китайчетую на лисьем меху опушена пухом бабровым, камзол коженной суконной, шпагу — ефес серебряной, колцо золотое, запанку золотую, парук круглой, которой они бросили в снег, шапку бархатную красную с опушкою соболью, рукавицы замшенные теплыя, платок шелковой грезетовой, два платка бумажныя, часы серебряные, табакерку серебряную, кошелек шитой серебром, в нем денег мелких серебряных семдесят копеек, дватцать пять червонцав, нож складной, туфли желтые козловые, пуховик — наволока крашенинная синя, три подушки пуховыя, наволоки белья, одеяло метлушетое белое покрыто байкою, простыню белую, рубаху тонекую, кастрюль медную, тапор, шкатулку деревянную, в ней чай, сахар, три склянки с воткою, чайник медной, да троицкой мелкой деревянной посуды, а сколко числом, не усмотрел, да с людей сняли платья: две шубы авчинныя, епанчу василковую, да епанчу суконную песочную, двои сапоги, кушак желтой новой, нож охотни-

чей, двои рукавицы, две шапки, денег два полтинника, да мелких пять копеек. И, розбив, ево, Милюкова и трех человек, привезали на той Троицкой дороги в лесу к деревьям, и все они, семь человек, на показанных лошедях отъехали от него, Милюкова, версты з две. И оныя товарищи ево ему, Гавриле, дали денег два гривенника, да мелких серебряных дватцать три копейки, да шпагу — ефес серебряной, нож складной, и ево, Гаврилу, отпустили в Москву, а оной Иван Стромьинской (Л. 5) с вышеписанными товарищи на показанных лошедях и со взятыми пожитки поехали в дворцовую Черноголовскую волость в деревню, а как словоет, не знает. И он, Гаврила, дорогою у шпаги ефес серебряной збил палкою, а лезье переломил надвое и бросил на поле в снег, и с тем ефесом он, Гаврила, пришел в село Покровское и начевал у вышеписанного крестьянина Григорья в сарае в сене утайкою от оною Григорья. И, поутру, он, Гаврила, сошелся близ села Покровского у Ехалова мосту в торговых банях с показанными товарищи Иваном Стромьинским, да с Савельем, и сказали они, что вышеписанных лошадей и платья продали, а кому, не сказали, и с ними, Иваном и Савельем, он, Гаврила, у вышеписанного Григорья, покупая на денги, пили вино. И после того разбою он, Гаврила, ходил за Москву реку в приход церкви Воскресения Христова, что в Кодашеве, в Шелковую фабрику, а чья, не знает, и в той фабрики нашел жену свою Марфу Артемьеву, и он, Гаврила, показанной шпажной ефес одавал ей для продажи, и она, Марфа, того ефеса у него, Гаврилы, не взяла. И он, Гаврила, с тем ефесом пришел за Покровския ворота к Ехалову мосту, и у того мосту он, Гаврила, означенной ефес продал ветошникам трем человекам, прозвище Курньшу, да отцу ево, а как их и третьяго ветошника зовут, того де он, Гаврило, не знает, взял за тот ефес у них денег два рубли, а продал им заведома, что воровской, а жителство оной Курньшь с отцом своим имеет в селе Покровском у крестьянина, а как зовут, не знает, толко двор знает и укажет. И сего числа он, Гаврила, был близ

(Л. 5 об.) Ехолова мосту в торговых банях, и в те бани пришед женка ево, Гаврилова, Марфа Артемьева з даносителем Иваном Каином и с салдаты, и ево, Гаврилу, взяли и привели в Сыскной приказ. А окроме вышеписанного он, Гаврила, на воровствах и на разбоях нигде не бывал и смертных убивств не чинивал. А которыя взяты с ним в торговой бане — Озабалдин, Филат Раздрогин, Иван Авчинников, Сидор Евдокимов — он, Гаврило, не знает, и с ними на воровствах нигде не бывал, и в сем роспросе он, Гаврила, сказал сущую правду.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1440. Л. 2—5 об. Подлинник.
Примечания: ^а В ркп. ошибочно: Васильем. ^б Приписано на полях. ^в Далее написано ошибочно: Гаврилоу Рыжим.

№ 50

1746 г. июля 29. — Извет доносителя Сыского приказа Ивана Каина на пойманных им на Поварской улице «мошенников» С. Плохова и А. Болвана.

Помета: (Л. 1) Подано июля 29 дня 1746 году.

1746 году июля в 23 де(нь) в Сыском приказе доноситель Иван Каин объявил: сего де июля 23 дня ходил он, Каин, для сыску воров и разбойников, и как он, Каин, будет за Арбацкими вороты на Поворской улице, и на той улице поймал он, Каин с салдаты, Троицкой Сергиевой лавры крестьянина Савелья Плохова, да Большаго суконного двора ученика Андреяна Соколова, на которых в Сыском приказе разбойник, Суконного двора ученик Гаврила Рыжей, показал, что они с ним, Рыжим, в разных банях крали у парелщиков всякое разное платье и денги. Он же, Каин, объявил, что де показанной Савелей Плахой напред сего с ним, Каином, и з другими товарищи из Москвы ходил в четыре пойма на Макарьевскую ярмонку, и на той ярмонке в торговых банях (Л. 1 об.)

разных чинов у людей крали денги и платья, о чем де у него, Каина, и в повинном ево доношении показано имянно, и оных воровских людей привел он, Каин, в Сысской приказ.

Подпись: К сему извету Сысского приказу пищик Матвей Атарской вместо вышеписанного Ивана Каина по ево прошению руку приложил.

Помета: Записать в книгу, взять по повытью, приводных в Сысской приказ принять и, справясь по делу, распросить, и в чем учинит[ся] спор, дать очныя ставки, и, выписав из указов, доложить немедленно / К записке отдано июля 27 дня.

Подписи: Филип Ягодынский / Егор Непеин.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1534. Л. 1–1 об. Подлинник. Подписи — автографы.

№ 51

[1746 г. июля 29 — августа 4]. — *Распросы в Сысском приказе «мошенников» С. Плохого, А. Болвана, М. Таракана и Ивана Яковлева о совершенных ими кражах в торговых банях.*

(Л. 2) И по вышеписанной помете означенные приводные два человека в Сысской приказ приняты и против поданного извету доносителя Ивана Каина спрашиваны.

А в роспросех сказали. Первой человек сказался: Савельем ево зовут Прокофьев сын. От роду ему сорок шесть лет. Отец де ево Прокофей Федоров сын прозванием Ситников, а ему, Прокофью, по мирскому званию дано прозвище Плохой. Крестьяня де они ^а вотчины Свято Троицкой Сергиевой лавры ^а Бежицкого уезду села Молокова приселка Боскак, в котором и в подушном окладе положены. И в прошлых годах, а в котором подлинно, сказать не упомнит, оной отец ево умре, а он де, Плохой, по смерти отца своего остался в малых летех, на при-

мер лет девяти, а по смерти де отца своего был он в том приселке лет с семь, пас скотину, а пропитание имел по-денно у крестьян. А потом ис того Приселка з женою своею Василисою Федоровою дочерью пришел в Москву бес пашпорта, и по приходе жил в Москве за Арбацкими вороты в приходе церкви Семиона Столпника в доме Сибирского приказу подьячего Ильи Захарьева сына Злобина, наимывая собою избу по записи ис Крепостной канторы, у которого жил лет с пять, найму давал тому Злобину в год по три рубли, пропитание имел работал на Москве реке, таскал с протчими работными людми на берег лес. А от него отшед, жил в доме помещика Перфилья Иванова сына Кашинцова, которой имеетя за Арбацкими вороты в приходе церкви Николая Чюдотворца, что словет Явленской, наимывая угол, найму давал на неделю по три копейки, у которого жил лет з десять, а со объявлением ли в полицьи (Л. 2 об.) или на съезжем дворе, того он не знает, токмо бес пашпорта, пропитание имел работал на Москве ж реке, тоскал на берег бревны и дрова. А от него отшед, жил за теми ж Арбацкими вороты в приходе церкви Николая Чюдотворца, что на Песках, в доме Вотчинной коллегии ассесора Василья Иванова сына Полтева четыре года без объявления ж в полицьи и съезжаго двора и бес пашпорта, пропитание имел вышеписанною ж работою. А потом, отшед от него, жил в доме вышеписанного ж помещика Кашинцова на объявленном же дворе по сей 746-й год без объявления ж в полицьи и на съезжем дворе, и бес пашпорта. Ис того двора в два пойма летними временами ходил из Москвы один собою на Мокарьевскую ярмонку для торговли иглами, которые брал в той ярмонке у Московского купца, которой торгует в Ыголном ряду, Козмы Григорьева, у которого брал в разные числа копеек на пятьдесят и болши. А, будучи де на той ярмонке, никаким воровством не воровал и не машенничел, и в торговых банях ни у кого денег и платья не крадывал. И в 741-м де году, пришед он ис той ярмонки в Москву в дом вышепоказанного ж Кашинцова, и тем

же летом ходил на прежнее свое жилище в приселок Баскаков, а жена де ево жила в доме того Кашинцова, и жил в том Приселке з год, а потом ис того своего жилища летом паки пришел в Москву ж бес пашпорта, и жил в доме того ж Кашинцова сего 746-го году по генварь месяц. А в том генваре месяце до праздника Богоявления господня дни за два с того двора сошел и, сошед, ныне живет в доме купецкого человека Федота Макарова, которой живет за Никицкими (Л. 3) ворота в приходе церкви Вознесения Господня, которой де знаком ему по жене ево, Плахова, у которого живет и поныне бес пашпорту и без объявления в полиции и съезжаго двора. И в прошлом де 745-м году в сентябре месяце, согласясь он, Плохой, по сему делу с содержащимися колодниками Андреяном Соколовым, Михайлою Тараканом, *суконщиком Иваном Яковлевым⁶ за Тверскими ворота у Труфалных ворот в Земляном городе в торговой бане у парилщика незнаемо какова чину у человека украли одни белые порты, в которых были складни серебряные, да денег двадцать алтын, и с того де краденого оной Таракан дал им, Плохому и Соколову, тридцать пять копеек, *а суконщик Яковлев что взял, не знает⁸, а достальные денги и складни тот Таракан взял к себе, а где те складни оной Таракан девал, того он не знает, а покажет о том оной Таракан сам. В том же году перед праздником Рождества Христова, согласясь он, Плохой, по сему ж делу с содержащимися в Сыскном приказе колодники Гаврилою Рыжим, Андреяном Болваном, Соколов он же, да Болшаго двора с суконщиком же Иваном Яковлевым, да с салдатом, а как зовут, не знает, да показанным Тараканом у Каменного мосту в Сесвяцких банях, на дворе, под сараем, у парилщика, а как зовут, не знает, из шапки украли семь рублей пятьдесят копеек, которые были в черезе, ис которых взял он себе два рубли. В том же году зимою он, Плохой, со оными товарищи Гаврилою Рыжим, Иваном Яковлевым, Андреяном Болваном, Соколов он же, на Крымском броду в торговых банях у парилщика, а как

зовут, не знает, которой сидел (Л. 3 об.) под сараем, украли ис платья крест серебряной, да денег дватцать алтын, и те денги розделили по себе, а крест де продали близ Каменного мосту на Москве реке незнаемо чьему проезжему крестьянину, за которой взяли денег семь алтын з деньгою, и те денги розделили по себе ж. И потом на другой день он, Плохой, с показанными товарищи, Гаврилою Рыжим, Иваном Яковлевым, Андреяном Болваном, Иваном Долбилою в Тверской Ямской слободе в торговых банях у приезжаго незнаемо какова чину у человека украли две рубахи пестрые, и те де рубахи взял он, Плохой, себе, а за те рубахи дал он тем товарищам своим денег по пятьдесят копеек. А потом, тою ж зимою, согласясь он, Плохой, со оным Рыжим, Иваном Яковлевым, Андреяном Болваном на Пометном врашке в торговой бане на дворе у парилщика украли денег один рубль дватцать копеек, и те денги розделили по себе. А потом, спустя дни з два, согласясь он, Плохой, со оными Гаврилою Рыжим, Иваном Яковлевым, Андреяном Болваном за Москвою рекою, близ Ямской Коломенской слободы, на Проломе, в торговых банях у парилщика ис платья украли через з денгами, в котором были одни гривенники, а сколко числом, того он не знает, для того, что те денги крал вышеписанной суконщик Иван Яковлев, и ис тех де денег дали ему толко двенатцать копеек. Да тому близ года со оными ж товарищи, Гаврилою Рыжим, Андреяном Болваном, Иваном Яковлевым, Иваном Долбилою за Москвою рекою, на Бабьем городке, в торговых банях на дворе у парилщика украли денег два рубли пятьдесят копеек ис платья, (Л. 4) а из шапки или из рукавицы, того он не знает, и те денги розделили ж по себе. В том же 745-м году после праздника Рожества Христова он, Плохой, со оными Гаврилою Рыжим, Иваном Яковлевым, Андреяном Соколовым, Болван он же, в селе Покровском в торговых банях, которые имеютца в поле, на дворе у парилщика украли шапку рускую серую с околышем болшим черным, да одну рубаху белую, и ту де шап-

ку и рубаху взял он, Плохой, с товарищи за себя, а за то де товарищу своему Гавриле Рыжему дали денег четыре копейки, и, пришед, на Стретенке ту шапку и рубаху продали продали прохожему человеку, за которое за все взяли пятнатцать копеек, и те денги розделили по себе. Да тому ныне з год в осень со оными ж Гаврилою Рыжим, Андреяном Болваном, Иваном Яковлевым, а Иван Долбилов был ли, и какой он человек, не знает, за Покровскими вороты, за Земленным городом в Хомутовских торговых банях у парилщика на дворе ис платъя ис кафтана украли денег рубль пятьдесят копеек, и те денги розделили по себе, а штаны казловыя были ль, того он, Плохой, не видал. Да тому назад года с три он, Плохой, с вышереченным Гаврилою Рыжим, з беглым рекрутом Алексеем Матасом, да с суконщиком Алексеем Емелею, Андреяном Болваном, Иваном Яковлевым осенним временем в Тверской Ямской слободе в торговой бане у парилщика, приезжаго человека, ис платъя ис кафтаннаго кармана украли денег семнатцать рублей, и те денги розделили по себе, а ту де кражу чинил, как еще жил в доме помещика Кашинцова, и не из дому ходил купца Макарова. Да тому назад (Л. 4 об.) недели с полторы он, Плохой, с вышеписанными приводными с ним Андреяном Болваном, да с Михайлою Тараканом на Каменном мосту в Всесвяцких торговых банях незнаемо какова чину человека у парилщика, которой сидел на дворе, под сараем, украл он, Плохой, душагрейку китайчетую, в которой было в карманех денег три рубли пятьдесят копеек, крест серебряной, три запонки серебряные, а писма в тех карманех какие были ль, того он, Плохой, не рассмотрел, и, украв ту душагрейку и з денгами, и с крестом, и з запонками с того банного двора отдал вышеписанному Михайле Таракану, которой, взяв то краденое, пошел к Олексеевской башне в лесной ряд, и он, Плохой, с показанным Андреяном Болваном с того банного двора пришли ко оному Таракану в лесной ряд и те денги розделили по себе, ис которых взял он, Плохой, рубль дватцать копеек, да душагрейку,

а Болван взял одни денги, а Таракан взял себе крест и запонки, да денег пятьдесят копеек. А окроме де того он, Плохой, на других воровствах и на разбоях нигде не бывал, и из домов пожитков нигде не крадовал. Да еще де знает он, Плохой, воров, которые крадут ис торговых бань денги и платья незнаемо какова чину людей, а имянно: Семен Афонасьев Башмашник, Алексей Труфолов, суконщик Иван Яковлев, (Л. 5) которые живут на Стретенке, в Пушкарях, а где и в чьем доме, того не знает. И в сем роспросе сказал сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сысского приказу сторожев сын Иван Васильев вместо вышеписанного Савелья Плахова по ево прошению руку приложил.

И после роспросу он, Плохой, осматриван, а по осмотру значит токмо, что бит плетми, о котором показал: тому назад третей год держался он в Сысском приказе по приводу доносителя Ивана Каина якобы в воровстве, в чем не винился, и ево де, Плахова, в то время никакой повинки не было, а то де следующея об нем дело имелось в повытье протоколиста, что ныне в должности секретаря, Петра Иванова сына Донского, а плетми де он бит за то, что не доносили о колодниках, что собою разбивали кандалы, (Л. 5 об.) и по следствию де того дела свободен без наказания. А приметамы ростом средней, лицом продолговат, волосом рус, борода и ус светлорусая, глаза серае, на правой щеке, близ носа, бородавка.

Подпись: Канцелярист Иван Фомин.

(Л. 6) Второй человек с роспросе сказал: Андрееном ево зовут Васильев сын прозванием Соколов, а по мирскому званию Болван. От роду ему тридцать шесть лет. Отец де ево был Василей Игнатьев сын Соколов же Володимерского пехотного полку салдат, и тому лет с тридцать оной отец ево умре. А по смерти отца своего, по возрасту, он, Соколов, записался на Большом суконном дворе в ученики, при котором имеетя и поныне, пропитание имеет от работы своей. Жителство де он имеет лет з двенадцать за Арбацкими вороты в приходе Ржевской

Пресвятые Богородицы в доме маэора Якова Никитина сына Блудова по записке на съезде двора, токмо бес поручной записи. В прошлом 745-м году в сентябре месяце, согласясь он, Соколов, по сему делу с содержащимися колодники Савельем Плохим, Михайлою Таракановым, с Иваном Яковлевым за Тверскими вороты у Труфалных ворот в Земленом городе в торговой бане у парилщика, незнаемо какова чину у человека, украли одни белые порты, в которых были складни серебряные, да денег дватцать алтын, и те денги розделили по себе, а вышписанные складни серебряные взял к себе товарищ их Михайло Таракан, а где де те складни оной Таракан девал или кому продал, того он, Соколов, не знает, а покажет о том оной Таракан сам. Да в том же году перед праздником Рожества Христова, согласясь он, Соколов, по сему ж делу с содержащимися в Сыском приказе колодники Гаврилою Рыжим, Савельем Плохим, да того ж Суконного двора суконщиком Иваном Яковлевым, да с означенным Тараканом у Каменного мосту в Всесвяцких банях на дворе, под сараем, у парилщика, а как зовут, не знает, из шапки украли денег семь рублей пятьдесят копеек, которые были в черезе, ис которых взял он себе сорок алтын. Да в том же году зимою он, Соколов, со оными товарищи Савельем Плохим, Гаврилою Рыжим, Иваном Яковлевым на Крымском броду в торговых банях у парилщика, а как зовут, (Л. 6 об.) не знает, которой сидел под сараем, украли ис платья крест серебряной, да денег дватцать алтын, и те денги розделили по себе, а крест де продали близ Каменного мосту на Москве реке незнаемо чьему проезжему крестьянину, за которой взяли денег семь алтын з денгою, и те денги розделили по себе ж. А потом, на другой день, он, Соколов, с показанными ж товарищи Савельем Плохим, Гаврилою Рыжим, Иваном Яковлевым, Иваном Долбилою в Тверской Ямской слободе в торговых банях у приезжаго, незнаемо какова чину человека, украли две рубахи пестрыя, а те де рубахи взял себе товарищ их Савелей Плохой, за которые дал

им денег пятьдесят копеек, и те денги они розделили по себе. А потом тою ж зимою, согласясь он, Соколов, со оным Плохим, Гаврилою Рыжим, Иваном Яковлевым на Пометном врашке в торговой бане на дворе у парилщика украли денег один рубль дватцать копеек, и те денги розделили по себе. А потом, спустя дни з два, согласясь он, Соколов, со оными Савельем Плохим, Гаврилою Рыжим, Иваном Яковлевым за Москвою рекою, близ Ямской Коломенской слободы, на проломе, в торговых банях у парилщика ис платья украли через з денгами, в котором были одни гривенники, а сколко числом, того он не знает для того, что де те денги крал вышеписанной суконщик Иван Яковлев, и ис тех де денег дали ему толко десять копеек. Да тому близ года со оными ж товарищи Савельем Плохим, Гаврилою Рыжим, Иваном Долбилоу за Москвою рекою на Бабьем городке в торговых банях, на дворе, у парилщика украли денег два рубли пятьдесят копеек и те денги розделили по себе. В том же 745-м году после праздника Рожества Христова он, Соколов, со оными товарищи Савельем Плохим, Гаврилою Рыжим, Иваном Яковлевым в селе Покровском в торговых банях, (Л. 7) которыя имеются к полю, на дворе у парилщика, украли шапку рускую с окольшем болшим черным, да одну рубаху белую, и те де шапку и рубаху взял товарищ ево Савелей Плохой, и, пришед на Стретенке, ту шапку и рубаху продали прохожему человеку, а как зовут, и какова чину человек, не знает, за которое за все взяла пятнатцать копеек, и те денги розделили по себе. Да тому ныне з год в осень со оными ж Савельем Плохим, Гаврилою Рыжим, Иваном Яковлевым, а Иван Долбилов с ними был ли, того он не упомнит, за Покровскими вороты за Земленным городом в Хомутовских торговых банях у парилщика на дворе ис платья, ис кафтана, украли денег рубль пятьдесят копеек, и те денги розделили по себе. Да тому назад года с три он, Соколов, с вышепереченными товарищи Савельем Плохим, Гаврилою Рыжим, з беглым рекрутом Алексеем Мотасом, да с суконщиками Алек-

сеем Емелею, Иваном Яковлевым осенним временем в Тверской Ямской слободе в торговой бане у парилщика, приезжаго человека, ис платья ис кафтанного кармана украли денег семнатцать рублей, и те денги розделили по себе. Да тому назад недели с полторы он, Соколов, с вышеписанными Савельем Плохим, Михайлою Тараканом на Каменном мосту в Сесвяцких торговых банях незнаемо какова чину человека под сараем украл тоарыщ ево, Плохой, душагрейку китайчетую, в которой было в кармане денег три рубли пятьдесят копеек, крест серебряной, три запонки серебряные, а писма в тех корманах какие были ль, того он, Соколов, не видал, и, украв ту душагрейку (Л. 7 об.) з денгами, и крестом, и з запонками, с того банного двора отдал оной Плохой вышеписанному товырыщу их Михайле Тараканову, которой, взяв то краденое, пошел к Алексеевской башне, в Лесной ряд, и он, Соколов с показанным Савельем Плохим с того банного двора пришли ко оному Тараканову в Лесной ряд, и те денги розделили по себе, ис которых взял оной товарыщ ево Плохой рубль дватцать копеек, да душагрейку, а он, Соколов, взял денгами один рубль, а товарыщ их Таракан взял себе крест серебряной, три запанки, да денег пятьдесят копеек. А окроме де того он, Соколов, на других воровствах и на разбоях нигде не бывал, и из домов пожитков нигде не крадывал, и в сем роспросе сказал он сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Сыскного приказу пищик Матвей Атарской вместо вышеписанного Андреяна Соколова по ево прошению руку приложил.

И после роспросу он, Соколов, осматриван, а по осмотру явился не подозрителен, а приметами: ростом средней, волосы на голове и борода светлорусые, лицом ряб, глаза серые.

Подпись: Канцелярист Иван Фамин.

(Л. 8) И того ж числа по показанию означенных колодников Савелья Плохова, Андреяна Соколова сыскан оговорной Болшаго суконного двора ученик, и в чем надлежит роспрашиван.

А в роспросе сказал: Михайлою ево зовут Васильев сын. От роду ему дватцать семь лет. Отец де ево был Василей Федоров сын Орлова пехотного полку гранодер, прозванием Коровины, а ему, Михайле, мирское прозвание дано Таракан. И в прошлых годех, а в котором году, подлинно сказать не упомнит, оной отец ево умре, а по смерти ево остался он осмнатцати недель, о котором сказывала ему, Таракану, мать ево родная Настасья Федорова дочь. И тому лет с шеснатцать оная мать ево умре ж, точию де до смерти ее за год тою матерью ево записан он на Суконной большой двор в ученики, при котором имеется и поныне, пропитание имеет от работы своей, а живет на том же Суконном дворе. И в прошлом де 745-м году, а в котором месяце и числе, того он не знает, токмо в Филипов пост, согласясь он, Михайла, с содержащимися по сему делу колодниками Савельем Плохим, Андреяном Соколовым, Болван он же, за Тверскими вороты, у Труфалных ворот, в Земляном городе в торговой бане у парилщика незнаемо чину у человека украли одни (Л. 8 об.) белые порты, в которых были складни серебряные, а имянно образ Спаса Нерукотворенного небольшой, на нем риза серебряная кованая в киоте, в том киоте к лику затворца серебряная, да денег дватцать алтын, и с того де краденого он, Михайла, дал товарищам своим, Плохому и Соколову, денег тритцать пять копеек, а достальные денги и тот образ взял к себе. А как де он, Михайла, шел на Суконной двор, и будет за Арбацкими вороты, на Поварской улице, и в то время, в вечеру, попался ему навстречю близ фартины Коломенского полку салдат Андрей Алексеев сын Кочевин и спросил ево, Михайла, где он был, и он, Михайла, сказал ему, что был в Тверских Ямских банях, и в тех де банях с товарищами ево, по сему делу содержащимися колодники Андреяном Соколовым, Савельем Плохим, украли незнаемо какова чину у парилщика образ, которой ему и показал. И тот Кочевин оной образ у него силно отнял, и притом говорил ему, что де у него жена ево, Ульяна Иванова дочь, торгует на

площади выжигую, и она де, приценя ево, продаст, которой же образ имеется у него, Качебина, и поныне, а кому продали ль, или нет, того он не знает, и денег ему ничего не давал. Да тому назад недели с полторы он, Таракан, с вышеписанными ж товарищи ево, Савельем Плохим, Андреяном Болваном на Каменном мосту в Сесвяцких торговых банях незнаемо какова чину у человека у парилщика, которой сидел на дворе под сараем, украл товарищ ево Савелей Плохой душагрейку китайчетую с пуговицы оловянными, в котором было в кормане денег три рубли пятьдесят копеек, (Л. 9) крест серебряной, три запонки серебряные, а писем в тех карманах никаких не было, и, украв, оной Плохой ту душагрейку и з денгами, с крестом и з запонками, сошед з банного двора, ему, Таракану, отдал, и он, Таракан, взяв то краденое, пошел к Алексеевской башне в Лесной ряд, где дожидался оных товарищев своих, а потом оной Плохой и Андреян Соколов с того банного двора в Лесной ряд к нему пришли, и те денги разделили по себе, ис которых он, Таракан, взял себе денег пятьдесят копеек, да крест серебряной, три запонки серебряные, да платок бумажной пестрой, а Савелей Плохой взял денег рубль дватцать копеек, да душагрейку китайчетую, а Андреян Соколов что взял денег, того он не упомнит, и потом, на другой день, то краденое, крест серебряной, да три запонки серебряные, он, Таракан, заложил на фартине, которая имеется за Доргомиловскою Ямскою слободою на растанех целовалнику Антону Козмину на вино в дватцети копейках, о котором сказал ему, что выиграл на зерни костью, а что тот крест и запонки краденые, того ему не сказывал, а платок бумажной он, Таракан, отдал Болшаго суконного двора ученику Ивану Сергееву не заведомо ж, что краденой, за которой дал ему две копейки с половиною. А кроме того он, Таракан, на других воровствах и на разбоях нигде не бывал, и из домов пожитков нигде не крадывал, и в сем роспросе сказал он сущую правду. Он же, Таракан, показал: в прошлых годех, а в котором, подлинно не знает, тому назад

лет с пять, был он в Сыском приказе в приводе по показанию матроза Осипа, а чей сын и прозванием, не упомнит, в богомерской игре о святках на игрище, в надевании на себя деревянных харь и прочаго, за что по следствию при Сыском приказе ему, Таракану, и товарищам ево, а как их зовут, не упомнит, суконщиком же, учинено наказание, бит плетми, и освобожен с росписками. А принося де с ними деревянные хари и прочее за Москвою рекою, близ Болота, на Царицыном лугу, созданы. А то де следующея об них дело имелось у протоколиста, что ныне в должности секретаря, Петра Донского.

Подпись по листам: К сему роспросу дому подполковника Кирилы Денисьевича Сухатина служитель ево Савелей Климов вместо вышеписанного Михайла Таракана по ево прошению руку приложил.

(Л. 9 об.) И после роспросу он, Михайла, осматриван, а по осмотру явился не подозретен, а приметамы ростом средней, лицом смугл, круглолик, глаза карие, на голове волосы светлорусые, борода и ус рыжие, бреет.

Подпись: Канцелярист Иван Фамин.

1746 году августа 4 дня при чтении роспросных речей означенной Михайла Таракан, сверх повинки роспросных своих речей, в пополнение сказал: в 745-м году после праздника Рожества Христова он, Таракан, с вышеписанными товарищи Гаврилою Рыжим, Андреяном Соколовым, Иваном Яковлевым, Савельем Плохим учинил еще татбу: у Каменного мосту в Свесвяцких банях на дворе, под сараем, у парилщика, а как зовут, не знает, украли из шапки денег семь рублей пятьдесят копеек, а в череде ль были или в мошне, того он не упомнит, и те денги розделили на Орбате, ис которых взял он один рубль. А более де того он, Таракан, на других татбах подлинно нигде не бывал, и в том шлетца на вышеписанных товарищев своих Савелья Плохова с товарищи. И в сем пополнительном роспросе сказал он, Таракан, самую сущую правду.

Подпись: К сему пополнительному роспросу Сыского приказу сторожев сын Иван Васильев вместо вы-

шеписанного Михайла Таракана по ево прошению руку приложил.

(Л. 10) И сего ж 746 году августа 2 дня в Сыскной приказ приведен явшим доносителем Иваном Каином по оговору вышеписанных воров Савелья Плохова, Андреяна Соколова оговорной человек, и в чем надлежит по сему делу роспрашиван же.

А в роспросе сказал: Иваном ево зовут Яковлев сын³⁹. От роду ему пятьдесят осмой год. Отец де ево был Яков Прохоров сын прозванием Серковы, и оной де отец ево был Оружейной полаты иконописец, и в прошлых годах, а в которых, подлинно сказать не упомнит, токмо тому назад лет с сорок, оной отец ево умре. А по смерти отца своего, по возрасту, на пример лет тринадцати, записался собою на Большой суконной двор в ученики, на котором был с тридцать семь лет. И тому лет з двенатцать он, Серков, купил собственной себе двор у дворцоваго квасовара Якова Миккулина, за которой дал семь рублей. А тот де ево двор имется за Арбацкими вороты в приходе церкви Николая Чюдотворца, что в Плотниках, и в том де дворе живет он и поныне з женою своею Федосьею Козьминою дочерью, да с сыном ево Григорьем, которой записан им на тот же Суконной двор в ученики, а пропитание тот сын ево имеет от работы своей. И, тому назад лет з десять, он, Серков, с той фабрики зимним временем збежал. И, по побеге, тою зимою, он, Серков, согласясь с содержащимися по сему делу колодники Савельем Плохим, с таварыщи, с суконщиками ж, Козмою Легасом, Иваном Куваем, Афонасьем Столяренком, Михайлою Денисовым у Москворецких бань, что у Сесвяцких ворот, в торговой бане ввечеру у парилщика, незнаемо какова чину у человека, на дворе украли пару белых рубах тонких, да двой порты, да в тех же рубахах был завернут колелек коженой простой, (Л. 10 об.) в котором было денег шездесят копеек, и, покрав, пришли на Арбат,

³⁹ Об Иване Яковлеве см.: Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира... С. 167-188.

и то краденое розделили по себе, и с того де покраденого, из денег, досталось ему на пай денег десять копеек, а рубашки де и порты продали на Арbate прохожему человеку ценою за тритцать копеек, и те денги розделили по себе ж. А потом, тою ж зимою, в Великой пост, согласясь он, Серков, с означенными ж Савельем Плохим с товарищи, у банщика Якова Иванова, которой содержит торговые бани за Тверскими вороты, у Земляного городу, у Трухвалных ворот у парилщика, у рекрута, которой сидел на дворе под сараем, украли из шапки денег тритцать пять копеек и, украв, те денги розделили по себе. Со оними ж Плохим и с вышеписанными товарищи на Сивцовом врашке в торговых банях у парилщика в бане украли одну черную рубаху, которую продали прохожему человеку ценою за пять копеек, и те денги пропили на вине. В том же году летним временем, согласясь он, Серков, с вышепоказанным же Савельем Плохим, з Григорьем Смазным, с Петром Камчаткою, да незнаемо какова чину человеком, токмо прозванием Сахоровым, да с отставным салдатом Прокофьем Крымовым, с суконщиками Козмою Легасом, Иваном Куваем, Афонасьем Столяровым, Михалою Денисовым, да по сему делу с приводом, явшим доносителем Иваном Каином, ходили на Макарьевскую ярмонку для кражи в торговых банях у парилщика денег и платья, и, не дошед до той ярмонки, пришли в Нижней Новгород, и в том городе жили пять дней, и во время де того их житья, как в вечерних, так и в утренних банях по вся дни крали у бурлаков и разных чинов у людей денги и платья, а что чего в то время, и во сколько поймов, кражею взяли денег и платья, того де он, Серков, за многопрошедшим временем и за множеством тех татей сказать не упомнит. (Л. 11) А потом ис того Нижнего Новгорода пришли все обще на Макарьевскую яронку, на которую пришед, жили десять дней, и в то время на той ярмонке в торговых банях по вся дни он, Серков, со означенным Плохим и с вышеписанными товарищи, кроме объявленного доносителя Каина, как ввечеру, так и поутру в торговой бане на дворе крали у купцов и у бурлаков

денги и платья, а во сколько поймав тех краж учинили, того за множеством никак не упомнит. А доноситель де Иван Каин ходил для кражи один собою, которой, как в Нижнем, так и на той Макарьевской ярмонке мошенничал, крал разных чинов у людей ис карманов денги и платки, точию де он, Каин, той своей кражи с ними ни с кем не делил, а по торговым де баням с ними нигде для той кражи не хаживал, и они, Серков с товарищи, ис покражи своей ничего ему, Каину, паю своего не давали. И как де они с той ярмонки пошли в Москву, и в то время, по розделу, досталось ему, Серкову и всем товарищам, денег по десяти рублей и более, а платье, которое было ими покрадено з денгами, бросали в той же ярмонке на дороге, дабы де на них не было по том платье какой прилики. И, пришед, он, Серков, в Москву те денги истратил в доме своем на съестной харч, да на покупку дров и протчаго, а инья истратил идучи дорогою на съестной же харч и, покупая дорогою, пил вино. И, пришед с той ярмонки, на другой день зимою, согласясь он, Серков, со означенным Савельем Плохим, Андреяном Соколовым за Месницкими вороты за Земленным городом у Житного двора, что за Красными вороты, в торговых банях у парилщика на дворе украли денег сорок алтын, и те денги розделили по себе, ис которых объявленной Савелей Плохой взял себе шездесят копеек, а им двум дал по тридцети копеек для того, что де (Л. 11 об.) те денги крал оной Савелей Плохой один, а он, Серков и Соколов, от того банного двора стояли одоль. А потом, тем же летом, согласясь он, Серков, с вышеозначенными товарищи Савельем Плохим, Григорьем Смазным, Петром Камчаткою, да Сахаровым, да объявленным доносителем Иваном Каином ходили другой раз на Макарьевскую ярмонку для кражи в торговых банях у парилщиков денег и платья, а вышепереченныя де товарищи ево, отставной салдат Крымов, суконщик Козма Легас, Иван Кувай, Афонасей Столяренко, Михайло Денисов, с ними не ходили и на той ярмонке не были. И, не дошед до той ярмонки, пришли в город Нижней, в котором жили с неделю, и в то де время в том городе в тор-

говых банях крали по вся дни у парилщиков денги и платья, а Каин толко мошенничал. А потом на Макарьевской ярмонке, пришед, жили десять дней, и в то время по вся ж дни в торговой бане разных чинов у людей крали ж денги и платья, а что чего имянно, того за многими татбами воровства своего сказать не упомнит. Да в 745-м де году в осень, согласясь он со означенным Савельем Плохим, Андреяном Соколовым, Михайлою Тараканом за Тверскими вороты у Трухвалных ворот в торговой бане у парелщика украли белые порты, в которых были складни серебряные образ, а как во имя, не упомнит, да денег шездесят копеек, и те денги розделили по себе, а образ де взял себе Михайла Таракан. В том же году, согласясь он с содержащимися в Сыском приказе колодниками Гаврилою Рыжим, Савельем Плохим, Андреяном Соколовым, Михайлою Тараканом у Каменного мосту в торговых банях у парилщика украли денег семь рублей пятдесят копеек, и те денги розделили по себе. В том же году со оными ж (Л. 12) Рыжим, Савельем Плохим и Соколовым на Крымском броду в торговых банях украли ис платья крест серебряной, да денег шездесят копеек. В том же году со оными ж товарищи, да с Иваном Долбилою в Тверской Ямской слободе в торговых банях украли две рубахи пестря. В том же году, зимою, со оными ж товарищи Плохим, Соколовым, з Гаврилою Рыжим на Паметном вращке в торговой бане у парилщика^а украли две рубахи пестря. В том же году зимою со оными ж товарищи Плохим, Соколовым, з Гаврилою Рыжим на Паметном вращке в торговой бане у парилщика украли денег рубль дватцать копеек. А потом, спустя дни з два, со оными ж товарищи за Москвою рекою, близ Ямской Коломенской слободы, на проломе в торговых банях у парилщика украли через з денгами, в котором было гривенников сорок алтын. Со оными ж товарищи, Плохим, Рыжим, с Соколовым, Иваном Долбилою за Москвою рекою на Бабьем городке в торговых банях у парилщика украли денег два рубля пятдесят копеек. В том же году со оными ж Гаврилою Рыжим, Савельем Плохим, с Андреяном Соко-

ловым в селе Покровском в торговых банях у парилщика украли шапку рускую, да рубашку белую. Да тому з год, в осень, со оными ж Плохим, Рыжим, Соколовым за Покровскими вороты в Хомутовских торговых банях у парилщика украли денег один рубль пятьдесят копеек. Да тому года с три со оными ж Плохим, Рыжим, Соколовым, з беглым рекрутом Алексеем Мотасом, с суконщиком Алексеем Емелею в Тверской слободе в торговой бане у парилщика ис платья украли денег семнатцать рублей, а те де вышеписанныя денги делили все обще по себе. Он же, Серков, при сем роспросе сказал, что де он о воровстве своем, где, что и во сколько поймов, и с кем имянно чинил кражу денгам и платья, и в которых местех, за множеством показать не упомнит, (Л. 12 об.) на что сказал, что он с начала побегу своего с Суконного болшаго двора, тому ныне десятой год, да и по сей сего 746-го году привод ево в Сыскной приказ, сего августа по 2-е число, чинил воровства в торговых банях кражу денгам и платья во оные годы повсядневно, кроме тех дней, в которые бань не топят, не пропуская ни единого дня, тако ж и с вышеписанными Савельем Плохим, Андрееном Соколовым, Михайлом Тараканом, з Григорьем Смазным, Семеном Скуреброю в разные числа, а во сколько поймов, того за множеством сказать не упомнит, чинил воровства ж, ис которых ныне Смазной и Скуребра имеютца для вышеписанного ж воровства на Макарьевской ярмонке. А имянно де ему, Серкову, сколько он со означенными товарищи и один собою в объявленные десять лет в торговых банях чинил кражу денгам и платья, за множеством того воровства своево, имянно татеб, где и что крал, показать ему никак не возможно. А кроме вышеписанного воровства он, Серков, на разбоях нигде не бывал, и смертных убивств, и дворовых пожегов, не чинивал, и в сем роспросе сказал сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Иван Серков руку приложил.

(Л. 13) И после роспросу он, Серков, осматриван. А по осмотру явился подозрителен, бит кнутом, о кото-

ром показал: в прошлом де 740-м или 741-м году, токмо летним временем, держался он в Сыскном приказе по оговору вора Дмитрея Орленка в приеме у него краденых денег заведомо, за что по следствию бит кнутом, и по учинению того наказания свободен с роспискою, а то следующеся об нем дело имелось у протоколиста, что ныне в должности секретаря, Петра Иванова сына Донского. А приметам: ростом средней, лицом беловат, продолголик, нос прям, глаза серые, на правом глазу белмо, на голове волосы светлорусые с сединою, борода и ус седые, окладистая, неболшая.

Подпись: Канцелярист Иван Фомин.

Помета по листам: Сии роспросныя речи означенным колодником Савелью Плохому, Андреяну Соколову, Болван он же, Михайле Коровину, Таракан он же, Ивану Серкову в Сыскном приказе пред присутствующим ассесором Егором Непейным чтены, и они, Плахой, Саколов, Таракан, Серков утверждались на тех своих роспросных речах и ни в чем не спорили. Читал канцелярист Иван Фамин.

Подпись: В должности секретаря протоколист Петр Донской.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1534. Л. 2–13. Подлинник. Подписи — автографы.

Примечания: ^а Приписано на полях. ^б Приписано на полях. ^в Приписано на полях. ^г В ркп.: парщика.

№ 52

1748 г. августа 8. — Извет доносителя И. Каина на «мошеника» П. Камчатку, пойманного им на Балчуге.

Помета: (Л. 1) № 640. Подан августа 8 дня 1748 году.

1748 году августа 8 дня в Сыскной приказ пришед явльшей даноситель Иван Каин, словесно объявил: оног

де числа ходил он, Каин, для сыску и поимки воров, и разбойников, и машенников, и как он, Каин, шел за Москву реку на Балчуг, и в то число на мосту попался ему мошенник Петр Комчатка, которой как прежде сего, так и ныне ворует и мошенничает, понеже де на него, Петра Комчатку, во оном по разным повытьям в том мошенничестве от колодников имеется оговор, которого взяв, он, Каин, для следствия в том воровстве привел в Сыскной приказ.

Подпись: К сему извету Сыскного приказу пищик Матвей Атарской вместо вышеписанного Ивана Каина по ево прошению руку приложил.

Помета: Записав в книгу, взять в повытье, приводного человека в Сыскной приказ принять и в чем по делу надлежит роспросить, и, выписав из указов, доложить немедленно.

Подписи: Филип Ягодынский / Егор Непеин.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6260. Л. 1. Подлинник. Подписи — автографы.

№ 53

1748 г. августа 8. — Расспрос беглого фабричного и солдата П. Камчатки о совершенных им побегах и «мошенничествах».

(Л. 2) И того ж числа по силе вышеписанной пометы означенной колодник в Сыскной приказ принят, и отдан под караул, и в приводную книгу записан, и в чем надлежит по сему делу роспрашиван.

А в роспросе сказал: Петром ево зовут Романов сын прозванием Смирной, Закутин он же, да по мирскому званию Камчатка⁴⁰. От роду ему трицать семь лет. Отец де ево, Роман Герасимов сын Смирной, был Бутырского пехотного полку салдат, которой в давних годех умре.

⁴⁰ О Петре Камчатке см.: Акельев А.В. Повседневная жизнь воровского мира... С. 142 - 153.

А по смерти ево он, Петр, воспитан матерью своею Настасьей Лукьяновою дочерью, которая после смерти онаго отца ево вышла Парусной фабрики за матроза Степана Лукьянова сына Закутина, при котором и он, Петр, на той Парусной фабрике для обучения работы имелся. И та мать ево в давних же годах умре, а вотчим де ево имеется ныне в богаделне, а в которой, того он не знает. И по смерти де той матери ево он, Петр, имелся на той же парусной фабрике. И тому лет з дватцать содержался он, Петр, в Сыском приказе по приводу прежде бывшего доносителя Семена Караулова, а по оговору мошенника, оной же их парусной фабрики матроза Аники Федосеева сына Копца, в мошенничестве, в котором мошенничестве и он, Петр, винулся и, по следствию того дела с наказанием плетми отослан он, Петр, для определения в военную службу в Государственной военной коллегии в кантору, понеже де он в то время назвался салдатским сыном, а не той Парусной фабрики учеником. И с той канторы отослан он в Ярославской пехотной полк в салдаты того полку поручику Федору Быкову, которой имелся для приему на тот полк мундирных и амуничных вещей, и тот полк в то время имелся на линии, с которым поручником (Л. 2 об.) Быковым он, Петр, на ту линию и поехал, и, как будут в городе Казане, и в то время он, Петр, от той команды поручика Быкова из салдатства бежал, и, по побеге, пришел в Москву, и работал в Лафертовской слободе — рыли государевы каналы, а жителство он, Петр, имел в той же Лафертовской слободе близ того канала в землянках. А потом он, Петр, ходил в город для покупки себе рубашки и порток, и, как будет за Воскресенскими вороты, близ Неглинной, и в то время, нашед на него, Петра, не вем чьего дому боярской человек, а как зовут и чей сын, того он не знает, стал ево, Петра, бить, от которых ево побой, не стерпя, он, Петр, закричал на него караул, по которому кричанию как он, Петр, так и тот незнаемой человек с ним, Петром, приведены были в Московскую полицмейстерскую канцелярию, в которой в то время назвался

он, Петр, якобы вышеписанной Парусной фабрики матроз, а не беглой салдат. И ис той канцелярии он, Петр, по следствию того дела отослан был Адмиралтейской коллегии в кантору, ис которой отослан он был на Парусную фабрику, на которой и был при работе з год. А потом, тому лет з десять, он, Петр, не похотя на той фабрике при работе быть, с той фабрики бежал, и пошел он, Петр, для кражи в торговых банях платья, тако ж и вынятия разных чинов у людей ис карманов денег в Нижней Новгород. И, по приходе в тот город, сошелся он, Петр, во оном городе вотчины Святой Троицы Сергиевой лавры с крестьянином Савельем Плохим, да вотчины Борисоглебского монастыря, что в Ростове, с крестьянином Григорьем Степановым сыном Мазиным, которой жителство имел за Арбацкими вороты в приходе церкви Девяти мучеников, что близ Пресни, в доме брегадира Бухолцова, а как имя и отечество, того (Л. 3) он не упомнит, Болшаго суконного двора с учениками Иваном Куваевым, да Михайлоу Денисовым, да по сему делу с приводцом явшим доносителем Иваном Каином, ис которых означенной Каин знаком ему, Петру, потому, что мошенничал с ним вместе. И потом все пять человек ходили в том городе Нижнем для кражи разных чинов у людей ис карманов денег и платков и для кражи в торговых банях у парелщиков денег и платья, и в том городе жили пять дней. И во время де того их житъя, как в вечеренних, так и в утренних банях по вся дни крали у бурлаков и разных чинов у людей денги и платье, а что чего в то время и во сколько поймов тех татей учинили и кражей взяли денег и платья, того де он, Петр, за много прошедшим временем и за множеством воровства своего сказать не упомнит. А потом ис того Нижняго Новагорода пришли все обще на Макарьевскую ж ярмонку, на которую пришел, жили десять дней, и в то время на той ярмонке в торговых же банях по вся дни он, Петр, с означенными товарищми своими, как ввечеру, так и поутру, крали у купцов и бурлаков денги и платья ж, а во сколько поймов тех краж учинили, того он за множеством сказать

никак не упомнит. И как де они с той ярмонки пошли в Москву, и в то время по разделу досталось ему, Петру, и всем товарищам ево на пай денег по десяти рублей и более, а платье де, которое было ими покрадено, бросили в той же ярмонке на дороге, дабы де на них не было по тому какой прилики. И, пришед он, Петр, с показанными товарищи своими в Москву, и явился на показанной Парусной фабрике, при которой имелся по сей 748 год. (Л. 3 об.) А показанные де Савелей Плохов с товарищи от него отстали и куды пошли, того он, Петр, не знает. А сего 748-го году в Великой пост на третьей неделе с показанной Парусной фабрики бежал и, по побеге, пошел в Калужской уезд на железные заводы содержателя Акинфия Демидова для работы, на которых заводах он, Петр, работал недели з две по приему того заводу прикащиков Ивана Григорьева с товарищи не заведомо, что он, Петр, беглой матроз, тако ж и беглой салдат, точию бес пашпорта. А потом он, Петр, с тех железных заводов пришел в Москву в Ямскую Дрогомиловскую слободу и в той слободе у ямщика начевал одну ночь не заведомо, что он, Петр, беглой же с фабрики, тако ж как того ямщика зовут, и чей сын, и прозванием, того он, Петр, не знает, и двора того ямщика указать не может. А потом он, Петр, работал на берешках: таскал на берег из Москвы реки лес недели з две, а у кого^а, того он, Петр, сказать не упомнит. А потом он, Петр, пришел за Стретенские ворота в приход церкви Всемиловстваго Спаса, что в Пушкирях, в дом Коломенского полку салдата Семена Семенова сына Ворнопегова, которой ему, Петру, знаком потому, что на пред сего стоял на карауле канцелярии Тайных розыскных дел в канторе, у котораго он, Петр, в том ево доме по тому знакомству и начевывал в разные времена по одной и по две ночи не заведомо, что он беглой с фабрики, токмо бес пашпорта ж, и без объявления, и без записи, где надлежит. А пропитание имел (Л. 4) покупывал в городе в лавках кресты медные и иглы и хаживал для продажи тех крестов и игол по разным деревням в Московском уезде. А потом он, Петр, из дому

показанного салдата Семена отошед, жил в Переяславской ямской слободе в доме Милютиной фабрики ученика Ивана Иванова сына Ланского, у которого жил с месяц, времянно начевывал по ночи и по две бес пашпорта ж и без объявления, где надлежит. И сего де августа 8-го дня, как он, Петр, из дому реченного ученика Ланского пошел к празднику в Новоспаской монастырь, что словет на Новом, и будет на Балчуге, и шел по мосту, и в то время явшеи доноситель Иван Каин, взяв ево, Петра, для следствия в мошенничестве им, привел в Сыскной приказ. А окроме де вышеписанного мошенничества никакова он, Петр, воровства ни с кем не чинивал, и воров, мошенников, и разбойников болея никого нигде он не знает. А что де доноситель Иван Каин изветом объявляет, якобы он, Петр, как прежде сего, так и ныне ворует, все мошенничает, и то де он, Каин, на него, Петра, показал напрасно. А оной де Петр кроме вышеписанного мошенничества другова воровства и разбоев подлинно ни с кем нигде не чинил и в сем роспросе сказал сущую правду.

Подпись по листам: К сему роспросу Государственной вотчинной коллегии копеист Григорей Порошин вместо означенного Петра Смирнова Закутина по ево прошению руку приложил.

Помета по листам: И сей роспрос вышеписанному колоднику Петру Камчаьке в Сыском приказе предприсутствующими коллежскими ассесоры Егором Непениным, Афонасьем Сытиным читан, в чем он, Камчатка, и утверждался. Читал канцелярист Иван Фамин.

Подпись: В должности секретаря протоколист Петр Донской.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6260. Л. 2–4. Подлинник. Подписи — автографы.

Примечание: ^a В ркп.: когого.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАВО – Государственный архив Владимирской области
- ГАТО – Государственный архив Тверской области
- НИУ ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
- ПСЗРИ 1 – Полное собрание законов Российской империи, 1-е собрание
- ПСЗРИ 2 – Полное собрание законов Российской империи, 2-е собрание
- РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
- СИРИО – Сборник Императорского Русского Исторического общества
- СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в.
- ЦИАМ – Центральный исторический архив г. Москвы
- RAS – Riksarkivet Sverige (Государственный архив Швеции)

SUMMARY

Evgenij Akel'ev. Archival Material from the Case of Van'ka Kain.

This article presents original and previously unpublished documents from the case of Van'ka Kain (1741–1748). Van'ka Kain was a notorious Moscow criminal who surrendered at the end of 1741, declaring his wish to help the police round up his former associates in crime. More than one hundred criminals (professional thieves, criminal hideouts' keepers and fencers for stolen goods) were arrested by Kain and the soldiers in a few days' time. Kain was rehabilitated in the spring of 1742, becoming an official informer and detective of the Sysknoi prikaz (Office of Criminal Investigation). In such capacity he assisted in the apprehension of his past confederates, professional thieves, until 1748. The materials of his case published in this article for the first time contain unique and comprehensive information on the Moscow underworld of the 18th century.

*Galina Babkova. The Concepts *kriminal'ny* and *ugolovny* in the Draft of Catherine II's Penal Code.*

Catherine the Great handwritten draft *On the form of criminal procedure* (the second half of the 1770th – the 1780th) defined *criminal offences / ugovnue prestupleniya* as acts “strictly prohibited by the law actions” or as “failures to observe a law as relative to peace, quiet and safety of the society or the citizens”. These constituted the first attempts to define *ugolovnoe prestuplenie* in eighteenth-century Russian legal discourse that simultaneously criminalized legal infractions and linked them with the protection of citizens and the society overall. Catherine II also pioneered the use of the phrase *ugolovnoe prestuplenie*, as well as the word *ugolovny*. In the empress's drafts and statutes the word *ugolovny* re-

placed *kriminal'ny*. This substitution reflected Catherine II's intention to have new penal legislation correspond to the "genius" of the nation; it had to be put in force in "concise", "simple" and "native" words. Such "purity" would result in a uniform language of the law, comprehensible to everyone and guarantee the stability of the state. The last point was of the highest importance: laws "impressed in the minds of the people "the idea of the state". Misinterpretations brought about by vague and imprecise terms could undermine this idea and bring the state and the society to the collapse. New terms and concepts of the law were integral parts of Catherine II's legal policy. They articulated the idea of the state's obligation to institute criminal proceedings against all attempts to transgress or encroach upon the individual rights of the person. In Russia, this language marked serious shift in the relations between the subjects and the state, an attempt to secure the safety and property of every citizen was making path toward the political liberty of a modern state.

Ekaterina Boltunova. **"Learn the Most important Facts of Bygone Times": History and the Idea of Preeminence in the Upbringing of Russian Royal Heirs in the 18th Century.**

This article discusses a Russian educational project from the 1720s that was presumably written by Andrey Osterman, who had been appointed governor to the young emperor Peter II. The proposal had been approved by The Supreme Privy Council and had been presented as a comprehensive plan for the further education of Peter II. Whether the plan was realized remains unclear. Nevertheless, the text itself offers a basis for examining the educational principles that were employed to meet the need of power discourse. The author argues that unlike educational priorities accepted under the first Russian emperor Peter I, who promoted mathematics and technical subjects, his grandson Peter II was to be brought up according to a curriculum program based primarily on history and geography. The article's second part situates this pedago-

gy in the changing ideas of this short time span, and it evaluates the Russian Royal Court's interest in Osterman's project in the early 1760s. The original text of the manuscript, currently at the Russian State Archives of Ancient Documents (RGADA) is included as an appendix to the article.

Victor Borisov. **Property Differentiation and Social Mobility of Peasants in the Irbitskiya settlement in Seventeenth-Century Siberia.**

The article investigates changes in the size of arable land possessed by particular peasant's household in Irbitskaya settlement (Western Siberia). It argues that the changes were similar to those among peasants from Central Russia in 19th century. Peasant's plots changed the size often between 1659 and 1680; by the end of the period only about thirty-five percent householders cultivated plots of the same size. The dynamics in both eras probably stemmed from variations in the number of adult men in households: households with small amount of arable land either expanded or disappeared (that was more probable). In Siberia, however, most of the median households grew larger, whereas in Central Russia the holdings and size of middle strata households did not change significantly.

Svetlana Kalinina. **The Bribery Case of Vladimir Province in the 1780s.**

This article is devoted to the case of bribes that were given during recruitments in Vladimir province after the Provincial reform 1775. The research establishes the number of participants, among whom were a large number of provincial officials. Using documents from the Senate and from the Criminal Court of Vladimir, the author reconstructs the course of the case and the conduct of its participants, including Prince M. M. Shcherbatov — reknowned historian and statesman.

Marina Fadeeva. Marriage in the Lives of Students at Moscow University during the Late Nineteenth and Early Twentieth Century.

Russian legislation from 1830 allowed young men of 18 to marry legally. Did students of Moscow university have the opportunity to do so? The average university student was 21, both at Moscow University and elsewhere in the Empire. However, in 1885 student marriages were prohibited, according to the dictates of the Minister of Education Dmitrii Tolstoy sent in 1880. Tolstoy's requests are available in the archives, but these collections failed to yield additional documents that might shed light on these changes. Nevertheless I have been able to establish that after 1892 students did in fact begin to apply for permission to marry. From 1892 to 1904 229 students succeeded in gaining permission. In comparison to the overall number of students at Moscow University these figures seem unimpressive. Still they were substantial enough to have very likely influenced future legislation, as the draft project (never published) of 1899 of new regulations for students included a section dedicated to permitting students' marriages.

Igor Fedyukin. Honor Elevates the Mind and the Will to Use It": The Reform of Noble Service and the Theoretical Foundations of Estate Policy in the 1730s.

The article offers an explanation for the government's thinking in the reforms of noble service undertaken during the reign of Empress Anna in 1736-37, which paved the way for the emancipation of the noble estate in 1762. It argues that the reform should be viewed primarily not as a product of a pressure put on the government by the nobility, but rather as a reflection of changing attitudes towards human nature in general and noble behavior in particular. A wide variety of official documents, policy projects, school regulations, etc., is employed to reconstruct a new paradigm of human nature and noble behavior shared by Anna's "German" ministers and to link the reform to other policy initiatives of the period.

Maya Lavrinovich. Police in Action: Who Was Consigned to Houses of Work and Correction in Moscow in the late 18th century, and How?

The article presents a demographic and socio-economic profile of Muscovites confined in the work- and correctional houses in the 1780s – early 1800s. Analyzing two categories of violators, those punished for “immoral behaviour,” such as prostitution or illicit cohabitation, and those punished for petty theft, the author reconstructs one of the *social spaces* of an early modern city. The interrogation records of those detained by Moscow police are employed to investigate the life strategies of such modern social strata as soldiers’ wives, female manufactory workers, as well as traditional ones, such as *dvo-rovye* (household servants) and serfs working in the city.

Andrey Matison. Materials for the History of Everyday Life among Orthodox Clergy in Russia during the Eighteenth Century in the Consistory Documents

Archival materials from Orthodox are important sources on the history of everyday life of Russian clergy during the eighteenth century. The article examines such materials from the Tver consistory. These sources shed light on the relationship clergy with representatives of other estates and with each other, matrimonial relations, property, diseases, violation of the deanery and other aspects of the history of everyday life the clergy of the Tver diocese.

Galina Shebaldina. The “Northern War” of the Resident Khilkov.

This article is dedicated to Prince Andrew Khilkov. Before the start of the Great Northern War, Peter I sent him to Sweden, and in September 1700 he was interned. Despite all the difficulties, he provided considerable assistance to his countrymen in captivity, and sent out interesting information to Russia. One of the authors of the first study on the history

of the Russian state, Khilkov could not return to his homeland and he died in captivity in 1716.

Evgeny Trefilov. Once Again about “Baby” [Wenches] on the Russian Throne, or Some Observations on How Pugachev’s Followers Thought of Catherine II.

This article is devoted to popular attitudes towards female rule in eighteenth-century Russia in general, and especially to the views of the participants in the Pugachev Rebellion of 1773-1775 towards Catherine. Our sources confirm the traditional assertion that the popular classes were for the most part negatively disposed towards the empresses and expressed their displeasure in different verbal forms. At the same time, we find abundant evidence that this was not a universal attitude and some even saw in female rulers potential defenders of “the people.” Even for the participants of the Pugachev Rebellion, which was seemingly directly opposed to Catherine II, the empress was not the main enemy. The interrogation records of Pugachev and his lieutenants and even their manifestos showed a good deal of restraint in expressing negative feelings for Catherine. Multiple factors account for this reticence on part of the rebellion’s leadership, but one most likely is the ambiguity and variability of rebel soldiers’ and sympathizers’ attitude to the empress.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акельев Евгений Владимирович — кандидат исторических наук, Ph.D., доцент кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Лаборатории социально-исторических исследований НИУ ВШЭ, специалист РГАДА. Автор книги «Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина» (М., 2012) и ряда статей по социальной истории XVIII в.

Бабкова Галина Олеговна — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ. Автор ряда статей по истории России XVIII в., составитель сборника документов «Екатерина II. Избранное» (автор вступ. ст. А.Б. Каменский, сост., автор коммент. Г.О. Бабкова. М., 2010).

Болтунова Екатерина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент факультета филологии НИУ ВШЭ. Автор монографии «Гвардия Петра Великого как военная корпорация» (М., 2011) и более 60 статей, научный редактор двухтомника по символике власти (Труды «Русской антропологической школы» (Отв. ред. Е.М. Болтунова). М., 2011. Т. 8–9), составитель сборника документов «Самый памятный день войны. Письма-исповеди» (Сост. Н.К. Петрова, Е.М. Болтунова. М., 2010).

Борисов Виктор Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной истории НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Лаборатории социально-исторических исследований НИУ ВШЭ, ведущий специалист РГАДА. Автор ряда статей по истории Западной Сибири в XVII в.

Калинина Светлана Геннадьевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник ГМЗ «Царицыно», автор более 20 статей о М.М. Щербатове, составитель, автор введения и комментариев книг «Щербатов М.М. Избранные труды». (М., 2010), «Переписка князя М.М. Щербатова» (М., 2011).

Лавринович Майя Борисовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра источниковедения факультета истории НИУ ВШЭ. Автор ряда работ по истории городских реформ и нижних городских слоев во второй половине XVIII в. Редактор-оставитель сборника (совместно с И.И. Федюкиным): *Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет / Пер. с англ. Е. Лемешева и А. Митрофанова.* М., 2013.

Матисон Андрей Викторович — кандидат исторических наук, заведующий отделом Центрального государственного архива города Москвы, автор книг «Генеалогия православного приходского духовенства России XVIII — начала XX веков: История рода Мощанских» (М., 2000); «Духовенство Тверской епархии XVIII — начала XX веков: Родословные росписи». (Вып. 1—8. СПб., 2002—2007; М., 2011—2014); «Православное духовенство русского города XVIII века: генеалогия священно-церковнослужителей Твери» (М., 2009); «Переписные книги Твери XVII века» (Составление, вступительная статья, комментарии. М., 2014).

Трефилов Евгений Николаевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ, автор ряда статей на русском и иностранных языках по истории движений социального протеста в России XVII—XVIII вв.

Фадеева Марина Владиславовна – студентка
4 курса бакалавриата факультета истории НИУ ВШЭ.

Федюкин Игорь Игоревич – Ph.D., директор Центра источниковедения факультета истории НИУ ВШЭ, доцент кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ. Автор ряда статей по различным проблемам истории России XVIII в. Редактор-составитель сборника (совместно с М.Б. Лавринович): *Гриффиц Д. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет / пер. с англ. Е. Лемешева и А. Митрофанова. М., 2013.*

Шебалдина Галина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средневековья и нового времени РГГУ. Автор монографий «Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII века» (М., 2005), «Karolinska krigsfångar i Sibirien» (Stockholm: Svenskt militärhistoriskt bibliotek, 2010), а также статей на русском и иностранных языках.

Научное издание

**ГИШТОРИИ РОССИЙСКИЕ,
ИЛИ
ОПЫТЫ И РАЗЫСКАНИЯ**

*к юбилею
Александра Борисовича
Каменского*

Сборник статей

Редактор:
В.П. Терехов

Оформление и макет:
С. С. Ермолаев

Гарнитура «AcademyOS». Формат 84×108/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 15.
Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К».
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81а.
Тел.: +7 (4872) 47-08-71; тел./факс: +7 (4872) 49-76-96